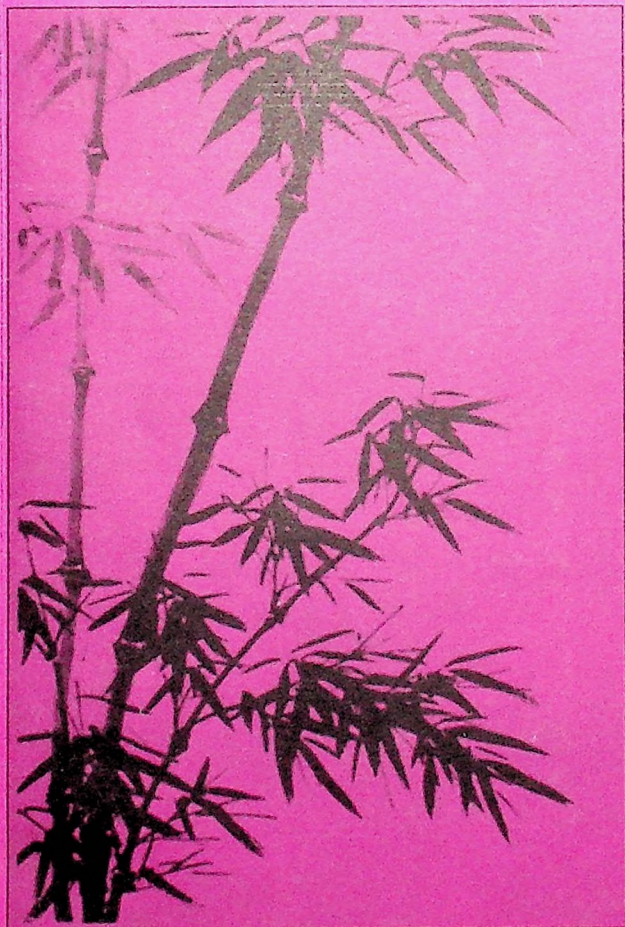

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/2016

США — КНР — РФ: специфика
отношений на современном этапе

Европейская политика Пекина

Экономический «треугольник»
Россия — Китай — Монголия

Китайский ВПК

Сахалин и Курильские острова
в европейской литературе

Всемирная конференция
китаеведов в Шанхае

3-й этаж

28 октября 2013 г. была достигнута договоренность об обменах и сотрудничестве между журналами «Проблемы Дальнего Востока» (РФ) и «Форум Северо-Восточной Азии» Цзилиньского университета (КНР). Соответствующее соглашение подписали главный редактор ПДВ, доктор экономических наук, профессор В.Я. Портяков и главный редактор «Форума Северо-Восточной Азии», профессор Чжу Сяньпин.

Журнал «Форум Северо-Восточной Азии» основан в 1992 г. и является одним из основных китайских журналов, освещающих вопросы политики, экономики, международных отношений, историко-культурного и межрегионального сотрудничества в регионе Северо-Восточной Азии. С 2012 г. финансируется государственным социально-научным целевым фондом, входит в индексы ведущих китайских научных журналов.

Журнал руководствуется в своей деятельности лозунгом «опоры на политику реформ и открытости, расширение сотрудничества с сопредельными странами, популяризацию региона Северо-Восточной Азии». Он вызывает широкий интерес во многих странах мира. Журнал нацелен на освещение различных точек зрения и теоретических новшеств в исследуемой области, в частности, проблем региональных «горячих точек» и актуальных острых тем.

В 2014 г. основными темами «Форума Северо-Восточной Азии» являются Азиатско-Тихоокеанская стратегия США и вопросы реформ в СВА, проблемы межрегионального сотрудничества и экономического развития в бассейне реки Тумэнь и экологического сотрудничества между сопредельными странами, тематики «нового Шелкового пути», проблем Корейского полуострова, путей сообщения в Северном Китае, проблем международной безопасности и строительства энергетической системы в СВА, проблем экономики, демографической ситуации и окружающей среды в различных странах региона и вопросов

Руководящий орган: Министерство образования КНР

Учредитель: Цзилиньский университет

Редакция: «Форум Северо-Восточной Азии» (г. Чанчунь)

Телефон: 0431-85168728

Сайт: <http://dbyl.cbpt.cnki.net>

E-mail : dbylt2009@qq.com

Единый государственный номер: CN 22-1180/C

Международный стандартный номер: ISSN 1003-7411

Зарубежное издание: Международная книжная торговая корпорация
(Пекин 399 почтовый ящик)

Иностранный код: BM715

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

1/2016

Январь — Февраль

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
РАН

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

Бергер, д.и.н., (зам. главного редактора), О.Н. Борох,
А.В. Виноградов, д.полит.н., А.Д. Воскресенский,
г.н., проф., С.А. Горбунова, д.и.н., А.С. Давыдов, к.и.н.,
главного редактора), В.Г. Дацышен, д.и.н., проф.,
Евбин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф.,
Корнеев, к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина,
г.н., А.В. Ломанов, д.и.н., С.Г. Лузянин, д.и.н., проф.,
Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева (ответственный
секретарь), Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик
РАН, В. Новоселова, д.э.н., А.В. Островский, д.э.н., проф.,
Петромов, д.и.н., В.Е. Петровский, д.полит.н.,
Семойлов, д.и.н., С.С. Суслина, д.э.н., М.Л. Титаренко,
кандидат наук РАН.

Иностранные члены редколлегии

Акино, проф., директор Института китайских
исследований (Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф.,
национальный центр исследований по общественным наукам
(Париж, Франция), У Эньюань, проф., Академия
наук Китая (Пекин, КНР), Ху Аньган, проф.,
Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу Сяньпин, проф.,
Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. редакцией
Г.П. Манчха редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии
А.В. Шлындов зав. отделом Японии

Содержание

От главного редактора	4
ПОЛИТИКА	
<i>А.С. Давыдов.</i> Китай, США и Россия между сотрудничеством и соперничеством	5
<i>А.О. Виноградов.</i> КНР — европейские страны: структура многостороннего сотрудничества	20
<i>Се Чжэнчжэнь.</i> Российско-китайские отношения на современном этапе и перспективы их развития	29
<i>Н.З. Мосаки.</i> Эволюция политики КНР в отношении Иракского Курдистана	40
<i>П.С. Варюшин, И.С. Тихоцкая.</i> Политическая модель и электоральный ландшафт Японии и США: сравнительная характеристика	54
ЭКОНОМИКА	
<i>Ли Цзинъюй, Чжан Чэньяо.</i> О стратегии сотрудничества Китая и России на северном маршруте Морского Шелкового пути XXI века	64
<i>М.В. Жариков.</i> Контрактный курс юаня в приграничной торговле российского Дальнего Востока	73
<i>К.А. Ефремова.</i> Региональное сотрудничество в зоне Большого Меконга и стратегии внерегиональных держав	85
<i>З.Б.-Д. Дондоков, Г.О. Борисов, В.О. Намжилова.</i> Россия — Монголия — Китай: перспективы трехстороннего сотрудничества	93
ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО	
<i>А.П. Тарасов.</i> Русская национальная волость Эньхэ в Барге: проблемы национальной идентичности русских в приграничном Китае	102
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО	
<i>П.Б. Каменнов.</i> Военно-промышленный комплекс КНР на современном этапе	122
ИСТОРИЯ	
<i>А.В. Ломанов.</i> Инь Хайгуан и трансформация китайского либерализма в середине XX века	137
<i>М.С. Феденева.</i> Концепция «нового ревизионизма» и борьба с советским влиянием в КНДР в первой половине 1960-х годов	149
<i>М.А. Бордаков.</i> Особенности освещения русско-японской войны 1904–1905 гг. на страницах дальневосточной прессы	157

КУЛЬТУРА

<i>Е.А. Иконникова.</i> Сахалин и Курильские острова в европейской литературе: краткий обзор	163
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>С.В. Уянаев.</i> Трехстороннее взаимодействие «Россия — Монголия — Китай»: старт научного диалога	170
<i>А.В. Ломанов, В.Я. Портяков.</i> Шестой всемирный форум изучения Китая	173

РЕЦЕНЗИИ

<i>Г.Д. Толорая.</i> Смит Х. Северная Корея: рынки и военная диктатура.	179
<i>Ю.Д. Анчабадзе.</i> Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта.....	180
<i>В.А. Гринюк.</i> Сиобара Тосихико. Украинагейт: злые умыслы «неоконсерваторов» и их манипуляции с информацией.....	183
Contents	186
Summary.....	188

От главного редактора

Уважаемые читатели!

В 2016 год журнал «Проблемы Дальнего Востока» вступает в обновленном качестве. В соответствии с требованиями нормативных документов Министерства образования и науки Российской Федерации значительно изменен состав редколлегии журнала, улучшены структура и наполнение его сайта. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по трем направлениям: экономические науки, политология, исторические науки и археология. Это налагает на редколлегию и редакцию соответствующие обязательства.

В 2016 г. мы будем уделять приоритетное внимание итогам завершившейся и ориентирам новой пятилетки в КНР, динамичным процессам в мирохозяйственных связях – от создания Нового Шелкового пути и практического запуска Транстихоокеанского партнерства до ускоренного развития экспериментальных китайских зон свободной торговли (Шанхай, Биньхай, Фуцзянь, Гуандун) и становления режима свободного порта во Владивостоке. Предполагаем углубленно освещать проблемы и перспективы российско-китайского экономического сотрудничества.

Намерены объективно и своевременно отражать на страницах журнала всю палитру непростых и находящихся в движении международных отношений в Восточной Азии. Полагаем, что благодаря тщательному отбору публикаций по указанным приоритетным направлениям, а также по культуре и философии стран региона, журнал «Проблемы Дальнего Востока» упрочит свой авторитет в научном сообществе. Надеемся сохранить комплексный характер издания, позволивший ему войти в число научных журналов, которые формируют базу данных Российского индекса научного цитирования (PSCI) на платформе Web of Science.

С Новым годом, уважаемые читатели! Всего вам самого доброго!

Оставайтесь с нами!

Владимир Портяков

Политика

Китай, США и Россия между сотрудничеством и соперничеством

© 2016

А.С. Давыдов

В статье содержится анализ так называемых «острых углов» — проблемных моментов во взаимоотношениях Китая с Россией и США. Дается оценка перспектив развития американо-китайско-российских взаимосвязей в условиях трансформирующейся глобальной архитектоники.

Ключевые слова: КНР, США, Россия, взаимодействие, соперничество, миропорядок, глобальная архитектоника.

Мировая архитектоника, определяемая политологами как «органическое соединение образующих современный мир отдельных стран, регионов, частей света в композиционно целостное мировое пространство», находится ныне в процессе постоянной трансформации. На протяжении последних десятилетий важнейшими участниками и в определенном смысле движущими силами этого процесса выступают Китай, США и Россия. Именно их шаги и взаимоотношения на мировой арене породили целый ряд событий, результатом которых стали те глубинные глобальные изменения, которые мы наблюдаем.

Распад СССР в начале 1990-х годов обозначил крах биполярного мира, сложившегося вскоре после окончания Второй мировой войны на фундаменте идейно-политической конфронтации двух мировых систем. Возникший в итоге постбиполярный мир, который большинство исследователей именуют «монополярным», выглядит сегодня как промежуточный этап геополитического развития. «Глобальное доминирование Запада заканчивается, а многополярный мир еще не сложился и неизвестно, сложится ли окончательно»¹, — справедливо полагают они.

Среди причин такой неопределенности, имеющих комплексную — экономическую, политическую и военно-стратегическую основу, не в последнюю очередь фигурируют разнонаправленные векторы устремлений и диаметрально противоположные цели, которые преследуют участники ведущей мировой «тройки».

Так, Соединенные Штаты, все еще пребывающие в эйфории от ореола «победителя в холодной войне», несмотря на множество собственных проблем не готовы и не спешат отказываться от роли «лидера повсюду». Их намерение осуществлять глобальное доминирование не синонимично, однако, стремлению к «мировому господству», в чем

Америку постоянно обвиняют настроенные против нее политики и СМИ. Сил для такого господства, по признанию руководства США, у них сегодня явно недостаточно. Поэтому взамен роли «всемирного полицейского» они взяли на себя функции «главного консультанта по экономическому и политическому обустройству режимов менее развитых стран»², диапазон идеологической ориентации которых варьируется от подобия демократий до авторитарных диктатур. А сферы американского реального, «физического» вмешательства ограничиваются теми регионами, где у США присутствуют конкретные стратегические и финансово-экономические интересы. Одним из них является Ближний Восток с его «нефтеносным Клондайком». В другом регионе — АТР — их беспокоят амбиции нарастившего комплексную мощь Китая. Однако неправомерно, на наш взгляд, утверждать, что в мотивах международного поведения США преобладают исключительно тяга к гегемонизму и махровый прагматизм.

Для многорасовой нации, конми являются США, сформированной переселенцами из Старого Света, главными всегда оставались дух свободы, независимости и демократические устремления. Им были искони присущи и отчасти по сей день свойственны идеалистическое восприятие окружающей действительности и искренняя вера в то, что только созданная на американской земле политическая и экономическая система заодно способна осчастливить и все остальное человечество. Поэтому Америка готова помогать другим народам насаждать и культивировать ее любыми средствами и способами, вплоть до военных.

Китай, вступивший после Олимпиады в Пекине и мирового кризиса 2008 г. в стадию перехода от позиции региональной в статус глобальной державы, изменил модель и качество своего внешнего поведения. С одной стороны, он проявил стремление диверсифицировать и активизировать политические и торгово-экономические связи, причем не только со своими давними партнерами, преимущественно соседями по региону, но и с заинтересованными в упрочении отношений с КНР странами, расположенными на других континентах, в частности, в Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке.

С другой стороны, реагируя на обращенные против него вызовы и одновременно действуя в духе новоприобретенного статуса, Китай занялся укреплением своего стратегического положения в АТР, переформатированием в собственных интересах прилегающих морских зон, что вызвало резко негативную реакцию со стороны ряда азиатских государств и крайнее недовольство у Вашингтона.

На основании этих действий Китая некоторые наблюдатели сделали вывод об отходе нынешнего руководства страны во внешней политике от постулатов теоретического наследия Дэн Сяопина, завещавшего якобы последующим поколениям лидеров КНР сосредоточиться на внутреннем строительстве державы и не стремиться «чрезмерно высовываться вовне». При этом умалчивались два момента: наказ Дэна «копить силы» и намек на то, что срок действия его указаний был ограничен во времени полутора-двумя десятилетиями. Ибо в противном случае процесс «накопления» лишился логики и смысла, поскольку возникал вопрос: «А для чего копить?»

Одновременно осложнилось положение внутри страны. Переориентация в экономике КНР с преимущественно экспортной модели на сочетание ее с приоритетным развитием внутреннего потребления сопровождалась, в условиях внесения корректировок в финансовую систему государства, снижением темпов экономического роста, что привело к возникновению признаков реальной кризисной ситуации. Все это, в свою очередь, несколько замедлило скорость «внешнеполитической активизации» Китая.

В сложном положении оказалась и Россия. Неоправданно затянувшийся процесс выбора ею векторов и ориентиров собственного развития характеризовался метаниями между западным и восточным курсами соответствующих стратегий. Несоответствие экономического и державного статуса территориально-географическим масштабам, запасам

ресурсов и реальному потенциалу страны умаляло ее глобальную значимость и порождало среди российского руководства ощущение «геополитической неполноценности».

Падение мировых цен на нефть, в совокупности с экономическими санкциями Запада в отношении России в связи с Украиной и Крымом, фактически затормозило и без того медленный рост российской экономики, ввергнув страну в пучину кризисной стагнации. Для поднятия престижа и повышения авторитета РФ на мировой арене ее руководство отдало предпочтение не экономическим, а военным рычагам, активно включившись в боевые действия против сил террористов т.н. «исламского государства», действующих на территории Сирии.

Такой путь не выглядел бы тупиковым или бесперспективным, если бы борьба России с ИГИЛ приносила плоды не только в искоренении терроризма, с которым, кстати, пока никому покончить не удалось, но и в повышении наших ставок в игре вокруг мировых цен на нефтяном рынке.

События, связанные со сбитым Турцией российским истребителем, похоже, косвенно подтвердили эту неафишируемую причину нашего участия в сирийской акции. Но желаемого результата России пока добиться не удалось. В качестве другой возможной причины ее активизации в Сирии напрашивается вывод об учебно-тренировочном характере боевых действий российской авиации как подготовки к более серьезным военным миссиям.

РФ — КНР: изъяны и шероховатости партнерства

Установление при поддержке Б. Асада или без него российского контроля в Сирии, возможно, могло бы содействовать продвижению к искомым целям. Но не стоит забывать, что побочным итогом подобного развития событий для России могут оказаться не только выгоды, но и огорчительные последствия.

Так, в вопросе нефтяного ценообразования российские интересы расходятся, к примеру, с интересами Китая — нашего главного стратегического союзника на данный момент, который приобретает нефть преимущественно на Ближнем Востоке и в связи с этим вынужден «подстраиваться» под конъюнктуру, формируемую там арабскими союзниками США.

Это невыгодно для России, официальные отношения которой с КНР, по их обоюдному признанию, сегодня «тесны как никогда прежде, а степень взаимного доверия между руководителями двух стран достигла беспрецедентного уровня».

Мы по существу одинаково оцениваем как события прошлого, так и современную ситуацию, что составляет позитивную основу для дальнейших совместных шагов в направлении воссоздания новой мировой архитектуры, покоящейся на фундаменте многополярности или полицентричности, т.е. на тех самых принципах, главенство которых на глобальном уровне формально отстаивают и Россия, и Китай.

Однако это не должно мешать объективной оценке потенциальных пределов российско-китайского взаимодействия. Нелишне не только суммировать то, что нас объединяет, но больше сосредоточиться на нестыковках и расхождениях, существующих между Россией и Китаем, которые, отражая специфику национальных интересов каждой стороны, одновременно способствуют ослаблению нашей общей позиции по противодействию доминированию США.

Таких пунктов несколько, но общим главным заблуждением и российских, и китайских экспертов, выстраивающих схемы «совместного противостояния американскому экспансионизму», является постулат об «очевидной взаимодополняемости и совместности экономик и идентичности политических курсов КНР и РФ». Этот миф опровергается как показателями, характеризующими, например, торгово-экономические взаимосвязи России и Китая, с одной стороны, и КНР и США, с другой, так и расхождениями в политике КНР и России по ряду ключевых региональных проблем.

Что касается российско-китайских связей в торгово-экономической области, то несмотря на констатацию прогресса в их развитии, в них сохраняются серьезные дисбалансы, главными из которых остаются незначительная доля России во внешней торговле Китая и сырьевой характер российского экспорта в КНР. Взаимозависимость экономик двух стран крайне мала, и их торгово-экономические отношения заметно отстают по темпам, уровню и масштабам развития от российско-китайского политического и стратегического диалога. Порою складывается впечатление, что Китай разделяет своих партнеров на экономических и политических, и Россия относится скорее к разряду вторых, чем первых.

Из характеристик торгово-экономических взаимоотношений КНР с США и Россией очевиден вывод, что Китай не поступится своей реальной экономической выгодой ради «фьючерсных» политических дивидендов. Другой вывод состоит в том, что подлинное, а не декларативное взаимодействие Китая и России в противовес США возможно лишь в тех сферах и на тех направлениях, где со стороны Америки существуют угрозы параллельным, но не пересекающимся интересам двух наших стран.

В подтверждение приведем пример обеспокоенности Китая развитием ситуации в Центральной Азии, где, согласно прогнозам СМИ, «возможно повторение украинского сценария»³. Это утверждение было основано на укреплении связей Казахстана и Туркмении с США, в том числе в военной области, с целью якобы «защиты от негативных воздействий на них ситуации в Афганистане и уменьшения зависимости от Москвы».

Интересы Китая по противодействию США в ЦА в этом случае совпали с российскими, но до определенных пределов: как один из самых главных потребителей туркменского газа, перехвативший этот статус у России, Китай готов сотрудничать с ней в ограничении американского влияния в регионе, однако без ущерба для интересов Туркменистана — основного российского конкурента на центрально-азиатском газовом рынке.

В подобных условиях Соединенным Штатам легче играть на китайско-российских противоречиях, одновременно усиливая свои позиции в Центральной Азии. Получается, что основы продекларированного РФ и КНР стратегического партнерства ослабляются их взаимным региональным соперничеством.

Еще одной иллюстрацией сложности, возникающих в российско-китайском взаимодействии, является поиск консенсуса по проблеме сопряжения проекта построения Экономического пояса Шелкового пути, предложенного Китаем, с российской идеей формирования Евразийского экономического союза. Очевидно, что в случае реализации этого замысла продвижение обеих стран к достижению главной намеченной ими цели было бы более легким. Однако путь в этом направлении связан с преодолением многих трудностей.

Не секрет, что реакция на китайский проект в России была достаточно осторожной и сдержанной. Для нее имелись внешние причины, связанные, в частности, с публикацией в октябре 2013 г. в правительственной печати КНР ряда материалов, оценивавших преимущества, которыми Китай якобы располагает в Центральной Азии по сравнению с Россией и США. Одновременно ряд китайских экспертов высказали мнение о том, что «самым большим вызовом» проекту Китая на пространстве Центральной Азии является налаживание отношений с Россией.

Внимание российской стороны привлекла также характеристика ЭПШП авторитетными китайскими экспертами как «инновационной модели сотрудничества, которая не содержит в себе интеграционных намерений, не преследует целей создания формального сообщества и направлена исключительно на улучшение среды многостороннего сотрудничества и налаживание эффективных партнерских отношений». В сочетании с тезисом о необходимости развития западных регионов КНР, перечислением маршрутов прохождения транспортных коридоров и рядом других соображений китайской стороны ее инициатива могла быть воспринята как скрытая идея укоренения и укрепления китайского лидерства.

На основе нарастающего расхождения интересов двух стран на постсоветском пространстве возник скептицизм при анализе проектов российско-китайского транспортного взаимодействия. Причина, лежащая на поверхности — неуклонно растущий товарооборот Китай—Европа и пути его перемещения.

Так, по данным таможенной статистики КНР, через Маньчжурию и Алашанькоу сухопутным путем в Европу в 2014 г. было отправлено грузов на сумму около 5 млрд долл., что составило менее 1% стоимости объема торговли между КНР и ЕС. Но Россия в контексте китайского проекта заинтересована в том, чтобы после прохождения сухопутных китайских грузов через территории КНР и Казахстана они шли затем не в обход ее, а, принося транзитную прибыль, стабильно выходили на российские железные дороги, ведущие далее в Восточную или Западную Европу.

Кроме того, между РФ и Китаем имеются определенные различия во взглядах на экономическое развитие региона Центральной Азии, деятельность ШОС и других региональных структур.

К примеру, в правительственной Концепции КНР от 28 марта 2015 г. подчеркнуто, что фундаментальным приоритетом проекта является продвижение зон свободной торговли. Как это будет сочетаться с торговыми ограничениями, предусматриваемыми для своего внутреннего рынка уже действующим Евразийским экономическим союзом, пока не вполне ясно. Не случайно в совместном майском заявлении 2015 г. о сопряжении проектов двух стран об этом было сказано в весьма осторожных формулировках.

Что касается Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), то в России бытует мнение, что, обладая внушительным потенциалом, она, тем не менее, не является полноценным институтом региональной безопасности и продолжает находиться в поисках собственной идентичности. Механизм взаимодействия ШОС исключает применение силы или угрозы силой, ведение военной деятельности при нарушении стабильности в регионе.

С учетом опасений, что одной из целей экспансии ИГИЛ, стремящегося распространить халифат на все пространство «Большого Ближнего Востока», может стать Центральная Азия, в российской экспертной среде поговаривают о необходимости усиления военно-политической составляющей ШОС. Со своей стороны, Китай в базовой стратегии организации отдает приоритет экономической проблематике.

Она, безусловно, актуальна и для России. Как отмечалось выше, «подтягивание» экономической составляющей наших отношений с Китаем до уровня политической — первейшая задача в укреплении российско-китайских взаимосвязей, для решения которой пригодны любые форматы, как двусторонние, так и многосторонние.

Оценивая свой визит в КНР в декабре 2015 г. для участия в заседании глав правительств стран-членов ШОС и ряде других мероприятий, российский премьер Д. Медведев после встречи с премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном подчеркивал, что «отношения России и Китая вышли на особый уровень и начали приносить плоды экономикам двух стран и людям, которые в них живут»⁴. В ходе его поездки в Китай было подписано 33 документа, в том числе по совместным проектам в сельском хозяйстве и энергетике, где продолжается работа по строительству газопровода по восточному и западному маршрутам. По словам Медведева, стороны подтвердили взаимное желание увеличить к 2020 г. объем двусторонней торговли до 200 млрд долл.

Однако, по признанию некоторых экспертов, комментировавших визит, несмотря на множество имеющихся соглашений между РФ и КНР, способствующих активизации и значительному расширению двустороннего сотрудничества, структура его главного компонента — торговли — пока «не отражает конкурентные преимущества экономик обеих стран». Поэтому расширению и определенной гармонизации их торгово-экономического взаимодействия «может способствовать устойчивое наращивание инновационно-модернизационного вектора экономического развития Китая и России»⁵.

На фоне визита обратила на себя внимание резкая критика положения в российской экономике и ее перспектив, высказанная сразу после отъезда Д. Медведева из Китая в статье государственного агентства «Синьхуа». Примечательно, что Китай, до последнего времени традиционно сохранявший сдержанность в оценках ситуации в России и старавшийся всячески выказывать свое расположение к ней, на этот раз не удосужился скрывать недовольство и раздражение не только в отношении разразившегося в ней кризиса, но и по поводу препятствий, которые возникли в его результате на пути китайско-российского сотрудничества.

Объективно России и Китаю друг без друга не обойтись. КНР необходимы российские энергоресурсы и геополитическая поддержка, а России — разнообразная промышленная продукция КНР и ее вес и влияние в АТР. Линия на дальнейшее укрепление всесторонних связей с Китаем определенно отвечает российским интересам. Это важно не только в силу их самоценности, но и как страховка от неприятной и потенциально не исключенной полностью перспективы оказаться на обочине каких-либо китайско-американских проектов во вред России.

Стратегически Россия для КНР — не только безопасный тыл, но и опора при формировании искомого и вожеленного обеими сторонами нового мирового и регионального порядка. Однако в Китае в последнее время стали как будто забывать об этом, увлекшись выстраиванием различных иных геополитических комбинаций. Двойственная позиция КНР по вопросу Крыма, как и лавирование в свое время по проблемам Абхазии и Южной Осетии, не вполне созвучны принципам и духу «стратегического партнерства».

В сложившейся сегодня ситуации формула «всеобъемлющего стратегического партнерства» перестала, на наш взгляд, адекватно отражать глубину взаимосоприкосновения российско-китайских интересов и парадигму взаимодействия двух стран. Укрепление связей по военной линии, постоянные продажи современных российских вооружений в КНР, а также регулярные совместные военные и морские учения перешагивают рамки этой расплывчатой формулы, универсально применяемой китайцами и к характеристике своих отношений с другими государствами мира. Ее трансформация применительно к российско-китайским связям в «отношения всеобъемлющего взаимодействия в рамках полного геополитического согласия и стратегического единства» более четко и качественно воспроизведет их состояние.

При окончательном определении с выбором модели будущего мироустройства Китаю и России видимо придется решать, что для них важнее — консолидированные действия для достижения совместно поставленной цели, или собственные, более узкие по сравнению с глобальными планами, замыслы каждой из сторон.

Из выступлений ряда представителей китайской стороны на состоявшейся 29 мая 2015 г. в Москве совместной российско-китайской конференции под эгидой Российского совета по международным делам (РСМД)⁶ следовало, что Китай видит в России, в первую очередь, некую контр-силу, способную совместно с ним противостоять тем действиям США в АТР и на глобальном уровне, которые идут вразрез с китайскими интересами.

Это вынудило некоторых российских экспертов заметить, что на основе старых подходов никаких проблем безопасности в Восточной и Северо-Восточной Азии сегодня решить нельзя, и для этого нужны новые инструменты и новые идеи. Среди них может, однако, обнаружиться и «хорошо забытое старое», включая предложение реанимировать идею трансконтинентального моста «Азия — Америка», возникшую еще в XIX веке.

Возможность ее реализации в опоре на современные межрегиональные институты подводит к выводу, что построение системы безопасности в АТР без участия США представляется нереальным.

КНР — США: столкновение двух тенденций

На протяжении двух-трех последних лет в отношениях между США и КНР проявилось сочетание двух разнонаправленных тенденций: с одной стороны — стремления к взаимному ослаблению конфликтности, сглаживанию, а порою камуфлированию разногласий и поиску реальных компромиссов, а с другой — все более обостренного восприятия каждой из двух стран «пересечений» со стороны ее визави т.н. «красных линий» — разграничителей ее собственных региональных или глобальных интересов.

Обе эти тенденции отражаются в разбросах оценок перспектив дальнейшего развития китайско-американских отношений. По определению известного политолога С.Г. Лузянина, часть из них «строится на приоритете роста взаимозависимости (двух стран) в финансово-экономической сфере, которая автоматически «купирует» региональные и геополитические противоречия, является гарантией от конфликта»⁷. А другой, диаметрально противоположный подход предполагает «неизбежный рост противоречий (вплоть до военного конфликта), который не может быть смикширован усилением финансово-экономической зависимости».

При этом, по мнению российского политолога, «подъем Китая и переход его в новую весовую категорию сверхдержавы... только усиливает внутреннюю китайско-американскую конфликтность, которая всегда будет присутствовать в отношениях Китая и Америки, поскольку обусловлена противоположными геополитическими интересами»⁸.

Это действительно так. В вопросе стратегической стабильности взаимоотношения США и КНР по существу давно близки к тупиковым, поскольку ни Вашингтон, ни Пекин, приняв на себя обязательства и обещания по предотвращению взаимных конфликтов, до сих пор не удосужились совместно разработать или предложить друг другу какую-либо программу или разумный план действий в этой области.

Одним из недавних примеров конфликта, едва не завершившегося переходом к открытой конфронтации, стал инцидент в конце октября 2015 г. в Южно-Китайском море, связанный с вхождением в акваторию вблизи спорных островов Наньша американского эсминца «Лассен». Китайская сторона, по информации МИД КНР, «отследила, преследовала и сделала предупреждение» военному кораблю США, а эксперты из Поднебесной заявили, что «китайские военные должны быть готовы к контрмерам, соизмеримым с уровнем провокаций США», и если «Вашингтон посягает на интересы Пекина, то военные будут использовать силу, чтобы остановить его»⁹.

Примечательно, что этот инцидент случился менее чем через месяц после визита в США Председателя КНР Си Цзиньпина, охарактеризованного американской стороной как «очень плодотворный и открывший много новых сфер для налаживания и расширения двустороннего сотрудничества». Аналогичные оценки переговоров главы руководства КНР с президентом США Б. Обамой прозвучали и со стороны Китая. В ходе их, помимо проблем изменения климата, кибербезопасности, Афганистана и др., обсуждались, кстати, и морские вопросы.

Вышеизложенное, как представляется, свидетельствует о том, что современные отношения между КНР и США настолько сложны и многомерны, что не приемлют однозначности в оценках и требуют в процессе их анализа осуществления комплексного подхода с разбивкой по основным их составляющим.

Если исходить из главных внешнеполитических целей обеих стран, которые для Пекина состоят в наращивании комплексной национальной мощи в интересах превращения в мировую супердержаву, а для Вашингтона — в сохранении неоспоримого регионального и глобального доминирования с целью по-прежнему резервировать за собой право «вершить судьбы мира», диктуя правила поведения другим государствам в их международных и внутренних делах, то можно с уверенностью предположить, что сферы соперничества и противоречий в их взаимоотношениях будут продолжать расти и расширяться.

Подтверждением служит тот факт, что за последние несколько лет, в рекордно короткие сроки перечень конфликтов и разногласий США и Китая, включавший в начале XXI в. в число основных тайваньский вопрос, аспекты правозащитной проблематики и тематику экономического характера, сильно разросся за счет прибавления противоборства двух государств в АТР, в том числе в зоне Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, их соперничества в других регионах (Ближний Восток, Африка и Латинская Америка), столкновений в сферах кибербезопасности и свободы Интернета, а также распрей в связи с ситуацией в Гонконге.

Но одновременно в США с учетом фактора повышения геополитического веса и влияния КНР произошла определенная трансформация подходов в их китайской политике, которая утратила свойственные ей прежде определенную импульсивность и «реактивный характер» и стала более взвешенной и упорядоченной. Это было замечено и оценено в Китае, где тоже начали задумываться о приведении собственного американского курса в соответствие со складывающейся геополитической реальностью.

В результате в Пекине возникла и была предложена не только Соединенным Штатам, но и другим ведущим мировым государствам идея «выстраивания между великими державами отношений нового типа», которая нашла позитивные отклики и у американской администрации.

Выдвижение Китаем этой новой инициативы применительно к отношениям с США подразумевало, что в условиях уменьшения в них силовой асимметрии активизация роли КНР в мировых делах превращает китайско-американские связи в более сбалансированные, а сотрудничество — в еще более взаимовыгодное и продуктивное. Со своей стороны, США исходили из того, что формирование нового механизма взаимодействия с Китаем с акцентом на приоритет в нем общих интересов предпочтительнее усиления стратегического соперничества.

Однако с течением времени стало очевидным, что даже в их «обновленном» виде отношения двух стран не застрахованы от резких перепадов. Их «официальное провозглашение» летом 2013 г. во время встречи в Калифорнии Б. Обамы и Си Цзиньпина лишь несколько разрядило накал противоборства между США и КНР, но в долгосрочном плане никого не ввело в заблуждение.

Стратегические цели и тактические методы США очевидны, понятны и неизменны. Комплексная мощь и накопленный потенциал обеспечивают Америке до поры до времени возможность действий с позиции глобального превосходства. Поэтому ключевым соображением при ответе на вопрос о будущем характере и содержании китайско-американских взаимоотношений является установление того, как дальше планирует действовать и вести себя Китай.

Прежде всего, суть в том, примет ли он в расчет константные подходы США к решению международных проблем и станет адаптироваться к ним, либо, игнорируя их, пойдет напролом? Будет ли соперничать с Америкой за главную позицию в мире и ведущую глобальную роль? Или удовлетворится лишь реализацией собственных региональных амбиций? Станет бороться за построение многополярного или биполярного мирового порядка, либо негласно смирится с собственным существованием в сформированном однополюсном пространстве при главенстве патронируемых США международных институтов?

Весьма значимо также понимание того, захочет ли Китай вступить в соперничество со своим главным визави за доминирование в Евразии и постепенное уменьшение в ней американского влияния и присутствия в результате прокладывания там собственных «шелковых путей»? Вознамерится ли он бросить Соединенным Штатам реальный вызов на просторах морей и океанов? Как будет сохранять внутреннюю стабильность под руководством своих нынешних властных институтов, включая КПК, и каким образом защитит страну от проникновения «вредоносных бактерий» чужой идеологии и разнообразных «цветных» революций? Чем будет руководствоваться в первую очередь в рамках формата

тройственных взаимоотношений «КНР — США — РФ»? И главное — какой ресурс для выполнения всех этих задач имеется у Китая?

Современные китайско-американские отношения реализуются в трех измерениях: двустороннем, региональном и глобальном. К первому относятся торгово-экономические связи, проблемы Тайваня, прав человека (включая Тибет, СУАР, диссидентов, свободу слова, Интернет и вопросы кибербезопасности). Сюда же можно условно причислить проблемы, которые, по мнению Китая, затрагивают его внутреннюю безопасность (проникновение «чуждых идей» и подрыв государственных институтов власти, в том числе ситуация в Гонконге).

Отношения США и КНР на региональном уровне в первую очередь связаны с их противостоянием в Азиатско-Тихоокеанском регионе, с конфликтами в акваториях Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, противоречиями вокруг торгово-экономических многосторонних международных региональных организаций, соперничеством в Центральной Азии и усилением китайского влияния на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке.

В глобальном формате интересы Америки и Китая пересекаются на евразийском пространстве, во взаимоотношениях с Россией и в урегулировании проблемы будущего мироустройства — сохранении монополярности, либо формировании биполярности или полицентричности.

Важнейшей сферой двусторонних китайско-американских отношений являются торгово-экономические связи. Они стабильны и достигли впечатляющих параметров. В 2014 г. объем торговли США и Китая составил 550 млрд долл. Проблема состоит в значительном торговом дефиците у Соединенных Штатов, который увеличивается из года в год. Так, в 2013 г. он превзошел 318 млрд долл., а в 2012 г. был ненамного меньше — 315,1 млрд долл. По мнению американской стороны, причиной такого громадного дефицита является манипулирование в Китае курсом юаня, долговременное занижение которого помогало китайским экспортерам повышать конкурентоспособность их продукции. Вспышки «торговых войн» между двумя странами на почве недооценки китайской валюты случаются периодически. Но гнев Америки гасится тем, что КНР уже на протяжении длительного времени остается главным кредитором и хранителем государственных долговых обязательств США, спасая их от банкротства.

Проблема Тайваня, пожалуй, наиболее долговременная в отношениях двух стран. КНР традиционно считает ее главным препятствием на пути их позитивного развития. На протяжении десятилетий тайваньский вопрос во взаимоотношениях Пекина и Вашингтона то обострялся, то отходил в тень. Его катализатором ныне выступают в основном два фактора: периодически возникающие у США намерения вооружать остров по просьбе его правителей современным американским оружием и звучащие время от времени со стороны тайваньских политиков угрозы о провозглашении независимости. Слышны они громче всего из уст представителей Демократической прогрессивной партии Тайваня, кандидат которой 59-летняя Цай Инвэнь одержала убедительную победу на состоявшихся 16 января с.г. президентских выборах. В своем заявлении после подсчета результатов голосования она провозгласила намерение еще больше усилить взаимодействие с США при одновременном нежелании «рвать связи с материковым Китаем». Пекин, со своей стороны, до последнего времени предпринимал активные шаги к улучшению отношений с островом и существенно преуспел в этом. Состоявшаяся в Сингапуре 7 ноября 2015 г. встреча лидеров КНР и Тайваня — Си Цзиньпина и прежнего президента Ма Иньцзю, правившего от лица Гоминьдана — весомое тому подтверждение.

Несмотря на победу на выборах оппозиционных Гоминьдану сил, существует серьезный фактор, который может умерить «антиконтинентальные» настроения тайваньских политиков: экономическая зависимость острова от КНР заставляет его руководство быть более осторожным и «не сердить» власти материкового Китая.

Вашингтон периодически использует «тайваньский рычаг» для нажима на Китай, в то время как КНР неизменно выступает против любой формы официальных контактов между США и тайваньскими властями. Нейтрализация ситуации вокруг Тайваня, по мнению зарубежных наблюдателей, «потребуется для начала договоренностей США и Китая об ограничении продаж американского оружия в обмен на... ограничения на производство и размещение китайских вооружений, нацеленных на остров». Кроме того, Пекину «понадобится предоставить надежные гарантии, что он не будет применять силу против Тайваня в любой ситуации, кроме прямой декларации независимости... или размещения американских сил на острове.... Также Пекину, вероятно, потребуется признать, что объединение с Тайванем может произойти только в рамках мирного процесса и на основании волеизъявления жителей Тайваня». «США, в свою очередь, понадобятся предоставить Китаю гарантии, что они не будут ни размещать свои силы на острове, ни наращивать военную поддержку Тайваня, если Китай будет соблюдать свои обещания»¹⁰.

Тема кибербезопасности стала в последнее время наиболее острой в двусторонних отношениях Вашингтона и Пекина. Она возникла на почве участившихся, по мнению американской стороны, случаев китайского проникновения в закрытые и, как предполагалось, защищенные государственные компьютерные сети США. Особенно серьезным посчитали взлом в 2014 г. якобы китайскими «хакерами» компьютерной системы правительственного офиса по управлению персоналом, содержащей секретные сведения о 4 млн бывших и действующих американских госслужащих. В январе 2015 г. Агентство национальной безопасности (АБН) США сообщило о краже Китаем из закрытых информационных сетей данных, касающихся разработок в области стелс-технологий и двигателей новейшего американского истребителя F-35. Со своей стороны, китайцы, ссылаясь на разоблачения Э. Сноудена, высказывали возмущение подрывными действиями в киберсфере того же АБН.

И все же самыми чувствительными для взаимоотношений двух стран являются их конфликты и противоречия на региональном уровне и прежде всего в АТР. Оба государства, резко увеличившие во втором десятилетии XXI в. активность в этом регионе, вызывают своими действиями в нем вполне обоснованное беспокойство и взаимное недоверие друг у друга.

Растущее недовольство и крайняя обеспокоенность Пекина связаны с провозглашением в 2010 г. «возвращения США в АТР», вылившегося во вмешательство Вашингтона в территориальные споры в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, в укрепление им военных союзов и формирование новых партнерских отношений в регионе, в частности, «перетягивание» на свою сторону таких ключевых азиатских стран, как Вьетнам и Мьянма, в интенсификацию совместных военных учений с США в этом районе и усиление американской разведывательной деятельности вблизи китайской территории.

Поводов для беспокойства относительно складывающейся ситуации в АТР становится все больше и у Америки. Китай не только по экономическим, но и по военным параметрам уже превратился в могучий региональный центр силы и влияния. Его оборонный бюджет неуклонно и устойчиво возрастает (в 2015 г. прямые расходы на оборону должны были составить порядка 142 млрд долл., т.е. на 10,1% больше, чем в предыдущем 2014 г.). Значительно укрепился военный потенциал КНР, усилилась напористость Пекина в реализации его национальных интересов.

Случаи противостояния китайских и американских морских и воздушных судов в омывающих Китай акваториях и воздушных пространствах над ними стали привычными. В ответ на продолжающиеся разведывательные операции ВВС и ВМС США в 200-мильной исключительной экономической зоне КНР Китай с 2012 г. ввел в практику осуществление военных маневров в пределах исключительной экономической зоны США — в рай-

онах Гуама и Гавайских островов в Тихом океане. Это было достигнуто благодаря расширению оперативных возможностей вооруженных и военно-морских сил КНР.

Укрепление военной мощи сопровождается попытками Китая расширить свой контроль над морскими и воздушными путями сообщения в АТР. Создание опознавательной зоны ПВО в Восточно-Китайском море и открытие несогласованного с другими сторонами нового авиамаршрута, проходящего всего на 8 км западнее линии водораздела Тайваньского пролива — лишь первые в серии таких попыток¹¹.

Другими словами, Пекин делает все возможное, чтобы изменить военный баланс в АТР в свою пользу и таким образом лишить другие его страны иного выбора, кроме как принять силу Китая. В ответ США планируют разместить к 2020 г. в регионе до 60% сил своих ВМС и ВВС¹².

Серьезную обеспокоенность Вашингтона вызвала новая тактика реализации Пекином территориальных притязаний: колоссальные по масштабам и беспрецедентные по скорости осуществления работы по укрупнению островов в Южно-Китайском море. За 2014 г. путем намывания Китай увеличил площадь как минимум пяти островов, что реально усиливает позиции КНР в морской акватории вопреки интересам США.

При Си Цзиньпине стали на деле воплощаться в жизнь замыслы строительства «прочной национальной обороны, соответствующей международному статусу» КНР, и превращения страны в «могущественную морскую державу»¹³, намечавшиеся еще во времена руководства Ху Цзиньтао. Так, для усиления китайского ВМФ планируется довести к 2020 г. количество кораблей в его составе до 351, включая развитие авианесущей составляющей и качественное обновление подводного флота. Все это заставляет Вашингтон «подозревать Пекин в стремлении получить стратегическое преимущество не только в прилегающих водах, но и на просторах Тихого океана»¹⁴.

Ранее эксперты отмечали некую закономерность: чем хуже у Китая складывались отношения с соседями по региону, тем активнее Пекин пытался уверить всех в том, что в отношениях с США у него есть возможности для большего сближения. Таким образом, руководство КНР сигнализировало региональным державам, что «США вынуждены считаться с сильным Китаем и готовы с ним договариваться»¹⁵. Но это было прежде, когда Китай надеялся, что позитивные отношения с США помогут ему улучшить взаимосвязи с другими, напряженно относившимися к нему странами АТР. Сейчас он почувствовал свою силу и самодостаточность и на Америку в этом практически уже не уповаet.

Скорее напротив, Пекин активно продвигает идею региональной системы безопасности в АТР, альтернативной той, которая функционирует ныне, базируясь преимущественно на двусторонних союзнических связях США с пятью странами региона. В Вашингтоне в ответ сделали вывод, что Китай намерен «стимулировать создание новой системы региональной безопасности без участия США с опорой на принцип «Азия для азиатов»¹⁶. И заявляют, что это способно накалить американо-китайские противоречия в АТР до предела.

Вряд ли стоит, однако, даже гипотетически, серьезно оценивать возможность наличия у Китая сил, чтобы закрыть Америке «двери в Азию». Такими возможностями он не располагает, но даже если бы имел их, то не ставил бы подобной задачи, поскольку совершенно не заинтересован в том, чтобы радикально ломать существующую систему. Главная задача Пекина — постараться, если удастся, переформатировать ее под себя. Так, на создание США транстихоокеанской зоны свободной торговли в виде ТТП — союза, не включающего Китай, он ответил концепциями Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века.

При этом экспертные оценки такого шага расходятся диаметрально. От резко антикитайской, основанной на постулате об окончании «эпохи доминирования морской державы (США)» и вытеснении ее в результате наступления «эпохи сухопутной державы (Китай)», в которой центральная и важнейшая часть (хартленд) Евразии или «осевой

регион» будет ключом к (его) мировому господству»¹⁷. До вполне оптимистичного и примирительного прогноза, трактующего отношение США к китайской инициативе как компромисс и согласие на апробацию новой модели взаимоотношений двух стран, поначалу в Центральной Азии, которую затем, в случае успеха, можно распространить и на другие регионы¹⁸.

Другими словами, предпринимается попытка доказать, что усилия Китая убедить США в целесообразности перевода сложного комплекса их взаимоотношений от движения к конфронтации или взаимодействия под американским доминированием на рельсы конкурентного сосуществования при взаимном учете интересов каждой из сторон якобы стали приносить первые плоды. Возможно, в этом есть доля истины, но обольщаться не стоит. Конфликтность, противостояние и противоборство продолжают сосуществовать в отношениях КНР и США параллельно со стремлением к компромиссам и примирению.

Это наглядно иллюстрируют усиливающиеся амбиции Китая в других регионах помимо Центральной Азии и АТР. Так, с началом т.н. «арабской весны» заметно возросла активность КНР на Ближнем Востоке. Шаги Пекина там свидетельствуют о развороте от выжидательной позиции к наступательной деятельности, нацеленной на повышение его веса и расширение влияния, как в самом регионе, так и в более широком международном контексте¹⁹. На Ближнем Востоке Китай ведет собственную игру. Признавая там сохранение доминирующей роли США, он в то же время не хочет присоединяться к американской политике, считая ее «провальной». Одновременно из уст представителей китайского руководства недвусмысленно звучит тезис о том, что «США не могут оставаться единственным лидером ближневосточного процесса»²⁰.

В контексте нынешних китайско-американских отношений это может стать вызовом роли Америки на Ближнем Востоке, где КНР активизируется, преследуя три главные цели: 1) укоренение своего политического присутствия; 2) отстаивание собственных нефтяных интересов; 3) расширение торгово-экономических связей и обновление рынков для своих товаров. Как полагают специалисты-«ближневосточники», Китай закрепляется в этом регионе не только с целью геополитической конкуренции с США, но и для противовеса влиянию России. Борьбу с ИГИЛ он ведет больше вербально, на уровне деклараций. В то же время не исключаются связи китайских исламистов с боевиками этой организации.

Проблема исламского экстремизма по-прежнему актуальна для КНР. Усиливая сохраняющиеся поползновения внутри страны к сепаратизму, он закономерно оценивается властями в качестве серьезной угрозы ее внутренней безопасности и фактора, работающего на подрыв национального и государственного единства. Среди других «зол», относящихся к данной категории, находятся диссидентствующие активисты, средства и институты распространения в народной среде «вредоносных» либеральных ценностей и идей, организаторы т.н. «цветных революций». Иными словами, все те, кто так или иначе угрожают монополии компартии Китая на власть в стране.

Руководители КНР неоднократно объявляли, что располагают свидетельствами того, как финансовая и моральная подпитка этих враждебных сил осуществляется из-за океана. В качестве недавнего примера приводятся события в Гонконге, развернувшиеся осенью 2014 г. и охарактеризованные как «проверка китайского руководства на прочность», которую оно, судя по всему, прошло успешно, «подтвердив устойчивость системы»²¹.

Думается, однако, что опасности для внутривосточной стабильности Китая в основном таятся не вовне, а внутри страны и кроются, в первую очередь, в ее экономической ситуации. Что бы ни проповедовали видные партийные экономисты в КНР, развитие в режиме «экономического чуда» на протяжении почти четырех десятилетий средними темпами от 7 до 10 процентов в год исключительно «по восходящей», без спадов и

кризисов невозможно и нереально. Когда настал черед перепадов, монопольное право КПК управлять страной стало ставиться под сомнение.

Обвалы на фондовом рынке, отток капиталов и уход из Китая инвесторов, огромные долги внешним кредиторам, избыточные производственные мощности, снижение импорта и значительное сокращение золотовалютных резервов — все это не стыкуется с оптимистичными заявлениями китайских экспертов, уверяющих, что страна отнюдь не в кризисе, а просто «перестраивается, успешно адаптируется к новым условиям»²².

По прогнозам некоторых российских специалистов, впереди у Китая грядет еще большая по сравнению с летом 2015 г. девальвация юаня, которая будет основана на «сжатию внутреннего рынка»²³. В такой ситуации, учитывая отмечавшуюся выше тесную связь американской экономики с китайской, Соединенным Штатам совсем невыгодно «топить» ее. Скорее целесообразно протянуть КНР руку помощи. Но в перспективе, в случае долговременно сохраняющихся признаков кризиса и экономической стагнации политическая система Китая может зашататься, и не исключено возникновение в стране «перестроечных тенденций» по типу советских в середине 1980-х годов. Если подобное случится, США придется серьезно задуматься о возможных последствиях такой «перестройки» и о том, стоит ли потворствовать ей, как в свое время в СССР, или лучше помешать.

США — Китай — Россия: как жить дальше?

Вопрос о том, что будет происходить во взаимоотношениях трех мировых держав в настоящем и будущем, чрезвычайно актуален не только для них самих, но для международных политических элит и всего мирового сообщества. Существуют разнообразные концепции и прогнозы в отношении того, как эти взаимоотношения должны выглядеть в интересах обеспечения глобальной стабильности и построения универсально приемлемого миропорядка.

Несмотря на горделивое заявление Б. Обамы 13 января 2016 г. в его обращении к Конгрессу об исключительной роли Америки, на которую, якобы в отличие от Пекина или Москвы, «люди всего мира смотрят в поисках лидера»²⁴, совершенно ясно, что ни одно сколь-нибудь значимое внешнеполитическое решение не принимается в Вашингтоне без оглядки на возможную реакцию двух этих столиц.

Хотя общий посыл теоретических изысканий ведущих специалистов-международников США, КНР, России и ряда других стран по-прежнему сводится к тому, что в мире не существует неизбежной обреченности на возникновение не только горячей, но даже холодной войны, преобладающие в их правящих кругах антагонистические представления не уменьшились, а наоборот, продолжают углубляться, способствуя усилению разногласий.

Уверенность США в том, что их превосходство и военное доминирование выступают гарантом безопасности, силой сдерживания и защитой международного права, поскольку реально содействовали обеспечению 70-летнего периода относительно мирной жизни и экономического роста, противоречит взглядам Китая и России, убежденным, что порядок и процветание в нашем взаимозависимом мире должны опираться преимущественно на сбалансированное соотношение сил между крупными державами, на их сотрудничество в разрешении общих вызовов при посредничестве ведущих международных организаций. И в этой новой иерархии сил более мощные державы обязаны направлять более слабые по взаимовыгодному пути, а не манипулировать ими²⁵.

Но это в идеале, а на деле и у КНР имеются существенные концептуальные и практические расхождения с РФ в вопросах, касающихся грядущего миропорядка. У Пекина есть долгосрочные и весомые стимулы для сотрудничества с США и Западом, в том числе: необходимость поддерживать экономический рост, решать общие региональные и

глобальные проблемы, одновременно страхуясь от западных угроз. Для этого китайские политологи предлагают руководству КНР свои рецепты.

Старший научный сотрудник Китайского института современных международных отношений (КАСМО) Сунь Жу (жен.) считает, что в отличие от прежней пассивной роли КНР в отношениях с США теперь, когда разрыв между ними в соотношении сил сократился, их сотрудничество должно стать более сбалансированным, и необходимо создать структуру, которая «выходит за рамки традиционных способов появления новых мировых держав». В настоящее время, утверждает она, «Китаю приходится делать свой выбор, и он решает избежать сценария холодной войны. Чтобы заверить в этом США, Китай сменил тон в вопросе о международном порядке... (КНР) не будет стремиться разрушить существующую международную систему, господство в которой принадлежит США»²⁶.

Другой китайский эксперт, руководитель Центра американистики КАСМО, профессор Да Вэй полагает, что пришло время заменить старые принципы построения китайско-американских отношений, основанные на «вовлечении и присоединении», «новым стратегическим консенсусом», который постулирует «совместное развитие в рамках существующей международной системы»²⁷. При этом он считает необходимым получение Китаем гарантии от США, что в рамках этой системы у КНР сохранится «пространство для роста», а его страна, в свою очередь, должна заверить Америку, что «не намерена выступать против нее»²⁸.

По мнению Да Вэя, контакты Китая с Россией и США развиваются параллельно, и их не следует рассматривать в рамках «треугольника», пытаться «связывать все вместе и раздумывать над тем, не скажутся ли американо-китайские дела на российско-китайских и наоборот». Он уверен, что «американский фактор не оказывает влияния на отношения Китая с Россией». По словам политолога, особенностью российско-китайских связей является то, что они «тесные и близкие», а китайско-американских — то, что они «весомые и важные», поскольку КНР и США — крупнейшие мировые экономики²⁹.

Эти рекомендации китайских экспертов свидетельствуют, что в КНР не исключают возможности на определенных условиях согласиться на сохранение монополярной системы во главе с США, поскольку на практике «изменение международного порядка не является для Пекина самоцелью»³⁰. Главное для него — получить в этой старой системе место, которое он будет считать достойным.

На этой почве возникают различные спекуляции. Кое-кто полагает, что США и Китай могут «сговориться» за спиной России и сформируют антироссийский альянс. Вовлечь Китай в орбиту влияния США, чтобы вместе управлять миром, предлагает, в частности, влиятельный финансист Дж. Сорос. Другие считают, что речь может пойти о некоем новом биполярном формате, в котором Китаю будет отведена роль «второго полюса» — относительно самостоятельного, но не антагонистичного по отношению к Америке³¹. З. Бжезинский в принципе допускает даже возможность воссоздания «большой тройки», но предпочитает ей «большую двойку» США с Китаем, направленную против России. Третьи опасаются создания Москвой и Пекином антизападного военного союза и намекают на «большую двойку» в формате США — Россия, которая «могла бы разделить погибающее европейское пространство и стать противовесом набирающему силу Китаю». Они утверждают, что «если и существует ход, который способен предотвратить надвигающийся мировой кризис, то это объединение сил Вашингтона и Москвы»³².

Гипотезы, однако, не вполне сопрягаются с реальностью. В отношениях США и России пока нет заметных признаков улучшения. Вашингтон, признавая важную роль Китая в развитии мировой экономики, тем не менее, формирует в АТР подобие антикитайской коалиции, создает зоны свободной торговли без участия КНР. С другой стороны, Китай и Россия, несмотря на геополитическое тяготение и взаимную политическую поддержку, не стремятся к созданию альянса против Запада и не считают враждебное отно-

шение к нему целесообразным и оправданным. Они всего лишь не хотят вести все «игры» исключительно «по западным правилам» и желают сами полноправно участвовать в их разработке.

«Монополярность уже обнаружила свою взрывоопасность и несостоятельность. «Новая bipolarность» с участием США и Китая неустойчива и неэффективна. И только multipolarность, полицентричность способны обеспечить надежную основу грядущего мироустройства»³³.

1. URL: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Demokratizm-protiv-demokratii-17495>.
2. *Давыдов А.* КНР — США — Россия: обещают ли перемены во власти власть перемен? // Проблемы Дальнего Востока. № 2. 2013. С. 72.
3. Независимая газ. 2015. 6 апр.
4. URL: <http://www.1tv.ru/news/polit/298457>.
5. URL: <http://thewallmagazine.ru/rch-economics>.
6. См. материалы международной конференции «Россия и Китай: новое партнерство в меняющемся мире», состоявшейся 29 мая 2015 г. в Москве.
7. Отношения КНР и США на современном этапе: состояние, перспективы и вызовы для России: («Круглый стол в ПДВ») // Проблемы Дальнего Востока. № 4. 2015. С. 38.
8. Там же.
9. URL: <http://rusprav.tv/kitaj-ssha-vojna-vse-blizhe-59282/>
10. URL: <http://carnegie.ru/2015/09/24/ru-61392>.
11. URL: <http://oko-planet.su/politik/politiklist/print:page,1,278141-ssha-i-kitay>.
12. *Крепиневиц Э.* Как сдержат Китай // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13, март-апрель. Спецвыпуск. С. 54.
13. *Новиков Д.* Неравнобедренный треугольник. Там же. С. 43.
14. Там же.
15. URL: <http://www.biznes-portal.com/New.aspx?newid=52131>.
16. URL: <http://oko-planet.su/politik/politiklist/print:page,1,278141-ssha-i-kitay>.
17. URL: <http://inosmi.ru/world/20150213/226252310.html>.
18. *Сафранчук И.* Эволюция позиции США в отношении роли Китая в Центральной Азии // Международная жизнь. 2015. Август. С. 98–107.
19. URL: <http://ru.journal-neo.org/2013/06/14/kitaj-stremitsya-v-lidery>.
20. Там же.
21. *Новиков Д.* Указ. соч. С. 42.
22. URL: <http://www.vz.ru/columns/2015/11/9/776906.html>.
23. Там же.
24. URL: <http://lifenews.ru/news/179552>.
25. URL: <http://carnegie.ru/2015/09/24/ru-61392>.
26. URL: <http://stalingrad-info.ru/kitay-novyiy-vzglyad-na-otnosheniya-s-ssha/>
27. *Da Wei.* Sino-U.S. Relations: Strategic Consensus and Stability Framework // Contemporary International Relations. 2015. Vol. 25, № 4. July/Aug. P. 79.
28. Ibid. P. 85.
29. URL: <http://ria.ru/world/20150910/1241241748.html>.
30. *Новиков Д.* Указ. соч. С. 48.
31. Предполагается, что в подобном случае США смогут контролировать преимущественно океанские и морские зоны и прибрежные районы, а КНР — сухопутные транспортные артерии Евразии.
32. URL: <http://inosmi.ru/world/20150723/229234526-print.html>.
33. *Давыдов А.* Пескин — Вашингтон — Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектоники. М: ИДВ РАН, 2015. С. 381.

КНР — европейские страны: структура многостороннего сотрудничества

© 2016

А.О. Виноградов

Европейское направление внешней политики КНР после некоторого периода охлаждения во второй половине первого десятилетия XXI века сегодня вновь становится одним из основных для Пекина. При этом отношения «всеобъемлющего» стратегического партнерства КНР с Европейским Союзом — лишь одно из направлений внешнеполитической активности Китая в Европе. В данной статье делается попытка суммировать различные формы сотрудничества Пекина с европейскими странами.

Ключевые слова: Китай, Европейский Союз, внешняя политика, геоэкономика, Шелковый путь.

КНР — ЕС: уровни «всеобъемлющего» стратегического партнерства

Европейский Союз, если рассматривать его как единый политический субъект в архитектонике международных отношений¹, на протяжении многих лет является одним из основных партнеров Китая на международной арене.

Разумеется, прежде всего это касается внешнеэкономической деятельности. Страны ЕС уже десять с лишним лет являются основным торговым партнером Китая в мире (для ЕС КНР — второй торговый партнер после США). То же самое касается и инвестиционной области — европейские страны для Китая — бесспорный лидер как по объему иностранных инвестиций в КНР, так и по объему китайских инвестиций за рубеж.

При этом после кризиса в отношениях Китая с Европой, пик которого пришелся, как видится, на 2006 г., их политический диалог долгое время находился на второстепенном месте, во многом по причине недостаточной субъектности самого Евросоюза и нерешенности ряда проблем, оставшихся от прошлого². Это проявлялось и в том, что за отношения с ЕС долгое время в Пекине отвечал не Председатель КНР (он же Генеральный секретарь ЦК КПК и главный политический лидер Китая), а премьер Госсовета (официально это и сегодня так)³.

Ситуация начала меняться с приходом к власти в Пекине нынешнего, пятого поколения китайских руководителей. А особенно — с началом кризиса на Украине и резкими изменениями обстановки в мире (включая рост активности Вашингтона в Азии, направленной на сдерживание Китая). Китай резко активизировал свою внешнеполитическую активность на европейском направлении, а европейскими делами стал во многом заниматься лично новый лидер Китая Си Цзиньпин⁴.

Тем не менее официально структура отношений КНР — ЕС в политической области выглядит следующим образом⁵.

Стратегический диалог на высшем уровне был впервые установлен в 1994 г. как форма политического диалога по проблемам, представляющим взаимный интерес. В 1998 г. он был повышен до уровня саммитов, в которых ЕС представляет высшее руко-

водство Евросоюза (председатель Евросовета и председатель Европейской комиссии), а Китай — премьер Госсовета. В 2002 г. Китай и ЕС расширили сферу политического диалога, распространив его на самые различные проблемы, начиная от ядерного нераспространения до ситуации в области безопасности в Азии, от глобального потепления до борьбы с незаконной миграцией и торговлей людьми. В 2010 г. между Верховным представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности и по совместительству вице-президентом Европейской Комиссии (с 2014 г. этот пост занимает Федерика Могерини, сменившая Кэтрин Эштон) и министром иностранных дел КНР был создан также дополнительный диалог высокого уровня по стратегическим вопросам и внешней политике. Изменения были связаны прежде всего с вступлением в силу Лиссабонского договора, прописавшего новый механизм проведения внешней политики ЕС.

Кроме того, стороны имеют постоянные представительства, осуществляющие текущую деятельность (за исключением консульских вопросов).

Саммиты проходят ежегодно поочередно в Китае и Брюсселе. Руководство ЕС на них представлено в полном составе — в саммитах участвуют председатель Европейского Совета (с 1 декабря 2014 г. — Дональд Туск), председатель Европейской Комиссии (с июля 2014 г. — Жан-Клод Юнкер), их сопровождает также Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности (по совместительству вице-председатель Европейской комиссии).

Отдельно проходят также ежегодные встречи исполнительных органов, в которых участвуют председатель Еврокомиссии в сопровождении членов Европейской комиссии и премьер Госсовета в сопровождении членов Государственного совета.

В рамках вышеупомянутого политического диалога по стратегическим вопросам и внешней политике это дополняется регулярными (не менее раза в год) встречами Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности с членом Госсовета, отвечающим за иностранные дела (сегодня это бывший министр иностранных дел Ян Цзечи). А при необходимости — с действующим министром иностранных дел КНР (в дополнение к ежегодной встрече в кулуарах Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций).

Необходимо упомянуть и ежегодные встречи по линии «политических директоров» (политический директор службы Европейской дипломатии — Хельга Шмидт встречается с заместителем министра иностранных дел КНР) поочередно в Пекине и Брюсселе, а также ежегодные встречи между Директором ЕС по делам Азиатско-Тихоокеанского региона и заведующим соответствующим департаментом МИД КНР.

Проводятся также регулярные (не реже раза в год) встречи по линии экспертов по международной безопасности, контролю над вооружениями, в области нераспространения ядерного оружия, экспортному контролю, контролю над стрелковым оружием и легкими вооружениями.

Каждые полгода проходит встреча министра иностранных дел Китая с представителем Европейского Союза в Пекине и встреча главы европейской дипломатии (Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности) с китайским представителем в Брюсселе.

Структуру сотрудничества по линии КНР — ЕС в экономической области в рамках данной статьи подробно описать не представляется возможным. Однако в этом и нет особой необходимости, поскольку большая часть его проходит по линии двустороннего сотрудничества. Исключение составляет, пожалуй, сотрудничество по линии инвестиций — в сентябре Китай во время встречи в рамках Диалога по экономике и торговле (Китай в этом диалоге представлен заместителем премьера Госсовета Ма Каем, Евросоюз — заместителем председателя Еврокомиссии Юрки Катаненом) заявил о присоединении к Европейскому инвестиционному плану и готовности внести свой вклад в этот план в размере 315 млрд евро. Заметим, что ведущие страны Европы на данный момент объе-

вили о намного более скромных суммах вкладов — Германия, Франция, Италия и Польша — по 8 млрд евро, Великобритания — чуть более 8 млрд евро (6 млрд фунтов), Испания — 1,5 млрд евро. При этом Китай — первая страна, выразившая готовность внести свой вклад в инвестиционный план ЕС и не входящая в состав Европейского Союза. Стороны договорились создать совместную рабочую группу, в которую войдут представители китайского Фонда Шелкового пути, Еврокомиссии и создаваемого Европейского инвестиционного банка. Естественно, что этот процесс сопровождается присоединением Китая к Европейскому банку реконструкции и развития. Напомню, что ведущие европейские страны, в свою очередь, еще в марте выразили желание стать соучредителями китайского Азиатского банка инфраструктурных инвестиций.

Разумеется, рассматривая весь спектр отношений, нельзя забывать о том, что в Европе называют диалогом «people to people», то есть сотрудничеством по линии общественных организаций. Он особенно активизировался, начиная с 2012 г., когда была подписана совместная Декларация сотрудничества КНР — ЕС в области культуры. А через год соответствующие разделы были включены в «Стратегический план сотрудничества ЕС — Китай до 2020 года». Результат — обширные программы сотрудничества в области образования, а по количеству институтов Конфуция страны ЕС существенно обогнали другие регионы. Только в одной Великобритании учреждено 29 Институтов Конфуция и 126 классов Конфуция⁶.

16+1: независимый от ЕС аспект взаимодействия Китая и Европы

Про налаживание Китаем отдельного формата отношений со странами Центральной и Восточной Европы мне уже приходилось писать неоднократно, начиная с 2012 г., когда (в апреле) состоялся первый подобный форум и был учрежден Секретариат по сотрудничеству Китая и стран ЦВЕ в Пекине (сентябрь)⁷. Замечу, что впоследствии Китай распространил подобную практику и на отношения со странами Латинской Америки⁸.

Формат 16+1 сложился уже на первом саммите Китай — ЦВЕ, где Пекин представлял тогдашний премьер Вэнь Цзябао, а европейскую сторону — премьер-министры Польши (саммит проходил в Варшаве), Боснии и Герцеговины, Хорватии, Чехии, Эстонии, Венгрии, Латвии, Литвы, Македонии, Черногории, Румынии, Сербии, Словакии, Словении, Албании, а также вице-премьер Болгарии. Заметим, что из этого списка Хорватия стала членом ЕС только на следующий год, а еще пять балканских стран до сих пор в ЕС не входят. На последнем, четвертом по счету саммите, прошедшем в ноябре 2015 г. в Нанкине, также присутствовали в качестве наблюдателей представители ЕС, Австрии, Греции и Европейского банка реконструкции и развития.

Сценарий саммита тоже определился с самого начала — выступление китайского премьера на общей встрече с заявлениями о выделении Китаем очередных денег на общие нужды и предложениями очередных крупных проектов сотрудничества. А затем — общение с каждым из участников наедине и обсуждение их конкретных нужд и перспектив двустороннего сотрудничества. На первом форуме Вэнь Цзябао объявил об учреждении Китаем специального кредитного фонда в 10 млрд долл., который будет выделять льготные кредиты на реализацию проектов двустороннего сотрудничества в сфере развития инфраструктуры, высоких технологий, зеленой экономики и т.д., и о том, что Китай построит в каждой из стран ЦВЕ в течение ближайших пяти лет по одному экономико-технологическому парку. А также предоставит стипендии 5 тысячам студентов из этих стран на обучение в Китае и пригласит тысячу школьников для изучения китайского языка.

В сентябре 2012 г. в Пекине был создан Секретариат сотрудничества Китая и стран ЦВЕ, в который вошли представители всех китайских заинтересованных министерств — Минкоммерции, Минсельхоза, Минобразования, Минкультуры, МИД и др., а от стран ЦВЕ — специальные государственные координаторы, возглавившие постоян-

ные представительства форума в Пекине. Секретариат возглавил замминистра иностранных дел КНР Сун Тао.

В 2013 г. в июле в Китае прошло совещание местных руководителей КНР и стран ЦВЕ, в котором приняли участие Ли Кэцян и премьер-министры этих стран. Во встрече участвовали более 50 официальных лиц из 17 провинций и городов Китая и 16 стран Восточной Европы, в том числе Польши, Венгрии, Чехии, Словакии. Во встрече приняли также участие представители китайских и иностранных предприятий, которые совместно содействуют контактам и сотрудничеству Китая с различными регионами стран Восточной Европы в торгово-экономической, культурной, образовательной, туристической и других сферах.

В октябре в Пекине прошел форум молодых политиков Китая и ЦВЕ. организаторами которого выступили Отдел международных связей ЦК КПК и Всекитайская федерация молодежи. А сам саммит (второй по счету) состоялся в конце ноября 2013 г. в Бухаресте. К форуму была приурочена выставка китайской железнодорожной инфраструктуры и оборудования, на которой совместно побывали Ли Кэцян и 16 лидеров стран ЦВЕ.

Китайские комментаторы подчеркивали, что «под влиянием глобального финансового кризиса и европейского долгового кризиса многие страны ЦВЕ столкнулись с финансовым дефицитом, отсталостью инфраструктуры, уменьшением экспорта и другими сложными проблемами». В то же время Китай благодаря своей политике реформ и открытости, проводимой в последние 30 лет, смог накопить к настоящему времени сравнительно большой капитал, овладеть заметными преимуществами в области строительства скоростных железных дорог и автодорог, а также в сфере производства атомной, ветровой, водяной и солнечной энергии.

Именно эта разница и создает «пространство для двустороннего сотрудничества». А взаимодействие между сторонами в соответствующих областях не только помогает урегулировать проблемы развития, с которыми страны ЦВЕ столкнулись, но и благоприятствует экспорту конкурентоспособных товаров и технологий Китая в другие страны.

На встрече была принята т.н. Бухарестская программа по сотрудничеству между Китаем и странами ЦВЕ.

Китай и Румыния договорились о создании рабочей группы для проведения переговоров по содействию сотрудничеству в сфере инфраструктуры. Китай, Венгрия и Сербия объявили о сотрудничестве по строительству железной дороги между Венгрией и Сербией.

Только на третий по счету саммит, который прошел в декабре 2014 г. в Сербии, были приглашены наблюдатели от ЕС. На саммите договорились о сооружении и финансировании Китаем крупных инфраструктурных проектов вроде важных участков автодорог и железнодорожной линии Будапешт — Белград, а затем и до Македонии.

В ходе четвертого саммита Ли Кэцян объявил о планах двукратного увеличения инвестиций Китая в 16 европейских стран, а также годового объема торговли государств, который составляет около 45,5 млрд долл. Он подвел некоторые итоги, заявив, что регион Центральной и Восточной Европы станет одним из важных звеньев по осуществлению «китайской мечты» — создания Экономического пояса Шелкового пути: европейские страны подписали с Китаем десятки инвестиционных проектов по развитию инфраструктуры стран в сферах транспорта, торговли, возобновляемой энергетики, сельского хозяйства, туризма, науки и техники. Страны ЦВЕ были названы комментаторами «инвестиционным приемником Африки».

Встретился с руководителями 16 стран Центральной и Восточной Европы и сам Си Цзиньпин, подчеркнувший, что с момента своего возникновения формат «16+1» кардинально изменил «практику отношений Китай — Европа и стал новой площадкой сотрудничества "Юг-Юг", имеющей в то же время и черты сотрудничества "Юг-Север"».

Си даже назвал формат «16+1» «альтернативным путем развития отношений с государствами, с которыми Китай связывает традиционная дружба».

Си Цзиньпин предложил добиться полного сопряжения формата «16+1» и проекта «пояс и путь»: обеспечить всестороннее сопряжение формата «16+1» с отношениями всеобъемлющего стратегического партнерства Китая и ЕС и наконец добиться эффективного сопряжения этого формата с национальной стратегией развития стран ЦВЕ. После завершения встречи состоялось подписание меморандумов о взаимопонимании по совместному продвижению проекта «пояс и путь» между Китаем и пятью европейскими странами — Польшей, Сербией, Чехией, Болгарией и Словакией.

Особым событием в рамках саммита стала коллективная поездка всех его участников на скоростном поезде из Нанкина в Пекин, призванная еще раз продемонстрировать основную козырь Китая в экономическом сотрудничестве с другими странами — успехи в строительстве высокоскоростных железных дорог и готовность экспортировать соответствующие технологии и навыки.

Напомним, что первым железнодорожным проектом Китая в Восточной Европе стало создание в 2013 г. железнодорожного маршрута, соединяющего польский город Лодзь и китайскую провинцию Сычуань. Китай участвует в строительстве скоростной железной дороги Белград — Будапешт — Скопье — Афины и в модернизации крупного незамерзающего морского порта в городе Клайпеда (Литва).

КНР также активно участвует в самых разнообразных инфраструктурных проектах по строительству дорог, мостов, электростанций в Польше, Венгрии, Румынии, Хорватии. Подписано соглашение о строительстве китайской атомной компанией двух реакторов для единственной АЭС в Румынии, ведутся переговоры по укрупнению порта в Словении.

Для осуществления инфраструктурных проектов Китай намеревается открыть в этих странах заводы по производству оборудования и материалов, а также использовать территории стран Центральной и Восточной Европы, через которые пройдут железнодорожные и транспортные магистрали, для продвижения своих товаров и компаний. При этом торговые отношения с Юго-Восточной Европой позволят Китаю обойти некоторые антидемпинговые законы ЕС.

Китай инвестирует в гидроэнергетический сектор Албании, Черногории и Боснии и Герцеговины, сектор ветроэнергетики Македонии, Сербии и Хорватии. В 2014 г. Китай подписал соглашение о строительстве крупной угольной электростанции в Румынии с объемом инвестиций около 1 млрд долл., а также о строительстве 3-го и 4-го блоков румынской атомной электростанции.

Инвестиционные вложения Китая направлены также на использование сельскохозяйственной индустрии Балканских стран и стран Восточной Европы для удовлетворения потребностей растущего китайского рынка. Они встречают ответное понимание — вынужденные отказаться от экспорта своей продукции на Украину и в Россию, восточно-европейские и балканские фермеры в прошлом году заключили с Китаем договоры на поставку молочных продуктов, мяса, фруктов и овощей. Начиная с прошлого года, Польша поставляет около 60 видов молочных продуктов по новому транспортному маршруту в экономическую зону в Шанхае, а в этом году Китай подписал с Польшей соглашение на импорт мяса, несмотря на то, что является его главным мировым производителем, обеспечивая около половины общемирового объема свинины.

Двустороннее сотрудничество: Лондон спешит на смену Берлину

И все-таки основным форматом дипломатии КНР, которую все чаще в Пекине называют «экономической дипломатией» — в полном соответствии с концепцией геоэкономики, идущей на смену геополитике — на европейском направлении являются двусто-

ронные связи и двустороннее сотрудничество. В этом отношении следует особо отметить прошедший в октябре 2015 г. визит Си Цзиньпина в Великобританию⁹.

Си Цзиньпин находился в Лондоне с 20 по 25 октября. При этом, как подчеркивает китайская печать, визит был «отдельным», то есть Си специально пересек восемь часовых поясов, чтобы побывать в Великобритании¹⁰. Отдельные визиты — это то, что китайские комментаторы называют «дипломатией ударов по точкам», то есть поездки в наиболее важные для Китая в стратегическом плане страны, в которые визит нужно готовить отдельно и особенно тщательно. Как подчеркивает директор Китайского института международных проблем Цюй Син, «дипломатия "удара по точкам"» характеризуется быстротой, высокой эффективностью и оперативностью¹¹.

Второй важный момент состоит в том, что визит в Лондон был предпринят почти сразу после семидневного визита в США и выступления на Генассамблее ООН, а также очередного Пленума ЦК КПК, на котором были приняты важные для внутренней политики решения. И это — тоже свидетельство значимости для Китая отношений со странами, принадлежащими к «англосаксонскому» лагерю.

Однако у Великобритании есть и собственные, независимые от США, «заслуги» перед Китаем. Прежде всего в сфере финансового сотрудничества и покупки новейших китайских технологий.

Великобритания создала первый вне азиатского региона китайский юаневый клиринговый центр (соглашение было подписано в ходе визита Ли Кэцяна в Лондон в июне 2014 г.¹²), первой среди развитых стран выпустила гособлигации в юанях и поддержала китайский юань в присоединении к валютной корзине МВФ специальных прав заимствования (СПЗ). И наконец, первой среди западных держав «заняла ведущую позицию в отношении присоединения к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ)» и несмотря на возражения США первой подала заявление на присоединение к этому банку, «подготовив другим западным странам путь для присоединения»¹³.

Что касается сотрудничества в области высоких технологий, то Великобритания первой среди развитых стран начала осуществлять совместный проект строительства на своей территории высокоскоростных железных дорог, подписала соглашение с Китаем о сотрудничестве в области атомной энергетики, а в ходе визита Си Цзиньпина было подписано соглашение о сотрудничестве в создании спортивных электромобилей Рапид-С на базе Астон-Мартин (на 75 млн долл.) с применением китайских технологий производства спортивных электромобилей фирмой Geely. Кстати, знаменитые лондонские такси тоже производятся этой фирмой в Китае.

Китай принимает активное участие в амбициозном проекте нынешнего британского правительства по развитию и реиндустриализации севера страны (Northern Powerhouse). Как финансово — Пекин инвестирует в этот проект серьезные суммы, так и технологически — именно Пекин строит высокоскоростные дороги, призванные связать этот когда-то промышленно развитый район с югом страны. И именно Пекин оказывает содействие в создании на базе пяти городов (Ливерпуль, Манчестер, Лидс, Шеффилд и Ньюкасл) новой городской агломерации и строительстве соответствующей инфраструктуры. В ходе визита Си Цзиньпин вместе с премьером Кэмероном побывал в Манчестере, посетив не только местную академию футбола¹⁴, но и аэропорт, в расширение которого Пекин тоже будет вкладывать деньги (там будет разбит инновационный парк Китая). К визиту было приурочено и открытие китайской компанией «Хайнань айрлайнс» прямых рейсов Пекин — Манчестер.

В Британии отмечают, что страна осуществляет своего рода «поворот на Восток», то есть к сотрудничеству с Китаем. И это позволяет последнему диверсифицировать свои связи в Европе, создавая противовес Германии, до того являвшейся главным европейским партнером Пекина. Это тем более полезно и перспективно в ситуации, когда премьер Кэмерон затеял рискованную игру с референдумом по выходу Британии из ЕС.

За последние два года Великобритания обогнала Нидерланды, став вторым крупнейшим торговым партнером Китая в ЕС. Кроме того, Великобритания стала также крупнейшей страной-получателем китайских инвестиций в Евросоюзе¹⁵.

Дэвид Кэмерон охарактеризовал визит Си Цзиньпина как начало «золотой эры» для британско-китайских отношений. Си Цзиньпин в ответ заявил, что Соединенное Королевство является «наиболее открытым для Китая западным государством», сделавшим «дальновидный стратегический выбор»¹⁶.

Понятно, что в Британии далеко не все довольны подобным развитием событий и опасаются того, что тесное сотрудничество с Китаем и, как говорят критики, «адаптация» Британии к экономической мощи Китая помешают поддержанию «привилегированных» отношений с США. Однако правительство Кэмерона, по-видимому, надеется сохранить статус-кво в отношениях со своим традиционным партнером, активно лоббируя проект Трансатлантического партнерства.

Разумеется, сотрудничество с Великобританией также «привязывается» к проекту «один пояс, один путь», являющемуся сегодня главной внешнеполитической и внешнеэкономической инициативой КНР. Во время выступления на двустороннем деловом саммите в Лондоне Си подчеркивал, что структуры производства Китая и Великобритании в значительной степени дополняют друг друга, близки их концепции открытости рынка, они взаимно готовы продвигать свободную торговлю и расширение двусторонних инвестиций. В рамках инициативы «один пояс, один путь» у двух стран есть широкие возможности для сотрудничества и огромный потенциал. Лидер Китая выразил «четыре пожелания» к продолжению взаимного сотрудничества, среди которых — необходимость «состыковки стратегий». Китай приветствует участие британских инвестиций, технологий, кадров в проекте «один пояс, один путь», тринадцатом пятилетнем плане, программах «Интернет плюс» и «Сделано в Китае 2025» и готов продолжать предоставлять британским предприятиям необходимую информацию о проводимой политике и создавать благоприятные условия для инвестирования. Си Цзиньпин высоко оценил британскую стратегию «Индустрия Великобритании 2050», подчеркнув, что она «в высокой степени соответствует китайской стратегии развития и промышленной политике, что откроет перед двумя странами огромные возможности»¹⁷.

Комментируя визит, директор Центра по исследованию ЕС при Народном университете, научный сотрудник Института государственного развития и стратегических исследований Ван Ивэй процитировал Умберто Эко, председателя форума по культуре «Европейский Союз-Китай» на высшем уровне от европейской стороны, который отметил, что в период повышенного интереса к Китаю, наблюдавшегося в XVIII в., Европа упустила историческую возможность создания равноправного партнерства с Поднебесной. Сегодня этот шанс должен быть восполнен¹⁸. Но для этого нужно найти не только новую модель взаимодействия Запада с Китаем, а «новую модель мирового развития и новых путей развития человечества». При этом, как подчеркнул Ван Ивэй, никто не может постоянно находиться на «правильной» стороне мировой истории, представляя собой будущее поступательного развития всей человеческой цивилизации. На уровне выбора государственной системы западные развитые страны также испытывают определенные трудности в отношении системы управления государством и управленческих способностей. Таким образом, «пятая модернизация» (модернизация системы управления государством и управленческих способностей) будет востребована не только в Китае, но и во всем мире.

Другими словами, в Пекине сегодня считают, что китайский путь может быть примером для других стран, в том числе для стран Запада. По словам того же Ван Ивэя, необходимо не только перенимание западного опыта Востоком, но и восточного Западом, что будет способствовать открытию новой эпохи взаимного обмена опытом между сторонами.

От Афин до Минска

Если говорить о странах, не входящих в «ядро» Евросоюза, но наиболее активно в последнее время сотрудничающих с Китаем, то стоит выделить Грецию и Чехию, а также Украину и Белоруссию, которые не являются членами ЕС, но постепенно переходят из сферы влияния России в сферу влияния Китая.

Что касается Греции, то сотрудничество этой страны с КНР подробно освещалось мною в статьях, посвященных европейской поездке Ли Кэцзяна в мае 2014 г. Здесь достаточно сказать, что обустройство порта Пирей, который приобретен Китаем в аренду, идет настолько активно, что Пекин надеется вскоре превратить его в основной пункт своих морских перевозок в Европу. Так что присутствие Греции в качестве наблюдателя на последнем саммите Китай — ЦВЕ представляется отнюдь не случайным.

Президент Чехии Милош Земан был единственным представителем высшего руководства стран ЕС, кто присутствовал на военном параде в Пекине 3 сентября.

В сентябре 2015 г. между Прагой, которая считается одним из основных центров европейского и мирового китаеведения, и Пекином открылось прямое авиасообщение, а Банк Китая объявил о планах открытия здесь своих отделений.

Растет число китайских туристов в Чехию — за последние четыре года их количество утроилось, достигнув 300 000 человек (для сравнения — всю огромную Россию посещает около 1 млн китайских туристов в год).

Флагманом развития чешско-китайского сотрудничества является корпорация SEFC. Глава корпорации стал советником чешского президента по экономическим вопросам, а в сентябре компания объявила о покупке в центре Праги двух исторических зданий для размещения там своих офисов. Свое влияние в Чехии корпорация подчеркивает такими пиар-ходами, как покупка чешских футбольных команд («Славия» Прага), а также пивной компании «Лобковиц» (Lobkowitz). Кроме этого корпорацией были приобретены акции в «Travel Service» — которая имеет доли в «Чешских авиалиниях», а также доли в компаниях «Empresa Media» и «Medea Group».

Что касается наших ближайших соседей, бывших стран СНГ, одна из которых по-прежнему входит в ЕАЭС, то ей, по заявлению властей Украины, в марте 2015 г. Китай предоставил кредит на сумму в 15 млрд долл, а также подписал соглашение о реализации на Украине инвестиционного проекта стоимостью в 1 млрд долл.

Инвестиционные отношения двух стран начались еще до событий 2014 г. — Украина, которая и до того экспортировала свою аграрную продукцию в Китай, заключила сделку с ним, передав в сентябре 2013 г. 5% (около 3 млн га) своих территорий в аренду КНР на срок 50 лет. Территории к востоку от Днепропетровска были переданы госкомпани Xijiang Production and Construction Corp за 1,7 млрд долл. (вышеуказанное наименование — «экспортный вариант» названия Производственно-строительного корпуса Народно-освободительной армии Китая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе).

В 2015 г. Украина и Китай продолжили расширение торговых связей — по сообщению министра аграрной промышленности и продовольствия Украины, товарооборот стран за 7 месяцев увеличился вдвое, до 889,7 млн долл., и Украина стала самым крупным экспортером кукурузы в Китай, заняв более 90% китайского рынка. Китай, по сути, стал одной из главных опор украинской экономики после прихода новой власти, заместив утраченный российский рынок.

В Белоруссии в мае 2015 г. было объявлено о предоставлении Китаем около 700 млн долл. на развитие строительства и модернизацию белорусской инфраструктуры. Кроме того, около 300 млн долл. было предоставлено в кредит Банком развития КНР. В обмен на инвестиции Беларусь согласилась поставлять калий, который используется в качестве сельскохозяйственного удобрения (Китай является самым большим потребителем калия в мире).

Власти Белоруссии неоднократно делали громкие заявления о том, что могут стать китайским форпостом в Европе, чему благоприятствует положение страны между ЕС и Россией. Основным проектом сотрудничества, как предполагается, должен стать технопарк «Большой камень». Кроме того, Белоруссия заявила о своей решимости стать центром китайского телевидения на Европу и Россию¹⁹.

1. После последних европейских кризисов экономического и политического характера все больше политологов высказывают большие сомнения в способности Европейского Союза выступать полноценным независимым субъектом на международной арене. См., например: URL: http://www.odnako.org/almanac/archive/show_207.
2. Подробнее см.: URL: <http://andreyvinogradov.odnako.org/>.
3. *Виноградов А.* Европейское наступление Пекина – или тактика стратегия? // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5.
4. Там же. Возможно, это является также следствием резко возросшей, по мнению многих, концентрации реальной власти в сегодняшнем Китае в руках одного лидера и отходом от присущей предыдущему поколению структуры власти в форме «тандема».
5. Здесь и далее: URL: <http://eeas.europa.eu/>.
6. Синьхуа. 2015. 23. окт.
7. Китайская Народная республика: политика, экономика, культура. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 335–337, а также: URL: <http://www.odnako.org/blogs/silniy-kitay-slabaya-evropa-o-novom-sootnoshenii-sil-v-evrazii-chast-ii/>; <http://www.odnako.org/blogs/asimmetrichnij-otvet-ili-strategiya-kitaya-v-globalnom-mire-chast-2/>; Виноградов А. Европейское наступление Пекина – тактика или стратегия? // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5.
8. *Виноградов А.О.* Новый тип отношений и новый шелковый путь: К вопросу о внешнеполитических инновациях Китая // Китай в мировой и региональной политике. 2015. Т. 20, №20. С. 82.
9. Осенью 2015 г. состоялись визиты в Пекин президента Франции Франсуа Олланда (в начале ноября) и канцлера Германии Ангелы Меркель — в конце октября (в ответ на посещение этих стран Си Цзиньпином весной 2014 г.). Однако продолжительность визитов и особенно их наполнение не шли ни в какое сравнение с поездкой Си в Англию. Олланд обсуждал в основном подготовку к климатическому саммиту в Париже, а в программе визита Меркель наблюдатели обратили внимание на контракт на поставку Китаю 130 самолетов Airbus (общая сумма контракта — 15 млрд евро) и соглашение между немецкой и китайской биржами.
10. «Китайские руководители обычно сочетают свой визит с многосторонними международными конференциями, одновременно посещая несколько стран, чтобы повысить эффективность поездки» (Жэньминь жибао. 2015. 21 окт.). Особенно тогда, когда это касается Европы. Вспомним прошлогодний визит Си в Европу — четыре страны (Германия, Франция, Бельгия и Голландия) плюс участие в саммите по ядерной безопасности в Гааге. Здесь отдельный визит, четвертый по счету — до того Си посещал с отдельными визитами только РФ (на Олимпиаду в Сочи), Южную Корею и Монголию. Заметим, что все три эти страны — соседи Китая.
11. *Виноградов А.О.* Новый шелковый путь и новый тип отношений. К вопросу о внешнеполитических инновациях Китая // Китай в мировой и региональной политике. 2015. Т. 20, №20. С.69–87.
12. *Виноградов А.О.* Европейское наступление Пекина – тактика или стратегия? // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5.
13. Жэньминь жибао он-лайн. 2015. 21. окт.
14. Крупнейший китайский холдинг в сфере масс-медиа China Media Capital приобрел долю в «Манчестер Сити» и инвестирует в клуб 400 млн долл. URL: <http://www.sport-express.ru/se-money/football/news/943346/>
15. Жэньминь жибао он-лайн. 2015. 22. окт.
16. Там же.
17. Синьхуа. 2015. 22. окт. URL: <http://www.russian.news.cn>.
18. URL: <http://www.russian.china.org.cn> 23–10–2015.
19. Использованы материалы с портала «Южный Китай».

Российско-китайские отношения на современном этапе и перспективы их развития

© 2016

Се Чжэнчжэнь

Автор рассматривает развитие российско-китайских отношений на современном этапе в политической, экономической, гуманитарной областях и на международной арене. В связи со сближением российской и китайской позиций по главным вопросам международной повестки дня и ухудшением китайско-американских отношений, вопрос об установлении российско-китайского альянса привлекает все больше внимания. Автор полагает, что возможность создания такого альянса крайне мала.

Ключевые слова: Россия, Китай, российско-китайские отношения, российско-китайский альянс.

Серьезные изменения в двусторонних отношениях КНР — РФ произошли 22 марта 2013 г., когда Председатель КПК КНР Си Цзиньпин провел свой первый после вступления в должность зарубежный государственный визит в Российскую Федерацию. Этот факт показал большое значение, которое придает китайское правительство отношениям с Россией и характеризует особо близкие отношения, сложившиеся между двумя странами. Визит руководителя КНР в Россию стал важной дипломатической вехой в развитии и дальнейшем укреплении российско-китайских отношений. Открыв новую страницу в отношениях на высшем уровне, он дал мощный импульс для дальнейшего развития китайско-российских отношений всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства¹.

Развитие российско-китайских отношений на современном этапе (с 2013 г. по настоящее время)

В политической сфере

В течение 2013–2015 гг. лидеры двух стран в рамках двусторонних и многосторонних отношений встречались 13 раз — в ходе саммита «Группы двадцати» в сентябре 2013 г., саммита АТЭС 7 октября 2013 г., саммита БРИКС 15–16 июля 2014 г., саммита ШОС 11–12 сентября 2014 г., форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» 9 ноября 2014 г., на встрече перед началом саммита «Группы двадцати» 15 ноября 2014 г., саммитов БРИКС и ШОС в Уфе в 2015 г. Кроме встреч лидеры участвовали в нескольких многосторонних саммитах. Такие частые встречи демонстрируют интенсивное развитие российско-китайских отношений. До 2014 г. Китай установил 72 вида различных форм отношений партнерства с 67 странами и пятью региональными организациями, но

выражение «отношение всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» является уникальным и характеризует только российско-китайские связи.

Официальный визит президента России Владимира Путина в Китай в 20–21 мая 2014 г. стал крупным событием в рамках поворота внешней политики России в Азию. Лидеры двух стран достигли целого ряда исторических договоренностей по дальнейшему развитию двусторонних отношений и расширению сотрудничества в различных сферах, в том числе была заключена беспрецедентная 400-миллиардная сделка на продажу российского природного газа Китаю. Другим знаковым событием стало участие руководителей обеих стран в церемонии открытия российско-китайских военно-морских учений «Морское взаимодействие-2014», которые проходили с 20 по 26 мая в воздушном пространстве и морской акватории северной части Восточно-Китайского моря².

В то время как президент США Барак Обама и лидеры Западной Европы по политическим мотивам отказались присутствовать на торжественной церемонии открытия Олимпиады в Сочи, Председатель КНР Си Цзиньпин прибыл на открытие Олимпиады. Лидер Китая впервые присутствовал на крупном спортивном мероприятии, проводимом за пределами страны. Это стало ответным шагом руководства КНР в связи с участием В. Путина в церемонии открытия Пекинской олимпиады. Подобные «визиты вежливости» на высшем уровне являются одной из форм проявления особого характера российско-китайских отношений «всестороннего стратегического партнерства»³. С начала 2014 г. в связи с охлаждением отношений с Западом в условиях санкций они стали особенно важными для России⁴.

О том, насколько Москва и Пекин сблизилась в формировании международной повестки дня, можно судить по юбилейным мероприятиям в связи с окончанием Второй мировой войны. Си Цзиньпин стал одним из первых мировых лидеров, заявившим, что в мае 2015 г. он придет в Москву на торжества в связи с 70-летием Победы над фашистской Германией. В то время как Барак Обама и большинство западных лидеров отказались участвовать в праздновании события, которое россияне считают величайшим достижением в недавней истории своей страны и, возможно, важнейшим вкладом в мировую историю. Председатель КНР Си Цзиньпин стал главным гостем московской церемонии⁵. Участие военнослужащих Народно-освободительной армии Китая в параде на Красной площади подчеркнуло и усилило значение этого визита.

В свою очередь Владимир Путин присутствовал на юбилейном параде в честь окончания Второй мировой войны в сентябре в Пекине. Россия и Китай, вместе празднуя 70-летие Победы во Второй мировой войне, послали четкий сигнал всему миру о том, что обе страны намерены твердо противостоять любым попыткам изменить ее итоги и принизить вклад в победу России и Китая. Одновременно общая позиция России и Китая о недопущении пересмотра итогов Второй мировой войны вносит важный вклад в противодействие усиливающимся в разных регионах тенденциям милитаризации и в поддержание справедливого мира. На фоне демонстративного отказа лидеров западных государств принять участие в торжественных мероприятиях совместное празднование лидерами Китая и России 70-летия Победы не только продемонстрировало высокий уровень российско-китайских отношений, но и способствовало их дальнейшему углублению в областях экономики, торговли, финансов, энергетики и др.⁶

Важной сферой двусторонних отношений являются совместные военные учения «Морское взаимодействие-2013», «Морское взаимодействие-2014» и «Морское взаимодействие-2015», совместные антитеррористические учения под Чебаркулем «Мирная миссия-2013», учения стран ШОС «Мирная миссия-2014».

С 2005 по 2014 гг. российско-китайские морские и военные учения проводятся один раз в год, что не только отражает более близкие отношения между двумя странами, но и серьезные изменения в международной обстановке. В последние годы США ускорят реализацию стратегии «сдерживания Китая», одновременно с помощью «цветных

революций» они стремятся сократить сферу влияния России на постсоветском пространстве. В этих условиях взаимное доверие и укрепляющееся сотрудничество в военной области формируют у обеих стран надежный тыл, который позволяет им вложить всю свою энергию в борьбу против американской гегемонии.

В экономической сфере

В последнее время Китай проявляет большой интерес к развитию транспортной инфраструктуры в России. Среди таких проектов: скоростная железнодорожная магистраль, которая свяжет Москву с Пекином через Казахстан, современные морские порты на тихоокеанском побережье России, например, Зарубино в Приморском крае; развитие арктического Северного морского пути из Азии в Европу. Все это не только намного приближит Россию к Китаю, но и усовершенствует систему транспортных коридоров внутри Евразии за счет включения в нее Монголии и государств Центральной Азии. С 2015 г. китайская сторона начала строительство первой в России высокоскоростной железнодорожной магистрали по маршруту Москва — Казань, протяженность которой 700 км., а инвестиции в ее сооружение составят 5,9 млрд долл.⁷

В сфере финансов Китай на данном этапе вряд ли сможет заменить для России Запад, но и в этой области двусторонние связи постоянно углубляются. Несмотря на существующие у российских компаний проблемы по привлечению финансовых ресурсов из Китая, КНР выразила готовность предоставлять России кредиты, поскольку сотрудничество в этой сфере также носит взаимовыгодный характер. Расширение использования Россией китайского юаня и гонконгского доллара наряду с соглашением об усилении роли рубля и юаня в двусторонней торговле открывает перспективу постепенного повышения престижа и статуса китайской валюты, вплоть до превращения ее в главную региональную резервную валюту Евразии.

В нынешних обстоятельствах китайский план создания «Экономического пояса Шелкового пути» — проекта в области региональной торговли и транспорта — и реализация проекта ЕАЭС в 2015 г. скорее обернутся не соперничеством между Пекином и Москвой, а своеобразным симбиозом российских и китайских интеграционных проектов, участие в которых примут все страны региона.

В энергетической сфере сотрудничество приобретает черты потенциального альянса. Китай не только впервые начал покупать российский газ (до 2014 г. он экспортировался исключительно в Европу), но и увеличил потребление российской нефти. Сотрудничество в энергетической сфере получило мощное продолжение. Китайские компании получают доступ к российским углеводородным ресурсам, чего они долго не могли сделать из-за действующих в России норм регулирования. В феврале 2015 г. вице-премьер Аркадий Дворкович заявил, что китайские фирмы теперь могут приобретать контрольные пакеты акций стратегических нефтегазовых месторождений России, кроме расположенных на континентальном шельфе⁸.

В результате санкций было прекращено партнерство российской государственной нефтяной компании «Роснефть» с ВР и американской «Еххон Мобил», что, скорее всего, также откроет китайским деловым кругам путь к некоторым сферам этого бизнеса, ранее остававшимся зоной исключительно европейских и американских компаний. В ситуации, когда Европа старается ослабить зависимость от импорта энергоносителей из России, поворот на восток является единственной разумной альтернативой для «Газпрома» и «Роснефти».

Подписанный в ходе визита президента России В. Путина в Китай контракт о поставках газа на общую сумму 400 млрд долл. рассчитан на 30 лет, объем поставок топлива составит до 38 млрд куб.м в год с возможным увеличением до 60 млрд куб.м. Хотя многие детали соглашения не разглашаются, и нередко высказываются сомнения относительно его практической реализации, эта сделка, несомненно, представляет пово-

ротный момент исторического масштаба в энергетической геополитике России. Газовый прорыв в Китай можно сравнить лишь с таким же прорывом Москвы в Западную Европу в конце 1960-х годов⁹. Уже в ноябре 2014 г. стороны объявили о планах по строительству западного газопровода, по которому российские нефть и газ будут поставляться китайским покупателям.

Эти сделки свидетельствуют не столько об альянсе между странами, сколько о желании России снизить последствия от экономических санкций, введенных США и Европой в связи с войной на Украине и присоединением Крыма. Однако прежние прогнозы относительно укрепления связей между Москвой и Пекином в энергетической сфере могут оказаться завышенными. В прошлом Советский Союз и Китайская Народная Республика при Мао Цзэдуне неоднократно вступали в острые дискуссии по идеологическим вопросам и даже воевали друг с другом в 1969 г. У Москвы сегодня есть опасения, что она обречена стать «младшим партнером» в любом альянсе с Пекином, учитывая быстрый экономический рост и влияние КНР.

Несмотря на известные опасения укрепление отношений может оказаться довольно значительным, поскольку у двух стран нет других сильных союзников в противостоянии созданному США международному глобальному и региональному порядку в Европе и Азии. Это касается и аспекта международной безопасности. Вместо Великой Европы от Лиссабона до Владивостока сейчас активно формируется Великая Азия от Шанхая до Санкт-Петербурга.

В гуманитарной сфере

На фоне растущего стратегического партнерства Китай и Россия за последние несколько лет заметно укрепили взаимодействие в гуманитарной сфере. Два страны успешно провели «Национальные годы» в 2006 и 2007 гг., «Годы китайского и русского языков» в 2009 и 2010 гг., «Годы туризма» в 2012 и 2013 гг., а также другие масштабные мероприятия в сфере гуманитарных обменов. В 2014 и 2015 гг. Москва и Пекин проводили «Годы культурных обменов молодежи». Посредством данной программы обе стороны поощряют обмены между университетами двух стран, планируют увеличить количество студентов, обучающихся по обмену.

На международной арене

На протяжении нескольких десятков лет Соединенные Штаты будут оставаться самой могущественной страной на планете, но в то же время очевидно, что контроль Вашингтона над остальным миром быстро слабеет. В мире происходит эпохальный сдвиг от американской гегемонии к более свободному мироустройству, в рамках которого значение Китая увеличится, а Россия обретет большую свободу действий.

Обе страны придают огромное значение силе государства и его полной свободе действий на международной арене. Поэтому главным приоритетом для Москвы и Пекина является сохранение существующих политических режимов в обеих странах. И Россия, и Китай рассматривают постоянные кампании Запада за демократизацию и права человека в России и Китае как политические инструменты США, направленные на дестабилизацию обстановки в двух странах. «Руководство России и Китая проявляет недовольство критикой со стороны западных правительств, осуждает “необъективную” позицию западных СМИ, финансирование неправительственных организаций из-за рубежа и использование Интернета для подстрекательства к антиправительственным выступлениям и революциям. В обеих столицах эти действия расцениваются как покушение на суверенитет, и принимаются меры для ограничения или прекращения подобной деятельности. В 2011–2012 гг. В. Путин связал протестные манифестации в Москве с поддержкой их со стороны США. Пекин в 2014 г. усмотрел руку «иностранных кукловодов» за протестным движением в Гонконге»¹⁰.

Недавно США опубликовали «Доклады о положении с правами человека в странах мира», где его состояние в Китае, России, Иране и ряде других стран признается неудовлетворительным. США утверждают, что Россия нарушила права человека в украинском кризисе, а Китай — во время движения «Оккупируй централ» (Гонконг). С целью противодействия подобной трактовке прав человека Россия и Китай объединили свои позиции и наложили вето на обсуждение в Совете Безопасности ООН вопроса о правах человека в Северной Корее.

В сфере глобального управления Китай и Россия совместно ведут работу по усилению влияния незападных международных институтов, например, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и группы развивающихся экономик БРИКС. В 2015 г. членами ШОС стали Индия и Пакистан, после чего она стала включать большинство великих держав Азии. Группа БРИКС, создавшая собственный Банк развития, пытается частично стать альтернативой «большой семерки» (после того, как G8 в 2014 г. прекратила свое существование) и Международного валютного фонда. Основные экономические и финансовые инициативы группы исходят от наиболее крупного участника БРИКС в финансово-экономическом отношении — Китая. Банк развития предназначен для поддержки стран БРИКС, прежде всего, в области инфраструктурных проектов, которые будут способствовать торгово-экономическому сотрудничеству между членами БРИКС, а народы этих стран смогут пользоваться плодами экономического процветания и роста¹¹.

Созданный БРИКС пул условных валютных резервов, первоначальный объем которого составит 100 млрд долл. (Китай внесет 41 млрд долл., Бразилия, Россия и Индия — по 18 млрд долл. каждая, Южная Африка — 5 млрд долл.), формируется для защиты национальных валют от волатильности финансовых рынков. По соглашению голоса стран-участниц БРИКС распределяются в соответствии с обещанным финансированием в пуле валютных резервов¹², что наделяет КНР особенно важной ролью в создании и развитии экономической и финансовой сфер группы БРИКС.

Все это говорит о том, что в сфере мирового управления Китай при поддержке России, вероятно, будет брать на себя инициативу, а не только следовать в фарватере Соединенных Штатов или противодействовать им. Пекин и Москва будут стремиться сначала на региональном уровне создать альтернативу существующим, разработанным на Западе институтам по управлению мировыми финансами. В процессе установления более тесных взаимоотношений Москва, вероятно, будет настаивать на равном статусе, а Пекин, скорее всего, проявит мудрость и согласится с ее условиями.

Со сближением российско-китайских позиций и ухудшением китайско-американских и российско-американских отношений перспектива создания российско-китайского альянса привлекает все больше внимания в Китае и мире. В зависимости от занимаемой позиции китайские ученые условно делятся на три группы:

Во-первых, многие из них считают, что Китай должен немедленно создать союз с Россией. Известный ученый, профессор Университета Цинхуа Янь Сюэтунь поддерживает создание альянса между Россией и Китаем. На протяжении многих лет он выступал за создание китайско-российского альянса. По его словам, решающим фактором для его создания является то, что у обеих стран на данном этапе есть общие стратегические интересы. Янь Сюэтунь считает, что поскольку в настоящее время Китай и Россия не могут присоединиться к западному блоку в главе США, то и союзники США будут чувствовать угрозу со стороны Китая и России.

Кроме того, слабеющие США будут опираться на союзников в Европе и Азии, чтобы увеличить давление на Китай и Россию, что ставит Китай и Россию перед общей угрозой. Таким образом, в ближайшие десятилетия, российско-китайский альянс пойдет на пользу Китаю и России. Он также опроверг мнение, что российско-китайский альянс против США приведет к новой «холодной войне»¹³.

Некоторые ученые считают, что перед лицом стратегического давления США и Европы на Россию и Китай «они должны создать стабильные и высокие стратегические отношения квазиальянса»¹⁴, а затем углублять отношения стратегического альянса¹⁵ и не ограничиваться текущими отношениями сотрудничества и партнерства. Некоторые даже предполагают, что в настоящее время Китай и Россия являются конечными стратегическими целями проводимой США политики «разделения» и «окружения» в Евразии. «Как страны с общими жизненными интересами и две великие державы, ответственные за поддержание мира во всем мире, Китай и Россия должны объединить усилия, чтобы остановить проводимую США политику уничтожения слабых стран и противостоять их амбициям по установлению глобальной империи», а это значит, что Китай и Россия должны построить большой евразийский альянс¹⁶.

Во-вторых, большое количество ученых однозначно негативно относится к созданию российско-китайского альянса. Научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Чжэн Юй считает, что «Китай и Россия абсолютно не нуждаются в альянсе, отношения стратегического взаимодействия и партнерства без альянса являются более благоприятными для обеих сторон»¹⁷. В основе такой позиции лежит то, что Россия и Китай уже наладили сотрудничество в многих областях; риска масштабного военного вторжения в эти две страны не существует; основной задачей обеих сторон является создание нового международного порядка; отсутствие союзнических отношений содействует поддержанию взаимовыгодного партнерства, равенства и уважения; в случае войны стороны не смогут предоставить прямую военную поддержку.

Научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Цзян И считает, что китайско-российский альянс полностью противоречит цели двустороннего сотрудничества, так как развитие китайско-российских отношений имеет свои собственные объективные законы и логику. «Анти-Запад» никогда не был отправной точкой и основой китайско-российского сотрудничества. Движущая сила развития китайско-российских отношений состоит в том, что две соседние державы хотя и установления отношений добрососедства, при этом другие внешние факторы действуют только как «вспомогательные силы». «Мысль о том, что Китай и Россия всегда выступают в согласии и единстве в борьбе против сдерживания и выдавливания США и других западных стран, абсолютно нереалистична, и любая попытка совместного «антиамериканского» движения является опасной для обеих стран»¹⁸.

Профессор Пекинского педагогического университета Ли Син считает, что возможность создания такого альянса относительно мала, так как «стратегические интересы двух стран не едины... геопозиционирование тоже разное»¹⁹. Российско-китайское стратегическое партнерство является одной из тенденций эпохи. Именно партнерство, а не альянс, соответствует стратегическим интересам обеих стран, оно не только способствует развитию экономического сотрудничества между ними, но также усиливает их чувство безопасности, способствует поддержанию баланса мировых держав²⁰. Президент Китайского института исследований международных проблем Цюй Син также выразил мнение, что хотя Китай и Россия имеют общие интересы на международной арене, им нельзя создавать альянс, в противном случае может возникнуть новая «холодная война»²¹.

Наконец, в-третьих, некоторые китайские ученые занимают нейтральную позицию, они не поддерживают российско-китайский альянс, но и не выступают против. Они считают, что условия для обсуждения этого альянса еще не созрели. Профессор Шаньдунского Университета Хуан Дэньсюе отмечает, что Китай и Россия должны продолжать углублять текущие отношения сотрудничества, не создавать альянс и не охлаждать друг к другу, а развивать китайско-российские отношения в относительно доброжелательном взаимодействии с Соединенными Штатами²². Вице-президент Китайской ассоциации исследования истории китайско-российских отношений, генерал-майор Ван Хайюнь на-

становится на квазиальянсе и выступает против создания российско-китайского альянса в настоящее время, потому что если две страны создадут альянс теперь, то они могут сформировать только «слабую коалицию». Однако сейчас необходимо создавать условия для будущего альянса²³.

Американские ученые тоже активно обсуждают этот вопрос. Некоторые из них полагают, что Россия и Китай всегда поддерживали союзнические отношения, и на самом деле они уже сформировали антизападный альянс, который полностью проявляется в их позиции в Совете Безопасности ООН и в ШОС. Они считают, что Россия и Китай противостоят Западу в СБ ООН, выступают против предложений западных стран. Кроме того, Запад рассматривает ШОС как российско-китайский «совместный восточный НАТО, как антизападный альянс»²⁴. Профессор Джозеф Най считает, что Китай и Россия просто сближаются, и создание альянса не является ни возможным, ни необходимым. Основная причина союзнических отношений между СССР и Китаем в прошлом веке заключалась в том, что Китай после Второй мировой войны и во время «холодной войны» был слишком бедным и слабым. Но даже тогда этот альянс существовал всего около десяти лет. Сегодня Китай уже обладает значительной силой, а российская сила ослабла. При таких обстоятельствах возможность создания российско-китайского альянса мала²⁵.

Российские ученые тоже высказывают различные мнения по этому вопросу. Большинство из них считает, что обе стороны не готовы создавать альянс.

Почетный председатель Российского совета по внешней и оборонной политике С. Караганов считает, что российские и китайские лидеры не хотят создавать антизападный альянс и боятся усиления политики сдерживания Запада в результате создания такого альянса²⁶. Известный специалист по исследованию Китая А. Лукин полагает, что «российское правительство солидарно с позицией китайского правительства и не хочет создавать военный альянс с Китаем. Если Россия хочет быть самостоятельной мировой державой, то должна развивать хорошие отношения с Китаем в политической и экономической областях, но военный альянс не является конечной целью»²⁷.

Директор Московского Центра Карнеги Д. Тренин уверен, что альянс Китая с СССР в 1950-х годах был исключением, в настоящее время Китай не выражает желания создавать с Россией альянс, и мечта о создании российско-китайского альянса не станет реальностью. Он также отметил, что, даже если российское правительство готово работать с Китаем против гегемонии США, большинство российских граждан не согласится с этим, поскольку в таком альянсе Китай будет играть ведущую роль, а Россия станет «младшим партнером», что для нее неприемлемо²⁸. Ведущий научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД РФ В.Я. Воробьев занимает аналогичную позицию, считая, что идея создания антизападного евразийского военного и политического альянса с Китаем совершенно утопическая и вредит не только перспективам ШОС, но и позиции России в ШОС и в российско-китайских отношениях²⁹.

Несколько российских военных стратегов полагают, что Россия и Китай должны сформировать военный и политический альянс, чтобы противодействовать американской системе противоракетной обороны и построить свою собственную систему безопасности, но «альянс России и Китая возможен только тактически — у нас есть ряд конфликтных зон как в экономике, так и в политике. Сплотить нас может только серьезная внешняя угроза»³⁰. С развитием Китая возможности превращения российско-китайского стратегического партнерства в альянс будут уменьшаться³¹.

Действительно, в настоящий момент, возможности создания такого альянса относительно малы и по-прежнему справедливо утверждение, что у стран мира «нет постоянных врагов или друзей, а есть лишь постоянные интересы». Хотя уровень российско-китайских политических отношений очень высок, он по-прежнему далек от полного взаимного доверия.

В настоящее время Россия усиливает свою открытость по отношению к Китаю, но во многих ключевых областях по-прежнему избегает КНР. Очевидно, что в контексте общих усилий двух стран по изменению международной обстановки последний шаг для установления альянса между Пекином и Москвой сделать не так легко, как кажется¹².

Можно констатировать, что российско-китайские отношения стали более тесными, особенно в условиях международной напряженности, вследствие чего некоторые политики и ученые двух стран призывают создать военный альянс между Пекином и Москвой. На взгляд автора, военный альянс между Россией и Китаем не нужен, стратегические отношения взаимодействия и партнерства без военного блока, направленного против других стран, будут более надежными для обеспечения национальных интересов обеих сторон. Одной из причин такой позиции автора является тот факт, что российско-китайский альянс приведет к серьезной конфронтации с Западом, чего ни Россия, ни Китай не хотят. Долгосрочная цена такого противостояния будет огромной. Для Китая в результате такого альянса жизненно важные экономические отношения с США будут подорваны, он столкнется с утечкой крупных капиталов, значительным уменьшением прямых иностранных инвестиций и запретом на импорт технологий, необходимых для развития промышленности и поддержания текущих темпов роста ВВП. Эти последствия существенно замедлят рост экономики КНР и могут подорвать политическую и социальную стабильность в Китае.

Россия в свою очередь уже страдает от западных санкций, если западные страны усилят ограничения ее на доступ к западным финансовым рынкам, а также запретят передачу России технологий, особенно необходимых для российского энергетического сектора, то экономические перспективы страны станут еще более туманными. Текущая конфронтация Москвы и Запада по ситуации на Украине уже вызвала ускоренное развертывание системы противоракетной обороны в Восточной Европе, что может спровоцировать новую гонку вооружений и противостояние, подобное Карибскому кризису 1962 г. Вряд ли российская экономика способна выдержать такую нагрузку. Таким образом, любая попытка формирования военного альянса против США может навредить коренным интересам двух стран.

Несмотря на усиление в мире вызовов в сфере безопасности, рисков масштабного военного вторжения в Россию и КНР не существует. Современные проблемы безопасности для России в Европе не могут сравниться с военной конфронтацией между НАТО и Организацией Варшавского Договора во времена «холодной войны». Хотя в Северо-Восточной Азии сохраняется напряженность, прежде всего в отношениях между Южной Кореей и КНДР, там ситуация пока далека от остроты начала 1950-х годов.

Таким образом, можно утверждать, что Россия и Китай в настоящее время не нуждаются в создании военного альянса для обеспечения своей безопасности, а многочисленные угрозы, с которыми сталкиваются две страны, в большинстве случаев не требуют использования вооруженных сил. А в случае крупномасштабной войны Россия и Китай как потенциальные союзники вряд ли окажут друг другу прямую военную поддержку. История XX в. также доказывает, что военный альянс не гарантирует прямой военной поддержки союзников. Например, в феврале 1979 г. во время китайско-вьетнамского вооруженного конфликта, несмотря на советско-вьетнамский «Договор о дружбе и сотрудничестве», который подкреплялся военным альянсом, СССР провел лишь серию военных учений на российско-китайской границе, но прямого участия в военных действиях на стороне Вьетнама не принимал. А во время иракской войны союзники США по НАТО Германия и Франция выступили решительно против военных действий Америки и Великобритании.

И без военного альянса Россия и Китай могут сохранить отношения партнерства, взаимного уважения и равноправия. В любом военном альянсе имеется де-факто ведомый и ведущий. Это вызвано не только тем, что слабой стране нужно примкнуть к бо-

лее сильной в военном отношении державе, но и тем, что в постоянной совместной военно-штабной структуре неизбежно существуют отношения руководящих и подчиненных, которые приведут к фактическому неравенству между странами. В связи с быстрым ростом совокупной государственной мощи Китая российские наблюдатели выражают опасения, что Россия постепенно будет превращаться в экономического вассала Китая, что явно не соответствует текущим амбициям Москвы.

Одной из основных задач российско-китайских стратегических отношений взаимодействия и партнерства является установление международного порядка в интересах мира и развития. Россия и Китай совместно защищают «Шанхайский дух», призывают использовать сотрудничество, консультации, компромисс и диалог для достижения прочного мира и стабильности. За исключением случая вынужденной самообороны, обе страны выступают против употребления силы в международных отношениях и односторонней гегемонии. В настоящий момент ситуация отличается от времен «холодной войны» новой концепцией безопасности и режима неприсоединения к военным блокам.

У России и Китая различные политические системы, у каждой из сторон есть свое, отличное от другой, представление о национальной безопасности. Обе страны, установив стратегические отношения взаимодействия и партнерства, а не военный альянс, сохранили необходимые возможности для маневрирования, которое позволяет им решать проблемы внешней безопасности и экономического развития в соответствии со своими национальными интересами. Россия и Китай вследствие этого не могут иметь одинаковые позиции по всем вопросам и не могут поддерживать друг друга по всем темам международной повестки. В некоторых вопросах взаимная международная поддержка становится невозможной. Так, например, после августовской войны 2008 г. Государственная Дума РФ приняла резолюцию о признании независимости Южной Осетии и Абхазии. Однако по этому вопросу китайское правительство сохранило молчание и не поддержало Россию. Главная причина этого в том, что для Пекина неприемлемо аналогичное решение в связи с тайваньской проблемой.

У России и Китая существует достаточное количество стратегических противоречий со странами Запада на двустороннем уровне по международным и региональным вопросам. В то же время они продолжают развивать сотрудничество с Западом в других областях. На протяжении многих лет по отношению к западным странам, том числе к США, Китай придерживается принципа «повышения доверия, уменьшения конфликтности, развития сотрудничества и избегания конфронтации». Россия в свою очередь всегда стремилась к установлению «равноправного партнерства» с США и Евросоюзом. В то же время США и другие западные страны пытаются избегать между Россией и США, Китаем и США конфликтов в стиле «холодной войны». На самом деле Россия и Китай смогли успешно развивать сотрудничество с Западом в области поддержания региональной стабильности, предотвращения распространения оружия массового уничтожения, борьбы с различными нетрадиционными угрозами безопасности, установления взаимовыгодных экономических отношений, поэтому утверждать, что Запад для России и Китая — откровенный и безусловный противник, неверно. Россия и Китай длительное время сохраняют стратегические отношения взаимодействия и партнерства, но не военного альянса. Это свидетельствует о том, что обе стороны не стремятся к установлению отношений конфронтации с другими странами, к гегемонии или признанию международного авторитета силовым путем. Сущностью российско-китайских стратегических отношений взаимодействия и партнерства является стремление к совместному развитию, которое не только взаимовыгодно для двух стран, но способствует укреплению региональной и международной безопасности. Стремление к совместному развитию означает, что стратегические отношения взаимодействия и партнерства между КНР и РФ не направлены против третьих стран, они не стремятся создавать альянсы, а сосредоточиваются на мирном развитии. Это также свидетельствует, что обе страны будут совместно устанавливать и

поддерживать выгодную для их развития международную и региональную обстановку. В широком смысле стремление к совместному развитию означает, что Россия и Китай постараются внести свой вклад и взять на себя ответственность за стабильность и процветание международного сообщества. А продолжение сотрудничества с мировым сообществом соответствует китайской концепции «гармоничного мира».

Очевидно, что в период однополярного мира (1991–2001 гг.) роль России и Китая на международной арене была весьма ограниченной. Несмотря на создание российско-китайских стратегических отношений взаимодействия и партнерства в 1996 г., из-за недостаточного экономического и военно-политического потенциала двух стран США имели возможность одновременно проводить политику «двойных стандартов» по отношению как к России, так и к Китаю, но не смогли предвидеть российско-китайского сближения. Террористический акт 11 сентября 2001 г. положил начало новому этапу международной глобальной политики, и однополярный мировой порядок начал трансформироваться в многополярный.

До 2020 г. распределение международных сил в мире вряд ли изменится, геополитическая игра в треугольнике между Россией, Китаем и США будет определять международную повестку дня. Сложно, однако, представить ситуацию, при которой Россия и Китай в качестве самостоятельных полюсов силы в международных отношениях используют свои возможности для реализации собственных политических амбиций. Таким образом, российско-китайские стратегические отношения взаимодействия и партнерства будут сохранять долговременную стабильность. США будут постепенно терять мировое лидерство, уступая свои международные полномочия другим, прежде всего развивающимся странам и международным организациям, которые и будут определять новый мировой порядок, приходящий на смену нынешнему брюссельско-вашингтонскому.

1. *Фэн Юйцзюнь*. Чжуаньцзя цзеду Си Цзиньпин чжуси фанвэнь элоси чэнго: [Специалист разъясняет результаты визита председателя Си Цзиньпина в Россию]. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2013-04/03/c_124537249.htm.
2. Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/351/events/21048>.
3. Зимние Олимпийские игры в Сочи 2014 г. в особой значимости в отношениях КНР И РФ. URL: <http://news.ifeng.com/opinion/wangping/suoqi/>
4. *Островский А.* В условиях санкций Россия должна больше развивать сотрудничество с Китаем. URL: <http://www.pravda.ru/news/expert/19-05-2014/1208505-ostrovsky-0/>
5. *Портников В.* Подарок на 9 мая: Путин преподносит Си Цзиньпину Россию. URL: <http://ru.krymr.com/content/article/27006254.html>.
6. Си Цзиньпин на параде на Красной площади. URL: <http://news.qq.com/a/20150511/025246.htm>.
7. Китай вложит 5,9 млрд долл. в магистраль Москва — Казань.
8. Из выступления А. Дворковича на Красноярском экономическом форуме. Цит. по: Business FM. 2015. 27 февр.
9. Russia Signs 30-Year Gas Deal With China // BBC News. 2014. 21 May URL: <http://www.bbc.com/news/business-27503017>.
10. *Тренин Д.* От Большой Европы к Большой Азии? Китайско-российская Антанта. Московский центр Карнеги. URL: <http://carnegie.ru/publications/?fa=60066>.
11. Эксперты интерпретирует создание Банк развития БРИКС и пул условных валютных резервов БРИКС. 16.7.2014. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2014-07/16/c_1111652159.htm.
12. *Ван Хоушуань*. Цзиньчжуань хэцэо ди чжи дуй цуаньцю цзиньци тиси хэ чжиду гэсинь дэ инсян: [Влияние механизма сотрудничества БРИКС на систему управления глобальной экономической и институциональную инновацию] // Ячжоу тайпинянь цзиньци. 2015. № 3. С. 5.
13. *Льв Сюэтуи*. Элоси жэкао ма?: [Россия надежная?] // Шицзе цзиньци яньцзю. 2012. № 3. С. 25.

14. Юй Чжэнлянь. Гуаньюй чжунго да чжаньлюе дэ сыкао: [Размышление о большой стратегии Китая] // Мао Цзэдун Дэнь Сяопин лилунь яньцзю. 2012. № 5. С. 97.
15. Чжан Вэньму. Чжун Э цземэндэ сяньду, мубяо хэ ии: [Пределы, цели и значение китайско-российского альянса] // Шэхуй гуаньча. 2012. № 3. С. 87.
16. Дай Сюй. Чжун Э ин гоуцзянь оуя да льяньмэн: [Китай и Россия должны построить большой Евразийский альянс]. 29.01.2012. URL: <http://opinion.huanqiu.com/1152/2012-01/2385635.html>.
17. Чжэн Юй. Чжун Э бу сюйяо цзюньши цземэндэ лю дьянь линъю: [Шесть причин — нужен военный альянс между Китаем и Россией]. 02.07.2012. URL: <http://opinion.huanqiu.com/1152/2012-07/2872999.html>.
18. Цян И. Бу каопудэ Чжун Э цземэн шо: [«Китайско-российский альянс» ненадежен] // Шицзе чжиши. 2012. № 5. С. 53.
19. Ли Син. Мэйго чжаньлюе чжунсинь дунъи юй Чжун Э диюань аньцюань хэцзо: [Движение американского стратегического центра на восток и китайско-российское сотрудничество в области геополитической безопасности] // Вайцзю сюэюань сюэбао. 2012. № 4. С. 108.
20. Цзэбань бу цземэн Чжун Э гуаньси ин жан сифан кайянь: [Партнерство, а не альянс: китайско-российским отношениям удивится Запад]. 12.05.2015. URL: <http://opinion.huanqiu.com/editorial/2015-05/6407300.html>.
21. Цюй Син. Чжун Э бу нон цземэн фоуцзэ хуй баофа лэнчжань: [Китай и Россия не должны формировать альянс, в противном случае может возникнуть «холодная война»]. URL: <http://world.huanqiu.com/exclusive/2014-12/5229619.html>.
22. Хуан Дэньсюе. Лунь Чжун Э чжаньлюе сецзо хобань гуаньси таньси: [Анализ перспектив китайско-российских отношений стратегического взаимодействия и партнерства] // Вайцзю сюэюань сюэбао. 2008. № 2. С. 31.
23. Ван Хайюнь. Чжунго цзянцзюнь фаньдуй сяньцзай Чжун Э цземэн чэн муцянь сюйяо дэ ши пэнью: [Китайский генерал против китайско-российского альянса в настоящее время]. URL: <http://mil.sohu.com/20140522/n399881678.shtml>.
24. Чжао Хуашиэн. Мэйго юй Шанхэ цзучжи цун Буши дао Аобама: [США и ШОС: от Буша к Обаме] // Шицзе вэньти яньцзю. 2010. № 2. С. 33.
25. Най Д. Китай и Россия снова сформируют альянс? URL: http://www.guancha.cn/YueSeFu-Nai/2015_02_02_308273.shtml.
26. Караганов С. Новый союз Запада? // Рос. газ. 2008. 20 янв.
27. Лукаш А. Китай: опасный сосед или выгодный партнер? // Pro et contra. 2007. Ноябрь-декабрь. С. 74.
28. Тренш Д. Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга. М.: Центр европейских реформ; Моск. центр Карнеги, 2012. С. 45–46.
29. Воробьев В. Сумма сходящихся интересов // Россия в глобальной политике. 2012. № 6. С. 161–162.
30. Полубота А. Рискнут ли Россия и Китай дружить против США? // Свободная пресса. 24.08. 2012. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/58120>.
31. Кашо Н. Россия и Китай: новый военный союз? // Голос России. 2012. 26 апр. URL: http://rus.ruvr.ru/2012_04_26/73036409.
32. Чжун Э хайшан льяньхэ цзюньянь: [Совместные российско-китайские военно-морские учения]. URL: <http://military.china.com/jqsj/067/>.

Эволюция политики КНР в отношении Иракского Курдистана

© 2016

Н.З. Мосаки

В статье анализируется динамика отношений Китая с Курдистанским регионом Ирака, возросшая политическая роль которого делает его влиятельным региональным фактором. Отмечается уменьшение зависимости политики Китая в Иракском (Южном) Курдистане от китайско-иракских отношений, а также влияние на нее «энергетического и экономического контекста».

Ключевые слова: Китай, Ближний и Средний Восток, Ирак, Иракский (Южный) Курдистан, генеральное консульство КНР в Эрбиле.

В последние годы наблюдается планомерное и долгосрочное проникновение КНР во многие регионы мира, в частности, на Ближний Восток¹. В этой связи представляет интерес опыт политики Китая в отношении Иракского Курдистана (официальное название — Регион Курдистан/Ирак) и в целом к курдскому вопросу, превращающемуся в одно из направлений внешней политики КНР в этом регионе. В административном центре Иракского Курдистана городе Эрбиле создано генеральное консульство, а по сути, учитывая де-факто независимый статус Южного Курдистана² — посольство. Необходимо отметить, что Южный Курдистан — часть Ирака, обладающая богатейшими природными ресурсами³, развивающейся экономикой, «политический вес которой значительно больше его размеров и численности населения»⁴. В то же время Иракский Курдистан — часть этнографического Курдистана, включающего в себя также территории компактного проживания курдов в Турции, Сирии и Иране. Множественность интересов определяет аккуратность действий Пекина в курдском вопросе.

Политика Китая в отношении Ирака и курдский фактор до 2004 г.

Интерес у КНР к региону Ближнего и Среднего Востока имеет весьма насыщенную историю. В первые годы существования КНР большинство ближневосточных стран были против проводимой Китаем политики. Бандунгская конференция 1955 г. изменила отношение арабских государств к Китаю. Этим временем датируется начало процесса установления дипломатических и торговых отношений КНР с арабскими странами⁵.

После иракской революции 1958 г. Китай открыл посольство в Багдаде. В начале 1959 г. было подписано первое соглашение о торговле и платежах между КНР и Иракской Республикой⁶. В эти годы образ Китая как развивающейся азиатской державы, противопоставляющей себя колониальной политике, был весьма популярен⁷.

Китай не был пассивным политическим игроком на азиатском субконтиненте. В 60-х—70-х гг. XX в. он активно интересовался национальным вопросом на Востоке, пытаясь использовать различные проблемные узлы в своей внешнеполитической стратегии.

Как писал известный советский курдовед М.С. Лазарев, в первой половине 1968 г. при очередном обострении курдской проблемы в Ираке, маоистский Китай заметно активизировался в этой стране, с одной стороны, натравливая арабов на курдов, а с другой — в антисоветских целях спекулируя на помощи оружием, которую предоставлял СССР Ираку⁸. В то же время, считал М.С. Лазарев, вряд ли правильно было бы представлять позицию КНР как некую «третью силу», «способную противостоять какой-либо из сверхдержав (США и СССР) в данном частном вопросе. Идеологически маоизм был весьма популярен в ряде влиятельных партий национально-освободительного толка. В частности, это можно сказать о Патриотическом союзе Курдистана (ПСК) и его лидере Джалале Талабани⁹.

С конца 1970-х годов страна стала выходить из международной изоляции, начали проводиться экономические реформы, приведшие к превращению Китая в экономического гиганта. Тем не менее, несмотря на существующие многочисленные связи со странами БСВ, реальное влияние КНР в этом регионе было таким же, как и в середине 1950-х годов¹⁰.

Политика и успехи Пекина на БСВ во многом зависели от состояния отношений той или иной страны с СССР. Антисоветская политика шахского Ирана, Египта при Садате и Саудовской Аравии обуславливала стремление КНР к тесным связям с этими странами¹¹. В конце 1960-х годов национально-освободительная борьба вызывала некоторое сочувствие в Пекине, однако охлаждение в иракско-советских отношениях, наблюдающееся со второй половины 1970-х годов, стало импульсом для развития китайско-иракского сотрудничества¹², что исключало интерес к курдам. Китай начал активно сотрудничать с саддамовским Ираком, получая большие подряды¹³. В 1979–1990 гг. китайские компании выполнили в Ираке работы на общую сумму в 2 млрд долл. США. При этом Китай воспользовался в ирано-иракской войне 1980–1988 гг. — обе страны стали основными покупателями китайского оружия¹⁴, доходы от экспорта которого явились важным подспорьем в процессе модернизации производства вооружений в КНР.

1980-е годы ознаменовались сугубо прагматической, ориентированной на экономику политикой Китая на БСВ¹⁵, заполнявшей лакуны, образовавшиеся в связи с крушением биполярной системы. Сотрудничество в Совете Безопасности ООН с США в разрешении международного кризиса, возникшего после вторжения Ирака в Кувейт, позволило КНР «реабилитировать свой образ на международной арене»¹⁶ и выйти из международной изоляции, в которой страна оказалась после событий на площади Тяньаньмэнь. Вскоре с КНР были сняты и экономические санкции. Китай осудил агрессию Ирака, однако призывал к мирному урегулированию проблемы¹⁷.

После введения в отношении Ирака эмбарго китайские компании перестали работать в этой стране, вернувшись к сотрудничеству с ним лишь в 1996 г. в связи с введением программы «Нефть в обмен на продовольствие». Товарооборот Ирака с Китаем в 1990–1996 гг. находился на минимальном уровне (0–5 млн долл. в разные годы), став резко расти в 1997–2002 гг. после начала действия указанной программы, пережив падение в 2003–2004 гг., после чего опять стал увеличиваться¹⁸. Вместе с тем, иракская нефть не играла определяющей роли в нефтяном импорте Китая. Во время подготовки США к военной операции против Ирака в 2002–2003 гг. Китай, являясь одним из важных партнеров саддамовского Ирака, не поддержал американскую военную кампанию, однако занял менее категоричную позицию, чем, например, Россия.

После свержения баасистского режима и создания в Ираке новых властных структур, курды стали играть одну из важнейших ролей на общеиракской политической

сцене. Произошла институционализация курдов и Курдистана в постсаддамовском Ираке. В это время начались контакты курдов с представителями КНР

В начале августа 2003 г. Китай посетил глава ПСК и член Временного управляющего совета Ирака Джалал Талабани. Этот визит носил неофициальный характер, поскольку Талабани побывал в Китае по приглашению одной из негосударственных организаций. Примечательно, что это была вторая поездка Талабани в Китай. Впервые нынешний глава ПСК, бывший в 1960–1970-х гг. идейным последователем Мао, приезжал в Китай еще в 1955 г.

В 2003–2004 гг. дважды с визитом в Китае побывал министр иностранных дел Ирака Хошияр Зибари, представлявший в правительстве Демократическую партию Курдистана (ДПК). Речь о курдах во время переговоров Х. Зибари в КНР не шла. Глава МИД Ирака высоко оценивал «традиционно дружеские отношения» между Китаем и Ираком и «справедливый подход Китая по отношению к Ираку»¹⁹, обещал содействовать китайскому бизнесу²⁰.

Во время визитов Талабани и Зибари упор делался на иракской политической идентичности представителей курдов в правительстве Ирака, однако вся политическая деятельность Дж. Талабани и Х. Зибари была связана с руководством освободительного движения иракских курдов. Они в Ираке всегда рассматривались именно как представители курдов. В этой связи можно говорить об установлении определенных связей между курдами и КНР. Стоит отметить, что курды, получившие портфели в правительстве Ирака, понимая природу китайской позиции, предпочитали фокусироваться на экономических выгодах сегодняшнего дня, не оглядываясь на военно-политические обстоятельства периода «дружественных» ирако-китайских отношений, которые, в частности, выражались в поставках китайского оружия в Ирак, использованного против курдов.

В поисках инвестиций власти Южного Курдистана сразу после свержения Саддама Хусейна, еще не являясь конвенциональными игроками на международной арене, обращали свои взгляды и в сторону Тайваня. Так, 8–11 августа 2004 г. по приглашению его внешнеполитического ведомства Тайвань посетил премьер-министр Регионального правительства Курдистана в Эрбиле Нечирван Барзани с целью установления сотрудничества для восстановления экономики Курдистана. Предполагалось, что курды, имеющие значительные средства для восстановления своей экономики, но не обладающие техническими возможностями и знаниями, получают их от Тайваня²¹. Однако этот визит так и не получил развития и не перерос в какие-либо взаимоотношения между Курдистаном и Тайванем, тем более что в Курдистане высказывались мнения о необходимости проявлять осторожность во взаимоотношениях с Тайванем, чтобы не вызвать негативную реакцию КНР²².

Между тем Тайвань рассматривался в Курдистане²³ и высокопоставленными американскими дипломатами в качестве модели для Иракского Курдистана. Имелось в виду, что при формальном отсутствии независимости международное сообщество де-факто признавало бы его независимый статус, имея с ним ограниченные дипломатические и полноценные экономические отношения²⁴.

Отсутствие реакции Пекина в ответ на «пренебрежение коренными интересами КНР»²⁵ со стороны курдистанских властей объяснялось не только их несформировавшимся институциональным статусом, но, в первую очередь, слабой вовлеченностью в экономику Курдистана китайского капитала. Китай стал важным торговым партнером Ирака — в 2002–2012 гг. торговый оборот двух стран вырос с 0,5 до 17,5 млрд долл. Он стал вторым по важности экспортным рынком Ирака (после США) и 2-м экспортером в Ирак (после Турции)²⁶. К концу 2015 г. на иракском рынке работало более 150 китайских фирм — в основном в электроэнергетике, нефтяной отрасли, жилищном строительстве, развитии инфраструктуры, коммунальном хозяйстве. Выстраивая долгосрочные отношения со странами БСВ, Китай заинтересован в политической стабильности в регионе, хотя

подходит дифференцированно к решению разнообразных региональных проблем с учетом своих стратегических интересов.

Отмечая важное значение энергетического аспекта, необходимо учесть, что сотрудничество Китая с арабскими странами в последние годы расширяется и за счет других областей, реализуется ряд крупных инициатив, позволивших Китаю форсировать продвижение своей стратегии, осуществляемой в рамках Форума по сотрудничеству с арабскими странами, ставшего опорой политики КНР на Ближнем Востоке³⁷.

Экономическая активность Пекина — важный фактор в этом регионе, и это способствует росту интереса к Китаю со стороны стран Ближнего и Среднего Востока. Привлекательность для них Китая связана и с чисто «идеологическими»²⁸ причинами и распространенным мнением о необязательности для экономического развития структурных властных реформ, включающих процесс демократизации. В этом отношении Китай становится для элит БСВ альтернативой «американской» модели²⁹.

Китайская модель обсуждается и лидерами и интеллектуалами Иракского (Южного) Курдистана³⁰. Она характеризуется множественностью факторов, связанных как с китайской спецификой, так и с категориями, присущими в большей степени западному типу, ее стержнем является «тандем твердой авторитарной власти и рыночной экономики». Однако очевидно, что китайская модель, основанная, в частности, на высокой норме сбережений, высокой трудоспособности граждан, высокой добавленной стоимости, неприменима к Южному Курдистану, поскольку власти Курдистана взяли курс на модель «пилипутных шейхств», когда местное население занято лишь в госуправлении и составляет бюрократическую прослойку при значительном импорте рабочей силы. Хотя китайская модель показала свою эффективность в решении главной для развивающихся стран проблемы — борьбы с бедностью³¹, однако в Иракском Курдистане этой проблемы не существует. Таким образом, в китайской модели власти Южного Курдистана может привлекать лишь отсутствие процесса демократизации.

Китай и Иракский Курдистан

Курдистанско-китайские отношения стали налаживаться непосредственно с 2005 г. В апреле 2005 г. курдистанская делегация вела переговоры с большой группой китайских предпринимателей в Дубае, где широко представлен китайский бизнес. Китайским предпринимателям предлагалось создать в Эрбиле торговый центр³². Вскоре представители КНР начали осторожно налаживать отношения с курдскими организациями. 15 мая 2005 г. глава ДПК Масуд Барзани (через месяц был избран президентом Курдистана) встретился с послом и торговым представителем Китая в Ираке. Китайские дипломаты заявили о желании установить тесные связи с Региональным правительством Курдистана (РегПК) и особенно с ДПК и передали приглашение посетить Китай. Курдский лидер выразил надежду на участие Китая в восстановлении Курдистана³³.

Одной из главных причин интереса КНР к Южному Курдистану являются нефтяные месторождения. Высказывалось мнение, что курдистанская нефть может стать заменой иракской нефти для Китая, который получил в 1990-х годах от Саддама Хусейна месторождения для разработки, однако потерял право на добычу иракской нефти после свержения баасистского режима³⁴. Впоследствии Китай восстановил утраченные на нефтяном рынке Ирака позиции. Китайские нефтекомпании сконцентрированы в основном на южноиракских месторождениях³⁵, в то время как в курдистанском регионе подряды получали преимущественно западные фирмы, ухудшая свои отношения с Багдадом. Несмотря на то, что Китай желает участвовать в разработке южнокурдистанских месторождений лишь с разрешения центральных властей Ирака, и не предпринимает самостоятельных попыток по добыче нефти в Курдистане, в последнее время китайские нефтя-

ные компании начали приобретать работающие в этом районе фирмы, сумевшие легализовать определенные проекты.

Китай стал покупать почти половину иракской нефти — 1,5 млн баррелей в сутки, становясь основным бенефициаром постсаддамовского бума в Ираке³⁶. Успех китайских компаний во многом обусловлен тем, что они, в отличие от западных нефтяных фирм, сконцентрированы не столько на получении прибыли от добычи иракской нефти, сколько на обеспечении китайской экономики углеводородами. В то же время китайские компании с самого начала добычи нефти на месторождениях в Курдистане выполняли в рамках подписанных местными властями соглашений различные сервисные работы. В Курдистане, а также на месторождениях в других частях Ирака работает крупнейшая китайская сервисная компания DQE³⁷. Однако основная часть китайских граждан в Ираке работает в южных провинциях страны (около 8 тыс. человек), по 1 тысяче китайцев находятся в Багдаде и Курдистане³⁸. На юге страны китайцы заняты в основном на нефтяных месторождениях и связанных с этими месторождениями предприятиях, в Багдаде — в основном в торговле и строительстве, в Курдистане — во вспомогательной деятельности для нефтегазовых компаний, в торговле и строительстве.

В 2009 г. компания Sinopec приобрела международную фирму Addax Petroleum, создав с турецкой Genel Energy совместную компанию по добыче нефти на месторождении Так-Так. Добыча нефти на том месторождении составляет с 2013 г. свыше 150 тыс. баррелей в день, нефть экспортируется через нефтепровод Киркук — Джейхан³⁹ (Турция). Во время одной из встреч с президентом Курдистана Масудом Барзани китайский посол подтвердил приглашение ему посетить с официальным визитом Китай⁴⁰. Визит президента Курдистана в КНР был запланирован на середину мая 2006 г.

Однако Масуд Барзани отказался ехать в Китай, поскольку вместо первоначально планировавшейся встречи с председателем КНР ему было предложено встретиться лишь с членами Политбюро ЦК КПК, то есть перевести встречи на партийный уровень.

Резкое и неожиданное понижение статуса визита было с недоумением воспринято президентом Курдистана, которого уже тогда принимали на самом высоком уровне лидеры ведущих стран Запада. Масуд Барзани в отношениях с Китаем, как и с другими державами, всегда действовал в качестве не иракского, а курдистанского представителя, что вынуждало китайскую дипломатию, опасаящуюся недовольства Багдада, быть более осторожной. Руководство Южного Курдистана стало ясно, что Китай предполагает, с одной стороны, иметь отношения с курдами, с другой — оставлять себе поле для маневра, официально ведя переговоры с ними сугубо как с представителями Ирака, имея возможность в любой момент отказаться от сотрудничества. Президент Курдистана посчитал, что в подобных отношениях с КНР Курдистан не нуждается. Безусловно, несостоявшийся визит президента Курдистана в Китай поставил на время под вопрос дальнейшее развитие южнокурдистанско-китайских связей.

Хотя встречи китайского посла в Ираке с курдистанскими властями продолжались, динамика установления отношений с Китаем и восприятие КНР в Курдистане уже изменились. Несмотря на то, что для властей Южного Курдистана Китай представляет собой супердержаву глобального порядка, этот случай в какой-то степени повлиял на мнение руководства Курдистана о наличии сдерживающих факторов в политике КНР в отношении курдов.

В конце августа 2007 г. премьер-министр Курдистана Нечирван Барзани принял китайскую делегацию во главе с послом КНР в Ираке и выразил желание укрепить отношения с Китаем, особенно в экономической области и в деле подготовки кадров, а китайская делегация выразила готовность оказать поддержку Курдистану в сфере образования.

8 октября 2008 г. член Политбюро ДПК М.А. Ахмед был принят в Пекине членом политбюро ЦК КПК Ван Ганом. При этом китайская сторона, как и прежде, особо

отмечала, что контакты с ДПК проходят в рамках сотрудничества с иракскими партиями, и речь на переговорах шла именно о китайско-иракских отношениях⁴¹.

Посол Китая в Ираке совершил поездку Курдистан в середине ноября 2008 г., в ходе которой особо отмечал, что целью его визита является расширение связей в области экономики с Курдистаном как частью Ирака, и что Китай намерен открыть в Эрбиле генеральное консульство.

В свою очередь посол Ирака в Китае М.С. Исмаил (свояк Дж. Талабани и высокопоставленный член ПСК) в интервью информационному агентству ПСК *Pukmedia* заявлял, что для Китая в первую очередь значение имеет Ирак, а в рамках Ирака Китай в соответствии со своим видением поддерживает курдов и Регион Курдистан. Он отмечал, что после «успешного визита Джалала Талабани в Китай» в 2007 г. «во внешней политике Китая по отношению к Ираку и Региону Курдистан произошли основополагающие изменения». Однако посол имел в виду готовность китайских компаний осуществлять различные экономические проекты⁴².

Фактически он сводил изменение внешней политики КНР по отношению к курдам к работе китайских компаний в Курдистане. Однако китайские компании начали работать в Курдистане с 2003 г. и делают это вне зависимости от наличия или отсутствия официальных отношений Китая с Южным Курдистаном. В Курдистане же не является проблемой возможность импортировать товары и реализовывать проекты, финансирующиеся из курдистанского бюджета, чем собственно и занимаются китайские компании. Остро стоит проблема реальных долгосрочных инвестиций, предусматривающих создание новых отраслей, в частности, для производства экспортной продукции. Однако курдистанские власти, понимая нереальность производственных инвестиций в этот регион, предлагали китайским предпринимателям использовать Курдистан в качестве «ворот на иракский рынок»⁴³.

К концу первого десятилетия XXI в. курдистанская администрация, имевшая к тому времени прямые отношения с ведущими западными и региональными державами, с безразличием относилась к отсутствию аналогичных связей с КНР. В то же время, понимая огромные возможности, которые сулит нефтеносный Курдистан, китайская сторона шаг за шагом внедрялась в этот регион. Относительная активизация политики КНР по установлению прямых контактов с курдами, стремление создать в Курдистане постоянную дипломатическую миссию стали наблюдаться после 2011 г. Это было обусловлено дальнейшим усилением самостоятельности Курдистана и ослаблением центральной власти в Ираке.

В 2013 г. посол КНР в Ираке Ни Цзянь неоднократно посещал Курдистан, где проводил встречи с руководством этого региона и бизнес-кругами⁴⁴, объявив о желании Китая открыть в Курдистане генеральное консульство и выделить места для курдских студентов в китайских университетах⁴⁵. 31 декабря 2013 г. правительство Ирака одобрило заявку КНР на открытие генерального консульства в Эрбиле⁴⁶.

В следующем году встречи между сторонами продолжились, проводились межпартийные консультации⁴⁷.

18 сентября 2014 г. Эрбиль посетил представитель МИД Китая Тан Банлин, который провел встречи с премьер-министром и президентом Региона Курдистан Нечирваном Барзани⁴⁸, заявив, что КНР планирует в течение предстоящих двух месяцев открыть в Эрбиле генеральное консульство, а он станет первым генконсулом. Китайский дипломат заявил, что этот шаг — начало официальных и прямых отношений между Китаем и Курдистаном и выразил надежду, что отношения между двумя сторонами будут активно развиваться, имеют значительную перспективу, и Китай готов оказать Курдистану гуманитарную помощь⁴⁹. Он отметил, что открытием генконсульства между Курдистаном и Китаем будет создан мост и китайские компании станут активнее действовать в Курдистане, участвуя в процессе строительства и развития этого региона. В свою очередь

Н. Барзани подчеркнул, что открытие дипломатического представительства Китая является большой поддержкой Курдистана, и его правительство окажет всю возможную поддержку в этом вопросе. На встрече обсуждалась также возможная поддержка Китая Курдистану в борьбе против террористов ИГИЛ⁵⁰.

Для усиления своих позиций в Курдистане КНР направила 9 декабря 2014 г. в Эрбиль два самолета с гуманитарной помощью стоимостью 30 млн юаней, которая была передана вице-губернатору провинции Эрбиль Тахиру Осману для беженцев, пострадавших от ИГИЛ. По словам генконсула Тан Банлина, эта помощь стала частью поддержки Китая антитеррористических усилий Ирака, включая Иракский Курдистан⁵¹. Тогда же губернатор провинции Эрбиль Наузад Хади через агенство Синьхуа обратился к китайским компаниям с призывом активизировать деятельность в столице Иракского Курдистана, которая могла бы стать для них воротами на иракский рынок⁵².

Еще раз Тан Банлин посетил Курдистан в конце декабря 2014 г. в составе китайской делегации, возглавляемой заместителем министра иностранных дел КНР Чжан Мином. Представители делегации на встрече с Н. Барзани заявили, что посещение Курдистана в столь тяжелое для курдов время обусловлено желанием выразить солидарность и поддержку Китая Курдистану и Пекин желает увеличить объем экономических и культурных связей с ним.

30 декабря 2014 г. состоялась церемония открытия генконсульства Китая, на которой присутствовали замглавы МИД Китая Чжан Мин, посол Китая в Ираке, генконсулы других стран. На церемонии открытия выступил премьер-министр Курдистана Н. Барзани, заявивший, что открытие в Курдистане генконсульства Китая, имеющего давние связи с Ираком, первый важный шаг в установлении официальных отношений между Курдистаном и Китаем и начало нового периода в этих отношениях. Н. Барзани особо отметил, что открытие диппредставительства Китая в Эрбиле подтверждает международное значение Курдистана⁵³.

Китай стал пятым постоянным членом Совета Безопасности ООН, открывшим диппредставительство в Курдистане (ранее это сделали Россия, Франция, Великобритания и США).

Генеральный консул Китая регулярно проводит встречи с высшим руководством Курдистана — президентом региона, премьер-министром, спикером парламента⁵⁴, посещает различные города региона. Китайское консульство проводит в Эрбиле различные мероприятия, в которых принимают участие самые высокие курдистанские представители. 30 сентября 2015 г. в празднике, посвященном образованию КНР (1 октября) участвовал президент Курдистана Масуд Барзани⁵⁵.

Генконсульство КНР в Эрбиле планирует развернуть широкую культурную деятельность. Так, генконсул Тан Банлин обращался в Министерство высшего образования Курдистана с просьбой ввести в регионе изучение китайского языка⁵⁶.

Очевидно, что основным направлением деятельности генерального консульства КНР в Эрбиле является продвижение экономических интересов и культурного влияния Китая в Иракском Курдистане. Пока главным экономическим игроком в Иракском Курдистане является Турция. Основная доля импорта Иракского Курдистана приходится на турецкие товары. Турецкие фирмы получают большую часть строительных подрядов в Курдистане, турецкие банки активно действуют в его банковском секторе. В восточной части Иракского Курдистана значительную роль в местной экономике играет Иран. Китайские фирмы, пытающиеся проникнуть в этот регион, сталкиваются с серьезной конкуренцией турецких и иранских компаний, блестяще знакомых с местными реалиями, тем более что существенную часть предпринимателей из Турции и Ирана составляют тамошние курды.

Пытаясь самостоятельно (в обход правительства Ирака) выйти на мировой рынок власти Иракского Курдистана реализовывали нефть, загружаемую в танкеры в турец-

ком порту Джейхан, через различные компании в том числе в Китай. В связи с нежеланием покупателей противодействовать позиции Багдада нефть реализовывалась практически нелегально, ее цена была существенно ниже, чем на мировом рынке. В сентябре 2014 г. около 3 млн баррелей курдистанской нефти было отправлено в КНР⁵⁷. Китай стал приобретать ее через различные компании, не вступая в прямые взаимоотношения по вопросу приобретения нефти с курдистанской администрацией.

При анализе внешней политики Китая по отношению к Ближнему и Среднему Востоку, и в особенности к Ираку, необходимо учитывать, что главным для КНР является отказ от поддержки сепаратизма, уважение территориальной целостности и суверенитета существующих государств, невмешательство во внутренние дела. Этой позиции Китай придерживается и в курдском вопросе. Китай традиционно считает, что права курдов в пределах автономий должны быть защищены в рамках существующих государств. Приверженность территориальной целостности обусловила и негативную позицию Китая по отношению к многочисленным турецким вторжениям в Ирак в середине 1990-х годов и желанию Турции создать на турецко-иракской границе «зоны безопасности» против рабочей партии Курдистана⁵⁸. Но по мере формирования крупных конфликтных узлов и укоренения Пекина в регионе Ближнего Востока и Северной Африки позиция КНР по принципам невмешательства во внутренние дела претерпевает некоторые изменения, ее политика становится более гибкой и активной, что показали события в Судане и Ливии⁵⁹. Дальнейшая суверенизация Иракского Курдистана вряд ли вызовет опасения в Пекине, для которого Ирак является стратегическим экономическим партнером. Южнокурдистанские власти, в отличие от центральных властей Ирака, обеспечили на административно подчиненной им территории высокий уровень безопасности и стремительно увеличивают поставки нефти на мировой рынок. 6 января 2016 г. президент Курдистана Масуд Барзани провел встречу с руководителями 36 зарубежных дипмиссий в Эрбиле, в числе которых был и представитель КНР, объявив о намерении провести в 2016 г. в Курдистане референдум по вопросу о независимости⁶⁰.

Курдская проблема в китайско-турецких отношениях

Укрепление позиций КНР в Иракском Курдистане рассматривается Пекином и с точки зрения потенциального воздействия на курдистанские ареалы соседних стран. Так, в одной из заметок на сайте «Жэньминь жибао» отмечалось, что после Первой мировой войны французы и британцы провели границы на Ближнем и Среднем Востоке по воображаемым линиям на карте, «оставив 20 млн курдов без государства и создав нестабильные мультикультурные государства»⁶¹. То есть речь идет о восприятии курдского вопроса как потенциально единой проблемы и о перманентной нестабильности государств, имеющих в составе территории этногеографического Курдистана. В КНР не могут не понимать, что ситуация в различных частях общекурдистанского региона стремительно меняется. Так, сирийские курды, на протяжении долгого времени лишенные самых элементарных национальных прав, в 2011 г. создали самоуправляемые районы (кантоны), успешно противостояли так называемому Исламскому государству и вряд ли вернуться под контроль Дамаска в прежнем виде.

Интерес Китая к Иракскому Курдистану обусловлен в том числе и взаимоотношениями с Турцией. КНР предполагает иметь возможность использования курдов в качестве козыря против Турции, если последняя будет поддерживать уйгурский сепаратизм, тем более, что для нынешних властей этой страны характерен некоторый авантюризм. КНР с середины 1990-х годов оказывала на Турцию нажим с целью препятствовать активности уйгурских националистов и организаций, которых приравнивала к «курдским сепаратистам»⁶². Хотя уйгурские организации не получают официальной помощи от турецких властей, они пользуются поддержкой в турецком обществе и среди высокопоставленных офи-

циальных лиц. Не только маргинальные пантюркисты, но и часть турецкой элиты, говоря о тюркском мире, обозначают его протяженность от Балкан до Синьцзяна.

Турецкие власти регулярно заверяют китайскую сторону, что не поддерживают уйгурские организации, прибегающие к насилию. В конце июня 2009 г. состоялся шестидневный визит президента Турции Абдуллы Гюля в Китай, во время которого стороны заявляли о новой странице в двусторонних отношениях. Председатель КНР Ху Цзинтао полагал, что тесное многоплановое сотрудничество между Турцией и Китаем должно быть направлено против «трех зол» — терроризма, сепаратизма и экстремизма⁶³. Китайская сторона благодарила Турцию за политику «одного Китая» и поддержку по тайваньскому, тибетскому и восточно-туркестанскому (уйгурскому) вопросам. Во время своего визита в Китай А. Гюль посетил административный центр Синьцзян-Уйгурского автономного округа — Урумчи. Он стал первым президентом Турции, побывавшим в этом районе. В Синьцзянском университете, где он выступил с речью, ему была присуждена степень почетного доктора. Естественно, все это оказалось возможным из-за отсутствия у китайских властей подозрений в отношении Турции по уйгурской проблеме. По прибытии в Турцию Гюль, очень удовлетворенный состоявшимся визитом, особо отмечал свою поездку в Урумчи, переживающую, по его словам, строительный бум и стремительное развитие инфраструктуры. Он называл уйгуров мостом для дружбы и сотрудничества между Турцией и Китаем.

Некоторые жесткие заявления турецких лидеров во время волнений летом 2009 г. в Синьцзян-Уйгурском автономном округе, в том числе премьер-министра Р.-Т. Эрдогана, который назвал действия китайских властей «геноцидом» уйгуров, не меняют реальной позиции Анкары. Эти заявления были вызваны, в первую очередь, внутривнутриполитической обстановкой, поскольку значительная часть населения Турции, одобрявшая антиизраильскую позицию Эрдогана во время конфликта в Палестине в январе 2009 г., требовала выражения позиции правительства страны и в отношении Китая. Однако дальше заявлений турецкая сторона не пошла. Китай, понимая это обстоятельство, не ввязывался в спор с Турцией, считая, что вскоре Анкара «успокоится». Если бы действия Турции угрожали безопасности КНР, позиция Пекина была бы весьма жесткой. Когда Эрдоган заявил 8 июля 2009 г. о желании поставить уйгурскую проблему на рассмотрение Совета Безопасности ООН, МИД КНР отверг ее, а Анкара так и не стала пытаться делать это, понимая нереальность подобных инициатив. Внутриполитический и популистский характер заявлений Эрдогана подтверждает также то обстоятельство, что спустя несколько дней в беседе со своим китайским коллегой министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу не повторял слова премьер-министра Турции, а подчеркивал важность китайско-турецких отношений. Он заявлял об уважении Турцией суверенитета и территориальной целостности Китая и невмешательстве в его внутренние дела, недопущении использования турецкой территории для деятельности, нарушающей суверенитет и территориальную целостность Китая⁶⁴. Вскоре прекратилась и антикитайская истерия в турецких СМИ. А в конце августа 2009 г. Китай посетил министр внешней торговли Турции Зафер Чаглаян, который пытался устранить возникшие в результате «инцидентов в Урумчи» проблемы в двусторонних отношениях.

Однако отношения между двумя сторонами все же были несколько испорчены. Заявления турецких властей, в которых они осуждали действия Китая и обвиняли его в «геноциде», призывы к бойкоту китайских товаров и антикитайские демонстрации турецкого населения, возбуждаемого правительством страны, не могли остаться незамеченными в КНР. Хотя официальные представители Китая старались не комментировать заявления Анкары, делая это лишь при необходимости (например, реагируя на слова Эрдогана о желании поставить уйгурский вопрос в СБ ООН), в КНР все чаще стали раздаваться заявления, в которых осуждалась Турция. Китайские СМИ заявляли о пантюркистском экспансионизме Турции, а политологи и эксперты, в том числе работающие в учрежде-

ниях, близких к внешнеполитическому ведомству страны, об ухудшении двусторонних отношений. Они обращали внимание на наличие в самой Турции большой национальной проблемы — курдской, считая, что Анкаре следует проявлять особую осторожность⁶⁵. Государственное информационное агентство Синьхуа цитировало депутатов Европарламента, в своих комментариях по заявлению Эрдогана обращавших внимание турецких властей на положение курдов в Турции⁶⁶.

Антитурецкие настроения стали проявляться среди населения КНР. Часть китайцев требовала «наказать» Турцию, изменить позицию по отношению к ведущей с 1980-х годов борьбу с турецкими властями Рабочей партии Курдистана и поддержать ее «стремление к независимости»⁶⁷. Многие китайцы требовали принятия жестких мер по отношению к Анкаре. Примечательно, что еще в 2007 г. во время визита в Китай президента Ирака Дж. Талабани официальный представитель МИД КНР не стал отвечать на вопрос, является ли ПРК террористической организацией, выступив при этом против турецких вторжений на территорию Ирака (Иракского Курдистана) под предлогом борьбы с РПК⁶⁸.

8–11 апреля 2012 г. с официальным визитом в КНР побывал Р.-Т. Эрдоган, став первым главой правительства Турции за предыдущие 27 лет, побывавшим в Китае. Он посетил Урумчи, и Пекин после напряженности в китайско-турецких отношениях летом 2009 г., вызванной критикой Эрдогана в адрес Китая, позволил Турции расширить взаимодействие с СУАР, превращая уйгурский фактор в элемент сотрудничества между двумя странами⁶⁹. КНР позволяла Турции устанавливать культурные и религиозные отношения с СУАР⁷⁰. В 2012 г. наблюдалось значительное улучшение турецко-китайских отношений⁷¹.

Китай с трехдневным визитом посетил в конце июля 2015 г. в качестве президента Турции Р.-Т. Эрдоган. В ходе переговоров с китайскими лидерами обсуждался и так называемый уйгурский вопрос. Китайские власти указывали Эрдогану на недопустимость деятельности сотрудников МИД Турции и турецких посольств по выдаче виз и паспортов китайским уйгурам, планирующим присоединиться к «Исламскому государству» и фактически поддержки терроризма⁷². Правда, Эрдоган в интервью Синьхуа осудил «террористическую деятельность» «Исламского движения Восточного Туркестана»⁷³. Вместе с тем, МИД Турции время от времени выступал в поддержку прав уйгуров⁷⁴.

В то же время Турция пыталась использовать укрепление связей с КНР для торга с Соединенными Штатами, предоставляя Китаю контракты даже в военно-технической сфере. Турция поддерживала также экономические и культурные связи с Тайванем, избегая, правда, политических связей с ним. Более того, Тайвань рассматривается ею в качестве одного из важнейших путей выхода и на китайский рынок⁷⁵.

И Китай, и Турция прекрасно понимают, что теоретически могут использовать национальные проблемы друг друга. При этом основным фактором, сдерживающим активность Турции, является наличие курдской проблемы в этой стране⁷⁶. Турция находится в несравнимо более уязвимом положении, учитывая численность в ней курдского населения, размах курдского движения, наличие тыла у курдских военно-политических сил на территории сопредельных государств, а также мощь и влияние Китая.

Действия Турции на международной арене вряд ли будут носить характер вмешательства во внутренние дела Китая. Пекин же будет стараться не ввязываться в трения с Анкарой, желая в первую очередь снизить накал проблемы. Лишь в случае осуществления реальной деятельности по поддержке уйгурских организаций, угрожающих безопасности Китая, КНР может всерьез заняться курдской проблемой в Турции.

* * *

Новая ситуация в Ираке и формирование полунезависимого Курдистана стали привлекать внимание новой глобальной силы — Китая, который постепенно становится важным фактором в этом регионе. А властями Южного Курдистана оно рассматривается как начало формирования «курдистанской политики» КНР. Курдистанско-китайские от-

ношения в середине первого десятилетия XXI в., не получив развития, формально оставались частью китайско-иракских отношений. Однако с начала второго десятилетия XXI в. Пекин, понимая, что сложившиеся стратегические отношения с Ираком не распространяются на Южный Курдистан, стал устанавливать более тесные отношения с курдами, открыв в Эрбиле генеральное консульство и все чаще заявляя о дружбе и сотрудничестве с ними. Китайско-курдистанские отношения развиваются параллельно с усилением фактической независимости курдов во всех сферах от Ирака и соответствуют общей логике развития политической ситуации в этой стране. Установление прочных позиций в Регионе Курдистан диверсифицирует стратегические интересы КНР в Ираке, укрепляя ее статус в регионе в целом, и рассматривается Пекином как фактор потенциального воздействия на курдистанские ареалы соседних стран, что в целом соответствует концепции «формирующейся китайской стратегии» в странах Ближнего Востока, направленной «на повышение глобального статуса КНР»⁷⁷ и усиления ее влияния в странах, входящих «в орбиту китайской стратегии по возрождению Шелкового пути»⁷⁸. В этой связи геостратегическое положение Южного Курдистана, имеющего сеть «нефтепроводов, пересекающих эту зону, что создает благоприятные условия для быстрой доставки углеводородов по морским и сухопутным путям на рынки Европы и Азии»⁷⁹, будет и впредь определять тенденцию в политике Китая, направленную на усиление его экономической и политической роли в этом регионе. В этом весьма заинтересованы южнокурдистанские власти, которые рассматривают присутствие еще одного геополитического игрока (наряду с США) не только как фактор институционализации своего полунезависимого статуса, но и в качестве стабилизирующего элемента региональной безопасности.

Таким образом, внешняя политика КНР по отношению к курдам соответствует сегодняшней модели китайской дипломатии, отличающейся множеством нюансов и по настоящему дифференцированной⁸⁰.

1. Следует отметить, что имеющиеся публикации по дипломатии КНР на ближне- и средневосточном направлениях, во-первых, немногочисленны, а во-вторых, заметна недостаточность исследований, сосредоточенных на специальных темах в китайско-ближневосточных отношениях. См.: *Портяков В.Я.* Основные направления и особенности изучения международных отношений и внешней политики КНР в России в период 2000–2013 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 5. С. 107.
2. Китайская пресса регулярно подчеркивает подобный статус Иракского Курдистана. См., например, «Синьхуа», опубликованное в «Жэньминь жибао»: *Iraqi gov't reaches deal with Kurds over budget dispute* // URL: <http://en.people.cn/n/2014/1202/c90777-8817153.html>. 2014. 2 Дек.; [Иракский] Курдистан даже в официальной китайской прессе, наряду с Азербайджаном и с Арменией, был назван «азиатской страной»: *European governments urged to increase higher education funding*. URL: <http://en.people.cn/90001/90777/90853/7367183.html>. 2011. 3 Май.
3. О нефтегазовых ресурсах Иракского Курдистана см.: *Мосаки Н.З.* Ресурсы и политика. Ч. 1. — М.: Ин-т востоковедения РАН; Ин-т Ближнего Востока, 2005. С. 180–198.
4. *Лазарев М.С.* Иракский Курдистан — прообраз курдского государства? // Азия и Африка сегодня. 2007. № 4. С. 46.
5. *Wheeler G.* Soviet and Chinese Policies in the Middle East // *The World Today*. 1966. Vol. 22, No. 2. P. 73–74.
6. В Багдаде подписано первое соглашение о торговле и платежах между КНР и Иракской Республикой // *Правда*. 1959, 6 янв. С. 6.
7. *Wheeler G.* Op. cit. P. 73–74.
8. *Лазарев М.С.* О курдском вопросе на современном этапе (до 1970 г.) // Национальный вопрос в странах Востока: Спец. бюл. / Ин-т востоковедения АН СССР; Отв. ред. Ким Г.Ф., Лазарев М.С., Симония Н.А. М., 1972. № 4. С. 140.

9. Политическую биографию Дж.Талабани, являвшегося в 2005–2014 гг. Президентом Ирака см.: Мосаки *Н.З.* Курдский Макнавелли // *Азия и Африка сегодня*. 2002. № 1. С. 48–51.
10. *Shichor Y.* The Middle East in China's Foreign Policy, 1949–1977. Cambridge: University Press, 1979. P. 6.
11. *Shichor Y.* In Search of Alternatives: China's Middle East Policy After Sadat // *The Australian Journal of Chinese Affairs*. 1982. No. 8. P. 101–110.
12. *Harris L.C.* China's Response to Perceived Soviet Gains in the Middle East // *Asian Survey*. 1980. Vol. 20, No. 4. P. 364.
13. *Calabrese J.* From Flyswatters to Silkworms: The Evolution of China's Role in West Asia // *Asian Survey*. 1990. Vol. 30, No. 9. P. 869.
14. *Hickey D. Van Vranken.* New Directions in China's Arms for Export Policy: An Analysis of China's Military Ties with Iran // *Asian Affairs*. 1990. Vol. 17, No. 1. P. 24.
15. *Calabrese J.* China's Changing Relations With the Middle East. New York: Pinter Publishers. 1991.
16. *Базанова Е.А.* Позиция Китая в отношениях кувейтского кризиса (1990–1991) // *Вестн. Рос. Ун-та дружбы народов. Сер. Всеобщая история*. 2010. № 4. С. 70–71.
17. *Shichor Y.* China and the Role of the United Nations in the Middle East: Revised Policy // *Asian Survey*. 1991. Vol. 31, No. 3. P. 269.
18. *Yetiv S. A., Lu Ch.* China, Global Energy, and the Middle East // *Middle East Journal*. 2007. Vol. 61, No. 2. P. 208.
19. Hoshyar Zebari in China. Premier Calls for Greater UN Role in Iraq // *Xinhua News Agency*. 2004. 25 Dec.
20. Там же.
21. *Chen M.* Kurdish leader visits Taiwan for talks on mutual cooperation // *Taipei Times*. 2004. 10 Aug. P. 3. URL: <http://www.taipetimes.com/News/taiwan/archives/2004/08/10/2003198159>.
22. *Fang Tien-sze.* Kurd relations require deft touch — Nechervan Idris Barzani. URL: <http://ekurd.net/mismas/articles/misc/visittaiwan.htm>. 2004. 28 Aug.; *Barzani N.* Taiwan as a Model for the Kurdistan Region. URL: www.rudaw.net. 2013. 14 Jan.
23. См., например: *Barzani N.* Taiwan as a Model for the Kurdistan Region. URL: www.rudaw.net. 2013. 14 Jan.
24. *Мосаки Н.З.* Курдистан и курдский вопрос в политике Запада и России (90-е годы XX века — начало XXI века) / *Ин-т востоковедения РАН, Ин-т Ближнего Востока*. М., 2011. С. 51.
25. *Лексютина Я.В.* Экономическая дипломатия Китая в XXI веке // *Проблемы Дальнего Востока*. 2015. № 2. С. 33.
26. *Al-Tamimi N.* China in Iraq: winning without a war. URL: <http://english.alarabiya.net/en/views/2013/03/16/China-in-Iraq-Winning-Without-a-War.html>. 16.03.2013.
27. *Антитов К.В.* КНР на Ближнем Востоке // *Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура*. 2012–2013. М., 2013. С. 341.
28. *Бергер Я.* Еще раз о китайской модели развития // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2012. № 2. С. 120.
29. *Shichor Y.* China's Upsurge: Implications for the Middle East // *Israel Affairs*. 2006. Vol. 12, No. 4. P. 681.
30. См., например: Celal Talebani û Newşîrwan Mistefayî li ser modela Çînê li hev kir: [Джалал Талабани [глава ПСК и президент Ирака] и Наушерван Мустафа [второй человек в ПСК, известный курдский интеллектуал] обсудили китайскую модель]. URL: http://www.nefel.com/articles/article_detail.asp?RubricNr=10&ArticleNr=3951#.Vkj1WXbhDIU. 2008. 16 дек. на курд. яз.; *Bîbani Ş.* Kurdistan û Çîn: [Курдистан и Китай.]. URL: www.rudaw.net, 23.05.2012. на курд. яз.
31. *Бергер Я.* Китайская модель развития // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 9. С. 80.
32. *Gulf News*. 2005. 11 Apr.
33. Там же.
34. *Shichor Y.* China's Kurdish Policy // *China Brief*. 2006.
35. См., например: PetroChina to join giant Iraqi oilfield // *Reuters [BEIJING/MOSCOW]*. 2013. 12 Aug.

36. *Arango T., Krauss C.* China Is Reaping Biggest Benefits of Iraq Oil Boom // *New York Times*. 2013. 2 Jun. URL: http://www.nytimes.com/2013/06/03/world/middleeast/china-reaps-biggest-benefits-of-iraq-oil-boom.html?_r=0.
37. URL: <http://www.dqe-int.com/in-iraq/> [сайт компании].
38. Китайские граждане на территории Ирака находятся в безопасных районах — посол КНР. URL: <http://russian.cri.cn/841/2014/07/01/1s516561.htm>. 2014. 1 Jul.
39. URL: <https://www.addaxpetroleum.com/operations/middle-east> [Сайт компании Addax Petroleum].
40. Çinê serokê Kurdistanê ji bo seredaneka fermî vexwend: [Китай официально пригласил главу Курдистана] // *Kurdistan TV*. 2006. 5 Sep. URL: <http://www.kurdistantv.net/nivisek.asp?ser=10&ser=1&nnimre=603>. [курд. яз.]
41. Заместитель председателя ВК НПКСК Ван Ган встретился с гостями из Ирака. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6512206.html>. 2008. 9 окт.
42. Çin li gor şiyana xwe piştigiriya H.Kurdistanê dike: [Китай поддерживает Регион Курдистан, исходя из своих интересов]. URL: <http://www.kurdshow.com/?sf=haber&haberid=14232&ktg=1570>. 2008. 19 июн. на курд. яз.
43. *Kurdish-Chinese relations to grow* // *Peyamner*. 2006. 2 Apr.
44. Konsolxaneyê Çinê li Herêma Kurdistanê tê vekirin: [В Регионе Курдистан открывается консульство Китая]. URL: www.rudaw.net. 2013. 19 авг. на курд. яз.
45. *Kurdistan Region-Iraq News in brief*. URL: www.ekurd.com. 2013. 8 Jan.
46. Konsulxaneyê Çinê li Hewlêrê vedibe: [В Эрбиле открывается консульство Китая]. URL: <http://rudaw.net/kurmanci/kurdistan/311220139>. 2013. 31 дек. на курд. яз.; Çinê konsolxaneyê xwe li Kurdistanê vedike: [Китай открывает в Курдистане своё консульство]. URL: www.basnews.com. 2014. 2 янв. на курд. яз.
47. Gelo dê Çin piştigiriye bide serxwebûna Kurdistanê?: [Поддержит ли Китай независимость Курдистана]. URL: <http://rojew.hawarnet.net/2014/04/gelo-de-cin-pistigiriye-bide-serxwebuna.html>. 2014. 22 апр.; *China to open consulate general in Kurdistan Region*. URL: www.basnews.com. 2014. 20 Apr.
48. *Peywendiyên Çin û Kurdistanê pêş dikevin*: [Отношения Китая и Курдистана развиваются] // *Rojeva Kurd*. 2014. 13 нояб. URL: <http://www.rojevakurd.com/politik/17064-Peywendiyen-Kurdistan-dikevin.html#sthash.Ns71QPH9.vG1h8dFP.dpuf>. на курд. яз.
49. Çinê ji amadehiya xwe ji bo Kurdistanê derbirî: [Китай также решил действовать в Курдистане] // *Rojeva Kurd*. 18 сент. URL: <http://www.rojevakurd.com/politik/16777-amadehiya-xwe-Kurdistan-derbir.html#sthash.7q3ncyB.0jT79Pn4.dpuf>. на курд. яз.
50. Çinê konsulxaneyê xwe li Hewlêrê vedike: [Китай открывает в Эрбиле свое консульство] // *Rojeva Kurd*. 2014. 18 сент. URL: <http://www.rojevakurd.com/cihan/16778-konsulxaneyê-xwe-Hewlêr-vedike.html#sthash.pjUGCiXt.lavyzuiO.dpuf>. на курд. яз.
51. *China's humanitarian aid items arrive at Iraqi Kurdish region*. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-12/10/c_133843547_5.htm. 2014. 10 Dec.
52. *Le Sh. Interview: Iraq's Kurdistan wants further Chinese investment* // URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-12/12/c_133848815.htm. 2014. 12 Dec.
53. Çinê ji konsulxaneyê xwe li Hewlêrê vekir: [И Китай открыл консульство в Эрбиле]. URL: www.basnews.com. 2014. 30 дек. на курд. яз.; *Merasima vekirina konsulxaneyê Çinê li Hewlêrê*: [Церемония открытия консульства Китая в Эрбиле] // *Rojeva Kurd*. 2014. 30 дек. URL: <http://www.rojevakurd.com/cihan/17343-Merasima-vekirina-konsulxaneyê-Hewlêr.html#sthash.vwTkyIBs.99orEVE1.dpuf>. на курд. яз.
54. См., например, о посещении генконсулом Китая Тан Банлина парламента Курдистана и встрече с его спикером Юсифом Мохаммедом: Çin bi çavêkî mezîn li Kurdistanê dinere: [Китай с большим интересом смотрит на Курдистан]. URL: www.basnews.com. 2015. 10 июня. на курд. яз.
55. *Li Hewlêrê rêwresma roja niştîmanî ya Çinê birêve çû*: [В Эрбиле прошёл день образования КНР]. URL: www.basnews.com. 2015. 1 окт. на курд. яз.
56. 'Bila kurd ferî çinî bibin': [«Пусть курды изучают китайский»]. URL: www.rudaw.net. 2015. 11 фев.
57. *Bouso R., Saul J, Sheppard D.* Iraqi Kurdistan oil heads to Asia, in talks with China // *Reuters*. 2014. 17 Sep.
58. См., например: Пекин вновь призвал уважать суверенитет и территориальную целостность Ирака // ИТАР-ТАСС. Пекин. 1996. 13 сент.

59. *Антипов К.В.* Ближневосточная политика Китая в контексте сирийского кризиса // *История и современность*. 2012. № 17. С. 216–217; *Антипов К. В.* События на арабском Востоке и позиция Китая // *Проблемы Дальнего Востока*. 2011. № 6. С. 5.
60. Serok Barzanî li gel Nûner û Konsolê welatan li Hewlêrê civiya: [Президент Барзани провел встречу с представителями и консулами иностранных государств]. URL: <http://www.presidency.krd/kurdil/articledisplay.aspx?id=vu5m7GCMgsE> [сайт президента Курдистана]. 2016. 6 Jan.
61. Heart of Europe could be threatened after Palmyra falls to IS militants. URL: <http://en.people.cn/n/2015/0526/c90780-8897688.html>, 26.05.2015.
62. *Shichor Y.* China's Kurdish Policy // *China Brief*. 2006.
63. Информация агентства «Синхуа». См. no: China raises five-point proposal on advancing relations with Turkey, 26.06.2009. URL: <http://english.people.com.cn/90001/90776/90883/6686699.html>.
64. Телефонный разговор Ян Цзечи и главы МИД Турции. [Агентство «Синьхуа»]. URL: http://russian.news.cn/china/2009-07/14/c_1310911.htm, 14.07.2007.
65. Turkish reaction damages ties. 14.07.2009. 14 Jul. URL: <http://english.people.com.cn/90001/90776/90883/6700262.html>.
66. Информация агентства «Синхуа». См. no: China raises five-point proposal on advancing relations with Turkey. 2009. 26 Jun. URL: <http://english.people.com.cn/90001/90776/90883/6686699.html>.
67. Chinese citizens call for punishing Turkey. 2009. 14 Jul. URL: <http://english.people.com.cn/90001/90776/90883/6700422.html>.
68. China officially objects to incursion into Iraq // *Today's Zaman*. 2007. 30 Jun.
69. *Kardas S.* Указ. соч.
70. Religious Affairs Directorate builds stronger ties with Uyghurs // *Today's Zaman*. 2013. 10 Sep.
71. *Erol O.* 2012: A year of growth in Turkish-Chinese relations // *Today's Zaman*. 2012. 30 Dec.
72. *Казантин М.В.* О некоторых результатах визита президента Турции Р.Т.Эрдогана в КНР. URL: <http://www.iimes.ru/?p=25490>. 2015. 7 авг.
73. *Aydin B.* Senior Uighur leader dismayed over Erdoğan's 'terrorism' remarks in China // *Today's Zaman*. 2015. 5 Aug.
74. См., например: Turkey calls on China to release Uighur academic // *Hürriyet Daily News*. 2014. 26 Sep.; О современных турецко-китайских отношениях см. также: *Atlı A.* A View from Ankara: Turkey's Relations with China in a Changing Middle East // *Mediterranean Quarterly*. 2015. Vol. 26, №1. P. 117–136. doi: 10.1215/10474552-2873010.
75. *Özerli B.* Taiwan offers lucrative business opportunities for Turkish investors // *Today's Zaman*. 2013. 10 Sep.
76. *Shichor Y.* Ethno-Diplomacy: The Uyghur Hitch in Sino-Turkish Relations // *East-West Center. Policy Studies* 53. Singapore, 2009. P. xi, 32.
77. *Антипов К.В.* О некоторых аспектах эволюции ближневосточной политики Китая // *Проблемы Дальнего Востока*. 2014. № 2. С. 27.
78. *Арсеитьева И.* Ближневосточный вектор внешней политики КНР // *Актуальные проблемы современных международных отношений*. 2015. № 6. С. 36.
79. *Лазарев М.С.* Иракский Курдистан — прообраз курдского государства? // *Азия и Африка сегодня*. 2007. № 4. С. 47.
80. *Портяков В.* Контуры внешней политики лидеров Китайской Народной Республики пятого поколения // *Проблемы Дальнего Востока*. 2014. № 1. С. 19.

Политическая модель и электоральный ландшафт Японии и США: сравнительная характеристика

© 2016

П.С. Варюшин, И.С. Тихоцкая

Статья представляет собой компаративное исследование политической модели и электорального ландшафта Японии и США. В настоящее время политическая система Японии переживает процесс модернизации. Сравнивая Японию с США, авторы делают вывод о сходствах в развитии электоральных ландшафтов обеих стран и целесообразности заимствования Японией американского опыта.

Ключевые слова: электоральная география, политическая модель, электоральный ландшафт, пространственная организация электоральной поддержки, США, Япония.

По сравнению с другими азиатскими странами Япония имеет более глубокие традиции. С последней четверти XIX в. в ней усилилось европейское воздействие, а в ходе послевоенных демократических преобразований, происходивших при активном участии американских специалистов, японская политическая система впитала концепции, присущие политической системе США. В результате парламентская система Японии одновременно включает черты как европейской, в первую очередь вестминстерской, так и американской парламентской системы. Действующая в стране конституция, принятая еще в 1947 г., гарантирует гражданам право на создание политических объединений и, по сути, предопределяет создание многопартийной политической системы. Однако в действительности на протяжении почти всего послевоенного периода у власти там бесценно находилась лишь одна партия — Либерально-демократическая партия Японии (ЛДП).

В США за прошедшие столетия сформировалась сложная система политических институтов, направленных на поддержание эффективной демократической формы правления. Государственная система США включает такие элементы как федеративная форма территориального устройства, мажоритарная избирательная система, главенство двух ключевых партий и принцип территориального представительства. Благодаря этой конструкции «сдержек и противовесов» политическую модель страны можно назвать одной из самых стабильных в мире. Уже на протяжении более двух веков власть в стране устанавливается исключительно посредством свободного голосования. Следствием этого является формирование развитого электорального ландшафта, и территориальные особенности распределения политической поддержки в США служат полезным источником данных при построении моделей развития пространственной политической дифференциации в других странах, в том числе в Японии.

Варюшин Петр Сергеевич, аспирант географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: peter_varyushin@yahoo.com.

Тихоцкая Ирина Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: iritiro@gmail.com.

Особенности японской политической модели. С 1947 г., когда прошли первые выборы в послевоенный парламент, и до реформы 1993 г. голосование на выборах в палату представителей проходило по многомандатным округам по системе единого непере-ходного голоса*. Она предполагает, что у избирателей есть возможность проголосовать за одного кандидата, а победу в каждом из округов одерживает несколько человек (в соответствии с количеством мандатов, выделенных на округ), набравших относительное большинство голосов. При этом партийная принадлежность кандидатов не учитывается.

К числу преимуществ такой системы относится сочетание достоинств мажоритарной и пропорциональной систем: с одной стороны, это позволяет минимизировать потери голосов (которые могут достигать 50% и более при мажоритарной системе, но стремятся к нулю в пропорциональной), а с другой, предоставляет возможность оценки качеств конкретных кандидатов, что свойственно мажоритарной системе, но не предполагается в пропорциональной.

Однако с 1980-х годов, когда в Японии закончился период бурного экономического роста, который сглаживал недостатки политической модели страны, данная система стала вызывать много негативных отзывов в японском обществе, что в конечном счете привело к ее реформированию. Одним из основных ее недостатков является очень высокая персонализация выборов — ориентация избирателей прежде всего на личные качества кандидатов. С этим связана слабость партий, выступающих не в качестве идеологов определенных политических платформ, а в качестве политических объединений, созданных с целью продвижения кандидатов и административного сопровождения выборов¹, а также слабость политических программ партий, которые, как казалось многим, не отвечали требованиям современной либеральной демократии западного типа. Наличие двойной конкуренции — между партиями и между кандидатами привело к росту расходов на избирательные кампании, а выборы, как отмечал Дж. Кертис², превратились в соревнование между кандидатами в размерах избирательного фонда. Подобное мнение укоренилось и в общественном сознании японцев.

Система единого непереходного голоса и многомандатные округа осложняли формирование крупных фракций в парламенте. Для получения большинства в Палате представителей партии необходимо было избрать как минимум двух парламентариев в каждом округе, а такая задача сложна, если кандидатам от одной партии приходится соревноваться друг с другом и уровень внутренней конкуренции весьма высок³. Долгое время это сказывалось на политической жизни Японии только косвенно, поскольку страной на протяжении длительного периода управляла ЛДП**.

Нахождение у власти одной партии и внутренняя конкуренция за голоса избирателей привели к тому, что ЛДП пришлось пожертвовать сплоченностью, что вылилось в образование нескольких фракций. В разные годы их количество составляло от 6 до 13. Каждая из них была в значительной степени автономна, имела собственного лидера (обычно члена ЛДП), свою программу и свои воззрения на будущее страны. Численность фракций колебалась от 1–3 до сотен парламентариев. В этом, кстати, состоит одна из важных особенностей этой партии и ее «непотопляемость» — по сути, она отвечала интересам «и ваших, и наших».

Высокая степень фракционности внутри партий приводит к тому, что процесс принятия политических решений выходит из публичной плоскости и становится предме-

* Данная система частично продолжает использоваться по сей день при выборах в Палату советников.

** ЛДП обладала большинством в Палате представителей и формировала правительство с 1955 по 2009 гг., за исключением 9 месяцев в 1993–1994 гг., когда партия уступила власть коалиционному правительству из семи оппозиционных партий, и с учетом 1994–1996 гг., когда партия входила в коалиционное правительство с Социал-демократической партией Японии.

том торговли внутри партии. Это снижает степень доверия избирателей к партии, сказывается на ее авторитете организатора политической жизни страны и может привести к политическому кризису. Так, например, было в 2005 г.*, когда парламент был распущен и проведены досрочные выборы (вследствие отказа депутатов правящей партии в Палате советников поддержать правительственный проект о приватизации почты, который лично отстаивал премьер-министр страны Дз. Коидзуми).

Другой недостаток политической системы Японии, приведший к ее реформированию, — высокая локализация политической поддержки кандидатов и членов Палаты представителей. Как показал Р. Майерсон⁴, система единого непереходного голоса способствовала формированию электорального ландшафта, отличающегося очень высокой концентрацией политической поддержки кандидатов вокруг родных для них населенных пунктов. Бывали случаи, когда 2/3 голосов, отданных за кандидата, приходилось на территорию, составляющую около 1/3 площади избирательного округа, и данный политик одерживал победу. Это связано с тем, что избирательная система страны позволяла победить при относительно невысоком проценте поддержки. Так, если в округе необходимо избрать трех членов парламента, имеется пять кандидатов и двое наименее популярных набрали в сумме 20% голосов, то оставшимся трем для победы в среднем необходимо получить по 26.6%. Для этого достаточно сконцентрировать свои усилия на небольшой части избирательного округа, где кандидат имеет наибольшую поддержку.

Такая практика приводит к тому, что, несмотря на прописанные в конституции (статья 43) обязанности парламентариев принимать решения во благо всей страны, члены Палаты представителей отстаивают интересы даже не своего избирательного округа, а небольшой его части⁵. Их деятельность направлена главным образом на то, чтобы привлечь в свой домашний регион как можно больше государственных ассигнований. Для достижения этой цели формируется рынок голосов: в качестве платы за поддержку в одном законопроекте депутат поддерживает проект другого парламентария, который выгоден его домашнему региону.

В качестве недостатка избирательной системы часто отмечалось наличие диспропорций в весе голосов среди жителей разных районов страны. Избирательные округа были сформированы после Второй мировой войны и отражали территориальную организацию расселения тех лет, когда две трети японцев проживали в сельской местности. Несмотря на то, что в 1964, 1975, 1986 и 1994 гг. проходили реформы округов, дисбаланс между весом голосов в сельской и урбанизированной местности сохранялся. Так, в начале 1990-х гг., в четвертом избирательном округе префектуры Канагава (в который входит и Йокогама, второй по численности город страны) на одного члена Палаты представителей приходилось 427 761 избирателей, а в расположенном в гористой и в основном сельской местности третьем округе префектуры Нагано — 142 932.

Пересмотр карты избирательных округов до последнего времени был затруднен, так как правившая на протяжении долгого времени ЛДП всегда делала ставку на консервативный сельский электорат. Однако под давлением экономических и социальных сложностей, вставших перед страной в конце 1980-х — начале 1990-х гг., правящая партия пошла на реформы и пересмотрела сетку округов, что позволило частично решить проблему неравноценности голосов в сельских и урбанизированных избирательных округах страны. Эти реформы оказали ключевое влияние на то, что в 2009 г. к власти пришла оппозиционная Демократическая партия Японии (ДПЯ). Вместе с тем, несмотря на подвижки последнего времени, диспропорции в распределении мандатов по округам сохраняются. Вопрос об организации территориального представительства, с чем связывается

* Хотя данный пример относится к периоду после реформ 1990-х гг., фракционность партий, как будет показано далее, сохраняет свою актуальность и в наши дни.

и создание более эффективного механизма государственного управления, является ключевым при обсуждении модернизации политической системы Японии.

Избирательная реформа 1993 г. и ее итоги. Под давлением проблем, возникших после крушения экономики «мыльного пузыря» конца 1980-х годов, правящая ЛДП провела избирательную реформу, основная цель которой заключалась в изменении формы территориального представительства, усилении роли партий и создании двухпартийной политической системы по примеру США. Как считалось, это сделает политическую жизнь страны более прозрачной, понятной для населения и более контролируемой, а работу законодательной и исполнительной властей более эффективной.

В ходе преобразований 1990-х годов ЛДП пришлось пойти на решения, которые очевидно ухудшали позиции партии на выборах (введение смешанной избирательной системы с голосованием по партийным спискам, пересмотр границ одномандатных округов, отказ от многомандатных округов). Согласно принятым в ходе реформы актам обе палаты парламента Японии (нижняя — Палата представителей и верхняя — Палата советников) стали избираться в ходе всеобщего голосования по смешанной системе: около половины депутатов определялось в рамках общенационального голосования по пропорциональной схеме, вторая половина — по округам. Нижняя палата стала избираться по одномандатным округам, а верхняя продолжила пользоваться системой единого непереходного голосования.

Нижняя палата парламента Японии состоит из 480 членов, из которых 300 избираются в одномандатных округах, а 180 — в 11 многомандатных округах (блоках) на основе партийных списков. Места в нижней палате парламента от многомандатных блоков распределяются пропорционально отношению голосов, отданных за ту или иную партию.

Хотя результаты реформы 1990-х годов признают успешными не все эксперты, некоторые задачи, как представляется, все-таки удалось решить. Благодаря введению пропорциональной схемы и переформатированию одномандатных округов значительно сократились диспропорции в распределении мандатов между избирателями разных регионов. А отмена многомандатных мажоритарных округов привела к сокращению уровня внутрипартийной конкуренции, консолидации партий. Как отмечает С. Хирано⁶, реформа позволила снизить диспропорции в поддержке кандидатов внутри округа (фактор поддержки в «домашнем» регионе стал менее острым).

На протяжении более десяти лет после проведения реформы ЛДП удавалось сохранять контроль над парламентом, возможно, не в последнюю очередь благодаря частой смене премьер-министров. Лишь Коидзуми, харизматичный лидер партии, ставший в 2001 г. 11-м премьер-министром за 13 лет, находился у власти два срока. После его ухода в 2006 г., премьер-министры вновь стали быстро сменять друг друга — Абэ, Фукуда, Асо. А в 2009 г. произошло то, что действительно можно назвать «тихой революцией» в политике — поражение ЛДП на выборах⁷.

Победа ДПЯ во многом объяснялась тем, что люди разуверились в способности ЛДП решить накопившиеся проблемы, и многие, по их собственному признанию в беседах с одним из авторов этих строк, голосовали за нее из любопытства. В этих условиях предвыборные обещания ДПЯ (в том числе повышение минимальной зарплаты и поддержка семей с детьми и крестьян) привлекли довольно значительный электорат. Возможно, свою лепту внесло и более широкое участие в выборах «потерянного поколения», хотя молодые японцы довольно аполитичны. Несомненно, немалую роль сыграли женщины, которые хотят добиться установления баланса между работой и личной жизнью. Старееющее японское общество нуждается в переменах. Однако досрочная смена лидеров продолжилась — Хатояма сменил Кан, наконец, Нода стал шестым за пять лет⁸.

После выборов 2009 г. многие аналитики предрекали ЛДП затяжной кризис и говорили об успехе реформы, приведшей к формированию устойчивой двухпартийной модели. Но уже в декабре 2012 г. на досрочных выборах ЛДП вернулась к власти, получив

43% голосов против 22,8% у ДПЯ. Многие аналитики отмечали, что «двухпартийная японская демократия уничтожена за 39 месяцев»⁹. ДПЯ потеряла до 4/5 мест в нижней палате, в то время как ЛДП смогла сформировать большинство*.

Причина такого резкого провала ДПЯ связана, в том числе, с не всегда эффективными действиями правительства в борьбе с мировым финансовым кризисом 2007–2009 гг., с последствиями землетрясения марта 2011 г., невыполнением обещаний, входивших в предвыборный манифест партии (в т.ч. сокращение налогового бремени, роста пособий по уходу за детьми, сокращение общих расходов правительства и пр.), а также с невниманием к проблемам, относящимся к американскому присутствию на Окинаве.

Э. Краусс отмечал, что выборы 2012 г. — потерянная возможность для построения настоящей двухпартийной системы. Главные вызовы, стоящие перед Японией, «включая стареющее население и огромный национальный долг, могут быть управляемыми только в случае, если политическая система не будет такой дисфункциональной, как сейчас»¹⁰.

Проблемы в становлении двухпартийной политической системы вернули к обсуждению вопрос о правильности выбранного пути. В ходе реформы 1993–1994 гг. за основу было решено принять классическую партийную систему, сформировавшуюся в Европе в начале XX в. Подразумевалось усиление роли партий, снижение фракционности внутри них за счет формирования более четких партийных манифестов и программ.

Хотя изменения 1990-х годов принесли свои плоды, и в 2000-х годах японская политическая система приблизилась по своей структуре к той, что была принята в большинстве развитых демократий Европы в XX в., некоторые исследователи, в том числе Дж. Кертис¹¹, отмечают, что в ходе этих реформ Япония ошибочно приняла за эталон ту систему, которая была создана многие десятилетия назад и уже неоднократно показала свою отсталость в странах Запада — в современном мире, который стремится к построению общества всеобщего благосостояния, партиям тяжело выстроить индивидуальные платформы, не пересекающиеся с платформами других объединений, найти свой собственный электорат.

В современных европейских демократиях партии становятся более универсальными, ориентированными не на определенные классы, а на голоса неопределившихся. Европейские партии все чаще уходят от монолитности и делают ставку на индивидуальные качества своих кандидатов. Примером такой партии может служить Лейбористская партия Великобритании, которая провела глубокую модернизацию в годы, когда ею руководил Э. Блэр. Лейбористы стали более гибкими и начали ориентироваться на широкие круги избирателей, а не только на рабочий электорат.

В связи с этим можно говорить о том, что проведенные в Японии реформы, направленные на создание мощных партий и снижение влияния личных качеств отдельных политиков, не вполне отвечали требованиям современного момента.

При создании политической системы Японии и последующем ее реформировании представители японского истеблишмента опирались одновременно на лучшие образцы европейской (континентальной и англо-саксонской) и американской политических систем и пытались создать свою собственную модель государственного устройства, наиболее подходящую для местных условий и традиций. Однако такая система не всегда работает эффективно. Во многом это связано с тем, что при частичном импортировании политических механизмов нарушается сформировавшаяся в стране-доноре система сдержек и противовесов. Хотя и перенос политических конструкций в целом в большинстве случаев заканчивается провалом.

На данном этапе перед японской политической системой стоит несколько вызовов: излишняя персонифицированность выборов, несформированность партий, фракци-

* В правящую коалицию также вошел давний союзник ЛДП партия Комэйто.

онность, завышенная значимость локальных интересов в работе парламентариев, несправедливое распределение мандатов по округам. Это свидетельствует о том, что процесс модернизации партийно-политического пространства в Японии не завершен и не ясно по какому пути она пойдет дальше — двухпартийности или «локутных коалиций»¹². Как и все японские модели (экономического роста, управления рабочей силой и т. д.), политическая система Японии стоит обособленно, имея выраженную специфику, отличающую ее от западных политических систем. В этой связи трудно не согласиться с выводом Д. Стрельцова о возможности становления в Японии новой модели коалиционного правления, основанной на принципах, противоположных традиционным установкам «консенсуальной демократии».

Опыт США. В определенной степени в решении указанных проблем Японии может помочь применение американского опыта. В первую очередь это касается двухпартийности, к которой стремится современная Япония и которая стала отличительной чертой американской политической системы. Положительной чертой двухпартийной системы зачастую является то, что она обеспечивает наибольшую стабильность правительства, т.к. на выборах определяется одна партия-победитель. В многопартийных странах формирование правительства зависит от сохранения коалиции партий с необходимым числом мест для формирования парламентского большинства. Слабость сил, входящих в коалицию, может поставить под удар действующий кабинет.

Несмотря на то, что гарантированная победа одной из партий на каждых выборах действительно способствует установлению политической стабильности, для США характерно раздельное правление, т.е. партии делят между собой контроль над ключевыми законодательными и исполнительными институтами (например, президент и большинство в сенате принадлежит одной партии, а другая контролирует палату представителей, большинство легислатур штатов и губернаторских позиций).

Наличие всего двух ключевых политических сил накладывает отпечаток на структуру и идеологию американских партий. Классическая европейская партийная система строится на базе электоральных социально-экономических ядер — у каждой партии существует электоральное ядро среди представителей определенной социально-экономической группы населения. Борьба разворачивается за голоса сомневающихся или при отстаивании своей ниши, если на нее покушается другая партия. В связи с этим от европейских партий требуется четкая платформа, нацеленная на интересы социальной группы, которую она считает для себя ключевой. Чтобы заручиться поддержкой большинства избирателей в США, партиям необходимо представить программу, вызывающую симпатию у большинства политически активного населения. Поэтому политическая программа по существу представляет собой «примирительный» для разных социально-экономических групп документ. Наличие партийных программ, отражающих интересы практически всего населения страны, приводит к образованию внутри Республиканской и Демократической партий фракций, которые борются за власть и отстаивают интересы отдельных групп. Тем самым наличие различных групп влияния внутри одной партии маскирует процесс борьбы политических сил и достижения компромисса, в то время как в многопартийной системе этот процесс является более открытым.

На протяжении полутора веков партийно-политический спектр страны выстраивается по линии «либерал-консерватор». Такая стабильность партийно-политического спектра и слабость различий между партийными программами, особенно в базовых вопросах устройства государства, приводит к тому, что политическая дифференциация происходит в географическую, пространственную плоскость. Американские политические партии сильно разнятся регионально, и взгляд демократов или республиканцев на один и тот же вопрос в одной части страны может серьезно отличаться от позиций однопартийцев из другой части США.

Фракционность и персонализированность политики не приводит в США к чрезмерному ослаблению политических объединений. Это связано с тем, что кандидаты очень зависимы от своих партий в вопросах администрирования избирательных компаний и, что особенно важно, в формировании избирательных фондов. Именно административное руководство партий определяет, как будут использованы средства, собранные комитетами политического действия для финансирования избирательных компаний.

Двойная конкуренция на выборах, которая встречается в Японии, невозможна в США, поскольку там используется исключительно одномандатная мажоритарная избирательная система, практически исключающая возможность баллотирования двух кандидатов от одной партии. А внутрипартийный отбор кандидатов осуществляется на предварительных выборах, позволяющих до проведения основного голосования определить потенциально наиболее успешного кандидата и выставить на всеобщее голосование именно его.

В отличие от действующей в Японии смешанной системы, позволяющей проходить в парламент значительному числу партий, партийно-политическая система США, основанная на одномандатных округах, ориентирована на формирование двухпартийной системы.

Возможно, отказ японской общественности от идеи, что партии должны действовать в рамках манифестов (партийных программ), позволил бы приблизить политическую систему страны к желаемой двухпартийности и повысить ее эффективность. Как отметил Дж. Кертис¹³, в современном мире важнее, как партия правит, чем то, что она обещает.

Завышенная значимость локальных интересов при принятии парламентарием решений и связанная с этим проблема *pork barrel* существуют и в США, но здесь это во многом сглажено наличием более жесткой системы партий и высокой партийной солидарностью, которая колеблется в пределах от 70 до 95%, и в последние годы находится на пиковых значениях¹⁴. В дополнение к этому избирательная система США требует значительно более высокого уровня поддержки кандидата для избрания (в типичном случае конкуренции двух кандидатов для победы необходимо как минимум 50% голосов), что снижает уровень локализации зон поддержки.

Свойственная Японии проблема несправедливого распределения мандатов по округам в США решена в конституции страны, где четко описан процесс оформления округов в зависимости от численности населения, определяемой в рамках обязательной переписи населения, проходящей раз в 10 лет. В тоже время для США характерна проблема нарезания избирательных округов в угоду одной из партий, но из-за острых политических дискуссий при утверждении сетки округов в местных ассамблеях, а также прецедентов судебных разбирательств, в последнее время эта практика стала заметно менее распространенной. Некоторые штаты даже передали вопрос нарезки округов сторонним политически неаффилированным организациям.

Электоральный ландшафт Японии и США: сравнительная характеристика

Электоральная география, или систематизированный пространственный анализ выборов, как отмечают авторы книги «Эволюция электоральной географии», имеет длительную историю. Картирование статистики выборов обеспечило более глубокое понимание процессов, происходящих в современной политике¹⁵. Как научное направление электоральная география имеет очень разное прошлое в Японии и США. По причине изначально заложенных в политическую систему страны географических черт для США это направление исследования является популярным и разрабатывается, по крайней мере, с начала XX в., когда появились известные работы Ф. Тернера, посвященные секционализму и районам с устойчивой политической поддержкой¹⁶. Американскими электоральными географами был разработан ряд методов: описательные, картографические, математические, социологические и пр., с помощью которых сформированы теории кри-

тических голосований и электоральных эпох, изучены локальные и федеральные аспекты пространственной организации политического процесса.

Современная политическая и электоральная география Японии стала развиваться довольно поздно, в конце 1980-х — 1990-х гг. Как отмечают Т. Ямадзаки и М. Кумагаи¹⁷, тормозом к развитию этих направлений географической науки служили, во-первых, эхо геополитических идей времен милитаризма, и, во-вторых, установившаяся в Японии в 1950–1990-х гг. однопартийная система. Интерес к данному направлению проявился в эпоху реформ 1990-х годов. Японские географы часто обращаются к американскому опыту и перенимают методы исследования, изначально разработанные для США.

Сравнение пространственной организации электоральной поддержки Японии и США до начала 2000-х годов довольно затруднительно, поскольку до реформы 1993–1994 гг. политическая жизнь Японии контролировалась одной партией, а аспекты фракционной борьбы внутри нее слабо поддаются анализу с помощью традиционных методов электоральной географии. Если посмотреть на результаты выборов в нижнюю палату парламента Японии в 1980-х годах, бросается в глаза абсолютное лидерство ЛДП: на выборах 1980 г. она набрала 47% голосов (ближайший конкурент — 19%), в 1984 г. — 45% против 19% у партии, занявшей второе место, в 1986 г. — 49% против 17% у ближайших преследователей.

Динамика в пореформенные 1990-е годы несколько сложнее: ЛДП удавалось побеждать на выборах, но иногда менее крупные партии создавали альянсы и формировали правительство, или же ЛДП становилась частью коалиционного правительства. В этот период основные центры поддержки ЛДП располагались во внутренних районах и на юго-западе страны.

Начиная с 2000-х годов многие черты политического ландшафта Японии и США довольно похожи. Во-первых, в обеих странах сформировались две ключевые политические силы, хотя в Японии двухпартийная система еще находится в стадии формирования. Во-вторых, ключевые партии занимают позиции в рамках либерально-консервативного спектра. Консервативное крыло занимают ЛДП Японии и Республиканская партия США. ЛДП в своей программе отстаивает консервативные ценности, как в социальном, так и в экономическом плане. В числе прочего она ратует за сохранение нынешнего статуса императора, свободную торговлю, тесные взаимоотношения с США и странами АСЕАН, либерализацию экономики Японии, стимулирование внутреннего спроса. Схожую платформу по многим вопросам занимает и Республиканская партия США: она выступает за невмешательство государства в экономику, снижение налогов, стимулирование личной инициативы граждан, запрет абортов и гомосексуальных браков.

Либеральное крыло занимают ДПЯ и Демократическая партия США. Первая стоит на весьма левых позициях и выступает за построение общества всеобщего благосостояния и равных возможностей, рост расходов на здравоохранение и социальные проекты; поддерживает идеи децентрализации власти и передачу ряда функций местным органам власти. Аналогично Демократическая партия США отстаивает интересы менее защищенных групп населения, в том числе социальные программы, поддерживает государственное вмешательство в экономику для сокращения имущественных диспропорций.

В-третьих, схожа территориальная организация поддержки основных политических сил: консервативные силы делают ставку на сельские регионы, в то время как более либеральные — на крупные города, что в целом соответствует культурным особенностям сельского и городского электората в большинстве развитых либеральных демократий. Эти закономерности можно проследить по итогам голосований на выборах в нижнюю палату парламента Японии в 2005, 2009 и 2012 гг. и палату представителей США в 2012 г. Из них отчетливо видны региональные закономерности поддержки политических сил. В Японии юг страны в большей степени поддерживает ЛДП, в то время как север —

ДПЯ. Это хорошо прослеживается по результатам голосования в многомандатных округах в 2005 г. и 2009 г. В США страна разделяется симметрично по центральной оси: поддержка Республиканской партии сконцентрирована на юге и в центральных районах страны, а влияние Демократической партии концентрируется вдоль побережий.

В то же время, как отмечают Д. Джаннетти и Б. Грофман, в Японии нет сильной базы для конкуренции партий на национальном уровне. Определенные политические партии и политики имеют корни в специфических районах, но такие случаи ограничены. В Японии региональный политический раскол проходит между избирателями урбанизированных территорий и сельской местности. Территориальная база поддержки партий по системе 1955 г. может быть подытожена как поддержка сельскими районами ЛДП и городскими — оппозиционных партий или не поддерживающих определенную партию. Эту разницу можно объяснить протекционистской аграрной политикой успешных администраций ЛДП, предоставлявших существенные субсидии сельским районам и проводивших политику в пользу сельских отраслей¹⁸.

Проецируя опыт США на Японию, можно утверждать, что при условии формирования устойчивой двухпартийной системы и там основную роль в определении итогов выборов будет иметь ситуация в пригородах. Основной район соперничества между двумя ведущими американскими партиями сегодня — это субурбанизированные территории, где проживает наибольшая часть неопределившегося электората. Графства на местном уровне от выборов к выборам сохраняют свои политические предпочтения, и при этом позиции партии-лидера в них еще больше укрепляются. Уровень региональных диспропорций снижается и возрастают различия в политических позициях избирателей внутри районов.

Если организационное реформирование партийно-политической системы Японии продолжится, то, как представляется, некоторые заимствования из американского политического опыта позволят японской политической модели выйти из кризиса и стать более эффективной. Прежде всего, полный отказ от единого непереходного голосования и пропорциональной системы может позволить сформировать стабильную двухпартийную систему, а формирование отношения к партиям как организациям, нацеленным на построение общества всеобщего благосостояния и стремящимся к консенсусу по ключевым вопросам развития, сделает политическую модель страны более адекватной и современной. Для разделения внутрипартийной и межпартийной конкуренции целесообразно проведение предварительных внутрипартийных выборов. Это позволит снизить уровень влияния личностного фактора на выбор кандидата и усилить позиции партий. Для достижения равномерного представительства населения страны в парламенте необходимо введение строгого контроля за нарезкой избирательных округов.

Резюмируя, можно сделать вывод о некоторых явных преимуществах американской политической модели. Японский истеблишмент традиционно использует американский политический опыт и можно ожидать, что новые заимствования помогут повысить эффективность политической системы Японии и положительно повлиять на ее электоральный ландшафт.

1. *Carey J., Shugart M.* Incentives to Cultivate a Personal Vote: A Rank Ordering of Electoral Formulas // *Electoral Studies*. 1995. Dec. Vol. 14. P. 429.
2. *Curtis G.* Japanese Political Parties: Ideals and Reality // *The Research Institute of Economy, Trade and Industry (RIETI Discussion Paper Series 04-E-005)* / 2004. 18 p.
3. *Reed S., Thies M.* The Consequences of Electoral Reform in Japan. In Shugart M., Wattenberg M., eds. *Mixed Member Electoral Systems: The Best of Both Worlds?* NY: Oxford University Press. 2001. P. 380–403.
4. *Myerson R.* Incentives to Cultivate Favored Minorities under Alternative Electoral Systems // *American Political Science Review*. 1993. Vol. 87. P. 3–5.

5. *Curtis G.* Election Campaigning Japanese Style. NY: Columbia University Press, 1971. P. 87.
6. *Hirano S.* Electoral Institutions, Hometowns, and Favored Minorities: Evidence from Japanese Electoral Reforms // *World Politic.* 2006. Oct. Vol. 59. P. 64, 81.
7. Тихоцкая И. «Тихие революции» в Японии // Япония: экономика и общество в океане проблем. М.: Восточная литература, 2012. 206 с.
8. Там же.
9. Там же.
10. Brinsley J., Reynolds I. Two-Party Japan Democracy Undone in 39 Months as DPJ Falls // Bloomberg, 17 December 2012. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2012-12-16/two-party-japan-democracy-undone-in-39-months-as-dpj-crumbles>.
11. *Curtis G.* Japanese Political Parties: Ideals and Reality // The Research Institute of Economy, Trade and Industry (RIETI Discussion Paper Series 04-E-005). 2004. 18 p.
12. Стрельцов Д. Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. М.: АИРО-XXI, 2013. 295 с.
13. *Curtis G.* Japanese Political Parties: Ideals and Reality // The Research Institute of Economy, Trade and Industry (RIETI Discussion Paper Series 04-E-005), 2004. 18 p.
14. *Poole K.* The Polarization of American Politics // *Voteview*, 9 June 2015, http://www.voteview.com/political_polarization_2014.htm.
15. *Johnston R., Shelly F., Taylor P.* Developments in electoral geography. NY: Routledge, 2015. 292 p.
16. *Turner F.* The Significance of Sections in American History. NY: Henry Holt and Company, 1932. P. 301.
17. *Yamazaki T., Kumagai M.* A Geography of Political Geography: The journals impact on Japanese Human Geography // *Political Geography: Retrospect and Prospect.* 2005. 4 April.
18. *Giannetti D., Grosman B.* A Natural Experiment on Electoral Law Reform: Evaluating the Long Run Consequences of 1990s Electoral Reform in Italy and Japan. Springer Science & Business Media, 2011. 162 p.

Экономика

О стратегии сотрудничества Китая и России на северном маршруте Морского Шелкового пути XXI века

© 2016

Ли Цзинъюй, Чжан Чэньяо

В феврале 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин высказался на переговорах с В.В. Путиным в Сочи за взаимодействие Китая и России при формировании Нового Шелкового пути. Мировые СМИ акцентировали внимание на сухопутном и на водном (через Южно-Китайское море, Индийский океан, Суэцкий канал) вариантах. В КНР большой интерес проявляется и к «короткому» морскому маршруту: вдоль Северного Ледовитого океана. Статья содержит соображения китайских ученых на сей счет.

Ключевые слова: Новый Шелковый путь, стратегическое партнерство Китая и России, СМП (Северный морской путь), приарктические страны, глобальная приморская урбанизация

Идея Нового Шелкового пути¹ способствует обновлению платформы всестороннего китайско-российского стратегического партнерства. Нашим странам предстоит проанализировать существующие проблемы и разработать политику продвижения этой идеи, налаживая взаимодействие приморских регионов, с учетом экономической глобализации и свободы судоходства активно сотрудничать в совершенствовании прибрежной инфраструктуры Северного морского пути. Для решения финансовых вопросов следует совместно учредить Банк развития северо-восточного направления Морского Шелкового пути. Тем самым будет внесен исторический вклад в экономическое процветание Евразии.

Исторический фон китайско-российского сотрудничества в создании Морского Шелкового пути

Геополитическая ситуация в Арктике вызывает интерес во многих странах. Китай, у которого 90% внешнеторгового оборота зависят от морских перевозок, вышел на важный этап экономической перестройки и рассчитывает на долговременную пользу от освоения океана. Северо-восточный маршрут благоприятен для связи с мировыми рынками, он может улучшить ситуацию в морских перевозках за счет снижения нагрузки на транспорт в Тихом и Индийском океанах. Надлежит изучить тенденции, определить по-

Ли Цзинъюй, профессор НИИ морского развития при Ляонинском педагогическом университете. E-mail: kyc@lnpu.edu.cn;

Чжан Чэньяо, научный сотрудник НИИ морского развития при Ляонинском педагогическом университете. E-mail: kyc@lnpu.edu.cn.

Статья подготовлена при поддержке Государственного фонда общественных наук (ООВТУ116) и Государственного фонда программного обеспечения океанологии (OSS201112), (OSS201218) Китайской Народной Республики.

зицию, решить технические проблемы, усилить сотрудничество с Россией на Севере, сообща формируя и стабильно используя Морской Шелковый путь XXI века.

1. *Мировой климат потеплел, навигация на северо-восточной морской трассе облегчилась.* Эта трасса, представляющая собой один из наиболее привлекательных коридоров между Азией и Европой, осложнена неблагоприятными климатическими и навигационными условиями, период навигации весьма короток. Но потепление климата облегчило условия судоходства. Метеорологические данные, полученные в лабораториях США, свидетельствуют: в 1970-е годы среднегодовая температура на Северном полюсе составляла минус 10°C, а в начале XXI в. повысилась до минус 8°C.

Повышение температуры вызывает интенсивное таяние льдов. Согласно данным японской космической разведки, к августу 2012 г. площадь ледовых полей в Северном Ледовитом океане сократилась до 4,21 млн кв. км, рекордно низкого показателя за все время наблюдений². Хотя в зимний период ледовые поля в основном восстанавливаются, ежегодное их сокращение достигает 7,8%, и эта тенденция с каждым годом усиливается³. Таяние льдов особенно заметно в морях южной части Северного Ледовитого океана: в Чукотском, Восточно-Сибирском и море Лаптевых сокращение ледяного покрова в летне-осенние периоды составляло в среднем по 10–15% за десятилетие⁴.

Период навигации удлиняется. Будучи самым экономичным маршрутом между Азией и Европой, северо-восточный путь, судя по всему, обретет со временем репутацию «золотого пути».

2. *Акватория дорожает, борьба за Арктику ужесточается.* Океан — это сокровищница ресурсов и важное стратегическое пространство для грядущего развития. Еще в 1960 г. президент Франции де Голль выдвинул лозунг «вторжения в океаны». Год спустя американский президент провозгласил: «Соединенным Штатам надлежит осваивать океаны». Не желая отставать, СССР, Япония, Великобритания вели активную политику, разрабатывая стратегию освоения океана⁵.

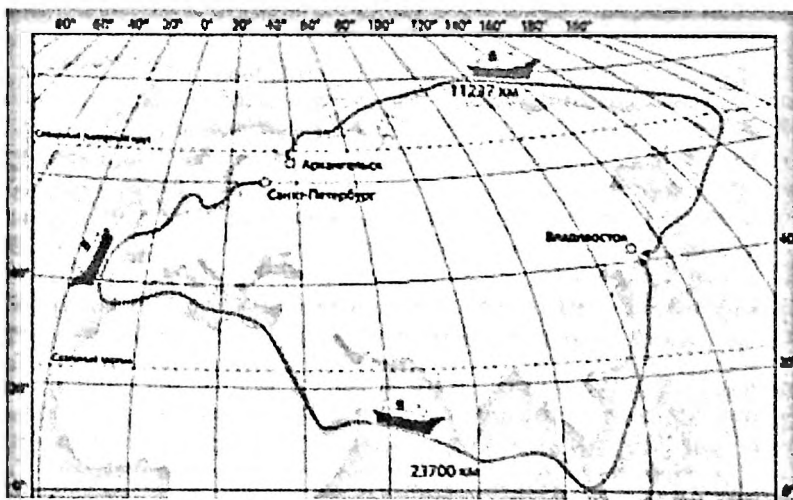

Рисунок 1. Северный морской путь и путь с Дальнего Востока в Европу через Суэцкий канал

Арктику называют «последней кладовой планеты». А поскольку технический прогресс сулит снизить себестоимость освоения, она превратилась в эпицентр международной конкуренции. Пять прибрежных арктических стран развернули борьбу за Арктику, ссылаясь на морское право. Однако Северный полюс есть полюс всей нашей планеты, поэтому многие страны участвуют в освоении мирового океана. Идет ли речь о нефтяных и газовых ресурсах или о международных транспортных коммуникациях, недопустимо, чтобы их монополизировали большие державы. Остается надеяться, что чрезмер-

ная монополия больших держав поменяется и в Арктике наступит эра многостороннего международного сотрудничества⁶.

3. *Благодаря растущему вниманию разных сторон к северо-восточному пути эра его освоения не за горами.* Как только навигация по удобнейшей трассе между Азией и Европой станет регулярной, коренным образом преобразится мировая логистика, влияние на мировую экономику и торговлю будет огромным.

Летом 2009 г. из корейского порта Пусан вышли два германских судна, которые успешно миновали Северо-восточный морской путь и достигли Голландии, как бы «прорубив окно» для торгового судоходства.

В августе 2010 г. российский танкер благополучно доставил в китайский порт Нинбо 70 тыс. т сырой нефти. В сентябре того же года датское судно переправило в китайский порт Циндао 40 тыс. т железной руды⁷. В августе 2011 г. российский ледокол с грузом на борту достиг за семь с половиной суток Берингова пролива, установив рекорд по скорости прохождения Северо-восточного морского пути.

Число судов из Европы и России, прошедших по этому пути на российский Дальний Восток, в Восточную и Юго-восточную Азию росло. По данным ряда СМИ, в 2010 г. Севморпутем прошло 4 судна, в 2011 – 34 судна, в 2012 – 45. Летом 2012 г. 5-я китайская арктическая экспедиция на ледоколе «Сюзун» положила начало судоходству КНР по Северному Ледовитому океану⁸. Итак, этап экспериментов позади, наступила эра коммерческого освоения.

4. *Следуя правильным тенденциям, Китай и Россия должны создать Морской Шелковый путь.* Выдвинутая Китаем стратегическая концепция Морского Шелкового пути получила в России положительный отклик. В научных кругах и в компетентных ведомствах, включая сотрудников МИД, складывается мнение, что эта идея стратегически верна. Тем более, что перед этим США приступили к осуществлению трансатлантических инвестиций и новых торговых соглашений, вызвавших настороженность Москвы. США потворствуют действиям Японии и Филиппин, оказывают давление на Китай на море. Предложенные Си Цзиньпином идеи Экономического пояса Шелкового пути представляют собой реакцию на американские планы. Как говорится, каждый исходит из своих потребностей и возможностей. Россия это понимает и поддерживает, мы можем сообща продвигаться вперед. Следует отметить сдержанное отношение к Путину на саммите G-20 и на форуме в формате АТЭС, разногласия углубил украинский кризис. В этих условиях Китай и Россия должны действовать сообща. Совместно создавая Морской Шелковый путь, мы сможем открыть новую страницу в наших взаимоотношениях всестороннего стратегического партнерства.

Анализ актуальных проблем китайско-российского партнерства в создании Морского Шелкового пути

Поскольку Северный морской путь имеет очевидные преимущества перед другими маршрутами, это неизбежно порождает в мире конкуренцию. Соответственно и реализация интересов КНР в этом регионе сталкивается с неблагоприятными факторами.

1. *Гуманитарная обстановка сложна, что тормозит прокладку Морского Шелкового пути.* С 1970-х годов, по мере роста населения и ухудшения экологии, усилилась охота за ресурсами. В связи с обострением социально-экономических противоречий различные страны столкнулись с трудностями. Многие из них, особенно индустриально развитые, обратили взоры к океану — к его неисчислимым ресурсам.

Важное стратегическое положение Северного Ледовитого океана пробудило интерес к его освоению — особенно у таких граничащих с Арктикой стран, как США, Канада, Россия, Дания. У каждой из них налицо стремление к созданию военных баз, претензии на морской шельф, попытки контролировать морские пути, планы будущего освоения. Канада еще в 2001 г. начала наращивать в Арктике вооруженные силы. Борьба за ресурсы между Канадой и Данией проявилась в претензиях на остров Ганса. Тогда же Россия выдвинула претензии на территорию Северного полюса, после чего повела на основе своей государст-

венной стратегии масштабные исследования морского дна в Северном Ледовитом океане, что свидетельствовало о серьезности ее намерений по освоению Арктики.

Что касается США, то они еще в период холодной войны создали в Исландии и Норвегии военные базы и РЛС, что можно расценивать как претензию на освоение арктических ресурсов. Географическое преимущество приарктических стран оборачивается, в определенном смысле, союзническими отношениями, позволяющими разрешать взаимные противоречия, отстраняя страны, не примыкающие к Арктике (что проявилось в подписании «Илулисатской декларации»). Китай, к числу приарктических стран не относящийся, явно подвергается бойкоту. То, как успешно он развивается, пробуждает у приарктических стран опасения перед «алчностью» Китая в отношении Арктики — следовательно, он столкнется при освоении «северного» пути в Европу с ограничениями разного рода.

2. Сложные конфликты интересов чреваты угрозой для прокладки Морского Шелкового пути. Кладовая ледников, накапливавшихся миллионы лет, Арктика раскрывает свои тайны по мере прогресса человечества. По предварительным данным, там сосредоточено 15% мировых неразведанных запасов нефти, 30% газа, 25% угля, 10% алмазов. Арктические льды — это важный источник пресной воды. Экономический транспортный коридор позволяет вдвое сократить время прохождения грузов. Ожесточенная борьба развернулась за контроль над регионом, за распределение ресурсов, за преимущества транспортного сообщения между двумя краями мира. Уже давно идут споры за суверенные права. В первую очередь споры идут о шельфе Аляски, о принадлежности острова Ганса и хребта Ломоносова. Эти споры бросают вызов «Конвенции ООН по морскому праву», которая отвергает принадлежность Арктики какой-либо стране⁹.

Страны, претендующие на Арктику, покушаются на права всего человечества. Борьба за нее зарождалась еще во времена холодной войны. Военно-стратегические преимущества Арктики заключаются в наличии господствующих высот, в скрытности и удобстве использования подводного флота и других видов оружия. Возникают новые аспекты арктической стратегии. Так, США, рассматривая Арктику как свой форпост, наращивают свои силы по наблюдению и контролю в Северном Ледовитом океане. В «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» подчеркнута стратегическая важность региона как ресурсной базы. Канада, Дания, Норвегия, Швеция для защиты своих интересов в Арктике наращивают военное присутствие.

3. Специфика природных условий препятствует прокладке северной ветки Морского Шелкового пути. Особенности арктического климата предопределили недостатки навигации вдоль этой трассы. Во-первых, сравнительно коротка навигация, на которую непосредственно влияет смена теплых и холодных периодов (последние иногда затягиваются на десятилетия). Во-вторых, проход судов зачастую блокируют льды, а площадь ледяных полей велика. Нормальное судоходство возможно лишь с июля по октябрь¹⁰. В августе—сентябре температура повышается и лед тает, но не настолько, чтобы перестать быть препятствием. Суда вынуждены искать проходы между льдинами, требуется прокладка ледоколами, высока степень риска. В-третьих, мешает туман. Летом температура повышается, но из-за отсутствия ветра туман редко рассеивается и видимость низка. В Восточно-Сибирском и Чукотском морях на лето приходится до 20 туманных дней, из-за чего опасность плавания возрастает¹¹. В-четвертых, маршрут проходит вблизи российского континентального шельфа в зоне юрисдикции России, а она взимает плату за прокладку ледоколами. К тому же, данная акватория неблагоприятна для крупных судов, ибо изобилует подводными хребтами, айсбергами.

4. Средства поддержания навигации слабы, что затрудняет формирование Морского Шелкового пути. Китай сравнительно поздно осознал выгоды арктического маршрута, он отстает от ряда стран в исследовании Арктики, не обладает системными познаниями о ней. Он испытывает дефицит в соответствующих навигационных материалах, в арктических разработках и не обладает достаточными ресурсами и персоналом для

арктической навигации. К тому же, для плавания по северному пути необходима надежная навигационная поддержка.

Северо-восточный маршрут проходит вдоль российского Дальнего Востока, где территория обширна, людей мало, климат неблагоприятен, инфраструктура не развита, строительство контрольно-измерительных станций сопряжено с большими трудностями. Тяжелый климат выдвигает к оборудованию повышенные требования. Для своевременного оповещения о ледовой и метеорологической обстановке необходимы соответствующее оборудование и персонал.

На маршруте часто возникают помехи. Магнитное поле Северного полюса может неблагоприятно воздействовать на работу навигационных приборов¹². В белом безмолвии Арктики нет ориентиров, трудно определять местоположение. Навигационное оборудование на судах и оборудование в российских портах устарело, не отвечает требованиям ремонта и обслуживания крупных судов, ледоколов не хватает¹³. Российские порты имеют удачное географическое положение, и потребность в северных перевозках с каждым годом возрастает, однако от потребностей развития заметно отстает портовая инфраструктура¹⁴.

После первой китайской арктической экспедиции минуло 30 лет. С 1984 г. Китаем было послано 30 экспедиций в Антарктиду и 6 — в Арктику. Им достигнуты большие успехи в изучении поглощения двуокиси углерода и эволюции плазмы в атмосфере Арктики. Китай имеет ряд научных станций: «Чанчэн», «Чжуншань», «Куньлунь», «Тайшань» в Антарктиде и «Хуанхэ» в Арктике¹⁵.

Хотя информации и оборудования у Китая пока недостаточно, его совокупный научный потенциал приумножается, тыловая поддержка нарастает. Необходимо продолжать усилия, чтобы обеспечить интересы Китая в освоении Арктики.

Предложения по совершенствованию китайско-российского сотрудничества по прокладке Морского Шелкового пути

Чтобы выполнить грандиозную задачу прокладки Китаем и Россией Морского шелкового пути по северо-восточному маршруту, надлежит выработать комплексную программу, включая расписание и дорожную карту. Необходимо единое планирование, координация действий и разделение труда всех заинтересованных организаций обеих стран. Необходимо усилить всестороннее сотрудничество на море, воплотить в жизнь отношения стратегического сотрудничества; опираясь на взаимодействие приморских регионов сообща формировать базу освоения.

1. Воплотить в жизнь содержание двустороннего стратегического партнерства. Отношения стратегического партнерства Китая и России имеют богатое содержание и воплощены в различных сферах двусторонних отношений, включая намерение взаимодействовать на морях. Свидетельством тому — упомянутое выше соглашение о сотрудничестве в морской сфере, подписанное правительствами двух стран в мае 2003 г. (этот документ пока что, к сожалению, не нашел реального воплощения). В новой обстановке важно вспомнить о нем и приступить к его выполнению, поскольку в современном мире борьба в морской сфере становится все более ожесточенной. Возглавляемые Соединенными Штатами страны Запада ведут целенаправленное наступление на морях, неблагоприятно влияя как на Китай, так и на Россию. Все это дает основания утверждать, что китайско-российское сотрудничество в морской сфере есть необходимый выбор.

Действенное претворение в жизнь подписанного ранее соглашения отвечало бы потребностям всестороннего углубления и развития отношений двустороннего стратегического партнерства. Си Цзиньпин подчеркнул это в ходе переговоров с В.В. Путиными, и сотрудничество в морской сфере вошло в повестку дня. Будучи благоприятно для защиты морского суверенитета и коренных интересов двух стран, такое сотрудничество будет способствовать развитию экономического взаимодействия в морской сфере, повысит уровень торгово-экономических связей и поможет реализации ранее определенных стратегических целей. Оно будет способствовать усилению совместной защиты окружающей

среды в море, повышению научно-технического уровня использования морских ресурсов и безопасности морского транспорта.

Российская сторона обратила внимание на то, что Си Цзиньпин высказал предложения о сотрудничестве в морской сфере по ходу визита в апреле 2014 г. в четыре европейские страны (Нидерланды, Францию, Германию и Бельгию). В мае на переговорах В. Путина с руководством Китая в Пекине прозвучали и вопросы морского взаимодействия. Стоит отметить, что после визита в Китай министра обороны РФ С. Шойгу активное развитие получило военно-морское сотрудничество, были составлены планы ежегодных военных учений. Это благоприятствует укреплению безопасности и защите морских путей.

2. *Опираясь на сопряженные акватории, сообща прокладывать Морской Шелковый путь.* Кроме древних континентальных шелковых путей, проложенных на запад и на юг от Китая, существовало северное направление — в Центральную Азию и далее, в Россию. Ныне следует создать на основе имевшегося шелкового пути экономический пояс, что благоприятствовало бы дальнейшему освобождению китайского экономического потенциала, позволило бы странам, расположенным вдоль шелкового пути использовать шансы быстрого развития Китая. Этот экономический пояс должен будет перейти из России в Восточную, Центральную и Западную Европу. Тем самым Экономический пояс Нового Шелкового пути сможет привести к весомым коммерческим выгодам, породить серьезный народнохозяйственный и политический эффект. Поэтому и премьер Госсовета КНР Ли Кэцян при посещениях ряда стран Восточной и Центральной Европы подал по ходу встреч с компетентными лицами сигнал о стремлении к сотрудничеству. В дальнейшем представители этих стран посетили Китай, были тепло приняты председателем КНР Си Цзиньпином. Это способствовало дальнейшему укреплению сотрудничества, что благоприятствовало интересам России и было воспринято ею положительно.

В России известно, что китайское предложение Морского Шелкового пути XXI века есть новое стратегическое направление, продолжающее традицию из времен династии Мин, когда китайский мореплаватель Чжэн Хэ проложил морской шелковый путь через Тихий и Индийский океаны. Однако проект Морского Шелкового пути XXI века, провозглашенный Си Цзиньпином, не ограничится Тихим и Индийским океанами, им, как известно, предусмотрено новое, через Северный ледовитый океан направление, создаваемое Китаем совместно Россией.

Начиная с порта Ляньюнган¹⁶, маршрут пройдет вдоль восточного побережья Китая, затем по морям российского Дальнего Востока — вплоть до европейского рынка. Так предусмотрено маршрутной картой, разработанной в Китае. У России нет опасений, что северо-восточный маршрут Морского Шелкового пути таит что-либо невыгодное для нее. Там видят в нем важную меру по реализации отношений всестороннего стратегического партнерства, активный стратегический шаг торгово-экономического сотрудничества, выдвинутого лидерами двух стран. Там понимают китайское присловье: «хочешь разбогатеть — строй дорогу». Внутри Китая уже прошла проверку эта тактика, способствующая межрегиональному взаимодействию и постепенно ведущая к достижению цели общего благосостояния. Российская сторона верит, что базирующаяся на этом опыте прокладка северного маршрута Морского шелкового пути послужит во благо общему благосостоянию приморских районов обеих наших стран.

3. *С учетом свободы судоходства и экономической глобализации надлежит сообща создать прибрежную инфраструктуру.* Чтобы успешно проложить северный маршрут Морского Шелкового пути, эффективно осуществить экономическую глобализацию и региональную интеграцию, обе стороны должны ускоренно создать береговую инфраструктуру, продвигать экономическое развитие приморских городов, осуществлять цели экономического сотрудничества.

В экономически отсталых прибрежных городах надлежит сосредоточить усилия на инфраструктуре. Обе стороны должны разработать стратегические программы и методику, увеличить инвестиции в прибрежные города и регионы, поднять на новый уровень торгово-экономическое сотрудничество. Необходимо использовать преимущества порто-

вых и логистических структур, скоординировать региональные транспортные связи, обеспечить стыковку, снизить себестоимость. Следует и далее развивать богатый опыт, накопленный в инфраструктурном строительстве Китая, активно участвовать в прокладке линий связи, железных и автомобильных дорог, трубопроводов и пр. Необходимо усовершенствовать взаимодействие портовых контрольных и таможенных органов, облегчить таможенный контроль.

4. Для разрешения финансовых проблем Морского Шелкового пути нужен Банк освоения океана. Китайско-российское сотрудничество в прокладке Морского Шелкового пути немыслимо без финансового обеспечения. По мере постепенного наращивания регионального и морского сотрудничества двух стран все очевидней необходимость учреждения на государственном уровне китайского банка сотрудничества в освоении океана, который финансово поддержал бы китайско-российское сотрудничество в создании Морского Шелкового пути, а также стремительно развивающуюся морскую экономику Китая.

Создание такого банка — дело не простое. Анализ морской экономики показывает, что проектов с высокой добавленной стоимостью и высокой эффективностью сравнительно мало, а риски высоки. Часты стихийные бедствия, производство не стабильно. Добыча морских ресурсов на начальном этапе требует больших затрат, финансовым структурам нелегко овладеть ситуацией, требуются высокие технологии. Что касается морского туризма и вложений в недвижимость, здесь можно добиться благосклонности финансовых структур, однако возможны экологические проблемы, из-за которых сложность освоения возрастает.

Исходя из государственной стратегии и реальной практики, для создания Китайского банка освоения моря необходимо: осуществление финансовой политики привилегий морской экономике на основе континентальной экономики; дальнейшее углубление реформы финансовых структур; совершенствование организационной системы экономики освоения моря; оздоровление механизмов прямого инвестирования; совершенствование финансового рынка морской экономики; постепенное увеличение масштабов региональной экономики; улучшение структуры морской экономики; повышение внешней открытости и использования зарубежных капиталов; стабилизация политики финансовой поддержки освоения моря; увеличение пространства единого планирования континентальной и морской экономик, совершенствование финансовой системы единого развития.

В процессе создания Банка освоения моря нужно искать новое развитие, опираясь в процессе сотрудничества по созданию Морского шелкового пути на международные прецеденты, соблюдая международный финансовый порядок, оказывать финансовую поддержку инфраструктурному строительству прибрежных стран.

5. Сообща закладывая основы Морского шелкового пути, акцентировать внимание на научных разработках. Разработка северного маршрута шелкового пути есть нелегкое дело, требующее решения множества научных и технических проблем. Особого внимания требуют природно-климатические трудности. Весь этот маршрут, протянувшийся на несколько тысяч километров¹⁷, испытывает воздействие арктического климата, недостает навигационного оборудования, что имеет непосредственное отношение к прибрежным странам. Россия испытывает экономические трудности, и ее инвестиции в северный путь ограничены. Инфраструктура вдоль этого маршрута отсталая, навигационная поддержка слаба. Поэтому Китаю необходимо активизировать сотрудничество с Россией, произвести инвестиции в строительство портов и навигационной инфраструктуры; привлечь капиталы, технологии, специалистов.

При освоении северо-восточного направления Морского Шелкового пути необходимы арктические знания, но навыков самостоятельного исследования в этом направлении у Китая пока недостаточно. Поэтому необходимо сотрудничество со странами, обладающими достаточным опытом, в первую очередь с Россией. Хотя исследовательское судно «Сюэлуун» в 2013 г. впервые успешно прошло по северо-восточному участку, оно не обошлось без помощи российского ледокола. В настоящее время северо-восточный

участок находится под контролем России, исследованиями в этом районе занимаются в основном европейские, американские и российские ученые, достигнуты определенные успехи в исследовании природной среды¹⁸. Китай может влиться в мощный поток исследования Арктики, получить материалы для картографии¹⁹. Путем установления механизма сотрудничества можно будет подготовить специалистов по арктической навигации, повысить знания и уровень навигационных технологий относительно северо-восточного направления и преодолеть риски.

б. Создать платформу стратегического сотрудничества на Морском Шелковом пути, учредить штаб глобальной приморской урбанизации. Право голоса Китая как мировой державы становится все заметнее. Это требует дальнейшего упрочения в международном сообществе образа ответственной страны. Стратегическая концепция китайско-российского сотрудничества в создании Морского Шелкового пути есть реальное содержание отношений стратегического партнерства, усилия двух стран способствуют открытию нового пространства для сотрудничества в морской сфере. Поэтому Китаю необходимо первым создать штаб глобальной урбанизации, сотрудничать в создании Морского Шелкового пути, построить общую глобальную или региональную платформу сотрудничества в морской сфере, стать участником и созидателем в процессе формирования мирового порядка²⁰.

Для того чтобы проложить Морской Шелковый путь, необходимы заблаговременное планирование, инициативное участие, контакты с прибрежными странами при предоставлении им полного комплекса услуг и углублении торгово-экономического взаимодействия внутренних районов Китая с прибрежными странами.

Можно предположить, что штаб глобальной прибрежной урбанизации будет способствовать ее гармоничному развитию, и это даст положительный социальный и экономический эффект для регионов. Китай, как крупная держава, обладающая второй по объему экономикой мира, может взять на себя ответственность за создание такого штаба. Поэтому Китай должен взять курс на формирование образа морской державы. Опираясь на китайско-российское сотрудничество, используя опыт Кремниевой долины и Уолл-стрит, необходимо ускорить упорядочение и развитие рыночных функций такого штаба. Общими усилиями прибрежных стран и городов превратить северо-восточное направление Морского Шелкового пути XXI века в образец международного и межрегионального сотрудничества в освоении и развитии морской сферы.

Перевел Б.Я. Надточенко

1. История зарождения «старого», караванного Великого шелкового пути из Китая — в Среднюю Азию (и далее — в Европу) восходит к II в. до н.э. — *Прим. ред.*
2. Бэйбиньян хайбин мяньци дао гуаньцешу илай цзуйсяо цзилу: [Рекорд минимальной площади ледовых полей за все время наблюдений]. URL: [http://news.xinhuanet.com/2012-08-01\(05\)](http://news.xinhuanet.com/2012-08-01(05))
3. *Stroeve J.C., Serreze M.C., Fetterer F. et al.* Tracking the Arctic's shrinking ice cover: another extreme minimum in 2004 // *Geophysical Research Letters*. 2005. Vol. 32(4).
4. *Цюй Цзин.* «Сюэлу» хао чуаньюэ бэйци дунбэй хандао: [«Сюэлу» (Снежный дракон) проходит по северо-восточному пути Арктики] // *Чжунго шуйюньбао*. 2012. 8 Jan. (5).
5. По большинству параметров приоритет в прокладке Северного морского пути принадлежит России:
 - Впервые за одну навигацию его прошла экспедиция О. Шмидта в 1932 г. на ледоколе «А. Сибиряков».
 - Первое сквозное плавание за одну навигацию прошло в 1934 г. на ледорезе «Фёдор Литке».
 - Первое сквозное грузовое плавание из Ленинграда во Владивосток свершили лесовозы «Ванцетти» и «Искра» (с 8 июля по 9 октября 1935 г.)
 - В Великую Отечественную войну по Севморпути прошли сотни судов, перевезшие более 4 млн т грузов.

- С 1960 г. в состав арктического флота СССР вошёл атомный ледокол «Ленин» (первый в мире). За 30 лет эксплуатации он прошел 654 тыс. миль, проведя через льды тысячи судов с грузами. — *Прим. ред.*
6. С Арктикой граничат Россия, Канада, США, Норвегия и Дания. Общая протяженность их арктического побережья — 38700 км (из них 22600 км — у России). — *Прим. ред.*
 7. Ли Чэньфу, Сунь Цзяньпин. Бэйцзи хансянь диюань чжэичжидэ гуйфань бои цзичжи фэньси: [Анализ механизма правил геополитической игры на арктических путях] // Шицзе дили яньцзю. 2011. № 1.
 8. Научно-исследовательское судно ледового класса «Сюэлу», выйдя в начале июля 2012 г. из порта Циндао, 2 августа завершило плавание по Северному морскому пути. На борту была команда из 120 человек, включая ученых из Франции, Японии, Дании, Финляндии, Южной Кореи, Исландии и Тайваня. «Сюэлу» построен в 1993 г. на херсонских верфях, длина — 167 м, ширина — 22,6 м, дедейт — 10,5 тыс. т. — *Прим. ред.*
 9. Правовой статус Арктики регулируется нормами международного права, национальным законодательством арктических государств и двусторонними соглашениями. Согласно Конвенции ООН по морскому праву, принятой в 1982 г., территория государства включает лишь шельф, а внешельфовая зона объявляется международной. Статья 76 Конвенции определяет границы шельфа в 200 морских миль, но предоставляет государству право претендовать на шельф, простирающийся за эту границу. Для реализации этого права стране необходимо подать заявку в специальный международный орган — Комиссию ООН по границам континентального шельфа. — *Прим. ред.*
 10. В 1978 г. благодаря вступлению в строй нового атомного ледокола «Сибирь» в Арктике временно открылась круглогодичная навигация — *Прим. ред.*
 11. Ли Чэньфу, Ли На и др. Бэйцзи хандао тунхан хуаньцзин фэньси: [Анализ условий навигации на северо-восточном пути] // Ганкоу цзинцзи. 2012. № 1. Р. 3.
 12. Гу Вэйго, Чжан Цюжун и др. Бэйян бинцзюй хансинде чуаньбо цаоцзун: [Управление судами в Арктике]. Ханхай цзишу. 2011. № 1. Р. 10–14.
 13. В 2013 г. Минфин РФ изыскал в соответствии с распоряжением президента Путина 100 млрд руб. на строительство трех новых атомных ледоколов для СМП (первый уже начали строить на Балтийском заводе в 2012 г.) Кстати, Россия — единственная страна, которая строит атомные ледоколы. — *Прим. ред.*
 14. Го Пэйцин, Гуан Цинлэй. Дунбэй хандаодэ лишн юй сянь чжуан: [История и современное состояние северо-восточного пути] // Хайян шицзе. 2008. № 12. Р. 67–72.
 15. Вого цзиди кэкао цзоуго 30 нянь: [30 лет полярных исследований Китая] // Хунань жибао. 2014. 17 окт.
 16. Хайшан сыгчоучжилу фачжань лишншан букэцзюэде минчжу Ляньюньган: [Необходимая жемчужина Морского шелкового пути — Ляньюньган] // Чжунго жибао. 2014. 21 авг.
 17. Расстояние, проходимое судами из Мурманска в Йокогаму (Япония) Северным морским путем составляет 5770 морских миль (через Суэцкий канал — 12 840 морских миль) — *Прим. ред.*
 18. Хэ Цзяньфэн и др. Бэйцзи хандао сянгвань хайюй кэсюэ каоча яньцзю цзиньчжан: [Оксанологические исследования морских путей в Арктике]. 2012. № 2.
 19. Ли Чэньфу. Чжунго цаньюй бэйцзи хансянь гоцзи цзичжиде чжаньай цзи дуйцэ: [Препятствия на пути участия Китая в международных исследованиях арктических путей и их преодоление] // Чжунго ханхай. 2009. № 2.
 20. Россия продвигается «встречным» курсом. В декабре 2015 г. Д. Медведев подписал комплексный проект развития Севморпути (о намерении довести за 15 лет перевозки грузов с нынешних 4 млн т в год до 80 млн т.) «Эта цель должна быть обязательна, — прокомментировал премьер-министр. — Это позволит превысить объемы перевозок, существовавшие во времена СССР». Китай — не приарктическая страна, его ледовый опыт невелик, но искушен в логистике, в строительстве портов, имеет инвестиционный потенциал. Двусторонняя кооперация РФ и КНР в Арктике взаимовыгодна. — *Прим. ред.*

Контрактный курс юаня в приграничной торговле российского Дальнего Востока

© 2016

М.В. Жариков

Автор исходит из гипотезы, что взаимная торговля в национальных валютах по контрактному курсу может сыграть позитивную роль в развитии экономики дальневосточного региона России. Статья содержит расчеты контрактных курсов юаня, используемых российскими импортерами китайской продукции.

Ключевые слова: контрактный курс юаня к рублю, эффективность прямого товарообмена, своп, спот.

Предпосылки организации прямого товарообмена

Во время и после глобального финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. многие ученые стали выступать за реформу мировой валютной системы (МВС), в основе которой лежит доллар как валюта, опосредующая практически все международные сделки в сфере торговли, финансов, валютных отношений¹. Некоторые страны привязывают свои национальные валюты к доллару. В частности, Китаю эта привязка необходима для поддержания и стимулирования экспорта, обеспечения стабильности цен и международной конкурентоспособности его продукции². Стабильность и устойчивость МВС являются одними из важнейших условий развития международных экономических отношений. Однако в условиях глубокого кризиса и большой безработицы США начали проводить политику дешевых денег и осуществили дополнительную эмиссию доллара, что дестабилизировало МВС и нарушило равновесие на валютном рынке не только страны-эмитента, но и стран, которые привязали курсы своих национальных валют к доллару³. Нарушение равновесия на валютном рынке, вызванное притоком спекулятивного капитала, а также падение реальной стоимости доллара повлекли относительный рост курса юаня по отношению к доллару, удорожание китайской продукции за рубежом, нанесли вред ее конкурентоспособности⁴. Одна из ответных мер правительства КНР — заключение межгосударственных соглашений со странами – партнерами по внешней торговле о хотя бы частичном использовании национальных валют во взаимных расчетах по экспорту и импорту⁵. То есть, по существу, о прямом товарообмене. И поскольку Китай является крупнейшим экспортером товаров в мире, то даже частичное или небольшое использование юаня в опосредовании этого товарообмена привело к увеличению использования юаня за рубежом. На валютных рынках Великобритании, Сингапура, Гонконга появились оффшорные центры для торговли юанем⁶.

Феномен использования той или иной валюты в международных расчетах (ее интернационализация) нашел отражение в работах ряда исследователей в России и других странах. Выявляются, в частности, принципы, проблемы и перспективы юаня как

международной валюты⁷. Китайские ученые рассматривают его интернационализацию как составную часть государственной политики по усилению позиций КНР в мире⁸, а также как инструмент повышения финансовой стабильности на национальном и глобальном валютных рынках⁹.

Российские экономисты¹⁰, соответственно, выявляют возможности и перспективы рубля в международных расчетах¹¹. Использование рубля за рубежом значительно меньше по сравнению с юанем и ограничено регионом, объединяющим ряд стран Содружества Независимых Государств¹². Россия и Китай стали инициаторами проектов по реформе международной валютной системы, предполагающих расширение состава международных резервов посредством включения в них валют стран БРИКС¹³.

Россия и Китай, будучи значимыми торговыми партнерами, стремятся создать инструменты более глубокого сотрудничества посредством организации прямого товарообмена. Но для того, чтобы полностью перейти на национальные валюты, потребуется длительный период, начало которому положило использование рубля и юаня в приграничном регионе.

Использование национальных валют в отдельных регионах, например на Дальнем Востоке России, может способствовать углублению и развитию партнерских отношений РФ и КНР, поскольку прямой товарообмен в национальных валютах позволяет сокращать издержки, связанные с обменом валют, и не обязывает формировать для нужд двусторонней торговли золотовалютные резервы в долларах.

Китай — ведущий внешнеторговый партнер приграничных субъектов РФ

Для анализа перспектив и эффективности перехода на прямой товарообмен выбраны приграничные с Китаем субъекты федерации: Амурская область, Забайкальский, Приморский и Хабаровский края, Республика Алтай и Еврейская автономная область. В 2005 г. они получили право использовать юань во внешнеэкономических сделках с Китаем и принимать в коммерческих банках вклады населения в юанях.

Таблица 1.

КНР во внешней торговле приграничных субъектов федерации в Дальневосточном регионе РФ в 2012–2015 гг.

Показатель, млн долл.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Янв. — июнь 2015 г.
Импорт из Китая	5028,4	5998,8	5081,2	874,3
Импорт из других стран	3858,7	4554,8	4460,9	759,8
Импорт суммарно	8887,1	10553,7	9542,1	1634,2
Доля Китая в импорте, %	56,6	56,8	53,3	53,5
Экспорт в Китай	1992,4	2694,0	2994,6	875,2
Экспорт в другие страны	2235,5	2913,4	3065,7	671,6
Экспорт суммарно	4227,9	5607,4	6060,4	1546,8
Доля Китая в экспорте, %	47,1	48,0	49,4	56,6

Источник: составлено автором по данным Федеральной таможенной службы. Документы таможенной статистики внешней торговли. URL: <http://stat.customs.ru/apex/?p=201:7:2631430916114112::NO>

Из табл. 1 видно, что рассматриваемые приграничные субъекты РФ в целом в период 2012–2015 гг. завозили из Китая более половины своей импортной продукции и направляли в Китай также около половины своей экспортной продукции. В частности, в Еврейскую АО он поставлял почти 100% ее импорта, принимая почти весь ее экспорт.

Шесть обменных курсов юаня к рублю в России

Важнейшим фактором развития прямой торговли России и Китая в национальных валютах следует считать организацию в 2011 г. торгов по валютной паре рубль/юань на Московской бирже (МБ) и Китайской валютной бирже (КВБ). До этого товарообмен в национальных валютах между Россией и Китаем мог быть реализован только через посредничество доллара. Механизм этого посредничества таков: для того, чтобы расплатиться за продукцию из Китая, российским импортерам сначала надо поменять рубли на доллары по курсу Центрального банка России (ЦБР), затем за доллары приобрести юани и только после этого погасить свою задолженность по торговому балансу перед Китаем в юанях. В свою очередь, если китайские импортеры решают покупать российскую продукцию за рубли, им необходимо поменять юани на доллары в Народном банке Китая (НБК) по официальному курсу, за доллары купить рубли и, наконец, расплатиться с российскими экспортерами. Такой товарообмен «в национальных валютах» является неконкурентоспособным для России и Китая, поскольку издержки при обмене их валюты на валюту-посредник превышают выгоды.

Более оптимальным вариантом реализации прямого товарообмена является опосредование экспорта и импорта национальными валютами, приобретенными по контрактам на валютных рынках обеих стран. С началом работы валютных рынков юаня в России и рубля в Китае появилась возможность приобретать их по валютным контрактам и курсам, более благоприятным по сравнению с условиями их приобретения в ЦБР и НБК.

В России первоначально, с октября 2011 г. по апрель 2013 г., работал один валютный контракт с немедленной поставкой юаня (спот) с кодовым наименованием CNYRUB_TOD и собственной стоимостью. Эта стоимость и представляет собой контрактный курс юаня. Его можно рассчитать как отношение стоимости заключенных валютных контрактов за определенный период (день, месяц, квартал, год) в рублях к стоимости этих же контрактов в юанях. В результате получается величина, показывающая, какое количество рублей необходимо для покупки одного юаня на Московской бирже (МБ). Согласно расчетным данным табл. 2, среднегодовой контрактный курс юаня к рублю по валютным контрактам CNYRUB_TOD в 2012–2015 гг. колебался в пределах, превышавших среднегодовой курс юаня к рублю ЦБР, за исключением I полугодия 2015 г.

По внешней видимости заключение валютных контрактов на МБ для приобретения юаня является невыгодным для российских импортеров, поскольку для оплаты импорта из Китая в случае прямого товарообмена им будет необходимо больше рублей, чтобы купить юани в количестве, достаточном для исполнения внешнеторгового договора с китайской стороной. Однако официально публикуемый курс юаня к рублю ЦБР не отражает дополнительных издержек, связанных с приобретением юаня через посредничество доллара. Контрактный курс юаня к рублю, наоборот, представляет собой стоимость (или цену) юаня на МБ, выраженную в рублях, которая закреплена в соответствующем валютном контракте и, следовательно, также является стоимостью (или ценой) приобретения иностранной валюты, включающей все издержки, связанные с оформлением контракта.

Позднее, в апреле 2013 г. на МБ вошли в обращение дополнительные валютные контракты на покупку юаня. Рынок спот дополнился рынком своп, предполагающим заключение валютных контрактов, содержащих условие о предоставлении партнерам по внешнеторговой сделке возможности приобрести ту валюту, которая им необходима, или условия приобретения которой более благоприятны в зависимости от конкретной ситуации. Начиная с этого времени регулярные торги юанем на МБ осуществлялись — в дополнение к упомянутому — еще по трем видам валютных контрактов с соответствующими кодовыми наименованиями CNY_TODTOM, CNYRUB_TOM и CNY_TOMSPT. Отметим, что в период с октября 2011 по ноябрь 2013 г. МБ не устанавливала специального курса юаня к рублю (процедура, именуемая фиксингом).

Таблица 2

Расчет эффективности китайского импорта в приграничных субъектах РФ на основе различных обменных курсов при прямом товарообмене

Показатель	2012	2013	2014	Янв. — июнь 2015
Исходные данные				
Фиксинг рубля по юаню на МБ	—	5,3967	6,2583	9,3184
Официальный курс рубля к юаню (ЦБР)	4,9246	5,1817	6,2067	9,3260
Контракт CNYRUB TOD (спот), млрд руб.	7,6241	11,1233	29,9237	6,8228
Контракт CNYRUB TOD (спот), млрд юаней	1,5542	2,1384	5,0008	0,7313
Доля контрактов CNYRUB_TOD (спот) в общем объеме сделок, %	100,0000	31,0671	9,9364	3,5750
Средний контрактный курс юаня (рублей за юань) по контракту CNYRUB TOD	4,9271	5,1842	6,2461	9,2931
Контракт CNY TODTOM (своп), млрд руб.	—	7,4155	22,3061	9,6218
Контракт CNY TODTOM (своп), млрд юаней	—	1,4002	3,7008	1,0367
Доля контрактов CNY_TODTOM (своп) в общем объеме сделок, %	—	20,7114	7,4069	5,0416
Средний контрактный курс юаня (рублей за юань) по контракту CNY TODTOM	—	5,2890	6,2594	9,3487
Контракт CNYRUB TOM (спот) млрд руб.	—	8,9255	221,6183	131,6553
Контракт CNYRUB TOM (спот), млрд юаней	—	1,6634	34,4189	14,2136
Доля контрактов CNYRUB_TOM (спот) в общем объеме сделок, %	—	24,9288	73,5899	68,9843
Средний контрактный курс юаня (рублей за юань) по контракту CNYRUB TOM	—	5,2887	6,2314	9,3272
Контракт CNY TOMSPT (своп) млрд руб.	—	8,3397	27,3051	42,7482
Контракт CNY TOMSPT (своп), млрд юаней	—	1,5653	4,3900	4,5518
Доля контрактов CNY_TOMSPT (своп) в общем объеме сделок, %	—	23,2927	9,0669	22,3991
Средний контрактный курс юаня (рублей за юань) по контракту CNY TOMSPT	—	5,2860	6,2534	9,3454
Совокупный объем торгов рубль/юань, млрд руб.	7,6241	35,8041	301,1532	190,8481
Совокупный объем торгов по валютной паре рубль/юань, млрд юаней	1,5542	6,7673	47,5105	20,5334
Импорт из Китая, млрд долл.	5,0284	5,9988	5,0812	1,4232
Импорт из Китая, млрд руб. (по курсу ЦБР)	156,6096	192,3135	193,0029	81,8261
Расчет эффективности прямого товарообмена при импорте				
Импорт из Китая, млрд юаней (по курсу ЦБР)	31,7355	30,2370	31,3204	8,8514
Импорт из Китая, млрд юаней (по фиксингу МБ)	—	—	31,1313	8,8594
Импорт из Китая, млрд юаней (по курсу контракта CNYRUB TOD, спот)	31,7232	30,2264	31,1826	8,8828
Импорт из Китая, млрд юаней (по курсу контракта CNY TODTOM, своп)	—	30,1849	31,1237	8,8349
Импорт из Китая, млрд юаней (по курсу контракта CNYRUB TOM, спот)	—	30,1934	31,2036	8,8528
Импорт из Китая, млрд юаней (по курсу контракта CNY TOMSPT, своп)	—	30,2028	31,1556	8,8404

Источник: составлено автором по данным Федеральной таможенной службы. Документы таможенной статистики внешней торговли. URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:2631430016114112::NO>; Московская биржа. Итоги торгов. URL: http://www.micex.ru/marketdata/quotes?group=currency_selt&data_type=history; Центральный банк России. URL: http://cbr.ru/currency_base/dynamics.aspx?VAL_NM_RQ=R01235&date_req1=01.01.2012&date_req2=24.08.2015&rt=1&mode=1.

С введением фиксинга к концу 2013 г. на валютном рынке юаня в России в наличии были шесть его курсов: официальный курс ЦБР, курс по фиксингу МБ и четыре контрактных курса. Согласно расчетам автора, все эти курсы отличаются по стоимости (табл. 2). Их отклонение один от другого может оказывать соответствующее влияние на экспорт и импорт приграничных субъектов федерации с Китаем.

Эффекты от функционирования такого количества обменных курсов при купле одной и той же валюты можно рассматривать так: с одной стороны, разнообразие валютных курсов дает возможность выбирать наиболее оптимальный вариант приобретения валюты внешнеторговой сделки, позволяет диверсифицировать риски; с другой стороны, оно способствует распространению спекуляций с юанем, когда его покупка осуществляется по минимальному из возможных курсов, а продажа — по максимальному, либо используется для выгодной покупки другой валюты.

В табл. 2 приведен расчет эффективности прямого товарообмена между приграничными субъектами РФ и Китая по шести курсам юаня. Эффективность прямого товарообмена в данном случае определяется разницей между стоимостью китайского импорта по одному курсу юаня и той же стоимостью по другому его курсу. Значит, перед заключением сделки с китайским поставщиком российскому импортеру на Дальнем Востоке необходимо производить расчеты по каждой из альтернатив. И тогда выбор валютного контракта и обменного курса осуществляется по следующему принципу: стоимость внешнеторговой сделки по одному курсу юаня должна быть дешевле той же сделки по другим обменным курсам. Так, согласно расчетам, приведенным в табл. 2, в 2012–2015 гг. наименьшую стоимость импорт из Китая в приграничные субъекты РФ приобретал в случае, если они заключались по курсу юаня посредством контракта своп с кодовым наименованием CNY_TODTOM. То есть, покупку юаня для опосредования внешней торговли с Китаем рационально было бы осуществлять по этому контракту. Экономия денежных средств при импорте по нему сулит повышение благосостояния экономических субъектов и экономического роста в регионе.

Участники биржевых торгов среди четырех валютных контрактов на покупку юаня отдавали предпочтение контракту с кодовым наименованием CNYRUB_TOM, ибо на его основе (в частности, в 2014 г.), реализовывалось около 74% всех сделок с юанем на валютном рынке России. Такое предпочтение обусловлено, прежде всего, достаточно низким контрактным курсом юаня (в 2014 г. среднегодовое значение курса юаня по контракту CNYRUB_TOM составляло наименьшую величину по сравнению с другими контрактными курсами юаня на МБ и средним курсом юаня по фиксингу). Предпочтение данного контракта перед другими может быть связано и с тем, что по типу он относится к спот и обеспечивает немедленную поставку валюты, его могут заключать со спекулятивными целями, а не для опосредования внешнеторговых сделок.

Контракты своп, заключаемые для обмена потоками рубля и юаня, рассчитаны на долгосрочный характер отношений и потому наиболее пригодны для прямых расчетов России и Китая в национальных валютах. На них приходилось в 2014 г. около 16% объема валютных сделок с юанем в России (на контракты спот — около 84%).

По контрактам спот курс юаня благоприятней для российских импортеров — его среднегодовое значение в рассматриваемом периоде было меньше среднегодового значения контрактных курсов юаня на рынке своп, как и уровня фиксинга рубля к юаню на МБ. Но в первом полугодии 2015 г. это соотношение несколько изменилось: по контрактам своп на валютном рынке России стали заключать около 30% сделок с юанем.

Таблица 3

Показатели корреляции китайского импорта в субъектах РФ и торговли юанем на МБ по видам контрактов в 2013–2015 гг.

Показатель корреляции	2 кв. 2013	3 кв. 2013	4 кв. 2013	1 кв. 2014	2 кв. 2014	3 кв. 2014	4 кв. 2014	1 кв. 2015	2 кв. 2015
Совокупный импорт из Китая по курсу контракта CNYRUB_TOD (спот) и общая стоимость контрактов этого типа	-0,9	-0,6	-0,3	0,3	1,0	1,0	1,0	0,5	0,7
Совокупный импорт из Китая по курсу контракта CNY_TODTOM (своп) и общая стоимость контрактов этого типа	-0,9	0,2	0,6	0,6	0,0	-1,0	0,9	0,1	0,1
Совокупный импорт из Китая по курсу контракта CNYRUB_TOM (спот) и общая стоимость контрактов этого типа	-1,0	-0,5	0,1	-0,3	-1,0	0,0	1,0	-0,4	-1,0
Совокупный импорт из Китая по курсу контракта CNY_TOMSPT (своп) и общая стоимость контрактов этого типа	-0,7	-0,2	-0,8	-0,8	0,4	-0,6	0,7	-0,5	-0,9

Источник: составлено автором по данным Федеральной таможенной службы. Документы таможенной статистики внешней торговли. URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:2631430016114112::NO>; Московская биржа. Итоги торгов. URL: http://www.micex.ru/marketdata/quotes?group=currency_sell&data_type=history.

Насколько спекулятивен характер контрактов покупки юаней на МБ, показывает корреляционный анализ величин, отражающих объем импорта китайской продукции в субъекты РФ и объем торговли по валютной паре рубль/юань на МБ. Судя по табл. 3, в период регулярной торговли с использованием четырех видов контрактов (2013–2015 гг.) корреляция обеих величин составляла в отдельные кварталы «единицу», что означает теснейшую связь между ними¹⁴.

В приграничных с КНР субъектах РФ корреляционная связь между импортом из Китая и торговлей юанем по контрактам спот и своп на МБ варьируется от слабой до очень тесной. Исходя из того, какова роль Китая во внешней торговле того или иного субъекта РФ, можно утверждать, что эта корреляционная связь более тесна у тех из них, для которых Китай важнее как внешнеторговый партнер: чем больше доля Китая в импорте субъекта РФ, тем теснее должна быть корреляционная связь. В частности, для Еврейской АО, в импорте и экспорте которой Китай занимает около 100%, в отдельные кварталы 2013–2015 гг. корреляционная связь между импортом и торговлей юанем достигала максимума или была близка к максимуму. Но и для тех субъектов, где на Китай приходится до половины товарооборота, корреляционная взаимосвязь рассматриваемых величин также весьма тесная. Есть основания полагать, что валютные контракты своп и спот на МБ приобретаются преимущественно для опосредования товарообмена с Китаем, а не со спекулятивными целями. Но в периоды, когда эта корреляционная связь ослабляется или сводится на нет, можно говорить о росте спекулятивного спроса на юань. Это характерно для поведения участников биржевых торгов в периоды серьезных колебаний рубля к доллару. Тогда для диверсификации портфелей активов закупается больше юаней.

Таблица 4

**Корреляция экспорта из приграничных субъектов
РФ в Китай и торговли рублем на КВБ**

Показатель корреляции	II кв. 2014	III кв. 2014	IV кв. 2014	I кв. 2015	II кв. 2015
Экспорт из Амурской области в Китай и объем торгов по валютной паре рубль/юань	-1,0	-0,8	-1,0	-0,9	0,2
Экспорт из Приморского края в Китай и объем торгов по валютной паре рубль/юань	-0,4	0,9	-1,0	1,0	0,5
Экспорт из Забайкальского края в Китай и объем торгов по валютной паре рубль/юань	0,1	0,6	0,4	0,4	1,0
Экспорт из Хабаровского края в Китай и объем торгов по валютной паре рубль/юань	0,7	0,1	-0,2	0,9	-0,3
Экспорт из Республики Алтай в Китай и объем торгов по валютной паре рубль/юань	0,7	-0,4	-1,0	0,1	-0,4
Экспорт из Еврейской АО в Китай и объем торгов по валютной паре рубль/юань	1,0	0,3	-0,9	-0,4	-1,0

Источник: составлено автором по данным Федеральной таможенной службы. Документы таможенной статистики внешней торговли. URL: <http://stat.customs.ru/apex/?p=201:7:2631430016114112::NO>; China Foreign Exchange Trade System. Monthly Bulletin on RMB/FX Spot. URL: <http://www.chinamoney.com.cn/fe/Channel/2783206>.

Рост на российском валютном рынке спекулятивного спроса на юань может служить фактором, тормозящим развитие двусторонних торговых отношений приграничных субъектов РФ на Дальнем Востоке с Китаем, поскольку тогда юань аккумулируется в виде ценных бумаг или других активов, которые не будут использоваться во взаимной торговле, а послужат основой для новых спекулятивных сделок. Однако накопление юаня в разных активах может стимулировать взаимную торговлю, поскольку в этом случае формируется дополнительный сегмент валютного рынка юаня в России со своим контрактным курсом и его участниками могут стать субъекты, заинтересованные в приобретении юаня для целей внешней торговли. Помимо такого способа накопления активов в России, выраженных в юанях, последние могут аккумулироваться в портфелях биржевых посредников благодаря купле по контрактам с более высоким курсом юаня к рублю.

Торговля рублем на валютной бирже КНР как фактор стимулирования экспорта приграничных субъектов РФ

Что касается корреляционной связи между экспортом граничащих с Китаем субъектов РФ и торговлей рублем на Китайской валютной бирже, то здесь, судя по табл. 4, также налицо тесная взаимозависимость.

В отличие от валютного рынка России, на валютном рынке Китая принят один тип контрактов на покупку рубля — спот при двух обменных курсах рубля к юаню: официальный курс Народного банка Китая (НБК) и курс Китайской валютной биржи (КВБ). При сравнении курсов рубля к юаню на Московской бирже (МБ) и на КВБ видно, что на последней в период 2014–2015 гг. среднемесячный курс рубля к юаню, как правило, был меньше, чем на первой: за один юань на КВБ нужно заплатить меньшее количество рублей, чем на МБ (табл. 5), т.е. рубль в Китае относительно дороже, чем в России, и китайским импортерам российской продукции необходимо больше юаней для приобретения рубля на КВБ при прямом товарообороте.

Таблица 5

Расчет эффективности экспорта приграничных субъектов РФ в КНР по различным курсам рубля к юаню на Китайской валютной бирже (КВБ)

Показатель	II кв. 2014	III кв. 2014	IV кв. 2014	I кв. 2015	II кв. 2015
Исходные данные					
Курс рубля к юаню (КВБ)	5,6075	5,9083	7,7186	10,1374	8,4962
Курс юаня к доллару (КВБ)	6,2312	6,1649	6,1462	6,2346	6,2040
Курс рубля к юаню (МБ)	5,6129	5,8848	7,7692	10,1519	8,4849
Курс рубля к юаню (НБК)	17,7690	17,0504	13,1526	9,8989	11,7674
Курс юаня к доллару (НБК)	6,1582	6,1571	6,1377	6,1369	6,1202
Объем торгов по валютной паре рубль/юань, млрд долл. (КВБ)	0,3820	0,4360	2,7300	0,1890	0,1200
Объем торгов по валютной паре рубль/юань, млрд рублей (КВБ)	13,3363	16,3862	123,149 7	11,6913	6,3226
Объем торгов по валютной паре рубль/юань, млрд юаней (КВБ)	2,3802	2,6813	16,7411	1,1783	0,7445
Объем торгов по валютной паре рубль/юань, млрд юаней (МБ)	7,1953	14,9281	17,9597	10,8504	9,6829
Экспорт приграничных субъектов РФ в Китай, млрд долл.	0,7670	0,6858	0,8464	0,6328	0,6352
Расчет эффективности прямого товарообмена по экспорту					
Экспорт приграничных субъектов РФ в Китай, млрд юаней (по курсу КВБ)	4,7793	4,2268	5,2064	3,9455	3,9407
Экспорт приграничных субъектов РФ в Китай, млрд юаней (по курсу НБК)	4,7234	4,2221	5,1938	3,8844	3,8881
Экспорт приграничных субъектов РФ в Китай, млрд рублей (по курсу КВБ)	26,8260	25,1238	40,7596	39,8117	33,5790
Экспорт приграничных субъектов РФ в Китай, млрд рублей (по курсу НБК)	83,8362	71,6348	67,3962	38,6038	45,6348

Источник: составлено автором по данным Федеральной таможенной службы. Документы таможенной статистики внешней торговли. URL: <http://stat.customs.ru/apex/?p=201:7:2631430016114112::NO>; China Foreign Exchange Trade System. Monthly Bulletin on RMB/FX Spot. URL: <http://www.chinamoney.com.cn/fe/Channel/2783206>.

При сравнении объемов торговли валютой видно, что в 2014–2015 гг. торговля по валютной паре рубль/юань на МБ в несколько раз превышала ее совокупную величину на КВБ. Исключение составлял IV квартал 2014 г., когда объемы торговли по этой валютной паре в обеих странах практически сравнялись на уровне около 17 млрд юаней (более 120 млрд руб., или около 3 млрд долл.). Тот резкий рост торгов на КВБ по валютной паре рубль/юань можно объяснить ростом поставок от российских компаний приграничных субъектов РФ (чей экспорт в Китай почти удвоился по сравнению с III кварталом 2014 г.). Вследствие этого в октябре — ноябре 2014 г. рубль относительно подорожал к юаню на КВБ. Однако в I квартале 2015 г. из-за значительной девальвации рубля объемы торгов по валютной паре рубль/юань на КВБ снизились до 1 млрд юаней (10 млрд руб., или 190 млн долл.), поскольку приобретение рубля стало обходиться намного дешевле, и он превратился в менее привлекательную валюту для инвесторов. В результате объемы торговли по валютной паре рубль/юань на КВБ стабилизировались на уровне предыдущих периодов (табл. 5).

Оптимальный валютный контракт на покупку юаня

Выбор оптимального валютного контракта на покупку юаня¹⁵ во многом зависит от качества и точности прогнозов поведения его курса. Для целей прогнозирования необходимо осуществлять систематический сбор данных по объемам торгов и обменным курсам юаня, в частности, на МБ и по величине импорта из Китая. Основной целевой показателем для российских импортеров китайской продукции на Дальнем Востоке — объем поставок в будущем. Ведь чем больше китайской продукции, по их ожиданиям, поступит на рынок Дальнего Востока в обозримом будущем, тем больше нужно сейчас заключить валютных контрактов на приобретение юаня на МБ. Решение необходимо принимать быстро, чтобы успеть воспользоваться благоприятными условиями покупки и опередить конкурентов, ибо чем интенсивнее конкуренция покупателей юаня на российском валютном рынке, тем дороже обойдутся валютные контракты на МБ. Однако статистические данные об объеме поставок китайской продукции в Россию и в приграничные субъекты РФ публикуются Федеральной таможенной службой с опозданием на 2–3 месяца, что снижает точность прогнозов. Зато сбор данных о торговле по валютной паре рубль/юань можно вести ежедневно, кроме выходных и праздничных дней. И поскольку, как показано выше, величина китайского импорта в приграничные субъекты РФ тесно коррелирует с объемом торговли по валютной паре рубль/юань на МБ, то объемы торговли валютной валютой можно использовать при таком прогнозировании в качестве ориентира будущей величины импорта. Так, если на МБ увеличивается объем торгов по валютной паре рубль/юань, то через некоторое время следует ожидать роста поставок китайской продукции в Россию, в том числе и в ее приграничные субъекты. То, в течение какого промежутка времени следует ожидать этого увеличения, зависит от следующих особенностей валютных контрактов на приобретение юаня на МБ.

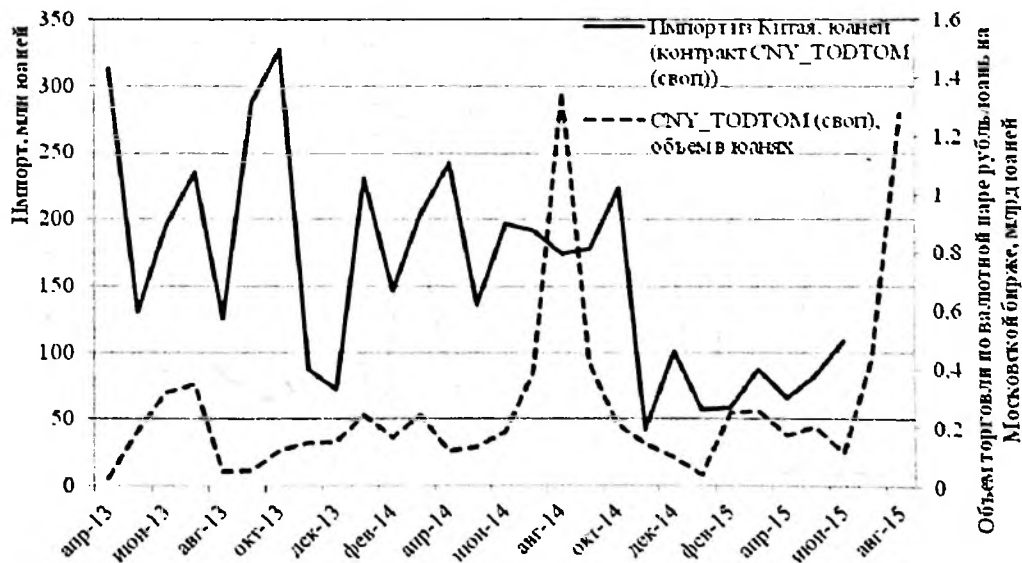

Рис. 1. Динамика китайского импорта в Амурскую область и объема торгов по валютной паре рубль/юань на МБ по контракту CNYRUB_TOM (spot)

Источник: составлено автором по данным Федеральной таможенной службы. Документы таможенной статистики внешней торговли. URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:2631430016114112::NO>; Московская биржа. Итоги торгов. URL: http://www.micex.ru/marketdata/quotes?group=currency_sel&data_type=history.

Исходя из того, что контракты спот заключаются с немедленной поставкой юаня, динамика объема торговли по валютной паре рубль/юань по конкретному контракту должна повторять контуры и крайние точки (минимум и максимум) динамики импорта Китая в приграничные субъекты РФ (что особенно наглядно в примере с Амурской областью). На рис. 1 видно, что с октября 2014 г. кривая, отражающая ее импорт китайской продукции, практически полностью повторяет контуры кривой объема торговли валютной парой рубль/юань по контракту CNYRUB_TOM (spot) на МБ, при этом минимальные и максимальные точки этих кривых совпадают по времени. Так, в октябре 2014 г. китайский импорт в Амурской области и объем торговли по валютной паре рубль/юань по контракту CNYRUB_TOM (spot) на МБ достигли максимума на уровне 224 млн и 10,7 млрд юаней соответственно, а в ноябре 2014 г. они опустились до минимума со значениями 40,6 млн и 1,7 млрд юаней. Поскольку в июле — августе 2015 г. объем торговли по валютной паре рубль/юань на МБ по контракту CNYRUB_TOM (spot) стремительно вырос, достигнув самого большого значения с сентября — октября 2013 г., то с высокой степенью вероятности можно сделать вывод, что в июле — августе 2015 г. произойдет соответствующий рост китайского импорта в Амурской области;

Поскольку контракты своп действуют в течение длительного времени и предполагают долгосрочный характер отношений между партнерами по внешнеторговой сделке, то динамика объема торговли по валютной паре рубль/юань в этих контрактах на МБ должна, повторяя контуры динамики китайского импорта в России, проявиться таким образом, что крайние точки максимума и минимума первой будут отставать по времени от соответствующих точек максимума и минимума второй приблизительно на 1–2 месяца. Ведь по условиям контракта своп валюта поставляется срочно, а завершение внешнеторговой сделки и осуществление платежа должны происходить заблаговременно (рис. 2).

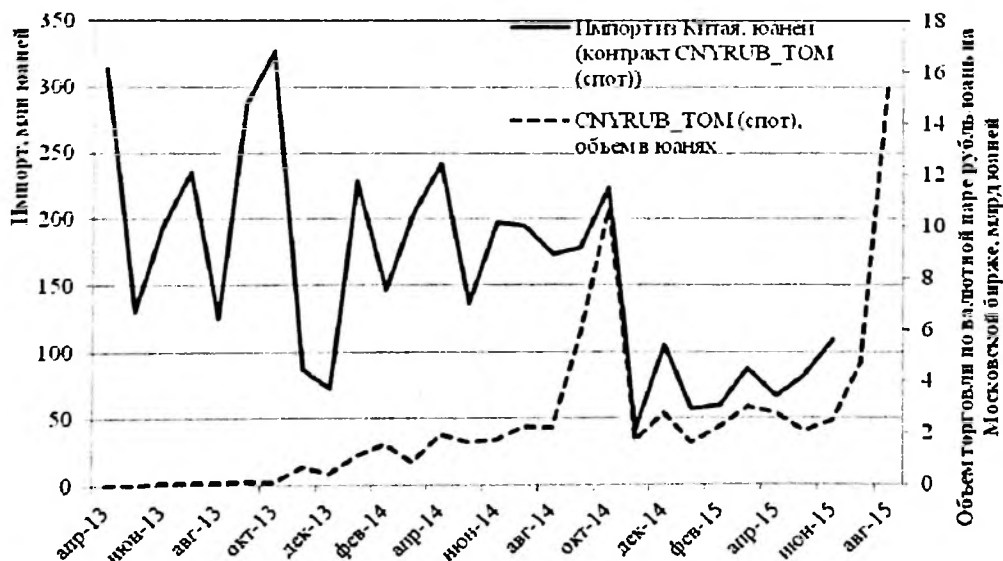

Рис. 2. Динамика китайского импорта в Амурскую область и объема торгов по валютной паре рубль/юань на МБ по контракту CNY_TODTOM (своп)

Источник: составлено автором по данным Федеральной таможенной службы. Документы таможенной статистики внешней торговли. URL: [http://www.micex.ru/marketdata/quotes?group=currency_selt&data_type=history](http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:2631430016114112::NO;Московская биржа. Итоги торгов. URL: http://www.micex.ru/marketdata/quotes?group=currency_selt&data_type=history).

Так, в августе 2014 г. объем торговли по валютной паре рубль/юань на Московской бирже по контракту CNY_TODTOM (своп) достиг своего максимума на два месяца раньше китайского импорта в Амурской области. Это означает, что импортеры Амурской области заключили валютные контракты своп на поставку юаня для оплаты счета за китайскую продукцию за два месяца до фактической поставки. Это отставание следует учитывать при прогнозировании величины экспорта Китая в Амурскую область: если в июле — августе 2015 г. имел место значительный рост объема торговли по валютной паре рубль/юань на МБ по контракту CNY_TODTOM (своп) — значит, соответствующий рост китайского экспорта в Амурскую область наступит не ранее сентября — октября 2015 г.

В соответствии с проведенным исследованием можно сформулировать следующие выводы:

С позиции китайского экспорта в приграничные субъекты РФ прямая торговля является выгодной при соблюдении следующих условий:

а) внешнеторговые контракты между российскими импортерами на Дальнем Востоке и китайскими поставщиками заключаются по среднегодовым обменным курсам (данное допущение не учитывает вероятности отклонения текущего курса юаня к рублю от средней величины; стоимость импорта по средним обменным курсам может отличаться от его же стоимости при пересчете в рублях или юанях по курсу, зафиксированному в конкретном контракте);

б) валютные контракты на приобретение юаня на МБ осуществляются преимущественно с целью его дальнейшего использования в качестве валюты платежа по внешнеторговым сделкам с Китаем, а не со спекулятивными целями;

в) прогнозы колебаний курса юаня на МБ, на основании которых российские импортеры принимают решение о покупке юаня по тому или иному контракту, характеризуются высокой степенью точности, а само решение — рациональностью.

С позиции экспорта прямая торговля приграничных субъектов РФ с Китаем сулит их экономикам нижеследующие эффекты:

а) с одной стороны, наличие двух обменных курсов рубля к юаню на китайском валютном рынке облегчает китайским импортерам продукции из приграничных субъектов РФ расчет эффективности прямого товарообмена (для этого нужно сравнить только две величины — стоимость импорта из России в рублях по средневзвешенному курсу контрактов спот на КВБ и ту же стоимость в рублях по официальному курсу НБК; и если первая величина меньше последней, то прямой товарообмен в национальных валютах становится конкурентоспособным, в обратной же ситуации выгоднее будет расплачиваться в долларах);

б) с другой стороны, наличие двух обменных курсов рубля к юаню в Китае ограничивает возможности выбора оптимального контракта, хотя в то же время не дает распространяться спекулятивным сделкам (последнее в определенной степени позволяет объяснить, почему на КВБ рубль дороже, чем на МБ;

в) то, что на КВБ рубль дороже, тормозит перспективы развития взаимной торговли Китая и приграничных субъектов РФ;

г) из-за более высокой стоимости рубля на КВБ может падать объем экспорта из приграничных субъектов РФ в Китай, уменьшая тем самым прибыль российских экспортеров и делая для них более выгодными расчеты в долларах;

д) при условии более глубокой либерализации внешнеэкономических операций с юанем в России и рублем в Китае российские и китайские компании получают возможность приобретать необходимую им валюту обеих стран на той бирже, где обменный курс для них оптимален.

1. *Goldberg L.S., Cédric T.* Vehicle Currency Use in International Trade // *Journal of International Economics*. 2008. Vol. 76. № 2. P. 177–192.
2. *Биндер А.И.* Некоторые актуальные аспекты трансформации юаня в мировую валюту // *Деньги и кредит*. 2013. № 11. С. 59–62.
3. *Cheung Y.-W., Wong K.-Y.* China and Asia: economic and financial interactions. London: Routledge, 2009. P. 178–193.
4. *Frankel J.* On the Yuan: the choice between adjustment under a fixed exchange rate and adjustment under a flexible rate // *CEPR Economic Studies*. 2006. № 52 (2). P. 246–275.
5. *Prasad E., Ye L.* The Renminbi's Role in the Global Monetary System. The Brookings Institution: Washington, 2012. P. 6–44.
6. *Sekine E.* Renminbi Trade Settlement as a Catalyst to Hong Kong's Development as an Offshore Renminbi Center // *Nomura Journal of Capital Markets*. 2011. № 1. P. 1–14.
7. *Dobson W., Masson P.* Will the renminbi become a world currency? // *China Economic Review*. 2009. № 20. P. 124–135; *Андреев В.П.* Интернационализация юаня: новые возможности // *Деньги и кредит*. 2012. № 5. С. 69–73.
8. *Gao H., Yu Y.* Internationalisation of the renminbi // *BIS Papers*. 2011. № 61. P. 105.
9. *Cheung Y.-W., Chinn M.D., Fujii E.* Pitfalls in measuring exchange rate misalignment: The yuan and other currencies // *Open Economies Review*. 2009. № 20. P. 183–206.
10. *Авдокушин Е.Ф., Коваленко В.Н.* Перспективы интернационализации китайского юаня: может ли юань стать мировой валютой? // *Вопросы новой экономики*. 2012. № 2. С. 43–49.
11. *Потемкин А.И.* Об усилении роли российского рубля в международных расчетах // *Деньги и кредит*. 2010. № 8. С. 3–10.
12. *Борисов С.М.* Российский рубль в международных расчетах: география и статистика // *Деньги и кредит*. 2011. № 12. С. 15–23.
13. *Johnson J.* The Russian Federation: International Monetary Reform and Currency Internationalization // *The BRICS and Asia, Currency Internationalization and International Monetary Reform*. 2013. № 3. P. 6–15.
14. Коэффициент корреляции приобретает значения от 0 до 1 с положительным и отрицательным знаками. Чем ближе его значение к 1 и -1, тем теснее связь между рассматриваемыми величинами.
15. Оптимальный валютный контракт на покупку юаня — это такой контракт, который заключается по минимальному курсу юаня к рублю.

Региональное сотрудничество в зоне Большого Меконга и стратегии внерегиональных держав

© 2016

К.А. Ефремова

В статье рассматриваются основные этапы и итоги эволюции межгосударственного сотрудничества в бассейне реки Меконг, отмечаются приоритетные направления его дальнейшего развития и связанные с ними риски (экологические, социально-экономические, гуманитарные, военно-политические), анализируются стратегии взаимодействия внерегиональных держав (конфликтные и кооперативные), а также предлагаются рекомендации по активизации участия России в региональных интеграционных процессах в зоне Большого Меконга с учетом ее национальных интересов и национальных интересов государств региона.

Ключевые слова: Большой Меконг, АСЕАН, ЭСКАТО, «треугольники роста».

Межгосударственное сотрудничество в бассейне реки Меконг, соединяющей территории пяти государств-членов АСЕАН (Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, Таиланда, Мьянмы) и китайской провинции Юньнань, успешно развивается на протяжении двух последних десятилетий. Этот амбициозный проект привлекает пристальное внимание экономистов, социологов, культурологов, политологов. Несомненный интерес общественности вызывают стратегические инициативы Китайской Народной Республики, выдвигаемые в рамках национальной программы по развитию отсталых юго-западных районов страны, интеграционная политика АСЕАН, нацеленная на формирование регионального экономического сообщества, а также перспективы участия в процессе межгосударственного сотрудничества в зоне Большого Меконга ведущих внерегиональных субъектов — России, Индии, Японии, Южной Кореи, Австралии, Новой Зеландии, США, стран ЕС.

Успешно реализован ряд крупных инфраструктурных проектов, заложивших основу для создания «экономических коридоров» и субрегиональных «треугольников роста». Вместе с тем, новые достижения неизбежно порождают новые вызовы, которые, накладываясь на уже существующие проблемы, формируют определенный конфликтный потенциал.

Потенциал. Географически понятие «субрегион Большого Меконга» охватывает территории, орошаемые водами реки Меконг и ее притоков, но на практике нередко используются расширительное (включающее Гуанси-Чжуанский автономный район КНР) и сужающее (исключающее и Тибетский автономный район, и даже провинцию Юньнань) толкования данного понятия. Этот густонаселенный район с тропическим муссонным климатом и богатыми, мало освоенными природными ресурсами слабо затронут индустриализацией. По данным Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого

океана (ЭСКАТО) при Экономическом и социальном совете ООН, около 70% населения Большого Меконга проживает в сельской местности, занимаясь преимущественно земледелием, рыболовством и традиционными промыслами¹. Социально-экономическое развитие субрегиона крайне неравномерно: на одном полюсе — Таиланд и Вьетнам со стабильно высокими темпами роста ВВП, на другом — Камбоджа, Лаос и Мьянма, относящиеся, по классификации ООН, к самым отсталым странам мира.

Несмотря на этническую и религиозную близость (большинство коренного населения субрегиона принадлежит к монголоидной расе и исповедует буддизм), исторические судьбы народов, проживающих в бассейне Меконга, не только способствовали закреплению их национальной самобытности и культурно-лингвистического разнообразия, но и стимулировали военно-политическое и экономическое соперничество между разными субрегиональными центрами силы. На заре становления государственности (VI—V вв. до н.э.) все народы, населяющие данный регион, испытали влияние индийской цивилизации, потом территории современного Вьетнама на тысячу лет (I в. до н.э. — X в. н.э.) вошла в орбиту Китайской империи, что наложило отпечаток на формирование вьетнамского этноса. В период европейской колониальной экспансии (XIX — первая половина XX вв.) только Сиаму (Таиланду) удалось отстоять свой суверенитет; королевства, существовавшие на территориях Вьетнама, Камбоджи и Лаоса, стали протекторатами Франции, а Бирму (ныне Мьянма) завоевала Великобритания. Вскоре после обретения независимости в странах Французского Индокитая пришли к власти коммунистические правительства, и они присоединились к советскому блоку. Таиланд же придерживался проамериканской ориентации, а Бирма предпочла сохранить нейтралитет, став одной из стран-основательниц Движения неприсоединения.

Вторая половина XX в. ознаменовалась жестким конкурентным противостоянием между Вьетнамом и Таиландом — сначала в форме военно-идеологической борьбы, а затем — экономического соперничества. После нормализации двусторонних отношений между Ханоем и Бангкоком на рубеже 1990-х годов обе державы активно включились в «мини-блоковое строительство», стремясь расширить и укрепить сферы своего экономического влияния. В 1999 г., сразу после принятия Камбоджи в АСЕАН, Вьетнам выступил с идеей субрегионального сотрудничества в рамках камбоджийско-лаосско-вьетнамского «треугольника роста» (CLV Triangle Development). Момент для этой инициативы был выбран очень удачно, поскольку Таиланд переживал тяжелые для него последствия азиатского экономического кризиса 1997–1998 гг. (практически не затронувшего Вьетнам) и не мог противостоять вьетнамской экономической экспансии. Однако идея «треугольника роста» из-за нехватки инвестиций оставалась нереализованной вплоть до 2004 г. — пока не получила мощную финансовую поддержку от Японии².

Таиланд в свою очередь постарался перехватить инициативу у Вьетнама, предложив наименее развитым странам субрегиона сотрудничество в четырехстороннем формате. В ноябре 2003 г. на встрече высших должностных лиц в Пагане (Мьянма) было торжественно объявлено о создании новой организации — «Стратегия экономического сотрудничества Иравади — Чаупхрайя — Меконг» («Ayeyawady — Chao Phraya — Mekong Economic Cooperation Strategy», сокращенно АСМЕКС). Предполагаемые сферы взаимодействия в этих рамках совпадали с теми, что были изначально озвучены Вьетнамом: содействие торговле и инвестициям, сотрудничество в сельском хозяйстве, промышленности и энергетике, развитие транспорта и коммуникаций, сотрудничество в сферах туризма, развития человеческих ресурсов, здравоохранения и защиты окружающей среды³. Через три месяца между Ханоем и Бангкоком прошли переговоры, по результатам которых в мае 2004 г. Вьетнам официально присоединился к данной организации, а в ноябре того же года в Ханое состоялся первый саммит в формате КЛМВ (Камбоджа, Лаос, Мьянма, Вьетнам).

Таким образом, к началу 2010-х годов народы Индокитайского полуострова подошли с солидным историческим багажом, в котором позитивный опыт взаимовыгодного регионального сотрудничества соседствовал с негативными тенденциями межгосударственной конфронтации, взаимных территориальных претензий и регионального соперничества. Тем не менее, благодаря политической воле и дальновидности лидеров этих стран, поддержанных международным сообществом, бывшим противникам по «холодной войне» удалось достичь определенного взаимопонимания, что способствовало укреплению региональной солидарности и позволило воплотить в жизнь проект создания интеграционной зоны Большого Меконга, успешно развивающийся по сей день.

Достижения. Первые проекты субрегионального сотрудничества в бассейне Меконга были инициированы в середине 1950-х годов под эгидой Экономической и социальной комиссии для Азии и Дальнего Востока (предшественницы ЭСКАТО) при участии Франции, Индии и Японии. В 1957 г. четыре индокитайских государства — Таиланд, Камбоджа, Лаос и Южный Вьетнам — основали Комитет по координации исследований нижнего течения реки Меконг (так называемый «Меконгский комитет»), финансируемый Францией, США и Японией с целью восстановления речной инфраструктуры и содействия экономическому развитию субрегиона. За десятилетие, предшествовавшее американской агрессии во Вьетнаме, благодаря усилиям Меконгского комитета было восстановлено судоходство в нижнем течении реки и разработаны проекты крупномасштабных гидротехнических сооружений для защиты дельты Меконга от наводнений, засух и обеспечения субрегиона электроэнергией. Однако большая часть этих разработок так и осталась — по причинам военно-политического характера — на бумаге⁴.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. объединенный Вьетнам, Лаос и Таиланд, несмотря на существовавшие между ними политические разногласия, предприняли попытку возродить позитивный опыт субрегионального сотрудничества. В 1978 г. они подписали соглашение об образовании «временного» Меконгского комитета, который пришел на смену одноименной организации, созданной под эгидой ООН. Данная инициатива изначально не ставила сколько-нибудь масштабных целей ввиду продолжавшегося вооруженного противостояния между различными кхмерскими группировками. Даже с учетом финансовой и технической поддержки от иностранных спонсоров (в частности, США, Австралии и Нидерландов) деятельность временного Меконгского комитета ограничивалась теоретическими исследованиями и сводилась преимущественно к подготовке специалистов в области речного судоходства⁵.

Подписание Парижских соглашений, положивших конец гражданской войне в Камбодже (1991 г.), открыло новые перспективы перед сторонниками интеграции. При посредничестве представителей Программы развития ООН в апреле 1995 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве во имя устойчивого развития в бассейне реки Меконг, а временный Меконгский комитет был преобразован в полноценную Комиссию по реке Меконг, куда вошли Таиланд, Вьетнам, Лаос и Камбоджа⁶. Через год к нему присоединились в качестве наблюдателей Китай и Мьянма. Эта инициатива получила финансовую поддержку Всемирного банка⁷.

Вскоре к интеграционным процессам в субрегионе подключились и остальные государства — члены АСЕАН. В июне 1996 г. в Куала-Лумпуре состоялась встреча в формате АСЕАН-7 + Камбоджа, Лаос, Мьянма + Китай, на которой были определены базовые принципы сотрудничества в интересах развития между АСЕАН и странами бассейна реки Меконг (ASEAN-Mekong Basin Development Cooperation, АМБДС). Достигнутые в ходе переговоров соглашения предусматривали создание механизма ежегодных министерских консультаций с участием Генерального секретаря АСЕАН (Совет АМБДС) и образование постоянного комитета АМБДС⁸. В 2006 г. Совет АМБДС был распущен, а его функции перешли на более высокий уровень ежегодных совещаний министров эко-

номики. С 2008 г. АМБДС стало составной частью широкого процесса по созданию Экономического сообщества АСЕАН⁹.

Не остались в стороне от перспективного рынка Большого Меконга и ведущие внерегиональные державы. Стремясь уравновесить влияние Китая, японский премьер-министр К. Миядзава выступил с инициативой проведения международного Форума для всестороннего развития Индокитая. Данное мероприятие прошло в Токио в феврале 1995 г. На форуме, где присутствовали представители 25 стран и 8 международных организаций, было решено создать две рабочие группы: по развитию субрегиональной инфраструктуры (под председательством Японии) и по развитию человеческих ресурсов (под председательством Франции). Япония активно включилась и в работу реорганизованной Комиссии по реке Меконг, оказывая финансовую поддержку выдвигаемым в ее рамках инициативам. Немалые средства выделялись в качестве официальной помощи развитию стран Восточного Индокитая и Мьянмы¹⁰. Кроме того, с 2007 г. начала функционировать Программа партнерства по линии Япония — Меконг, в которой приняли участие Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма и Таиланд. В ноябре 2009 г. по итогам серии встреч на высоком и высшем уровне странами-участницами данной программы был принят «Меконгско-японский план действий — 63», уделявший приоритетное внимание развитию сотрудничества в экономической, экологической и гуманитарной сферах¹¹.

С конца 1980-х годов интерес к субрегиону Большого Меконга начала проявлять Южная Корея. Наряду с Японией, она стала одним из крупнейших инвесторов и доноров для слаборазвитых стран субрегиона, поддерживая становление нефтегазодобывающего сектора, металлургии, легкой промышленности, производства бытовой электроники, капитального строительства и гостинично-ресторанного бизнеса. Природные и культурно-исторические достопримечательности субрегиона — вьетнамский курорт Халонг Бэй, камбоджийский храмовый комплекс Ангкор Ват, мьянманский город пагод Паган — заняли верхние строчки в перечне предложений южнокорейских туроператоров, обеспечивая до 10–15% от общего числа туристов, ежегодно посещающих эти страны¹². В 2010 г. Корея выступила с инициативой создания специального механизма ежегодных совещаний министров иностранных дел по линии РК — Меконг, аналогичного механизму совещаний министров иностранных дел «Япония — Меконг».

Значительный вклад в экономическое становление субрегиона внесли Австралия и Новая Зеландия. Зона Большого Меконга традиционно входит в список основных реципиентов правительственной программы помощи зарубежным странам, реализуемой Австралийским агентством по международному развитию (AusAID)¹³. Аналогичную политику проводит Новая Зеландия, спонсируя, в частности, программу языковых стажировок для государственных служащих Вьетнама, Камбоджи, Лаоса и Мьянмы, а также деятельность созданного в 1996 г. по ее инициативе в Таиланде межгосударственного Меконгского института, занимающегося подготовкой квалифицированных кадров для шести стран субрегиона¹⁴.

Активная участница интеграционных процессов в субрегионе — Индия. В отличие от остальных внерегиональных держав, Индия сотрудничает со странами Индокитая не только в социальных, экономических, гуманитарных, экологических областях, но и в военно-стратегических аспектах (продажа оружия, проведение совместных военно-морских учений и т.д.)¹⁵. Начало институционализации сотрудничества было положено в июне 1997 г., когда в Бангкоке состоялась первая встреча министров иностранных дел Бангладеш, Индии, Шри-Ланки и Таиланда, на которой было объявлено о создании новой субрегиональной организации экономического профиля. В декабре того же года к ней официально присоединилась Мьянма, а в 2003 г. — Непал и Бутан. На саммите 2004 г. организация обрела свое нынешнее название — Бенгальская инициатива по многосекторному техническому и экономическому сотрудничеству (сокращенно БИМСТЭК)¹⁶. В ноябре 2000 г. во Вьентьяне была подписана декларация о создании второй субрегиональной

организации с индийским участием — Инициативы сотрудничества по линии Меконг — Ганг, куда вошли также Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма и Таиланд¹⁷.

Не обошли своим вниманием субрегион Большого Меконга и США. В июле 2009 г. состоялась первая встреча министров иностранных дел Вьетнама, Камбоджи, Лаоса и Таиланда с госсекретарем США в новом формате, получившем название Нижне-меконгская инициатива (Lower Mekong Initiative). В ее рамках был принят План действий 2011–2015 гг., охватывающий шесть сфер сотрудничества: сельское хозяйство и продовольственная безопасность, окружающая среда и водные ресурсы, здравоохранение. Программа помощи финансируется по линии Агентства США по международному развитию (USAID). В ее рамках функционирует также структура под названием «Друзья Нижнего Меконга», в которую входят страны и организации, тесно связанные с США: Австралия, Новая Зеландия, Республика Корея, Япония, Евросоюз, а также Всемирный банк и Азиатский банк развития¹⁸.

Перспективы. Наряду с новыми возможностями интенсификация интеграционных процессов в бассейне Меконга несет с собой и новые риски, потенциально угрожающие международно-политической безопасности и стабильности субрегиона. Их можно разделить на три категории:

Экологические риски. Одним из приоритетных направлений модернизации экономики субрегиона является освоение водных и гидроэнергетических ресурсов Меконга. Очевидны преимущества данной стратегии: обеспечение нарождающейся промышленности относительно дешевой электроэнергией, проведение ирригационных работ в районах с террасным и заливным земледелием, регулирование стока вод Меконга в засушливый и дождливый сезоны и т.д. Однако ее реализация на практике нередко приводит к незапланированным, хотя и вполне предсказуемым негативным последствиям. Так, создание водохранилищ при строительстве дамб и гидроэлектростанций требует переселения значительного числа людей (как правило, из нацменьшинств), проживающих на затопляемых территориях, вызывает миграции и даже гибель редких биологических видов (в частности, рыб), привязанных к своей среде обитания. Это, в свою очередь, наносит ощутимый удар по рыболовному промыслу, ставя под угрозу жизнеобеспечение множества семей, живущих ниже по течению реки. Нерегулируемое использование воды для нужд промышленности или орошения полей вызывает обмеление и загрязнение реки, создавая трудности для судоходства и провоцируя международные конфликты, связанные с недобросовестным отношением ряда государств к строительству очистных сооружений, нерациональным расходом водных ресурсов и неравномерным распределением речного стока¹⁹.

Создание «экономических коридоров» и развитие транспортной инфраструктуры не только удешевляет услуги и перевозку товаров, но и ускоряет вырубку лесов, сокращение сельскохозяйственных угодий. Вдоль международных автомагистралей и железных дорог возникают «полосы отчуждения», препятствующие свободному передвижению местного населения и естественной миграции диких животных. Нефте- и газопроводы способны стать источником серьезных экологических катастроф в случае аварии или диверсии. Все это, как правило, редко учитывается при проектировании крупномасштабных объектов народного хозяйства и рассматривается правительствами развивающихся стран как неизбежная цена экономической модернизации.

Социально-экономические и гуманитарные риски. Открытие границ, являющееся неотъемлемым атрибутом процессов региональной интеграции, стимулирует увеличение трансграничных потоков товаров, услуг и капитала — не только легальных. Зачастую неконтролируемая миграция рабочей силы из одной страны в другую (включая такие ее крайние формы, как перемещение беженцев и торговля «живым товаром», особенно в сфере секс-услуг) способствует увеличению наркотрафика и приводит к распро-

странению опасных эпидемических заболеваний, в частности, атипичных форм гриппа и ВИЧ/СПИД. Нелегальные мигранты создают дополнительную нагрузку на системы социального обеспечения относительно благополучных стран, вынуждая их правительства тратить средства налогоплательщиков на временное размещение и/или депортацию иностранных граждан и лиц без гражданства. Не меньшую социальную напряженность вызывает неконтролируемое проникновение в слаборазвитые страны частного зарубежного капитала (в основном, китайского), подавляющего и вытесняющего с местного рынка нарождающийся мелкий и средний бизнес.

Массированные инвестиции в создание международных транспортных узлов, промышленных и туристических зон стимулируют ускоренный подъем экономики отдельных городов и областей, однако негативно сказываются на развитии национальной экономики в целом, вызывая серьезные региональные диспропорции, приумножая и без того значительный разрыв в уровне жизни между бедными и богатыми территориями. Чтобы избежать социальных волнений и массового оттока населения из депрессивных регионов, правительствам приходится разрабатывать долгосрочные программы по борьбе с бедностью, на реализацию которых, как правило, не хватает средств. Кроме того, реализация международных инфраструктурных проектов нередко ущемляет права национальных меньшинств, компактно проживающих в приграничных зонах и подвергающихся вынужденному переселению при строительстве дорог и трубопроводов, что чревато вооруженным противостоянием.

Военно-политические риски. Экономический подъем КНР сыграл, без преувеличения, ключевую роль в стимулировании экономического развития стран Индокитая. Нарастающая потребность ликвидировать отставание дотационных юго-западных провинций за счет интенсификации трансграничных связей с соседними странами обусловила стратегический интерес Пекина к участию в интеграционном проекте, предложенном Азиатским банком развития. Именно стабильность китайского юаня во время азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., обеспеченная золотовалютными запасами КНР, позволила экономикам субрегиона относительно быстро выйти из периода рецессии и продолжить свой рост. Вместе с тем, нарастающая деловая активность китайского бизнеса в странах Индокитая, особенно строительство стратегических объектов — дорог и трубопроводов, обеспечивающих выход КНР к Бенгальскому заливу, с самого начала вызывает настороженность индийских, японских и американских военно-политических аналитиков. Индия, к примеру, явно позиционирует себя как балансир расширяющемуся китайскому влиянию в Юго-Восточной Азии, стремясь заручиться поддержкой не только США, Австралии и Японии²⁰, но и самих же стран АСЕАН, обеспокоенных перспективой оказаться заложниками стратегических интересов северного гиганта.

Государства Юго-Восточной Азии в свою очередь нуждаются в экономической и политической поддержке КНР для реализации амбициозной Инициативы по интеграции АСЕАН. В то же время объективные геополитические факторы (в частности, потенциальная возможность Китая, на чьей территории расположены верховья реки, полностью контролировать сток Меконга) заставляют их искать политические противовесы Пекину в лице внерегиональных держав, использующих целый спектр стратегий: от жестко-конкурентной (Индия) до умеренно-кооперационной (Япония)²¹. В данном контексте Россия традиционно выступает в роли медиатора, способного балансировать разновекторные устремления всех заинтересованных партнеров путем доброжелательного диалога и выдвижения мирных инициатив, направленных на устойчивое развитие субрегиона Большого Меконга.

Касаясь перспектив расширения российского участия в субрегиональных интеграционных процессах, следует упомянуть несколько потенциальных направлений приложения усилий отечественной дипломатии, которые могут быть востребованы странами Индокитая и КНР:

1. При наличии соответствующего запроса со стороны правительств или межправительственных организаций, подготовить и представить аналитические материалы о причинах и последствиях крупнейших экологических катастроф, вызванных просчетами в планировании крупномасштабных гидроэнергетических и ирригационных проектов советского периода (например, в республиках Центральной Азии).

2. Стимулировать развитие «неполитизированных» направлений сотрудничества в рамках АМБДС, в частности, наращивать инвестиции в сфере экотуризма, предоставлять научные консультации и практическую помощь в организации природных заповедников, восстановлении памятников архитектуры и культурно-исторических достопримечательностей.

3. Развивать сотрудничество по линии МО и МЧС России, в т.ч. оказывать техническое содействие в разминировании труднодоступных районов, представляющих интерес для туристической индустрии (особенно в Камбодже), а также помощь в организации центров быстрого реагирования и в подготовке квалифицированных специалистов для борьбы с последствиями природных и техногенных катастроф.

4. Развивать сотрудничество по линии ПАТС ШОС — АСЕАН в области противодействия нетрадиционным угрозам безопасности (терроризм, наркотрафик, нелегальная миграция, трансграничная преступность и т.д.), в т.ч. ускорить подготовку соответствующей нормативно-правовой базы, организовать оперативный обмен информацией между ведомствами, отвечающими за охрану правопорядка, предложить проведение совместных учений и т.д.

Представляется, что успешная реализация этих задач позволит укрепить позитивный имидж России в субрегионе Большого Меконга и вывести ее сотрудничество со странами АСЕАН и КНР на новый стратегический уровень.

1. Рассчитано по: The ESCAP Annual Core Indicators Online Database. URL: <http://www.unescap.org/stat/data/swweb>.
2. *Yoshimatsu H.* The Mekong Region, Regional Integration, and Political Rivalry among ASEAN, China and Japan // *Asian Perspective*. 2010. Vol. 34. No. 3. P. 84–86.
3. По материалам официального сайта АКМЕКС. URL: <http://www.acmecs.org>.
4. *Starr P.* The People's Highway: Past, Present and Future Transport on the Mekong River System // *Mekong Development Series*. Phnom Penh: Mekong River Commission. 2004. No. 3. P. 10–11.
5. *Ibid.* P. 13.
6. *Nakayama M.* International Collaboration on Water Systems in Asia and the Pacific: A Case in Transition // *International Review for Environmental Studies*. 2002. Vol. 3. No. 2. P. 274–282.
7. *Radosevich G.E.* Existing and Emerging Basin Arrangements in Asia / Douglas C. Olson // *Proceedings of the World Bank Third Workshop on River Basin and Institution Development*. Washington (DC), 1999. June 24. Accessed on September 10, 2011 at the World Bank's Official Website. Mode of access. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTWRD/918599-1112615943168/20431963/MekongRiverComCaseStudy.pdf>.
8. Basic Framework of ASEAN-Mekong Basin Development Cooperation. Kuala Lumpur, 17 June 1996. Accessed on September 10, 2011 at the ASEAN Secretariat's Official Website. Mode of access. URL: <http://www.aseansec.org/6353.htm>.
9. По материалам официального сайта Секретариата АСЕАН. URL: <http://www.aseansec.org>.
10. Только за период 2009–2012 гг. Япония обязалась выделить на цели развития Меконгского субрегиона более 500 млрд йен, не считая официальной помощи развитию его отдельных стран, предоставляемой на двусторонней основе. (Tokyo Declaration of the First Meeting between the Heads of the Governments of Japan and the Mekong region countries. Tokyo, 7 November 2009. Accessed on September 10, 2011 at the Ministry of Foreign Affairs of Japan's Official Website. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/mekong/summit0911/declaration.htm>.

11. По материалам официального сайта министерства иностранных дел Японии. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/asean/relation/index.html>.
12. *Cheong J.* Korea's Economic Relations with CLMV Countries // Development Strategy for CLMV in the Age of Economic Integration. ERIA Research Project No. 4. Jakarta: Economic Research Institute for ASEAN and East Asia, 2007. P. 272–284.
13. The Greater Mekong Subregion: Australia's Strategy to Promote Integration and Cooperation (2007–2011). Canberra: Australian Agency for International Development (AusAID), September 2007. 30 p.; *Hirsch P., Cheong G.* Natural Resource Management in the Mekong River Basin: Perspectives for Australian Development Cooperation: Final overview report to AusAID. Sydney: University of Sydney. April 1996. 110 p. По материалам официального сайта AusAID. URL: <http://www.ausaid.gov.au>.
14. По материалам официального сайта Программы помощи Министерства иностранных дел и торговли Новой Зеландии. URL: <http://www.aid.govt.nz/programmes/r-asia-regional.html>.
15. *Singh S.* Mekong-Ganga Cooperation Initiative: Analysis and Assessment of India's Engagement with Greater Mekong Sub-region // IRASEC Occasional. Bangkok: Research Institute on Contemporary South-East Asia, 2007. Paper No. 3. P. 20–21.
16. По материалам официального сайта БИМСТЭК. URL: <http://www.bimstec.org>.
17. *Singh S.* Op. cit. P. 23.
18. *Паришин П.Б.* Проекты развития субрегиона бассейна реки Меконг // Аналитические доклады ИМИ.— М.: МГИМО (У), 2014. Вып. 4(43). С. 26–27.
19. Яркий пример экологической катастрофы, имевшей серьезные международно-политические последствия, наблюдаются в Центральной Азии (исчезновение Аральского моря, конфликт между Узбекистаном и Таджикистаном из-за распределения трансграничных вод и т.д.).
20. В частности, в рамках проведения ежегодных совместных военно-морских учений «Малабар», осуществляющихся с 1992 г. в Индийском и Тихом океанах.
21. Так, с апреля 2008 г. проводятся ежегодные двусторонние встречи представителей министерств иностранных дел КНР и Японии в рамках Японо-китайского диалога о политике в отношении Меконгского региона, в ходе которых стороны обмениваются мнениями и координируют усилия по вопросам, связанным со стимулированием торговли, инвестиций и экономического развития стран Индокитая. По материалам официального сайта Министерства иностранных дел Японии. URL: <http://www.mofa.go.jp>.

Россия — Монголия — Китай: перспективы трехстороннего сотрудничества

© 2016

З.Б.-Д. Дондоков, Г.О. Борисов, В.О. Намжилова

В статье анализируются итоги встреч лидеров трех стран, состоявшихся в Душанбе в сентябре 2014 г. и в Уфе в июле 2015 г. Рассматриваются общие вызовы, возникающие в свете развития новых международных маршрутов китайской инициативы «Экономического пояса Шелкового пути». Выявлены возможности сопряжения стратегий развития трех стран на основе создания экономического коридора Россия — Монголия — Китай. Обозначены основные направления совместного сотрудничества.

Ключевые слова: Россия, Монголия, Китай, трехстороннее сотрудничество, Экономический пояс Шелкового пути, экономический коридор, транспортная инфраструктура, энергетические проекты, трансграничный туризм.

Трехстороннее сотрудничество — новые импульсы

12 сентября 2014 г. в г. Душанбе на полях 14-го саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) состоялась первая в новейшей истории встреча лидеров трех сопредельных государств: России, Монголии и Китая. Стороны собрались по инициативе монгольской стороны для обсуждения проблем взаимодействия, расширения сотрудничества и обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии.

Главной темой переговоров стало взаимодействие трех стран, ключевой сферой которого определено торгово-экономическое сотрудничество. Стороны договорились о проведении регулярных консультаций на уровне заместителей глав внешнеполитических ведомств для составления плана расширения сотрудничества.

Вторая встреча российского президента В. Путина, монгольского президента Ц. Элбэгдоржа и председателя КНР Си Цзиньпина состоялась менее чем через год — 9 июля 2015 г. на полях саммита ШОС в Уфе. К этому времени представители министерств иностранных дел провели три раунда переговоров, в ходе которых была проделана большая работа по выработке основных принципов и направлений взаимодействия трех стран¹.

Совместное видение сотрудничества трех стран было закреплено в концептуальном документе — «Дорожной карте развития сотрудничества между Российской Федерацией, Монголией и Китайской Народной Республикой на среднесрочную перспективу». «Дорожная карта» закрепила всеобъемлющий характер трехстороннего взаимодействия

Дондоков Зорикто Бато-Дугарович, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом региональных экономических исследований Бурятского научного центра СО РАН. E-mail: dzorikto@mail.ru.

Борисов Геннадий Очирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Бурятского научного центра СО РАН. E-mail: borisovgo@bk.ru.

Намжилова Виктория Очировна, кандидат экономических наук, младший научный сотрудник Бурятского научного центра СО РАН. E-mail: dayavika@yandex.ru.

и обозначила приоритетные сферы сотрудничества. В политическом плане основными задачами выступают укрепление взаимодоверия и «формирование сообщества одной судьбы», в экономической сфере — расширение взаимной открытости и сопряжения стратегий развития, в культурно-гуманитарной области — укрепление обмена и сотрудничества между народами, в международных делах — продвижение многополярности и демократизации международных отношений².

Необходимость развития трехсторонней кооперации стала особенно актуальной в свете выдвинутой Китаем в сентябре 2013 г. инициативы создания «Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Морского Шелкового пути XXI века». Инициатива «Один пояс — один путь» дает возможность связать активные экономики Восточной Азии и развитые страны Европы и раскрыть экономический потенциал пролегающих между ними обширных территорий. Однако освоение новых международных маршрутов в обход российских регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, Монголии, а также Северо-Востока Китая несет в себе определенные вызовы для экономики указанных территорий.

Выдвинутая Си Цзиньпином инициатива создания ЭПШП получила активный отклик со стороны Монголии. В сентябре 2014 г. монгольским президентом Ц. Элбэгдоржем был представлен проект «Степной путь», нацеленный на организацию через территорию Монголии целого комплекса транзитных линий. Разработчики проекта обозначили пять основных направлений:

- реконструкция Улан-Баторской железной дороги с целью увеличения скорости движения и грузоподъемности поездов,
- строительство высокоскоростной автомагистрали с учетом перспективного увеличения грузопотоков,
- строительство высоковольтных линий электропередач от российских электростанций в Китай,
- прокладка линии нефтепровода,
- строительство транзитного газопровода — ответвления российской газовой магистрали «Сила Сибири»³.

По мнению монгольской стороны, данный проект, обладающий преимуществом кратчайшего пути и предлагающий потенциальное снижение затрат на доставку товаров, способен основательно обновить всю структуру транспортных потоков между Китаем и Россией.

В продвижении проекта «Степной путь» Монголии предстоит приложить большие усилия для получения поддержки китайской и российской сторон, так как вопросы практического исполнения грандиозного проекта остаются неопределенными. Наиболее спорным остается вопрос о целесообразности строительства газопровода. Несмотря на природные условия, благоприятствующие строительству трубы с Ковыктинского газоконденсатного месторождения через территорию Монголии в Китай, а также на привлекательную прогнозную стоимость газа в пограничных точках, эксперты с сомнением относятся к реальному воплощению проекта. По их мнению, Китай не расположен становиться зависимым от третьей стороны в контактах с Россией, и вероятность превращения Монголии в транзитера энергоносителей достаточно низка⁴. Тем не менее, Монголия представила свое видение возможных региональных интеграционных проектов. Концепция «Степного пути» отражает понимание Улан-Батором начавшихся евразийских интеграционных процессов и необходимость определения места страны в новых условиях⁵.

Россия очень внимательно отнеслась к инициативе «Один пояс — один путь». Эксперты, оценивая влияние проекта ЭПШП для России, подчеркивают его тройное значение: смену вектора экономической динамики России в пользу Востока и восточных районов страны, переход на модель экономического развития, более соответствующую реалиям и потребностям, а также комплексное развитие малоосвоенных территорий⁶.

При этом реакция на китайский проект неоднозначна. Некоторые российские специалисты склонны видеть в ЭПШП конкуренцию с создаваемым Евразийским экономическим союзом. Другие считают, что с экономической точки зрения эти два формата не входят в противоречие, а взаимно дополняют друг друга⁷.

Согласованное видение перспектив развития двух проектов было отражено в подписанном 8 мая 2015 г. «Совместном заявлении РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути»⁸. Приоритетными направлениями сотрудничества названы оптимизация структуры торговли, упрощение взаимного инвестирования, укрепление взаимосвязанности в сферах логистики и транспортной инфраструктуры, продвижение расчетов в национальных валютах и др.

На наш взгляд, больше всего неопределенности содержит транспортная составляющая российского участия в ЭПШП. Северный маршрут Нового Шелкового пути проходит из Западного Китая через Казахстан с выходом в Россию через западносибирские регионы и далее к Балтийскому морю. В этой связи важной задачей является создание выгодных условий для транзита китайских грузов по российской территории⁹.

Создание экономического коридора Россия — Монголия — Китай

Для развития трехстороннего взаимодействия Россия, Монголия и Китай договорились о создании экономического коридора — крупного международного маршрута с опорными точками в ключевых городах и площадках для сотрудничества в важных торгово-производственных зонах¹⁰.

Впервые идея создания экономического коридора была озвучена Си Цзиньпinem во время первой трехсторонней встречи в Душанбе¹¹. Позже в апреле 2015 г. глава Министерства иностранных дел КНР Ван И во время официальной встречи с министром иностранных дел Монголии Л. Пурэвсурэнem обсудил создание экономического коридора на основе сопряжения стратегий развития трех стран: Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), монгольского проекта «Степной путь» и продвигаемой Россией идеи создания трансевразийского пространства¹².

По итогам второй трехсторонней встречи глав государств в Уфе был подписан Меморандум о взаимопонимании между тремя странами о разработке программы создания экономического коридора Россия — Китай — Монголия. С российской стороны документ подписал министр экономического развития А. Улюкаев, с монгольской стороны — министр иностранных дел Л. Пурэвсурэн, с китайской стороны — председатель Госкомитета по развитию и реформе Сюй Шаоши¹³.

Стороны согласились создать трехсторонний экономический коридор с целью «облегчения транзитных перевозок между сторонами, увеличения торгового оборота, обеспечения конкурентоспособности продукции, поощрения финансового и инвестиционного сотрудничества, обеспечения условий для развития и расширения процесса региональной экономической интеграции, реального экономического роста и совместного развития»¹⁴.

В программу создания экономического коридора было решено включить следующие направления трехстороннего сотрудничества:

- развитие транспортной инфраструктуры и комплексной взаимосвязанности,
- улучшение условий торговли и перевозок,
- обустройство пограничных пунктов пропуска,
- совершенствование таможенного контроля,
- финансовую и инвестиционную сферы,
- энергетику,
- сельское хозяйство,
- туризм,

- гуманитарные обмены,
- экологию и охрану окружающей среды.

Создание международного экономического коридора призвано стимулировать экономическое сотрудничество в регионе и предусматривает усиление взаимодействия по целому ряду направлений. Необходимо отметить, что Монголия, по многим параметрам являясь «меньшей из сторон», играет особую роль в трехсторонней кооперации. Как отмечает газета «Жэньминь жибао»: «многие элементы делового сотрудничества Москвы, Пекина и Улан-Батора — в транспорте, энергоресурсах, логистике — сосредоточены на территории Монголии, либо проходят через нее. Это критически важные элементы»¹⁵.

Возможными позитивными эффектами развития экономического коридора являются создание рабочих мест за счет развертывания широкомасштабного строительства, рост инвестиций, формирование промышленных и туристических кластеров, создание условий для расширения российской-монгольского товарооборота и т.д.

Первоочередными задачами являются формирование транспортного коридора Улан-Удэ — Улан-Батор — Эрлян на основе Улан-Баторской железной дороги, а также совершенствование инфраструктуры пограничных пунктов пропуска. Возможными проектами названы строительство высоковольтных линий электропередач и прокладка транзитного газопровода из России в Китай через территорию Монголии. Перспективными представляются развитие трансграничного туризма, сотрудничество в сельском хозяйстве, разработка возобновляемых источников энергии, создание трехсторонней транспортно-логистической компании и др.¹⁶

В успешном функционировании экономического коридора заинтересованы прежде всего граничащие с Монголией территории соседних стран — Байкальский регион в России и Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ) в Китае.

Среди российских регионов самую протяженную границу с Монголией имеет Республика Бурятия (1275 км). По ее территории проходят автомобильная дорога федерального значения Улан-Удэ — Кяхта — Монголия и южная ветка Восточно-Сибирской железной дороги на Монголию. Здесь расположены основные КПП российско-монгольской границы: многосторонний автомобильный пункт пропуска (МАПП) Кяхта и железнодорожный пункт пропуска Наушки. Республика Бурятия является наиболее активным регионом в приграничном сотрудничестве России и Монголии, включая внешнюю торговлю: доля во внешнеторговом обороте среди других граничащих регионов составляет более 80%. Бурятия является воротами России в Монголию, через которые пролегает один из кратчайших путей между Европой и Азией. Этим определяется ключевая роль Республики Бурятия в развитии экономического коридора между Россией, Монголией и Китаем.

С китайской стороны за создание экономического коридора активно выступает АРВМ¹⁷. Как известно, основные маршруты ЭПШП, берущие начало в г. Сиань (провинция Шэньси) и проходящие по территории провинции Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района, не затрагивают территорию АРВМ. Чтобы не остаться в стороне от «пояса активности», Внутренняя Монголия намерена использовать свое уникальное приграничное положение и продвигать создание международного экономического коридора с возможностью его сопряжения с ЭПШП.

АРВМ граничит с Монголией и Россией и по праву считается «северными воротами» Китая. Общая протяженность внешних границ региона составляет 4200 км, здесь расположены 19 контрольно-пропускных пунктов: 6 — на границе с Россией, 13 — на границе с Монголией. Через КПП Внутренней Монголии, включая крупнейшие в Китае сухопутные КПП Маньчжурия и Эрлян, проходит 95% монголо-китайского и 65% российско-китайского сухопутного грузопотока¹⁸. В целях расширения сотрудничества с соседними странами вдоль границы планируется создать приграничный экономический пояс развития и открытости. С 2015 г. ежегодные расходы на развитие инфраструктуры КПП будут составлять 1,5 млрд юаней в год¹⁹.

Развитие транспортной инфраструктуры

Необходимым условием развития экономического коридора Россия — Монголия — Китай является создание конкурентоспособных логистических цепочек в условиях развития новых маршрутов на кратчайшем пути доставки грузов между Европой и Азией.

В этой связи приоритетным направлением трехстороннего взаимодействия выступает развитие сетей транспортной инфраструктуры. Первоочередной задачей в этом направлении является реконструкция железнодорожной магистрали Улан-Удэ — Наушки — Эрлянь — Цзинин, состоящая из которой характеризуется изношенностью путей и неспособностью принять тяжелогрузные и скоростные вагоны. В последние годы отмечается резкое падение доли железнодорожного транспорта в структуре грузоперевозок Монголии. Кроме того, сократилась доля транзита в железнодорожных грузоперевозках с 34,3% в 2004 г. до 9,8% в 2014 г. Также существует проблема несбалансированности грузопотоков: объемы перевозок из России в Китай (84,1% транзита через Монголию) значительно превышают объемы, следующие в обратном направлении²⁰. В этом ключе встает острая необходимость масштабной модернизации Улан-Баторской железной дороги (УБЖД).

С учетом перспективного увеличения экспортных перевозок грузов с железорудных месторождений Тумуртэй и Баргилт и угольного месторождения Таван Толгой объемы грузопотоков по УБЖД, в 2013 г. составившие 21 млн т, оцениваются в 45,1 млн т к 2020 г.²¹ Модернизация УБЖД позволит также привлечь перспективные транзитные грузопотоки — ОАО «Российские железные дороги» (ОАО «РЖД») уже сейчас оценивают реальную грузовую базу транзитных перевозок российского угля и железной руды, тяготеющую к северным и центральным районам Китая, в 10 млн т. Основными грузоотправителями могут стать крупные горнодобывающие и обогатительные комбинаты Западной Сибири и Дальнего Востока²².

Важным шагом в развитии транспортного коридора стало подписание 3 сентября 2014 г. соглашения между ОАО «РЖД» и Министерством дорог и транспорта Монголии о стратегическом партнерстве по модернизации и развитию УБЖД. Соглашение отражает заинтересованность сторон в наращивании объемов перевозок из России в Китай и в обратном направлении через территорию Монголии. Соглашение предусматривает следующие проекты: на центральном направлении — модернизация и развитие участка Сухэ-Батор — Сайншанд — Замын-Уд (1100 км), включая электрификацию и/или строительство второго пути; на северном направлении — строительство железнодорожного пути Эрдэнэт — Овот (545 км) с учетом перспектив развития горнодобывающей промышленности северо-западной Монголии, а также строительство линии Овот — Арцсурь (215 км) с возможностью выхода на Россию и примыкания к направлению Кызыл — Курагино; на западе — развитие железнодорожной линии для транзитных перевозок из России в направлении Китая, Индии, Пакистана; на восточном направлении планируется определить возможность использования железнодорожного участка Чойбалсан — Эрэнцав (239 км) с перспективой транзита в направлении Хут — Бичигт²³.

Кроме проектов развития железных дорог, создание экономического коридора предусматривает также строительство и реконструкцию автомобильных дорог, обеспечивающих выход к морю и соединяющих ключевые города, места добычи полезных ископаемых и производственные узлы. Центральным проектом является строительство на территории Монголии высокоскоростной автомагистрали Алтан-Булаг — Улан-Батор — Замын-Уд. С китайской стороны для «увязки» ЭПШП и экономического коридора запланировано строительство дороги от КПП Ганцмод до Линьхэ (район городского округа Баян-Нор) с перспективой строительства высокоскоростной дороги до Хами (Синьцзян-Уйгурский автономный район)²⁴.

Энергетические проекты в трансграничном сотрудничестве

В настоящее время могут быть реализованы перспективные совместные проекты России, Монголии и Китая по строительству высоковольтных линий электропередач и объединению энергосистем приграничных территорий.

В Северо-Восточной Азии активно разрабатываются проекты формирования единой электроэнергетической кооперации, включая создание крупных источников электроэнергии и соединение национальных электрических сетей стран Северо-Восточной Азии. Так, в основе проекта «ГобиТЭК и Азиатская суперсеть на возобновляемых источниках энергии в Северо-Восточной Азии» лежит идея использования потенциала солнца и ветра пустыни Гоби Монголии (до 100 Гвт) и создания возможных коридоров для строительства Азиатской суперсети. Реализация этого проекта позволит обеспечить растущие потребности в электроэнергии, повысить энергетическую безопасность и надежность благодаря эффекту большой энергосистемы и сократить загрязнение окружающей среды.

Проект «Глобальные системообразующие электрические связи между странами Северо-Восточной Азии» направлен на соединение национальных электрических систем стран Северо-Восточной Азии на базе энергетического потенциала Сибири и Дальнего Востока России, быстро развивающейся электроэнергетики Китая, а также перспективного потенциала источников энергии Монголии. Это позволит организовать трансграничные энергетические обмены в целях повышения эффективности и безопасности энергосистемы каждой страны-участницы.

В настоящее время на Востоке России разрабатываются и реализуются отдельные проекты строительства электростанций и линий электропередач для обеспечения экспорта электроэнергии в Монголию и на Северо-Восток Китая.

По прогнозам энергетического института Монгольского университета науки и технологий, к 2025–2030 гг. электрическая нагрузка и электропотребление Центральной энергосистемы Монголии (ЦЭС) увеличится более чем в два раза и составит 2000–2200 МВт и 10 млрд кВт.ч соответственно. Основные перспективные крупные потребители: горно-обогатительные комбинаты «Оюу Толгой» и «Цагаан Суврага», Таван-Толгойское месторождение коксующегося угля, а также промышленный парк в г. Сайншанд.

Для обеспечения растущих потребностей Монголии в электроэнергии намечены проекты строительства тепловых электростанций на угле и ГЭС на р. Селенга и ее притоках, призванные дать значительный прирост новых мощностей. При реализации указанных проектов монгольская энергосистема будет самодостаточной. Вместе с тем необходимо отметить особенности перспектив развития электроэнергетики Монголии:

- часть прироста потребления будет определяться за счет присоединения к центральным электрическим сетям энергосистем Запада и Востока Монголии, где преобладают мелкие неэкономичные дизельные и тепловые электростанции и электрические сети напряжением 35–10 кВт. Потребуется увеличение мощностей электрогенерации и ускорение строительства распределительных сетей 110–220 кВт;

- наличие большого числа мелких автономных потребителей, удаленных на большие расстояния от энергоисточников и друг от друга объективно требует внедрения мелких индивидуальных энергоустановок, разработанных на основе современных технологий использования потенциала солнечной и ветровой энергии. Необходима разработка комплексной программы развития этого направления в Монголии;

- основной гидроресурс Монголии составляют р. Селенга и ее притоки. Строительство гидросооружений в этой акватории неизбежно связано с влиянием на экосистему озера Байкал — объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО и потребует экспертизы международных природоохранных организаций и значительного удорожания сооружения этих объектов. Необходимо рассмотреть альтернативные варианты обеспечения растущих потребностей в электроэнергии экономики Монголии с учетом сохранения эко-

логической системы бассейна озера Байкал, включая строительство гидроэлектростанций на реках Забайкалья (р. Витим, р. Шилка и др.) и усиление межгосударственной линии электропередачи «Гусиноозерск — Дархан — Улан-Батор» за счет строительства ЛЭП-500 кВт.

Энергосистема Монголии имеет связь с энергосистемами Байкальского региона по двухцепным ЛЭП-220 кВт. Объем импортируемой электроэнергии по этим ЛЭП в 1976–1980 гг. достигал 30%, а в настоящее время составляет 5–7% от общей потребности Монголии. Это снижает суточную и сезонную неравномерность графика потребления электроэнергии, которая достигает 250–210 МВт.

С увеличением нагрузки потребления абсолютная величина суточной и сезонной неравномерности потребления будет возрастать. С увеличением единичной мощности агрегатов потребность в снижении нагрузок в аварийных ситуациях также будет возрастать. Пропускная способность международной линии должна быть увеличена до 300–500 МВт, что возможно только при строительстве дополнительной ЛЭП-500 кВт «Гусиноозерск — Дархан», а затем «Дархан — Улан-Батор». При дальнейшем развитии магистральных сетей до энергосистемы Внутренней Монголии появится возможность экспорта электроэнергии из Забайкалья и Монголии в КНР.

В Забайкалье на первом этапе экспорта электроэнергии в Монголию и Китай обеспечить генерацию можно путем доведения до проектной мощности Улан-Удэнской ТЭЦ-2 (800 МВт), Гусиноозерской ГРЭС (2150 МВт) и Харанорской ГРЭС (1800 МВт). Энергетическими узлами, откуда может осуществляться передача электроэнергии, должны стать Гусиноозерская ГРЭС в Монголию и Китай, Харанорская ГРЭС в Китай.

В дальнейшем строительство Мокского гидроузла (1410 МВт) и каскада Витимских ГЭС (2000 МВт) позволит увеличить регулируемую способность энергосистемы Забайкалья и совместно с огромным гидропотенциалом энергосистемы Сибири может стать основой создания будущего межгосударственного электроэнергетического объединения в Северо-Восточной Азии и реализации мегапроекта «ГобиТЭК и Азиатская суперсеть на возобновляемых источниках энергии в Северо-Восточной Азии», так как при этом возникает необходимость покрытия суточной и сезонной неравномерности не только нагрузки потребления, но и выработки электроэнергии.

Развитие трансграничного туризма

На трансграничной территории России, Монголии и Китая сосредоточены уникальные туристические ресурсы. В настоящее время туризм как одна из сфер взаимодействия приграничных территорий переживает период активного роста. Сторонами разрабатывается международный трансграничный туристский маршрут «Великий чайный путь». Основная цель проекта — создание международного туристического бренда и привлечение большого числа туристов из приграничных регионов и стран дальнего зарубежья. Ожидается, что использование бренда древнего торгового маршрута создаст стимулы для привлечения инвестиций в индустрию туризма. Также одним из перспективных направлений развития международного туризма является разработка маршрутов, связывающих озеро Байкал в России и озеро Хубсугул в Монголии.

В ноябре 2014 г. состоялось знаковое событие в туристической сфере: «в целях дальнейшего укрепления взаимовыгодного сотрудничества между регионами, активизации приграничного туризма, координации усилий заинтересованных сторон в развитии межрегиональных туристических проектов» был создан Российско-китайско-монгольский координационный совет пяти регионов по вопросам туризма²⁵. Данный формат предусматривает проведение поочередно в каждом из пяти регионов ежегодных встреч представителей Управления туризма АРВМ (Китай), Управления туризма г. Улан-Батор (Монголия), Министерства международного сотрудничества, внешнеэкономических свя-

зей и туризма Забайкальского края, Республиканского агентства по туризму Республики Бурятия и Агентства по туризму Иркутской области РФ. Уже прошедшие в г. Хух-Хото (ноябрь 2014 г.) и г. Иркутск (март 2015 г.) заседания координационного совета показали эффективность этих встреч, в рамках которых регионы имели возможность презентовать свои туристические возможности и согласовать реализацию совместных проектов. В октябре 2015 г. между туристическими ведомствами трех стран подписаны соглашения о сотрудничестве в трансграничном туризме на общую сумму 221 млн долл.²⁶

Важным событием в развитии туризма стало подписание 3 сентября 2014 г. «Соглашения об условиях взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан Монголии», предусматривающее введение с 14 ноября 2014 г. безвизового режима. В соответствии с ним граждане двух стран имеют возможность пребывать на территории соседнего государства до 30 дней без оформления визы. Упрощение порядка въезда на фоне значительного падения курса рубля вызвало резкий рост количества пересечений границы гражданами Монголии: в первом полугодии 2015 г. в Республике Бурятия этот показатель составил 350 тыс. человек, что в 2,3 раза больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года²⁷.

* * *

Очевидно, что в укреплении трехстороннего взаимодействия России, Монголии и Китая заинтересованы все участники процесса. Для России развитие «восточного вектора» внешней политики приобрело особенную актуальность в свете изменчивой международной политической обстановки и введения западных экономических санкций. Кроме того, активизация отношений с азиатскими странами вписывается в задачу экономического развития Сибири и Дальнего Востока. Интерес Китая прослеживается в расширении внешней открытости, получении доступа к источникам минерального сырья и транзитным возможностям северного направления. Монгольской стороне трехсторонний формат сотрудничества необходим для уравнивания экономического и политического влияния Китая и России²⁸.

Запуск эффективно действующего экономического коридора Россия — Монголия — Китай, в особенности реализация масштабных инфраструктурных проектов, требует значительных капиталовложений, создания благоприятных экономических условий и привлекательного инвестиционного климата. Политические договоренности, заключенные на высшем уровне, должны воплотиться в реальные проекты взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества трех стран.

-
1. *Экзит Панда*. Россия, Монголия и Китай: трехсторонние переговоры. URL: <http://inosmi.ru/world/20141102/224038352.html>.
 2. Дорожная карта развития сотрудничества между Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой и Монголией на среднесрочную перспективу. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/jF9vhkLz06Ll8dUCuntCCJ7n099fAfxk.pdf>.
 3. Глава Монголии предложил Владимиру Путину встать на «Степной путь». URL: <http://www.baikal-media.ru/news/transport/277009/>
 4. Монголия предложила Путину газовый «Степной путь» через Бурятию. URL: <http://www.baikal-daily.ru/news/19/96524/>
 5. *Исаев А.* Выбор Монголии — «Степной путь». URL: <http://www.eastrussia.ru/material/vybor-mongolii-stepnoy-put/>
 6. *Агеев А.И.* Идеалы и высшие стандарты Шелкового пути // Экономический пояс Шелкового пути. М.: Рус. биограф. ин-т, Ин-т эконом. стратегий, 2015. С. 55.
 7. «К великому океану — 3». Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». С. 11.

8. Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971>.
9. Уриаев С. Китайский проект «Один пояс — один путь»: концепция, план сотрудничество с Россией // Пробл. Дальнего Востока. 2015. № 4. С. 16.
10. Туйдун гуницзянь сычоу чжилу цзинци дай хэ эршии шици хайшан сычоу чжилу дэ юаньцин юй синдун: [Концепция и план действий по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века]. URL: <http://zhs.mofcom.gov.cn/article/xxfb/201503/20150300926644.shtml>.
11. Си Цзиньпин: дацзао чжун мэн э цинци цзоулан: [Си Цзиньпин: о создании китайско-монгольско-российского экономического коридора]. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2014/0912/c1024-25645517.html>.
12. Вайцзяо бучжан Ван И: чжаши туйцинъ чжун мэн э цинци цзоулан цзяньшэ: [Министр иностранных дел Ван И: твердо продвигать строительство экономического коридора Россия — Монголия — Китай]. URL: <http://www.chinanews.com/gn/2015/04-02/7179000.shtml>.
13. URL: <http://economy.gov.ru/minec/press/news/2015090706>.
14. Меморандум о взаимопонимании между Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой и Монголией о разработке программы создания экономического коридора Россия — Китай — Монголия. URL: <http://economy.gov.ru/minec/press/news/2015090706>.
15. Ян Циндун. Широкие перспективы сотрудничества России, Китая и Монголии. URL: <http://inosmi.ru/foreas/20150706/228951563.html>.
16. Бао Сыцинь. Нэй Мэнгу цаньюй чжунмэнэ цинци цзоулан цзяньшэдэ чжаньлюэ гоусян: [Размышления об участии Внутренней Монголии в стратегии создания экономического коридора между Китаем, Монголией и Россией] / Докл. на международ. науч. конф. «Экономический коридор между Китаем, Монголией и Россией». Улан-Батор, 17–20 сентября 2015 г.
17. AP Внутренняя Монголия создает китайско-монгольско-российский экономический коридор. URL: http://russian.news.cn/economic/2015-05/16/c_134244794.htm.
18. Нэй Мэнгу: сян бэй кайфан чжань шан синь цидянь шу се синь пяньчжан: [Внутренняя Монголия: новая глава в деле открытости в северном направлении]. URL: http://www.nmg.cei.gov.cn/ttxw/201510/t20151023_112411.html.
19. Нэй Мэнгу: коуань вэй чжидянь жунжу «и дай и лу»: [Внутренняя Монголия: порты как опорные точки «Одного пояса — одного пути»]. URL: <http://finance.northnews.cn/2015/0814/1995949.shtml>.
20. Самаруха В.И., Даввасурэн А. Стратегические возможности сотрудничества в дорожно-транспортной сфере между Монголией, Россией и Китаем / Докл. на международ. науч. конф. «Экономический коридор между Китаем, Монголией и Россией». Улан-Батор, 17–20 сентября 2015 г.
21. Улан-Баторская железная дорога к 2020 г. может удвоить объемы грузоперевозок. URL: http://press.rzd.ru/news/public/ru?id=83518&layer_id=4069&STRUCTURE_ID=654.
22. Тюрин С. Евразийский многоугольник: Европа — Россия — Монголия — Китай — Индия — Корея. URL: <http://www.tpp-inform.ru/global/4952.html>.
23. РЖД поможет Монголии модернизировать Улан-Баторскую железную дорогу. URL: <http://gia.ru/economy/20140903/1022581822.html>.
24. «И дай и лу» шан дэ Нэй Мэнгу: [Внутренняя Монголия на путях «одного пояса — одного пути»]. URL: http://www.nmg.gov.cn/fabu/jtdt/201506/t20150616_457405.html.
25. Протокол совместного заседания Российско-китайско-монгольского координационного Совета пяти регионов по вопросам туризма. URL: http://xn--b1allbezbi1h.xn--80aaaac8algebgbck3f10q.xn--plaiu/protokol_kitay.pdf.
26. URL: http://russian.news.cn/2015-10/25/c_134748031.htm.
27. Статистические данные Управления Федеральной миграционной службы России по Республике Бурятия. URL: <http://www.ufmsrb.ru>.
28. Лузянин С. Россия — Монголия — Китай? URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document258849.phtml>.

Государство и общество

Русская национальная волость Эньхэ в Барге: проблемы национальной идентичности русских в приграничном Китае

© 2016

А.П. Тарасов

Появление в КНР русской национальной волости Эньхэ поставило вопрос определения факторов идентичности русских в китайском приграничье. Автором предпринята попытка осветить историю формирования этой национальной группы, определить ключевые характеристики групповой идентификации и самоидентификации русских в Китае, показать, как в условиях групповой локализации проявляются русские корни в повседневной жизни, языке, культуре, религиозной принадлежности. В статье подробно анализируется влияние национально-культурной политики КНР на положение китайских граждан русской национальности в местах их компактного проживания. Исследование основано на материалах правительства волости Эньхэ и Общества по исследованию русской национальности в Автономном районе Внутренняя Монголия, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: русская национальная волость Эньхэ, идентичность, этничность, социально-исторический механизм, русско-китайские метисы, культурная революция, национальная политика, КНР.

Этнические русские живут в Китае, помимо других регионов, и в сопредельном с Забайкальским краем Автономном районе Внутренняя Монголия (АРВМ). По официальным данным, общая численность русского этнического меньшинства в стране составляет около 16 тыс. человек¹. Официальная политика КНР в отношении малочисленных народов провозглашает принцип равенства всех национальностей, уважение и сохранение языка, традиций и верований, гарантирует образование автономных районов в местах компактного проживания малочисленных народов, развитие экономики и культуры этих территорий. Национальная концепция КНР основана на том, что страна исторически складывалась как единое многонациональное государство, а китайская нация — как «супернация» *чжунхуа*, которая объединяет все народы, проживающие на территории Китая. Принцип районно-национальной автономии взят за основу национально-территориального устройства².

Хотя численность русских невелика, они входят в число 56 национальностей, проживающих в настоящее время на территории КНР, и делегируют своих депутатов как во Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП)³, так и в региональные СНП. Русские — одно из 22-х национальных меньшинств численностью менее 100 тыс. человек.

русских семей православного вероисповедания и русской культурной ориентации. История китайских русских в Барге — это история столкновения и слияния русской и китайской культур, а также взаимодействия трех этнических групп — российских эмигрантов (чистокровные, если можно так выразиться, русские), китайцев и метисов — потомков их смешанных браков (полукровцев, как они себя называют).

До массового отъезда русских эмигрантов из Китая потомки смешанных китайско-русских браков находились как бы в тени, их заслоняли эмигранты, хранители дореволюционной традиции. В середине 1950-х эти люди предпочли остаться в Китае, в то время как собственно русская эмиграция полностью покинула данные районы. Затем в течение более сорока лет (за этот период было проведено три всекитайских переписи населения) потомки русско-китайских браков регистрировались как китайцы по национальности. Не вдаваясь в детали истории формирования сообщества русских, необходимо все же напомнить следующие моменты.

В конце XIX — начале XX вв. подавляющее большинство китайцев на территории России оставались гражданами Китая и не связывали свое будущее с Россией. При первой возможности, а точнее, при наличии достаточных средств, китайцы возвращались на родину. При этом в Сибири и Забайкалье случаи женитьбы китайцев из самых разных слоев на русских женщинах были нередки. Китайцы перед вступлением в брак, как правило, принимали православие, но при этом сохраняли связи с родиной.

В начале XX в. в Забайкальской области было уже довольно много православных китайцев, женатых на русских. В 1902 г. в станице Усть-Уровской Нерчинско-Заводского уезда проживало 9 китайских подданных от 27 до 40 лет, имевших русских жен. Весной 1908 г. начальник Нерчинско-Заводского уезда докладывал военному губернатору Забайкальской области о крещеных китайцах, которые «живут в наших приаргунских поселках и некоторые даже женаты на казачках»⁶.

В российском обществе многие считали, что китайцы крестились из практических интересов, в первую очередь для получения согласия на брак с русской женщиной: *«В приаргунских поселках не редкость увидеть казачек замужем за деревенским купцом-китайцем, зачастую принявшим православие, наружно, конечно, по настоянию невесты. Такие браки по большей части оканчиваются печально для прекрасной половины: расторгавшись, купец уезжает к себе на родину в Чифу, оставляя в утешение своей временной подруге прижитых с нею детей»*⁷.

В то же время существовали и другие свидетельства: *«В основном у русских бабок мужья китайцы были... Видимо, бабки были самовластны. Шторы всегда накрахмалены, говорили только по-русски. Видимо, такие властны женщины были сибирячки. И мужья-то, ведь они побаивались жен-то. Как-то они поставили себя, чтобы все было по-русски. Все семьи-то были многодетны, у нашей бабушки Марины было семеро их»*⁸.

В 1870-е годы на китайском правобережье Аргуни стали один за другим возникать золотые прииски, сюда хлынули русские золотоискатели. Согласно статистическим данным, к 1907 г. количество русских на правобережье Аргуни достигало уже 1000 семей — более 4000 человек. В то же время после отмены запрета на заселение ханьцами северо-восточных провинций Китая китайские переселенцы стали масштабно осваивать эти территории. Часть из них занималась на российские золотодобывающие прииски. Были и те, кто пересекал пограничную Аргунь, проникая на территорию России.

В результате в конце XIX — начале XX вв. на российских приисках на правом берегу Аргуни насчитывалось более 8000 китайских рабочих. Некоторые из них женились на русских девушках. Австралийский автор Семён Чжэн-Берсенёв приводит свидетельство начальника главной пограничной заставы Чжуэрганьхэ Чжао Чуньфана из «Доклада о пограничной работе» (ок. 1910 г.): *«Ввиду того, что они одинокие молодые люди, живущие среди русских и постоянно сталкивающиеся с русскими девушками, сначала дружат с ними, а потом женятся на них... В настоящее время несчетное множе-*

ство приграничных китайцев стригут косы, одеваются в чужеземные костюмы, жеснятся на русских женщинах, рожают детей»⁹. Часть из тех, кто длительное время жил в России и впоследствии возвращался, также женились на русских девушках. В результате этих смешанных браков и появилось первое поколение детей-метисов.

В этой связи показательны результаты исследований доцента факультета социологии Хэйлунцзянского университета Тан Гэ об истории заселения и этническом составе поселка Янцунь (Ерничный) на правом берегу Аргуни в административных границах городского уезда Эргуна. Поселение возникло в 1918 г., изначально большую часть жителей составляли эмигранты из России. Здесь до 1953 г. насчитывалось 40 дворов. Из них всего 2 семьи чистокровных ханьцев (впоследствии их дети вступили в брак с метисами и с русскими эмигрантами) и один холостяк-ханец. Пять русско-китайских (смешанных) семей образовали здесь несколько фамилий (родов), которые обозначены латинскими буквами, являющимися первыми в соответствующих китайских фамилиях и именах в латинизированной транскрипции: P, Z, X и два рода W. Все остальные были русскими эмигрантами (чистокровными русскими). Нынешнее население Янцуни составляет 100 семей, 64 из них принадлежат к потомкам смешанных браков — 161 человек¹⁰.

Междуречье притоков Аргуни — Гана, Хаула и Дербула стало активно заселяться русскими эмигрантами после отступления в Маньчжурию в 1920 г. частей Григория Семенова, когда казачьи села на левом, российском берегу Аргуни стали подвергаться насилию и грабежам со стороны красных отрядов. Именно в этот период многие молодые русские женщины, утратившие возможность создать семью с русскими мужчинами из-за потерь в ходе Первой мировой и Гражданской войн, выходили замуж за китайцев, чаще всего выходцев из провинции Шаньдун, реже Хэбэй, которые трудились на золотых приисках в Забайкалье или просто занимались здесь контрабандной торговлей.

*Елизавета Ведерникова (девочка в бескозырке) и ее русско-китайская семья
(фото 1930-х годов, из коллекции автора)*

Гендерные диспропорции в тогдашнем российском обществе компенсировались за счет обратной диспропорции в китайском, которое выступало в роли принимающей стороны. Нам приходилось слышать фразу «русских баб было много», когда собеседники из числа энхэских русских рассказывали, как их прародительницы поодиночке и группами, например, из нескольких сестер, перебирались на китайский берег Аргуни в поисках лучшей жизни.

Жительница поселка Шивэй Елизавета Ведерникова (род. 1927 г.) рассказывала: *«Так мама как, по желанию перешла, она раньше там жила у отца, там (то есть, в России. — А.Т.). Папа-то здесь контрабандил, ездил туда. Да вот к имя, как раз заехал. И вот дедушка пожелал, и мама пожелала, чтоб сюда переехать... Она боле там не бывала. Как сюда приехала, так и не бывала там».* Семья первоначально жила в Китае у самой Аргуни, *«тут в Булдуруе, на берегу».* В 1937 г. японские оккупационные власти заставили их перебраться от границы в Караванную (ныне — Энхэ). *«Ну, там жили долго, раньше. Чичас Караванный поселок, раньше его не было. Потом японцы отселили всех с Булдуруя, от берегу просто отселили... От границы, ага, подальше вот переехали из-за мамы, что мама русска напали. Японцы же они сохранялись, боялись, что может у нас семья иметь чё-нить. Они вот отселили из-за мамы нас туды в Караванный, весь поселок туда отселили... А жили вот так, жителя жили, хлебопашеством занимались, сами хлеб сеяли, скота держали»¹¹.*

Ко времени массового отъезда русских эмигрантов в середине 1950-х годов многие дети от смешанных браков обзавелись собственными семьями, причем находили пару среди таких же метисов или в среде русских эмигрантов. Почти никто не связал свою жизнь с чистокровными ханьцами. По официальным данным, ко времени образования КНР в 1949 г. в районе Эргуна проживало 2470 семей (12 350 человек). Среди них 1825 семей (9799 человек) были российскими эмигрантами — гражданами СССР и лицами без гражданства. Это около 74% от общего числа семей, проживавших в этом районе, и более 79% от общего числа жителей. Остальные 645 семей — 2551 человек — учитывались статистикой как китайцы. Однако среди этой неполной четверти населения большую часть составляли именно «полукровцы»-метисы¹².

Соответственно, до 1953 г. — кануна массового исхода русских — в районе Эргуна существовало 3 типа сел: 1) села, где большинство жителей были русскими эмигрантами, 2) села, где большинство жителей метисы, 3) села, где большинство населения составляли ханьцы. Сел первого типа насчитывалось больше 40, они располагались в южной части района, сравнительно далеко от российско-китайской границы. Сел, где большинство населения составляли метисы, было около 10, они в основном располагались в центральной и северной части района, вблизи границы, некоторые села строились прямо на берегу реки Аргунь. Сел с ханьским населением в этот период в районе было всего 3.

Таким образом, до середины 1950-х годов население района Эргуна состояло из трех больших групп: первая — русские эмигранты, вторая — метисы, и третья — чистокровные ханьцы. При этом эмигранты из России (чистокровные русские), без сомнения, были доминирующей группой, и русская культура в этом районе также занимала главенствующее положение. И это не только потому, что подавляющее большинство населения — русские эмигранты были носителями русской культуры, также ее придерживались метисы и даже часть чистокровных ханьцев.

Метисы стали этнической группой, занимающей положение на стыке культур, теоретически это означает принятие двух культур, однако в разные периоды истории отношения русской и китайской культур складывались по-разному. До середины 1950-х годов семьи метисов принимали русскую культуру, а не культуру ханьцев. И это не только из-за доминирования русских в этом районе, но и потому, что часть метисов, как было сказано выше, родилась в России, проживала там какое-то время, восприняв русские

обычан, и только потом эмигрировала в Китай. Кроме того, смешанные русско-китайские семейные пары становились родоначальниками современных русских фамилий в этом районе китайского приграничья, поскольку дети в соответствующем возрасте большую часть времени проводили с матерью, которая естественным образом учила свое потомство говорить, молиться и вообще жить по-русски.

Из 10 детей рода Р, появившихся на свет до 1950-х годов, до культурной революции 1966 г. никто не мог изъясняться на китайском. Из 6 детей рода Р не было ни одного, кто заключил бы брак с чистокровным китайцем. Некоторые чистокровные ханьцы, а особенно те, кто заключали браки с русскими девушками, до сих пор могут изъясняться по-русски. До 1950-х годов русский был основным языком для общения в Эргуне.

После исхода русских эмигрантов из Барги

За два года — 1954 и 1955 — произошли глобальные изменения в национальном составе и культуре района Эргуна. В соответствии с соглашением между СССР и КНР жившие на его территории русские эмигранты начали покидать эти места. Они были вынуждены очень дешево продавать дома, скот и технику. Местные китайские власти создали временную организацию специально для скупки имущества эмигрантов, которое они не могли забрать с собой. Часть русских эмигрантов заблаговременно выехала в 1954 г., с апреля по июнь 1955 г. Китай покинула 1171 семья (6553 человека), к 1959 г. из района выехало в общей сложности 1363 семьи (8171 человек) русских эмигрантов¹³ в основном в советский Казахстан на освоение целинных земель.

Эмигранты на гужевых повозках, заполненных мебелью, одеждой и домашним скарбом, сначала добирались до Хайлара, где пересаживались на поезд. Из Хайлара они через Маньчжурию направлялись в Россию или, если удавалось получить визу, в один из портов на восточном побережье, откуда на пароходе отправлялись на Запад. При этом китайское Приаргунье стало сценой для весьма драматических сюжетов семейного разрыва. Упомянувшийся выше китайский исследователь Тан Гэ риводит следующий случай:

«В мае-июне 1955 года во время сева пшеницы мужчины из рода Р — PQ и шесть его сыновей трудились на дальнем поле. Издали они увидели, как кто-то в деревне запрягает повозку и грузит в нее вещи. Несколько дней ранее братья случайно узнали, что эмигрантам нужно уезжать. У троих братьев из рода Р женами были русские эмигрантки, которые решили вслед за родителями возвращаться в Россию. Поэтому мужчины метисы-полукровцы сильно переживали о детях, родившихся в браках с русскими эмигрантками. В то время из троих сыновей из рода Р только у третьего РНВ в браке с русской женщиной Екатериной родилось 3 детей: 2 сына и дочь. У двух других недавно женившихся братьев РНС и РНД детей к тому времени еще не появилось. Побросав орудия труда, братья побежали в деревню, где нашли Екатерину, которая спешно собирала с собой детей. У нее было много братьев, в семье Р тоже было много братьев, между двумя семьями началась драка из-за детей. Дети уже были посажены в повозку, но братьям Р удалось отобрать одного мальчика. Екатерина быстро посадила другого мальчика в ящик, уселась сверху и больше не сдвинулась с места. Так она увезла с собой двух ребятнишек.

РНВ верхом бросился вдогонку и достиг их возле села Тулуньтуй (Цзиньтуань), уговаривал остаться, пытался вернуть детей, но безуспешно. Затем снова вместе с братьями догнал ее у поселка Саньхэ (Драгоценка), где в то время жила его старшая сестра РYZ. Она вспоминает, что на руках у Екатерины была только девочка, и РYZ подумала, что мальчика мать где-то спрятала. В Драгоценке родственники Р опять начали отбирать детей. Двое братьев Екатерины были по возрасту младше, и не смогли устоять перед напором родственников Р, и девочку у матери отобрали. Однако спрятанного мальчика все-таки удалось вывезти в Советский Союз»¹⁴.

Возвращаясь к теме, следует отметить, что китайские граждане — жители современного китайского приграничья являются уже редко вторым, чаще третьим, а в основном четвертым и пятым поколением потомков межнациональных браков начала прошлого века. Родоначальниками всех современных так называемых русских фамилий были русская прабабушка и китайский прадедушка, рожденные, скорее всего, в начале прошлого века. Все русское, с чем мы сталкиваемся сегодня в этом регионе Китая, есть отдаленный и затухающий результат того мощного культурного импульса, который в свое время дали развитию собственных межнациональных семейств русские женщины.

Одновременно с исходом русских эмигрантов китайские власти в плановом порядке организовали миграцию в этот район китайских переселенцев из провинции Шаньдун и Чжаоудаского аймака Внутренней Монголии. В 1955 г. приехало 782 семьи (3422 человека). По прибытии в район Эргуна они в скором времени получили от китайских властей оставленные русскими эмигрантами недвижимость, скот и сельскохозяйственную технику.

В 1964 г. в районе осталась лишь одна русская эмигрантская семья из пяти человек. Число этнических китайцев выросло с 2902 человек в 1947 г. до 20 089 в 1966 г., то есть почти в 7 раз. Национальная структура коренным образом изменилась. Численность русских эмигрантов, которые в предшествующий период составляли этническое большинство, сократилась почти до нуля, в то время как китайцы из подчиненной национальной группы превратились в доминирующую.

Однако, как отмечалось выше, в общем числе ханьцев на деле значительную долю составляли китайско-русские метисы-полукровцы. В период до конца 1980-х годов соответствующие статистические исследования именно этой категории жителей китайского Приаргуны не проводились. Учитывая нынешнюю численность данной группы — чуть более 8 тыс. человек, можно предположить, что в тот период времени их могло насчитываться около 3–4 тыс. человек. Большинство китайско-русских метисов предпочитали русскую культурную традицию китайской, были в большей степени носителями русской культуры, нежели китайской. Поэтому после 1955 г. в районе Эргуна русская культура не исчезла вследствие масштабного и практически полного исхода русских эмигрантов.

Изменения национальной структуры произошли в масштабе района Эргуна в целом. Что касается той же деревни Янцунь, то после исхода русских эмигрантов ханьцы в плановом порядке сюда не переселялись. После отъезда русских эмигрантов основной группой населения стали китайско-русские метисы-полукровцы. Жители села в большей степени, нежели представители этой этнической группы в других селах района, придерживались русской культурной традиции. Поэтому в Янцунь и после 1955 г. русская культура сохранила ведущие позиции. Ситуация изменилась лишь в 1966 г., когда разразилась культурная революция.

В течение десяти лет в период 1956–1966 гг. изменения национальной структуры населения района Эргуна происходили главным образом в двух направлениях: во-первых, в административных границах Эргунского района население перемещалось по горизонтали — из одного поселка жители переезжали в другой; во-вторых, небольшое число ханьцев мигрировало сюда из провинций юго-восточнее Великой стены. В первом случае миграции были связаны с решениями местных властей, которые исходили из двух соображений: некоторые поселки, например, Гуцунь каждый год с наступлением лета страдали от катастрофических наводнений. Во-вторых, поблизости от некоторых поселков речная вода содержала чрезмерное количество минеральных элементов, которые провоцировали у местного населения тяжелые заболевания суставов.

Народное правительство поселка Цицян в Эргунском районе, имея в виду эти два соображения, в 1957 г. приступило к планомерному переселению жителей этих поселков. Важной предпосылкой переселенческого мероприятия было то обстоятельство,

что после массового отъезда российских эмигрантов в 1954–1955 гг. во многих населенных пунктах пустовало большое количество пашни и жилых домов. Поселки, из которых таким образом выселяли жителей, включали Гуцунь, Сецунь, Синцунь, Баоцунь, Пинцунь и Пинчжэнь. Все эти поселки были местами компактного проживания китайско-русских метисов-полукровцев. В селе Гуцунь, по рассказам, было около 100 дворов, некоторые описывают его как городок.

Янцунь было одним из сел, которые приняли переселенцев, что привело к росту численности здесь этой национальной группы. Сюда, например, в полном составе переселились представители шести сравнительно больших родов-кланов метисов-полукровцев, в том числе родов T, Zh, Li и S (последние в количестве двух дворов).

В то же время, говоря о данном периоде, нельзя не упомянуть и мигрантов ханьцев и их отношения с местными китайско-русскими метисами. В течение ряда лет в Китае происходили катастрофические наводнения. Некоторые пострадавшие от стихии ханьцы из провинций юго-восточнее Великой стены, в особенности из провинции Шаньдун стали переселяться в район Эргуна. Это были беженцы, переселявшиеся на новые места на свой страх и риск, а не по решению властей. В начальный период своего пребывания в Приаргунье они не имели местной прописки, то есть права на жительство, и получили у местных прозвище «слепые лодыри». Но по прошествии нескольких лет они, налаживая связи, добивались местной прописки и твердо вставали на ноги.

В первое время ханьцы отторгались местным китайско-русским населением. В качестве причин неприятия назывались следующие. Во-первых, в тот период экономическое положение ханьцев повсеместно было плохим; во-вторых, ханьцы, по мнению местных жителей, не соблюдали норм санитарии; в-третьих, их обычаи в питании были дурны с точки зрения местных жителей. Столкнувшись с таким отношением со стороны китайско-русских метисов, ханьцы тоже не желали проявлять слабость. Их «ответным ударом» по китайско-русским метисам было обвинение в том, что они «забыли родину», забыли, что они по крови наполовину китайского происхождения. В общем, в тот период между ханьцами и метисами возникли довольно глубокие противоречия.

В то же время после 1955 г. — времени коренного изменения национальной структуры населения Эргунского района у китайско-русских метисов с ростом числа представителей ханьской национальности, казалось бы, появились новые потенциальные партнеры для брачных союзов. Однако вследствие того, что китайско-русские метисы считали себя привилегированной этнической группой, они не выбирали ханьцев для брачных союзов, а предпочитали заключать браки внутри своей этнической группы. И как раз по этой причине, несмотря на то, что в целом в культурной среде Эргунского района произошли большие изменения, китайско-русские метисы сохранили русскую культурную традицию. Она в сравнительно целостном, нетронутом виде существовала внутри этого сообщества вплоть до 1966 г. Примечательно, что китайско-русские метисы, родившиеся в 1956–1966 гг., до культурной революции, обычно не говорили по-китайски, первым, родным языком для них был русский. В общей культурной среде Эргунского района русская культура сконцентрировалась в местах компактного проживания своих носителей — трех относительно самостоятельных культурных районах¹⁵.

Трагедия культурной революции

В период культурной революции дети от русско-китайских браков подвергались массовым издевательствам и репрессиям в связи с обвинениями в шпионаже в пользу СССР. Русский язык оказался под строгим запретом, все русские православные храмы в Хулунбунре были закрыты или разрушены.

Китайско-русские метисы во всех смыслах находились между русскими и ханьцами, на протяжении всей своей истории эта этническая группа была «зажата» между

Китаем и Россией. Поэтому состояние китайско-русских отношений оказывало на ее положение сильное влияние. Еще в начале 1960-х годов после разрыва межпартийных отношений между КПСС и КПК китайское правительство приняло ряд мер по смещению лиц, имевших русские корни, с должностей в партийных организациях и органах исполнительной власти, армии, органах общественной безопасности, судах и др. В особенности это коснулось тех, кто занимал руководящие должности.

Культурная революция в китайском Приаргунье обострила межнациональные и межкультурные противоречия. В той же Янцунь ханьцы воспользовались политической кампанией культурной революции, чтобы сменить в двухчастной национальной структуре населения села свою прежнюю подчиненную позицию на руководящую роль. В ходе культурной революции почти все взрослые китайско-русские метисы были огульно названы «шпионами советского ревизионизма», «внутренними элементами, связанными с иностранным государством» и «членами республики метисов». В 1968 г. в самый острый период культурной революции почти все взрослые и даже часть детей были брошены в так называемые «тюрьмы».

В Эргунском районе эти «тюрьмы» были самовольно в порядке личной инициативы организованы местными цзаофанями — активными участниками культурной революции. Каждое из сел, в котором компактно проживали метисы, имело такую «тюрьму». В Янцунь в настоящее время здание «тюрьмы» используется под общественный коровник. Китайско-русские метисы содержались в заключении на протяжении одного года. Они находились под стражей, будучи закованными в самодельные ручные и ножные кандалы. Часть из них днем под конвоем цзаофаней работали в поле, другие все время находились в «тюрьме».

В отношении происхождения названия «республика метисов» в настоящее время никто не может дать ясных пояснений. Одна из версий гласит, что в начале культурной революции в деревне Цзицунь кто-то из молодежи, будучи пьяным, заявил: «Мы (имея в виду метисов) — республика метисов». Это привело к развязыванию в Право-аргунском хошуне (прежнее название города Эргуна) кампании, когда китайско-русских метисов повсеместно хватили по обвинению в членстве в «республике метисов».

В период культурной революции метисы повсеместно подвергались оскорблениям на почве расовой дискриминации, что иногда вызывало самоуничтожительные настроения и изменение эстетического самовосприятия. Метисы-полукровцы были вынуждены отказываться от русской культуры, прекратить говорить по-русски, петь по-русски песни и исполнять русские танцы. Они были принуждены прекратить есть русский хлеб, пить молоко и вообще употреблять в пищу продукты, которые могли считаться русскими, вплоть до русских алкогольных напитков. Их заставили отказаться от ношения юбок и кальсон. Зимой они были вынуждены носить китайские ватные куртки и штаны. Их заставили отказаться от празднования русских праздников. С началом культурной революции все храмы православной церкви, которых на тот период в Эргунском районе насчитывалось 21, были закрыты. Впоследствии они были сожжены или подвергнуты сносу. Иконы из церквей и православных семей были насильно отняты и преданы огню. Многие женщины прятали иконы, которыми матери благословляли их в день замужества, дома по чердакам и в стенах.

Янцуньская жительница по фамилии D рассказала китайскому исследователю Тан Гэ: *«Однажды во время культурной революции китайско-русские метисы украдкой праздновали дома Пасху, тайком окрашивали яйца. Один ребенок неосторожно выронил на улице скорлупу от окрашенного яйца, что было замечено доносчиками. И тогда цзаофани перевернули всю деревню в поиске семьи, которая отмечала Пасху»*¹⁶.

Но тяжелейшим последствием культурных перемен был запрет говорить по-русски. Очень многие китайско-русские метисы, которые ранее вообще не умели говорить по-китайски, с этого времени были вынуждены учить китайский язык. Многие дети-ме-

тисы, говорившие только по-русски, после начала культурной революции были поставлены перед необходимостью учить китайский и по малолетству довольно скоро забыли родной русский. Поэтому практически никто из китайско-русских метисов, родившихся в период культурной революции, не говорит по-русски, и даже тех, кто понимает русскую речь на слух, среди них немного.

В 1972 г. ревком Право-аргуньского хошуна принял решение реабилитировать и восстановить в правах репрессированных по делу «республики метисов», большинство метисов, брошенных до этого в «тюрьмы», были освобождены, их добрые имена были восстановлены.

Начало деассимиляции и поиск национальной идентичности

Во второй половине 1980-х годов стала возрождаться культура китайско-русских метисов. Прежде всего, они получили возможность открыто разговаривать по-русски. Несмотря на вынужденное овладение китайским в период культурной революции, вплоть до сегодняшнего дня некоторые старики не могут бегло говорить по-китайски. Фонетически их китайская речь имеет неточную интонацию. Женщины среднего и старшего возрастов снова стали носить национальную одежду. Многие семьи у себя во дворах или на кухнях заново поставили русские печи для выпечки хлеба (в Эргуне традиционно пекут круглые караваи). Был снят запрет на исполнение традиционных русских песен и танцев.

Возрождение культуры сопровождалось пробуждением национального сознания. В 1950-е годы в ходе кампании по определению национальной принадлежности местные китайско-русские метисы были записаны ханьцами. В 1980-е годы возникло стремление к восстановлению и изменению национальной принадлежности. Тогдашнее правительство Право-аргуньского хошуна в соответствии с уведомлением Госсовета КНР «О принципах разрешения проблемы восстановления и изменения национальной принадлежности» обнародовало «Документ правительства Право-аргуньского хошуна № [85]12» и со второй половины 1985 г. начало принимать заявления на изменение национальной принадлежности с национальности хань на русскую.

Только в 1987 г. более 300 китайско-русских метисов изменили свою национальную принадлежность. К концу года численность русских в хошуне увеличилась с прежних трех до 1569 человек. К 1990-му году — времени проведения 4-й всекитайской переписи населения — в Эргунском районе из 7012 китайско-русских метисов 2063 человека сменили свою национальность на русскую. В деревне Янцунь на июль 2006 г. из 161 жителя 91 человек законным порядком определили свою национальность как русскую¹⁷.

Несмотря на то, что местные власти поощряли метисов к изменению национальной принадлежности, несомненно, в основе этого движения лежал фактор пробуждения национального сознания. В первоначальный период, когда изменение национальной принадлежности было только разрешено, многие еще «не полностью оправились от испуга», боялись возвращения культурной революции, не решаясь изменить национальную принадлежность. Однако пробуждение национального сознания в итоге разрушило психологические барьеры прежних страхов. Начало возрождения сообщества русских в Хулунбуэре относится, таким образом, к 1985 г., когда лица, ранее включавшиеся в этническую группу «хань», получили разрешение перерегистрироваться в качестве русских по национальности. Как сказала одна из наших собеседниц, «*которые забоялись переписаться, а у меня свекровка никого не забоялась*»¹⁸.

Повторное возникновение русского сообщества в приграничном Китае носило характер одновременного административного мероприятия: в 1989 г. в Право-аргуньском хошуне при обследовании было выявлено 7012 потомков смешанных браков. Из них 2071 человек по собственному желанию с разрешения властей КНР при переписи

1990 г. изменили национальность на русскую, сделав соответствующие записи в домашних книгах (по предыдущей переписи 1982 г. в этом хошуне было зарегистрировано всего двое русских). В 1990 г. во всем Хулунбуире проживало 4219 китайских граждан русской национальности¹⁹.

Таблица 1.

Русские в городах и хошунах Хулунбуира

Города и хошуны (административное деление 1990 г.)	Перепись населения 1953 г.	Перепись населения 1964 г.	Перепись населения 1982 г.	Перепись населения 1990 г.
Русских всего:	24	41	29	4219
г. Хайлар		17	4	628
г. Маньчжурия	9	9	3	143
г. Чжаланьтунь				179
г. Якэши				725
Право-аргуньский хошун		2	2	2071
Лево-аргуньский хошун			3	244
Орочонский хошун		1	1	26
Эвенкийский хошун		1	1	146
Новобаргинский левознаменный хошун				8
Старобаргинский хошун		5	1	49

Русские — официальная численность 4904 человека (2009 г.) — составляют 0,18% населения городского округа Хулунбуир (2717,6 тыс. человек). Среди прочих малых народностей им по численности уступают только орочоны (4122). Например, корейцы (9712) превосходят их по численности почти в 2 раза, хуэйцы (34677) — в 7 раз и т.д.²⁰

Таблица 2.

Численность русских в городе Хулунбуир (по данным 2009 г.)

Города и хошуны	Численность лиц русской национальности
г. Хулунбуир, всего	4904
в том числе:	
г. Маньчжурия	279
район Хайлар	779
г. Чжаланьтунь	177
г. Якэши	645
г. Гэньхэ	203
г. Эргуна	2558
в т.ч. Эньхэ — русская волость	1080
хошун Ажун	1
Даурский национальный автономный хошун	1
Орочонский автономный хошун	30
Эвенкийский автономный хошун	190
Новобаргинский хошун правого крыла	-
Новобаргинский хошун левого крыла	5
Старобаргинский хошун	36

Китайские власти административно воссоздали в этом районе этническое сообщество, используя в качестве основы определенную социальную группу с уже имеющимися расовыми и культурными характеристиками — результат совместного проживания русского и ханьского этносов в регионе. При этом, по данным на 1990 г., в городе Эргуна (ранее Право-аргуньский хошун) около пяти тысяч потомков русско-китайских браков не изменили национальность на русскую²¹.

Китайские власти предоставили русским как национальному меньшинству численностью менее 100 тыс. человек льготы по рождению второго ребенка. Сегодня в Китае выгодно быть русским — молодым людям 15 очков добавляют при поступлении в старшие классы и 10 — при поступлении в ВУЗ. Поэтому перерегистрация в качестве русского становится весьма актуальной для местных жителей, вступающих в соответствующий возраст, но в настоящее время сопряжена с большими трудностями — китайцы приостановили перерегистрацию.

Русская волость Эньхэ — конструктор национальной политики КНР

27 июля 1994 г. по решению народного правительства АРВМ была образована единственная в Китае русская национальная волость Эньхэ, с центром в деревне Эньхэ (бывшая Караванная). Активную роль в этом сыграли руководители народных правительств Хулунбуира Ван Чжэнхай и Внутренней Монголии Юнь Булун, которые убедили Госсовет КНР в лояльности китайских русских.

Таким образом, русская национальная волость Эньхэ — единица низового уровня административного деления КНР с обозначенным этническим меньшинством, обладающим большими правами. Волость возглавляет голова, который должен представлять титульную русскую национальность. Первым волостным головой на протяжении более 10 лет был Виктор Иванович Васильев (Цюй Дэсинь), который родился и вырос в Эньхэ²². История его семьи — стандартный сюжет для сотен смешанных русско-китайских браков, заключенных в начале прошлого века²³.

В апреле 2001 г. властями г. Эргуна было принято решение о расширении административных границ русской национальной волости Эньхэ. По согласованию с департаментом гражданской администрации АРВМ волость была объединена с сопредельным поселком Шивэй (в географическом отношении район Шивэй является продолжением русского Трехречья и, к тому же, связан с Россией пограничным переходом Олочи). После объединения волости Эньхэ и поселка Шивэй правительство вновь созданной русской национальной волости стало располагаться в Шивэе, в Эньхэ был оставлен административный комитет.

По данным 5-й Всекитайской переписи населения, в 2000 г. в селах на территории русской национальной волости всего проживало 4224 человека. Из них по национальности русских 629 человек, кроме того, метисов-полукровцев, не переменявших национальность на русскую, еще 1145 человек. В совокупности эти две группы составляли 1774 человека или 42% населения тогдашней волости Шивэй²⁴.

По официальной версии в последующий период объединение волости и поселка в административных границах города Эргуна вызвало разногласия с местным монгольским населением, которое считает Шивэй одной из колыбелей монгольской нации²⁵. В декабре 2006 г. русская национальная волость Эньхэ была восстановлена в границах 1994 г., место расположения волостного правительства было возвращено в Эньхэ. Волость является территорией Китая с наибольшей концентрацией русского населения, власти всемерно содействуют переселению сюда русских из других районов страны. Следует сказать, что в настоящее время официально обсуждается идея образования русского автономного хошуна Эргуна, чтобы дать русским статус национальности, осуществляющей национальную автономию²⁶.

В 2003 г. группа Госсовета КНР по оказанию помощи национальным меньшинствам официально включила в список нуждающихся в поддержке три национальности: эвенков, ороочонов и русских. В период с 2004 по 2007 г. на эти цели было выделено 10,95 млн юаней, только в 2007 г. было потрачено 5,2 млн юаней. Большая часть средств была использована на русские поселения и проживающие в них русские семьи (2435 человек и 782 семьи)²⁷.

Ведущей, с объемом производства более 100 млн юаней, отраслью волостной экономики является сельское хозяйство, в частности животноводство, а также производство пшеницы и рапса — главных сельскохозяйственных культур. В последние годы бурное развитие получил семейный туристический бизнес с акцентом на национальную специфику.

Появление в Китае русской национальной волости представляет феномен: в других странах, а тем более в приграничных районах, русское население не имеет своих территориальных образований.

Факторы идентичности: что сегодня объединяет китайских русских?

Русский язык является для данной этнической группы важным, но, по-видимому, не главным объединяющим фактором. Знание русского языка — восхитительного забайкальского просторечного говора — свойственно только первому, в лучшем случае, второму поколениям потомков русско-китайских браков, от которых можно еще услышать восторженное слово «ась», фразы типа «заходи в избу», «вали, кума», «татары шибко хитры», «невестку реветь», то есть «звать». Многие из них в 1990-е годы бурного развития приграничных контактов работали толмачами.

Таблица 3.

Уровень владения русским языком у лиц русской национальности в селах Шивэй, Линьцзян и Эньхэ по данным 2007 г. (ед. % (человек))

Понимание на слух		Говорение		Чтение		Письмо	
Полностью понимаю на слух	39,85% (53)	Могу выражаться довольно бегло	30,08% (40)	Полностью понимаю прочитанное	1,50% (2)	Могу написать простое письмо	2,26% (3)
Понимаю большую часть	18,05% (24)	Могу выразить основной смысл, но не бегло	18,80% (25)	Понимаю большую часть прочитанного	2,26% (3)	Могу заполнить форму простого бланка	3% (4)
Понимаю меньшую часть	36,09% (48)	Испытываю трудности в устной речи	24,06% (32)	Понимаю меньшую часть прочитанного	6,77% (9)	Могу написать только свое имя (подписаться)	5,26% (7)
Совсем не понимаю	6,02% (8)	Не говорю [по-русски]	27,07% (36)	Совсем не умею читать [по-русски]	89,47% (119)	Совсем не умею писать [по-русски]	89,47% (119)

Остальные не говорят по-русски или говорят очень плохо, потому что поколение 1940–1950-х гг. сознательно отказалось от обучения своих детей русскому языку после жестоких репрессий в годы культурной революции из стремления обезопасить их в будущем от подобных испытаний. В 2007 г. Институт языков и культуры Центрального университета национальностей КНР провел анкетирование с целью изучения ситуации с

владением русским языком. Было опрошено 133 человека в трех деревнях — Шивэе, Линьцзяне и Эньхэ.

Как видно из табл. 3, в трех деревнях — Шивэе, Линьцзяне и Эньхэ — лица, хорошо владеющие устной русской речью, составляют около 30%, в то время как число грамотных, умеющих читать и писать, составляет около 2%. При этом абсолютное большинство среди свободно владеющих русским языком составляют пожилые люди.

Старики в возрасте 70 лет и старше в большинстве свободно говорят по-русски со сравнительно правильными произношением и интонацией. Лица в возрасте 50 лет и моложе в массе не владеют русским, они родились в годы до и после культурной революции, под давлением политических обстоятельств того времени утратили естественные условия обучения русскому языку от старшего поколения (употребление русского языка запрещалось, за это наказывали). Хотя позже употребление русского языка восстановилось, он начал преподаваться в местных школах. Лица в возрасте 40 лет и моложе в основном не имеют навыков говорения и понимания на слух по-русски, а также лишены естественных условий нормального овладения русским в языковой среде. Они общаются со старшим поколением исключительно по-китайски.

Кроме того, в Эньхэ было анонимно опрошено 47 человек, из них 20 человек (42,6% респондентов) полагают, что кроме китайского языка русский язык «для дальнейшего развития детей это самый важный язык». В поселке Линьцзян (Ключи) было опрошено 40 человек, аналогично ответила половина респондентов — 20 человек²⁸.

Семья русских из села Линьцзян (Ключи), фото автора, 2010 г.

Вместе с тем, у этих людей существует определенный уровень национального самосознания, ощущения общих русских корней и своей отличности от окружающего китайского мира, противопоставления «они (хань) — мы (русские)». Они компактно

локализованы, сохранили русские бытовые технологии: живут в бревенчатых домах, которые эффективно противостоят сезонным деформациям местных почв, используют русские печи для приготовления пищи и т.д., бережно относятся к элементам повседневной русской культуры. Они считают себя православными, хотя во многом утратили опыт церковной жизни, хоронят по русским обрядам на русских национальных кладбищах.

Китайские власти учредили и поддерживают деятельность Общества по изучению русских, в его задачу входит сохранение национальной культуры и самосознания, которую в других случаях решает национальная интеллигенция. Членами общества, по данным 2009 г., состояло 227 человек, в том числе 59 входили в состав правления, 16 — в состав постоянного комитета правления. Возглавляет Общество председатель, у него 8 заместителей. У Общества кроме этого есть почетный председатель и 7 почетных заместителей — высокопоставленные чиновники провинциального уровня (почетным председателем является заместитель председателя Народного правительства АРВМ Лянь Цзи).

Общество ежегодно издает официальный бюллетень, в котором публикуются материалы исследований языка и традиционной культуры русских Внутренней Монголии, их истории и современного положения. У Общества имеется своеобразная эмблема. Она представляет собой овал, это по мысли автора эмблемы Чэнь Баовэня, во-первых, напоминает форму яйца как символа Пасхи — в этом районе КНР национального русского праздника, а также олицетворяет радость, богатство и сплоченность. Зеленый фон эмблемы символизирует жизнь и гармонию, лес и траву как важные элементы местного ландшафта. В центр помещено изображение деревянного сооружения, как сказано в описании, традиционной русской избы. Рисунок аутентичный — окна традиционного жилища китайских русских на основе бревенчатого сруба — мукэлэна — имеют наличники, но обычно не имеют ставен, что несколько отличает их от традиционной избы в российском Забайкалье.

В центре с обеих сторон изображены ветки ивы, что символизирует оживление природы и Вербное воскресенье перед Пасхой, когда православные отмечают Вход Господень в Иерусалим. Эмблема окаймлена стилизованным изображением пограничной реки Аргунь желтого цвета, которая символизирует русское национальное меньшинство на территории АРВМ. Сверху надпись по-русски: «Общество по исследованию русской национальности в АРВМ», в нижней части тот же текст по-китайски и «2007.4» — дата образования Общества.

Общество в соответствии со своим уставом должно способствовать развитию экономики, стать связующим звеном между русскими соотечественниками и партийными комитетами и органами власти всех уровней в воспитании кадров из числа представителей русской национальности. После официального образования Общества горком КПК и Народное правительство г. Эргуна оказали ему всемерную поддержку в организации работы, кадровом формировании, необходимом финансировании и др.

Руководствуясь документом Госсовета КНР № [2005]42 «Уведомление об укреплении охраны культурного наследия», Общество усилило работу по охране и выявлению культурного наследия русских в Китае. Общество, используя средства видеозаписи, со-

бирает материалы о народных песнях, частушках, народных костюмах, танцах и др., активно ходатайствует об охране исторических объектов русского народа, проводит реставрацию русских подворий. Одна из главных задач Общества — «добиваться решения о внесении культурного наследия русской национальности в АРВМ в реестр государственного культурного наследия»²⁹.

Национальное самосознание и официальная история

Национальное самосознание современных китайских русских во многом строится на общей трагической истории, в том числе притеснениях, пережитых в годы культурной революции. У этих людей есть общее ощущение несправедливой обиды и некоей нравственной ответственности перед ними со стороны китайцев. В КНР в настоящее время признают оправданность нравственной и имущественной реабилитации своих русских граждан, пострадавших в годы культурной революции, перед ними извинились и выплатили некоторую компенсацию.

Однако в общую историческую летопись русского сообщества в Китае включают и другие неприглядные сюжеты. Это «карательные» экспедиции Красной армии в 1929 г. во время конфликта на КВЖД, сопровождавшиеся, по китайской и эмигрантской версиям, массовыми убийствами мирных жителей в селах на правом берегу Аргуни со смешанным русско-китайским населением, или действия в том же 1929 г. в Трехречье русского белого партизанского отряда Ивана Пешкова, члены которого насильовали и убивали русских женщин, бывших замужем за китайцами. Вообще, насколько можно судить по высказываниям наших собеседников, к казакам отношение у современных китайских русских скорее отрицательное, наравне с японцами — и от тех и от других они натерпелись в период японской оккупации Маньчжурии в 1932–1945 гг., когда русские казаки стали пособниками японцев.

В то же время китайские русские, отказавшиеся от сотрудничества с советскими спецслужбами в годы советско-китайского раскола, считаются героями. В частности, Ли Чжун, погибший в 1980 г., по китайской версии, в ходе вербовки со стороны советских пограничников.

Православие как фактор национальной идентификации

Православие в китайском приграничье является «этнической религией», прежде принадлежность к русскому этносу фактически была здесь тождественна принадлежности к православной церкви. В Эньхэ сохраняется и даже культивируется православие, русские церковные традиции. Главным праздником является Пасха, которая отмечается широко, но скорее как светский праздник с угощением от властей.

В 1980-е годы была восстановлена церковная деятельность. Жители извлекли те иконы и религиозную утварь, которую в лихолетье попрятали по чердакам и в стенах, в их избах снова были сооружены красные углы — «божнички», перед которыми творятся ежедневные молитвы.

По воскресениям или в дни религиозных праздников жители получили возможность собираться у кого-то дома для коллективного участия в религиозных обрядах. Были восстановлены разрушенные на вершинах окрестных сопок поклонные кресты. Проживающие в Австралии или в России родственники стали привозить иконы и издания Библии. Самый важный у русских религиозный праздник Пасха начал пользоваться благосклонным вниманием местных властей, став неким культурным достоянием местных русских.

В 1980-е годы начальником по делам религий Право-аргуньского хошуна был назначен китайско-русский метис Сунь Цюсян. Он настоял, чтобы в месте расположения нынешнего городского правительства Эргуны — поселке Лабудалинь был вновь отстро-

ен православный храм. В 1990 г. правительство АРВМ приняло документ о признании православия одной из исторических религиозных конфессий. Правительство выделило 130 тыс. юаней на постройку церкви, в 1992 г. храм в честь святителя Иннокентия Иркутского был возведен. Это один из очень немногих официально зарегистрированных православных храмов в Китае. Чудесный софринский иконостас, необходимая утварь и богослужебные облачения были подарены Читинской и Забайкальской епархией Русской Православной Церкви. Китайцы дары приняли, но деятельность российских священнослужителей не разрешили.

30 августа 2009 г. храм был освящен о. Михаилом Ваном, приехавшим специально для этого из Шанхая. Михаил Ван Цюаньшен (род. ок. 1925) — старейший клирик и единственный священник Китайской православной церкви, китаец по национальности. В настоящее время за церковь смотрят два пономаря, обучавшиеся в духовных школах России. Они ожидают разрешения для посвящения в сан от Управления по делам национальностей и религий КНР. Из-за отсутствия православных священников, богослужения проводятся мирянами, по воскресеньям сюда ходит десяток-полтора старушек, молятся и слушают магнитофонную запись церковного пения. В зимнее время богослужения совершаются в домах прихожан, так как храм не отапливается.

Русское население из-за отсутствия православного прихода утрачивает навыки церковной жизни, существует практика заочного отпевания покойных в российских или австралийских храмах. Русские жители национальной волости Эньхэ, расположенной довольно далеко от Эргуны, не имеют возможности посещать единственную православную церковь регулярно. Но маленькую и локальную группу русских объединяет общий алтарь в красном углу каждой русской избы и общее кладбище. В Эньхэ на средства местного бюджета строится часовня на русском кладбище, планируется сооружение православной часовни в самом селе.

В Шивзе есть молитвенный домик-часовня, которую, по словам местных русских, тоже *«казна поставила»*. Внутри много иконок, которые сюда отдают неверующие родственники умерших. Иногда здешнее аграрное начальство просит прихожанок помолиться там о дожде. Часовенка расположена в тихом живописном месте рядом с китайским капищем. Как сказала одна прихожанка, *«ходим и на китайску и на русску, на обоих. Бог-то один, веры разные»*.

Таким образом, возрождение православия в Хулунбунуре стало дополнительным фактором национальной самоидентификации китайских русских. Следует отметить, что местному православию свойственны проявления религиозного синкретизма, что характерно для китайцев. Примечательно, что Пасха, почти начисто лишенная своего религиозного содержания, стала главным местным праздником с угощением от на-

*Храм Китайской православной церкви
в г. Эргуна, фото автора, 2010 г.*

чества. Тем не менее, религия в Энхэ — одна из главных составляющих идентичности китайских русских.

Развитие этнического туризма и национальная идентичность

Сегодня второе приоритетное направление для сельскохозяйственной волости Энхэ — внутренний туризм. 100% всех туристов приезжают сюда из других районов КНР. Китай как будто открывает себя заново, везде пытаются найти что-то, что могло бы пробудить любопытство близких и далеких соседей. В Энхэ — это, конечно, русская экзотика³⁰. В 2010 г. волость посетили 105 тыс. гостей из внутренних районов КНР, по местным меркам это большая туристическая индустрия.

Для привлечения туристов администрация волости регулярно проводит совместные китайско-российские культурные мероприятия. В 2006 г. здесь проводились мероприятия года России в Китае. В 2008 г. в Энхэ был построен этнографический павильон-музей в форме русского православного храма. Его экспозиция насчитывает более 400 экспонатов, в том числе образцы домашней утвари, предметы быта, чучела местных животных и фотоматериалы. Большой интерес туристов вызвал прошедший в 2011 г. фестиваль русской культуры.

В последние годы русские широко вовлекаются в отрасль «этнического туризма»: обслуживание китайских туристов, хозяйствование, ориентированное на производство национальных артефактов на продажу. Вся инфраструктура для внутреннего туризма уже создана или будет создана в ближайшие годы. Это, в первую очередь, небольшие семейные гостиницы, иногда обычный русский крестьянский дом, в котором можно остановиться на ночлег или просто отведать блюда русской кухни. Туристы могут наблюдать, как в русской печи выпекают хлеб, качаются на «качелях», ходят в баню и т.п.

Известный набор товаров и услуг все больше выступает субстанцией их этничности, которая постоянно воплощается в материальных артефактах данной этнической культуры по определенным правилам и в соответствии с уже имеющимися образцами — национальными костюмами, гастрономическими рецептами, песнями и танцами. Это стало, очевидно, дополнительной «скрепой» для воссозданного сообщества на основе взаимной выгоды от продажи русской экзотики и закрепления за собой своеобразной социальной роли — работать русскими.

* * *

Китайское общество в Барге является полиэтничным. Здесь проживают представители нескольких национальных меньшинств. Китайские власти стремятся обеспечить баланс между различными формами языковой и культурной идентичности, между различными этническими доминантами, чтобы люди, входящие в состав китайской супернации *чжунхуа* не перестали быть русскими, монголами, эвенками и т.д.

Китай в приграничном с Россией районе, интегрируя в общество своих граждан русской национальности на основании собственного культурного кода, решает сложный вопрос по обеспечению баланса между идентичностью супернации *чжунхуа*, в которой доминирует ханьский этнический компонент, и русскими формами этнической и культурной идентичности, в том числе языковой и религиозной. Очевидно, что доминирующая национальность хань является системообразующей, ее идентичность проецируется на все аспекты жизни китайских русских — язык, самосознание, культуру, религию, историю.

Следует отметить, что существуют отличия национальной политики КНР в отношении русских в пограничной с Россией Внутренней Монголии и Синьцзяне, где также компактно проживает большая группа русских, но нет общей границы с Россией. Во Внутренней Монголии китайские власти выделили денежные средства на строительство

православной церкви, в Синьцзяне православной церкви нет. При этом строительство и функционирование церкви в Барге, как представляется, вызвано не столько необходимостью окормления искренне верующих, сколько намерением властей создать дополнительный полунскусственный фактор идентичности.

Второе серьезное отличие заключается в том, что русское сообщество во Внутренней Монголии получило этнически ориентированную административную единицу, а синьцзянское такой единицы не имеет. Как можно предположить, появление русской воласти вкупе со строительством религиозного сооружения на казенные средства имеет пока неясные цели, но обусловлено близостью российской границы.

В то же время русская национальная волость Энхэхэ существует сейчас в рамках некоего этнотерриториального эксперимента, и китайские власти не могут не отдавать себе отчета в опасности подобных опытов в приграничье. Это обстоятельство и определяет, по-видимому, мизерные масштабы и неспешный характер эволюций в национальном составе и административном устройстве, что целиком и полностью соответствует китайской практике постепенности преобразований. Это, на наш взгляд, объясняет, почему китайцы приостановили перерегистрацию метисов с ханьцев на русских — чтобы сохранить малый масштаб и абсолютную управляемость эксперимента наряду с перспективами его расширения.

Как бы там ни было, Китай признает за своими гражданами русской национальности этнические, культурные и религиозные права. Им предоставляются дополнительные полномочия и свободы в рамках региональной политики и этно-административного деления для укрепления своей идентичности, самосознания, религиозных и других народообразующих факторов. Чрезмерное доминирование китайского компонента может просто на просто «сжечь» хрупкую русскую идентичность, поэтому китайские власти развивают русскую специфику. Порядок назначения волостным головой обязательно русского, это также своеобразная гарантия прав русского населения в этнически ином окружении. В этом смысле русские в современном Китае — одна из привилегированных национальностей. Эта общность людей, связанных общим происхождением, историей, языком, культурой и т.д., сегодня является частью китайского народа, бережно сохраняя при этом свою национальную русскую идентичность.

-
1. 2000 нянь жэнькоу пуча: [Пятая всекитайская перепись 2000 г.]. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/renkoupuocha/2000puocha/pucha.htm> (дата обращения: 17.12.13).
 2. Булдакова В.Г. Национальная политика КНР в отношении малочисленных народов // Россия и АТР. 2006. № 4. URL: <http://www.riatr.ru/2006/2006-4-WEB/09p77-81.pdf> (дата обращения: 17.12.13).
 3. Интервью депутата ВСНП 10-го созыва Раисы Александровой // Сайт «Джэньминь Жибао» онлайн. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/2386786.html> (дата обращения: 17.12.13).
 4. Тарасов А.П., Янков А.Г. Русские Трехречья: история и идентичность. Чита: Экспресс-изд-во, 2012. 72 с.
 5. Гутин И.Ю. Русские в Китае // SadPanda. 08.05.12. URL: <http://sadpanda.cn/archives/16361> (дата обращения: 17.12.13).
 6. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 25. Оп. 11. Д. 16. Л. 104 об.
 7. Болотов А.А. Амур и его бассейн. Харбин, 1925. С. 12.
 8. Сундуева Д.Б. Соотечественники в Монголии: история и современность // Материалы международного симпозиума «Миграционные мосты Забайкалья: задачи, проблемы, перспективы развития». Чита, 2013. С. 72.
 9. Го-Черепанов Л., Чжэнь-Берсенёв С. Китайско-русские метисы. Сидней: Seven-pointed Star Press, 2004. С. 28.
 10. Тан Гэ. Аргунь: история взаимодействия этнических групп и неравномерность развития русской и китайской культур на примере деревни Янцунь // Нэймэнгу злосы миньцзу яньцзюхуэй

- хуэйкань: [Офиц. бюл. О-ва по исслед. рус. национальности в АРВМ]. Эргуна (Аргунь): Печ.-изд. центр «Ежеднев. газ. Хулунбуира». 2009. № 2. С. 32–33.
11. *Тарасов А. П., Янков А. Г.* Аудиозаписи интервью русских жителей Трехречья (КНР) // Материалы российско-китайской этнографической экспедиции в Трехречье, 2010.
 12. *Тан Гэ.* Указ. соч. С. 32–33.
 13. Там же.
 14. Там же. С. 34.
 15. Там же.
 16. Там же. С. 37.
 17. Там же. С. 37–38.
 18. *Тарасов А. П., Янков А. Г.* Аудиозаписи интервью русских жителей Трехречья (КНР) // Материалы российско-китайской этнографической экспедиции в Трехречье, 2010.
 19. Хулуньбэйэрмэн миньцзу чжи: [Описание национальностей Хулунбуирского аймака]. Хух-Хото: Народ. изд-во Внутренней Монголии, 1997. С. 400.
 20. Хулуньбэйэрши яолань'2010: [Основные показатели г. Хулунбуир 2010 г.]. Хайлар, 2010. С. 41.
 21. Эргуна Юци чжи: [Летопись Право-аргуньского хошуна]. Хайлар: Изд-во культуры Внутренней Монголии, 1993. С. 127.
 22. *Тарасов А. П., Янков А. Г.* Русские Трехречья: история и идентичность. Чита: Экспресс-издательство, 2012. С. 26.
 23. *Кляус В. Л.* Видеосъемка обрядовых традиций метисов Трехречья (КНР) // Визуальная антропология. Российское поле. М., 2012. С. 95–96.
 24. Элосыцзу Синьцзян Тачэнши Эргунчжэнь, Нэймэнгу Эргунаши Шивэйсян дяо ча: [Русская национальность — материалы обследования поселка Эргун в городе Тачэн СУАР и волости Шивэй в городе Эргуна АРВМ]. Куньмин: Изд-во Юньнаньского ун-та, 2004. С. 314–315.
 25. *Дин Мин.* Объединение волости и поселка в границах города Аргунь вызвало разногласия // Нэй мэнгу цань: [Отделение агентства Синьхуа во Внутренней Монголии. Справочные материалы]. Хух-Хото, 2002, № 29. С. 11.
 26. *Эрдынжсан.* Рассуждения о нашей русской национальности // Нэймэнгу элосы миньцзу яньцзюхуэй хуэйкань: [Офиц. бюл. О-ва по исслед. рус. национальности в АРВМ]. 2009. № 2. С. 14.
 27. *Даидорж.* Придерживаться научного развития, стимулировать строительство русской национальной волости // Нэймэнгу элосы миньцзу яньцзюхуэй хуэйкань: [Офиц. бюл. О-ва по исслед. рус. национальности в АРВМ]. 2009. № 2. С. 16.
 28. *Дин Шицин.* Исчезновение языка и его сохранение: Анализ распространения русского языка среди русской национальности в АРВМ // Нэймэнгу элосы миньцзу яньцзюхуэй хуэйкань: [Офиц. бюл. О-ва по исслед. рус. национальности в АРВМ]. 2009. № 2. С. 19–20.
 29. *Чжан Сяобин.* Выступление на церемонии открытия научного семинара по экономическому и культурному развитию русской национальной общины в АРВМ // Нэймэнгу элосы миньцзу яньцзюхуэй хуэйкань: [Офиц. бюл. О-ва по исслед. рус. национальности в АРВМ]. 2009. № 2. С. 6.
 30. *Кляус В. Л.* «Русская» деревня на карте этнотуристического маршрута в Маньчжурни // Новый истор. вестн. Журнал РГГУ. 2010. № 26 (4). URL: http://www.nivestnik.ru/2010_4/11_klyaus_8.shtml (дата обращения: 15.01.14).

Военное строительство

Военно-промышленный комплекс КНР на современном этапе

© 2016

П.Б. Каменнов

В статье анализируются проблемы развития военно-промышленного комплекса КНР. Рассматриваются направления деятельности по внедрению инноваций в эту сферу и интеграции военных и гражданских ресурсов, целью которой является достижение мировых стандартов качества выпускаемой военной техники.

Ключевые слова: военно-промышленные корпорации, модернизация, система лицензирования, информационные технологии, проблемы ВПК.

Развитие военно-промышленного комплекса рассматривается китайским руководством как важнейшая составная часть стратегии Китая в сфере военной безопасности, в которой превентивные меры политического, дипломатического и военного характера, направленные на создание благоприятных условий вокруг Китая, сочетаются с курсом на совершенствование качественных параметров оборонного потенциала на базе науки и передовых технологий¹.

На XVIII съезде КПК (ноябрь 2012 г.)² и в обновленной «Военной стратегии Китая» 2015 г.³ поставлена задача дальнейшего укрепления обороны и создания вооруженных сил, соответствующих возросшему международному статусу КНР и способных обеспечить интересы безопасности и развития страны в новых условиях. Модернизация обороны рассматривается в качестве важнейшей составной части модернизации страны. XVIII съезд КПК подтвердил установку на реализацию принятой в 2006 г. программы модернизации национальной обороны, включающей три этапа: до 2010 г. — создание фундаментальных основ преобразований, до 2020 г. — достижение общего прогресса по основным направлениям модернизации, до 2050 г. — достижение в основном стратегической цели создания современных вооруженных сил, способных успешно действовать в войнах с применением информационных технологий⁴.

В области военного строительства сохраняется приверженность стратегии «активной обороны», предполагающей создание мощной современной армии, способной осуществлять ядерное сдерживание, реагировать на внезапные изменения обстановки и вести как оборонительные так и наступательные боевые действия в условиях высокотехнологичной войны локального масштаба, а также при проведении антитеррористических

операций. Задачи вооруженных сил в пространственном измерении существенно расширены и включают не только защиту суверенитета и территориальной целостности страны по периметру границ, но также обеспечение безопасности на морях, в мировом океане, в воздушном, космическом и в электронном информационном пространствах. Все это ставит перед военно-промышленным комплексом Китая новые задачи по разработке и производству высокотехнологичных вооружений и военной техники.

Структура ВПК

Осуществленный в конце XX в. перевод китайского ВПК на корпоративную структуру в соединении с мерами по освоению современных информационных технологий и подготовке нового поколения ученых и специалистов, направлен на создание мощного научно-исследовательского и производственного потенциала, позволяющего обеспечить совершенствование качественных параметров национальной обороны и одновременно — присутствие Китая на мировом рынке вооружений в качестве экспортера. Наряду с этим, ВПК продолжает принимать активное участие в экономическом строительстве страны, выпуская разнообразную, в том числе высокотехнологичную, продукцию для гражданского сектора экономики.

Основу китайского ВПК ныне составляют 10 государственных военно-промышленных корпораций:

- 1) Ядерная корпорация Китая (China National Nuclear Corporation) (CNNC)⁵.
- 2) Ядерная инженерная и строительная корпорация Китая (China Nuclear Engineering and Construction Corporation) (CNECC)⁶.
- 3) Корпорация аэрокосмической науки и технологии Китая (China Aerospace Science and Technology Corporation) (CASTC)⁷.
- 4) Корпорация аэрокосмической науки и промышленности Китая (China Aerospace Science and Industry Corporation) (CASIC)⁸.
- 5) Корпорация авиационной промышленности Китая (Aviation Industry Corporation of China) (AVIC)⁹.
- 6) Государственная корпорация судостроения Китая (China State Shipbuilding Corporation) (CSSC)¹⁰.
- 7) Корпорация судостроительной промышленности Китая (China Shipbuilding Industry Corporation) (CSIC)¹¹.
- 8) Северная промышленная корпорация Китая (China North Industries Group Corporation) (CNGC)¹².
- 9) Южная промышленная корпорация Китая (China South Industries Group Corporation) (CSGC)¹³.
- 10) Корпорация электронных технологий Китая (China Electronics Technology Group Corporation) (CETC)¹⁴.

Данная структура является отражением характерной для экономики нынешнего Китая тенденции к созданию крупных современных предприятий корпоративного типа, открытых для китайского и иностранного капитала. Военно-промышленные корпорации имеют структуру, позволяющую осуществлять в полном объеме научные исследования, разработки, производство и реализацию *как военной, так и гражданской продукции*¹⁵. Так, Северная промышленная корпорация Китая, являющаяся монопольным поставщиком большинства видов вооружения и военной техники для Сухопутных войск НОАК, выпускает следующие виды продукции:

– военного назначения: танки, колесные и гусеничные БТР и специальные машины на их базе; системы ствольной и реактивной артиллерии; стрелковое оружие; боеприпасы; системы управления огнем; приборы ночного видения; средства связи; средства ПВО (зенитные артиллерийские системы, ЗРК); взрывчатые вещества;

– гражданского назначения: тяжелые грузовики; автобусы; мотоциклы; тяжелая специальная колесная и гусеничная техника (бульдозеры и карьерные самосвалы); химическая продукция; железнодорожная техника и оборудование; нефтепродукты.

Военно-промышленные корпорации представляют собой крупные компании-конгломераты с численностью персонала в десятки или сотни тысяч человек (например, по состоянию на первый квартал 2010 г. численность сотрудников Северной промышленной корпорации Китая (GNGC) составляла 285 тыс. человек) и сложной внутренней структурой, включающей более 100 дочерних предприятий, напрямую подчиненных головной компании. На сегодня для корпораций китайского ВПК характерным является большое количество непрофильных активов и преобладание объемов производства гражданской продукции над военной (в среднем соотношение в настоящее время составляет 70:30), а также — инвестирование в экономически эффективные отрасли гражданского сектора экономики, например, в туризм, производство предметов роскоши, торговлю нефтепродуктами и др.

Система управления деятельностью ВПК

Высшими органами управления военной промышленностью Китая являются Государственный совет КНР и Центральный военный совет (ЦВС) КНР. Решения о реализации крупных военно-технических программ, правила и распоряжения, касающиеся деятельности предприятий отрасли, а также разрешения на реализацию крупных сделок по экспорту продукции военного назначения из КНР, как правило, оформляются совместными решениями этих двух государственных органов.

В составе Госсовета КНР находятся структуры, непосредственно отвечающие как за экономические, так и за технологические аспекты развития ВПК Китая — Комиссия по надзору и управлению госимуществом при Госсовете КНР и Государственное управление по делам оборонной науки и техники и оборонной промышленности. В подчинении ЦВС КНР находится Главное управление вооружений НОАК — структура, отвечающая за выработку требований к вооружениям и военной технике (ВВТ), выдачу заказов промышленности, а также проведение оценки и войсковых испытаний закупаемого для НОАК вооружения¹⁶.

В Китае полагают, что происходящая в настоящее время мировая революция в военном деле, является продуктом перехода от эры индустриализации к эре информатизации и ведет к созданию качественно новой военной системы, которая характеризуется высокой степенью интеграции всех образующих ее компонентов, что в свою очередь влечет за собой глубокие изменения вооружения и военной техники, организационных структур, военных доктрин, боевой подготовки, тылового обеспечения. Как показал опыт вооруженных конфликтов в конце XX — начале XXI вв., современная война ведется в многомерном пространстве, включающем сушу, море, воздух, космос и электронную среду; темпы боевых действий возрастают, а продолжительность войны сокращается. Основным средством обеспечения боевых действий в эпоху информатизации становятся системы разведки и управления войсками и оружием, содержащие элементы космического базирования. Эти факторы оказывают непосредственное влияние на военное строительство, в котором важнейшая роль принадлежит ВПК.

В начале XXI в. развитие ВПК осуществляется в направлении создания инновационной системы науки и технологий, интегрирующей военные и гражданские научно-технологические ресурсы, включая фундаментальные научные исследования, НИ-ОКР, проектирование и производство военной и гражданской продукции с конечной целью создания эффективной структуры, позволяющей свободно использовать высокие технологии военного и гражданского назначения в интересах как оборонного, так и гражданского секторов¹⁷. Одной из мер в данном направлении стало объединение

функций управления промышленностью и информацией в рамках Госсовета КНР. С этой целью в 2008 г. создано Министерство промышленности и информатизации, которому, в частности, подчинено вновь сформированное Государственное управление оборонной науки, техники и промышленности (ГУОНТП) (одновременно свое существование прекратили соответствующие прежние структуры — Госкомитет оборонной науки, техники и промышленности, Министерство информатики и Канцелярия Госсовета по информатизации)¹⁸.

Экономические аспекты деятельности военно-промышленных корпораций находятся под контролем Комиссии по надзору и управлению государственными активами (State-owned Assets Supervision & Administration Commission (SASAC) Госсовета КНР¹⁹; военно-технические направления — в ведении ГУОНТП²⁰, функционирующего в структуре Министерства промышленности и информатизации Госсовета КНР. Основная задача ГУОНТП — координация деятельности промышленности и научных центров по выполнению поступающих от Главного управления вооружений НОАК заказов на проведение НИОКР и выпуск продукции военного назначения. ГУОНТП непосредственно распределяет работы по выполнению этих заказов между соответствующими предприятиями, используя в некоторых случаях конкурсные механизмы. Кроме того, данный орган осуществляет планирование развития ВПК, разрабатывает правовую базу деятельности входящих в его состав предприятий, контролирует соблюдение установленных стандартов, качество выпускаемой продукции, корректность представляемой статистики; отвечает за международные контакты, имеющие отношение к военной промышленности. Важным аспектом деятельности ГУОНТП является организация подготовки инженерных кадров для ВПК, в том числе — в ведущих китайских технических вузах.

Помимо ГУОНТП в структуре Министерства промышленности и информатизации имеется еще одно подразделение, имеющее отношение к управлению деятельностью ВПК. Это — Департамент продвижения интеграции военных и гражданских программ, отвечающий за работу по передаче научно-технических достижений ВПК в гражданскую промышленность и использование в военной и гражданских сферах единых технических стандартов (там, где это возможно)²¹.

С целью расширения технологической и производственной базы ВПК в структурном отношении преобразуется в новую систему оборонной науки, технологий и промышленности, в центре которой ядро ВПК (военно-промышленные корпорации), имеющие обширные научные и производственные связи с учреждениями и предприятиями гражданского сектора. Последовательно осуществляется процесс преобразования государственных оборонных предприятий и учреждений в предприятия, основанные на смешанном капитале различных форм собственности при сохранении контрольного пакета акций в руках государства.

Согласно Закону КНР о национальной обороне 1997 г. (ст. 29–32, 35–36) единое руководство и управление оборонными НИОКР и производством, а также финансирование оборонного строительства путем финансовых ассигнований осуществляет государство²². Наряду с этим предпринимаются меры, направленные на расширение и диверсификацию источников финансирования ВПК. В этой связи издан «Каталог направлений для инвестиций из гражданского сектора в военно-промышленный комплекс». Получает развитие система стимулирования предприятий и учреждений ВПК, а также высших учебных заведений, к инновационной деятельности в оборонном секторе с широким использованием электронной техники и современных информационных технологий²³.

Наряду с этим осуществлены меры по разработке и вводу в действие системы лицензирования НИОКР и производства вооружений и военной техники (ВВТ). В 2008 г. Госсоветом и Центральным военным советом КНР принято «Положение об администрации, осуществляющей лицензирование НИОКР и производство ВВТ», а в 2010 г. Министерством промышленности и информационных технологий и Главным управлением

вооружений НОАК издан совместный документ «О мерах по лицензированию научных исследований и производства оборонного значения», направленный на регулирование участия различных экономических организаций гражданского сектора в научных исследованиях и производстве военной техники. Гражданские предприятия и учреждения, имеющие лицензии на проведение научных исследований и производство военной продукции, ныне составляют две трети от общего числа предприятий занятых в данной сфере. Эти процессы сопровождаются мерами по защите прав на интеллектуальную собственность в области технологий и производства, имеющих оборонное значение²⁴.

Общая характеристика деятельности ВПК

Нынешний этап в деятельности ВПК характеризуется активным освоением новейших методов проектирования и разработки военной техники с использованием электронных систем, модульного принципа, стандартизации. Быстрыми темпами совершенствуется экспериментальная база, а также системы контроля качества как отдельных деталей и узлов вооружений и военной техники, так и сборки изделия в целом, что позволяет существенно повысить качество выпускаемой продукции²⁵. Общей тенденцией развития структуры ВПК является внутренняя реструктуризация военно-промышленных корпораций с объединением активов в дочерние холдинговые компании (их может быть от 6 до 30 в составе одной корпорации) и попытки вывести эти холдинговые компании на фондовые рынки материкового Китая и Гонконга. При этом особенности китайского рынка ценных бумаг, предполагающего деление акций китайских компаний на несколько типов, доступных либо иностранным, либо китайским покупателям, позволяют исключить переход контроля над любым предприятием ВПК в руки иностранцев.

Ныне Китай реализует программы производства вооружений и военной техники во всех секторах военно-промышленного комплекса. Однако многие программы находятся в зависимости от поставок из-за рубежа важнейших компонентов, таких как авиационные и танковые двигатели, судовые силовые установки; электронные приборы и устройства, микропроцессоры; системы управления и контроля производственных процессов; высокоточные металлорежущие станки, диагностическое оборудование; электронные системы проектирования, конструирования, а также непосредственно сопряженные с производством²⁶.

Атомная промышленность, основу которой составляют Ядерная корпорация Китая (CNNC) и Ядерная инженерная и строительная корпорация Китая (CNECC) насчитывает 24 основных предприятия, в том числе газодиффузионные заводы по обогащению урана-235, ядерные реакторы по производству плутония-239, заводы по выпуску ядерных боеприпасов. В настоящее время основные усилия отрасли направлены на создание новых типов малогабаритных ядерных зарядов с пониженной мощностью. Для ядерного оружия стратегического назначения мощность заряда снижается с 1–4 Мт до 250–650 кт, а для оперативно-тактического и тактического указанные показатели составят 90–100 и 25 кт соответственно.

Отрасль активно участвует в экономическом строительстве, следуя курсом «использовать атом во всех сферах хозяйствования» и добившись при этом высокой степени хозяйственной самостоятельности. К числу основных направлений деятельности отрасли относятся строительство атомных электростанций, широкое развитие техники изотопов и другой ядерной техники. В 2010 г. успешно прошел испытания (выведен в критическое состояние) первый в Китае реактор на быстрых нейтронах, разработанный Институтом атомной энергии Китая. По оценке специалистов Китайской национальной ядерной корпорации (CNNC), тем самым совершен серьезный прорыв в разработке ядерных систем четвертого поколения, позволяющих повысить коэффициент использования урановых ресурсов на 60% и более и, вместе с тем, значительно уменьшить отходы ядер-

ных силовых установок. Китай стал восьмой ядерной державой в мире после США, Великобритании, Франции и других стран, владеющей этими технологиями²⁷.

Ракетно-космическая промышленность — Корпорация аэрокосмической науки и технологии Китая (CASTC) и Корпорация аэрокосмической науки и промышленности Китая (CASIC) — располагает достаточно крупной научно-исследовательской и производственной базой, насчитывающей 12 основных сборочных предприятий. Достигнутый уровень развития отрасли характеризуется налаженным серийным производством ракетного оружия всех классов и назначений, включая МБР; оперативно-тактических и тактических ракет; крылатых ракет наземного, корабельного и воздушного базирования; авиационных ракет класса «воздух-воздух»; зенитных ракетных комплексов малой, средней и большой дальности; противотанковых управляемых ракет.

В настоящее время основные усилия отрасли направляются на создание ракетного оружия нового поколения: твердотопливных стратегических ракет, включая МБР, оперативно-тактических и тактических баллистических ракет, зенитных управляемых ракет различной дальности, крылатых ракет, а также на модернизацию существующих образцов ракетной техники.

Из основных направлений деятельности отрасли можно выделить следующее:

1) продолжается серийное производство твердотопливной МБР «Дунфэн-31А» с дальностью стрельбы 11200 км²⁸;

2) создан научно-технический задел в разработке новой мобильной твердотопливной МБР «Дунфэн-41» (DF-41) с дальностью 12000–14000 км. Ракета будет иметь боевой блок с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧИН) в ядерном оснащении и снабжаться комплексом средств преодоления ПРО. Способ базирования ракеты — подвижный грунтовой и железнодорожный²⁹;

3) ведется разработка противокорабельной баллистической ракеты «Дунфэн-21D» (CSS-5 мод. 5), основанной на одной из версий баллистической ракеты средней дальности «Дунфэн-21» (CSS-5); ракета «Дунфэн-21D» предназначена для уничтожения крупных надводных кораблей, в первую очередь авианосцев; имеет дальность стрельбы 1500 км и маневрирующую головную часть³⁰;

4) начато производство высокоточных крылатых ракет CJ-10 класса «земля—земля» и противокорабельных ракет YJ-62 классов «берег—корабль» и «корабль—корабль»³¹.

5) в январе 2013 г. Китай осуществил второе по счету (с 11 января 2010 г.) испытание противоракеты, что следует рассматривать как новый шаг в направлении создания китайской системы ПРО. Запуск противоракеты, в ходе которого был осуществлен перехват баллистической ракеты средней дальности, признан успешным³².

В области военного освоения космоса Китай осуществляет меры по созданию систем разведки, командования, управления, связи, наблюдения и рекогносцировки с элементами космического базирования. Кроме того, на основе изучения опыта операций коалиционных сил в Косово, Афганистане и Ираке, Китай пришел к выводу о необходимости создания и оперативного развертывания в космосе противоспутниковых систем.

В целях мирного освоения космоса в отрасли сформирована и действует разветвленная система научных исследований, разработки, испытаний и производства космической техники, позволяющая осуществлять запуски ИСЗ различных типов, а также пилотируемых космических аппаратов; для их обеспечения развернута система телеметрии и управления, включающая наземные станции на территории страны и морские суда, действующие в мировом океане. Созданы и эффективно действуют в интересах экономики и общества спутниковые системы, а также система научных исследований космического пространства³³. Среди достижений Китая в данной области в последние годы можно отметить следующее:

1) в июне 2012 г. осуществлена стыковка пилотируемого космического корабля «Шэньчжоу 9» («Волшебный челн») с орбитальной станцией «Тяньгун-1» («Небесный дворец»);

2) в декабре 2013 г. осуществлен запуск на Луну китайского лунохода «Нефритовый заяц», который передал на Землю первые цветные фотоснимки лунного грунта. Китай стал третьей страной в мире после США и Советского Союза, осуществившей подобный эксперимент;

3) к 2020 г. Китай планирует завершить создание спутниковой навигационной системы «Бэйдоу» второго поколения, включающей 30 спутников китайского производства; в 2011–2015 гг. будут выведены на орбиту от 12 до 14 спутников. Предполагается, что к 2020 г. система охватит весь земной шар³⁴.

Космическая отрасль находится в ведении Национального космического агентства Китая и тесно связана с НОАК, осуществляющей контроль за всеми пусками ракет-носителей и основными спутниками Земли (ИСЗ). Эти функции осуществляются подразделениями Главного управления вооружений НОАК через сеть наземных станций слежения. В настоящее время в Китае имеется три космических центра — Цзюцюань (пров. Ганьсу), Сичан (пров. Сычуань) и Тайюань (пров. Шаньси). В стадии строительства и модернизации находится четвертый космический центр, расположенный на о. Хайнань (пров. Хайнань)³⁵.

Авиационная промышленность представлена Корпорацией авиационной промышленности Китая (AVIC) и рассматривается руководством КНР в качестве основной отрасли, способной воспринимать новаторские идеи в научно-технической и технологической областях. Структурно корпорация состоит из 14 департаментов и десяти подразделений по направлениям производственной деятельности (выпуск военной авиационной продукции, самолетов транспортной авиации, вертолетной техники, двигателестроения, бортовых систем и оборудования, авиационной техники общего назначения, научно-исследовательское, летных испытаний, торгово-экономической деятельности, управления активами).

Основу отрасли составляют 9 предприятий по производству авиатехники: Шэньянская, Чэндусская, Сианьская, Шанхайская авиационно-промышленные корпорации; Китайская национальная авиационно-промышленная корпорация «Гуйчжоу»; авиационно-промышленная группа «Хун-ду»; Харбинская авиационно-промышленная компания; авиационно-промышленные компании «Чанхэ» и «Ханьчжун».

При создании AVIC активно анализировался и использовался опыт консолидации американских предприятий авиационно-космической отрасли (например, слияние в 1996 г. компаний «Боинг» (Boeing) и «Макдоннел Дуглас» (McDonnell Douglas) в компанию «Боинг» (Boeing Company), а также слияние российских предприятий в рамках Объединенной авиастроительной корпорации (ОАК). Деятельность корпорации AVIC охватывает 10 секторов производства, включая выпуск истребителей «Цзянь-10» (J-10), F-11В, FC-1, «Цзяньхун-7» (JH-7), «Цзянь-8» (J-8), бомбардировщиков «Хун-6» (H-6); производство авиационных двигателей, бортовых систем вооружения, военных и гражданских вертолетов (в том числе боевых и транспортных).

Можно выделить следующие направления деятельности отрасли:

– работы по созданию истребителей пятого поколения «Цзянь-20» (J-20) и «Цзянь-31» (J-31) с использованием технологии «стелс», военно-транспортного самолета «Юнь-20» (Y-20), беспилотных летательных аппаратов, лазерного оружия и других систем вооружения; осуществляется модернизация бомбардировщика «Хун-6» (H-6), самолет новой модификации будет иметь увеличенный боевой радиус и оснащаться крылатыми ракетами повышенной дальности. Ведется разработка воздушных систем дальнего радиолокационного обнаружения и управления авиацией (ДРЛО и У), создаваемых на базе самолетов «Юнь-8» (Y-8 MOTH) и «Ил-76» (KJ-2000) по типу американской системы AWACS³⁶;

– в ноябре 2012 г. проведен испытательный полет истребителя «Цзянь-31» (J-31)³⁷;

– в 2013 г. проведен тестовый полет первого китайского тяжелого военно-транспортного самолета «Юнь-20» (Y-20). Новый самолет предназначен для работы в условиях как обычных, так и экстренных ситуаций (стихийные бедствия, доставка гуманитарной помощи и т.п.)³⁸;

– в марте 2014 г. проведен испытательный полет истребителя «Цзянь-20» (J-20)³⁹.

Одной из приоритетных сфер экономического строительства является гражданское авиастроение, имеющее целью достижение Китаем к 2020–2030 гг. статуса одной из ведущих авиационных держав мира. В числе мер, осуществляемых в этой связи — принятие планов и программ, которыми, наряду с модернизацией отрасли, предусматривается обеспечение тесной интеграции гражданского и военного секторов производства. Данный сектор, имеющий важные связи с авиационными фирмами развитых стран, существенно повысил свой научный и технологический потенциал и играет роль локомотива отрасли в целом, в том числе ее военного сектора. Главная роль в гражданском авиастроении Китая принадлежит Авиационной коммерческой корпорации Китая (COMAC), которая является разработчиком и производителем гражданских самолетов и, как предполагается, — будущим конкурентом ведущих мировых авиастроительных корпораций «Эйрбас» (Airbus) и «Боинг». В качестве первого шага в данном направлении завершена разработка среднемагистрального авиалайнера АКJ2 на 70–110 пассажиров; второй шаг — разработка авиалайнера С-919 на 150 пассажиров, первый испытательный полет которого намечался на конец 2014 г.; третий шаг — разработка к 2020 г. широкофюзеляжного лайнера⁴⁰. В конструкции самолета С-919 предполагается использование новейших композитных материалов, доля которых в фюзеляже составит 20%, что выше аналогичного показателя самолетов «Боинг-737» и «А-320»⁴¹.

Следует отметить, что в руководстве COMAC преобладают бывшие сотрудники китайского ВПК, а значительная часть акций компании принадлежит военно-промышленной корпорации AVIC; тем самым созданы благоприятные условия для перетекания мировых авиационных технологий из гражданского сектора в военный.

Рост технологического потенциала Китая привел к созданию в 2009 г. компании China Aviation Industry Helicopter Co. Ltd (CAIHС), которая специализируется на производстве вертолетов китайской разработки. В настоящее время в Китае имеются три фирмы-производителя вертолетов: CAIHС, Harbin Aircraft Industrial Group, Changhe Aircraft Industries Group. В июле 2009 г. Китай объявил о создании транспортного вертолета АС313 грузоподъемностью 13 т собственной разработки, соответствующего международным стандартам.

Современный уровень развития авиационной промышленности, а также состояние ее производственного и научно-технического потенциала не удовлетворяют военнополитическое руководство страны. Создание более совершенных образцов авиационной техники сдерживается отставанием КНР в области разработки и производства авиационных двигателей, навигационного, связного и радиолокационного оборудования, систем управления огнем, а также новых высокотехнологичных конструкционных материалов.

Относительные успехи Китая в производстве авиационных двигателей заключаются в освоении технологий их проектирования по иностранным лицензиям, а также — в доведении удельного веса китайских деталей и технологий в них с 70–75% до более, чем 90%. В итоге КНР стала пятой в мире после США, России, Англии и Франции страной-производителем авиационных двигателей. Вместе с тем, ряд областей разработки и производства авиационной техники требует продолжения усилий, направленных на повышение научно-технического и технологического потенциала отрасли⁴².

Промышленность вооружений включает Северную промышленную корпорацию Китая (CNGC) и Южную промышленную корпорацию Китая (CSGC) и в основном производит вооружение и военную технику для оснащения Сухопутных войск НОАК.

Промышленность по производству танков и боевых бронированных машин представлена 15 производственными предприятиями и научно-исследовательскими учреждениями, в том числе тремя заводами по производству основных боевых танков, одним — легких танков, БМП и гусеничных БТР, одним — колесных БТР, пятью — по производству двигателей, четырьмя — по ремонту бронетанковой техники, а также крупным научно-исследовательским институтом в г. Датун (пров. Шаньси).

В 1980–1990-е годы основные усилия были сосредоточены на приобретении передовых зарубежных технологий, обеспечивающих создание перспективных образцов БМП, БТР и легкого танка. Были активизированы и собственные НИОКР.

В настоящее время выпускаются основные боевые танки (ОБТ) Тип-85 (Тип-96), Тип-99 (Тип-90III), гусеничная ходовая часть для САУ калибров 122 и 155-мм, гусеничные и колесные БТР и БМП, зенитные самоходные установки. По тактико-техническим характеристикам выпускаемая бронетанковая техника близка к зарубежным образцам второго поколения.

Промышленность по производству артиллерийского и стрелкового вооружений не только удовлетворяет потребности НОАК, но и в значительной степени обеспечивает экспортные поставки артвооружения и стрелкового оружия. В 1980–1990-е гг. производственная и научно-исследовательская база отрасли была модернизирована с использованием научно-технических и технологических достижений США и ведущих стран Европы. В результате Китай получил возможность выпускать все современные виды артиллерийских и стрелковых систем оружия, а также РСЗО. Отрасль включает 20 основных сборочных предприятий по производству вооружения, в том числе: самоходных и буксируемых орудий полевой артиллерии, реактивных систем залпового огня, минометов, зенитных и противотанковых орудий, гранатометов и различного стрелкового вооружения. Основными типами выпускаемых буксируемых артиллерийских систем являются пушки-гаубицы: 155-мм WA-021, 152-мм Тип-83 и 130-мм Тип-59-1.

Промышленность боеприпасов насчитывает более 200 предприятий, в том числе механических заводов, предприятий по производству порохов и твердого ракетного топлива, взрывчатых веществ, взрывателей и средств инициирования, снаряжательных заводов.

Наряду с успехами в промышленности вооружений до настоящего времени по отдельным направлениям сохраняется техническая отсталость и зависимость от импорта отдельных технологически сложных узлов и агрегатов. Поэтому в перспективе основными направлениями реформирования отрасли останутся освоение современных технологий и переоснащение ведущих предприятий современным производственным оборудованием.

Судостроительной промышленностью, основу которой составляют Государственная корпорация судостроения Китая (CSSC) и Корпорация судостроительной промышленности Китая (CSIC), накоплен опыт строительства атомных ракетных подводных лодок и надводных боевых кораблей основных классов за исключением авианосцев и крейсеров. Показателем уровня развития отрасли явились модернизация и ввод в состав ВМС НОАК в сентябре 2012 г. учебного авианосца «Ляонин» (закупленного на Украине тяжелого авианесущего крейсера «Варяг»). Среди основных направлений военного кораблестроения можно выделить следующие⁴³:

– строительство стратегических атомных ракетных подводных лодок проекта 094, БРПЛ «Цзюйлан-2» (JL-2) с дальностью 7400 км; многоцелевых атомных подводных лодок типа «Шан» (проект 093), вооруженных торпедами; дизель-электрических подводных лодок типа «Сун» (проект 039), оснащенных противокорабельными крылатыми ракетами (ПКР), и типа «Юань» (проект 039А), предположительно оснащенных воз-духонезависимой энергетической установкой (ВНЭУ);

– строительство надводных кораблей различных классов и назначений с улучшенными тактико-техническими характеристиками, наиболее крупными из них являют-

ся фрегаты УРО проектов 052С и 052Д, оснащенные противокорабельными крылатыми ракетами (ПКР);

– в стадии разработки находится многоцелевая подводная лодка проекта 095, вооруженная ПКР.

В контексте реализации установки XVIII съезда КПК на превращение Китая в морскую державу в феврале 2013 г. правительство КНР утвердило программу создания надводных кораблей с атомной силовой установкой, в первую очередь авианесущих. В рамках программы развития высоких (научеёмких) технологий «863» планируется разработать компактный ядерный реактор нового поколения, который в перспективе планируется использовать на авианосцах, стратегических подводных лодках, эскадренных миноносцах, а также на грузовых судах. Принята программа строительства авианосцев, которая будет реализована в два этапа. На первом этапе планируется построить четыре авианесущих корабля с обычной силовой установкой, половина из которых будет передана ВМС в 2015–2016 гг.; к 2020 г. планируется на основе этих кораблей сформировать авианосные группы. Второй этап (после 2020 г.) предполагает строительство двух авианосцев водоизмещением 65 тыс. т с атомной силовой установкой⁴⁴. Одновременно ведутся работы по созданию китайского палубного истребителя «Цзянь-15» (J-15) на базе проекта самолета «Цзянь-11В» (J-11В)⁴⁵.

Выпускаемые в КНР гражданские суда по своим характеристикам приближаются к мировым стандартам качества. Однако многие используемые в них компоненты иностранного производства. Продолжается переоснащение предприятий современным оборудованием и внедрение в процесс производства передовых зарубежных технологий. Но несмотря на значительные достижения последнего времени отрасль отстает от некоторых конкурирующих иностранных судостроительных предприятий в таких сферах, как проектирование, производственные технологии, эффективность управления производственными процессами. Многие современные суда, строящиеся на китайских верфях, проектируются зарубежными компаниями.

В процессе модернизации судостроительной отрасли осуществлены закупки за рубежом современного комплектного оборудования и проведена техническая реконструкция крупнейших судостроительных заводов в Цзяннань, Пудун, Далянь и других, что позволило существенно повысить производственные мощности отрасли и ее конкурентоспособность на внешнем рынке. С 2006 г. в Китае реализуется «Программа среднего- и долгосрочного развития судостроительной промышленности (на 2006–2015 гг.)», которой, в частности, предусмотрено создание трех новых судостроительных баз на побережье Бохайского залива, а также в устьях рек Янцзыцзян и Чжуцзян. Производственные возможности отрасли по выпуску судов к 2015 г. возрастут до 28 млн т⁴⁶. В 2013 г. по выпуску и экспорту судов Китай вышел на первое место в мире⁴⁷.

Для подъема технологического уровня отрасли Китай активно использует международные связи. Так, в сотрудничестве с фирмой «Кавасаки» (Япония) освоено производство судовых дизелей с единичной мощностью до 50 тыс. л.с. В 2015 г. Пекин намерен выйти в лидеры по количеству зарубежных заказов на суда с показателем 35% общего количества мировых заказов. Этому способствуют сравнительно невысокие цены на выполнение заказов, которые на 25–40% ниже европейских⁴⁸.

В электронной отрасли, основу которой составляет Корпорация электронных технологий Китая (СЕТС), сформирован мощный научно-исследовательский и производственный комплекс, осуществляющий разработку и выпуск электронной техники и технологий военного и гражданского назначения, а также — элементной базы и средств программного обеспечения. Кроме корпорации, отдельные программы, имеющие военное значение, выполняют и чисто гражданские радиоэлектронные предприятия, не входящие в ВПК. Подъему отрасли способствует активное привлечение иностранного капи-

тала и передовых зарубежных технологий гражданского назначения, ускоренно внедряемых в производство.

В связи с реализацией курса на информатизацию и компьютеризацию НОАК быстрыми темпами расширяется производство электронной аппаратуры и различных систем военного назначения, включая бортовые системы управления ракет, наземные контрольно-измерительные комплексы, автоматизированные системы управления войсками и оружием тактического и оперативного звеньев, а также универсальные ЭВМ. Большинство этой продукции — китайской разработки, основанной на импортной зарубежной технике. Наряду с аппаратурой связи и навигационной техникой расширяется производство аппаратуры космической связи, включая приемопередающие устройства для систем телеметрии и слежения за искусственными спутниками Земли, а также для систем контроля и навигации пилотируемых космических аппаратов.

Входящая в структуру СЕТС корпорация СЕТС International выпускает широкий ассортимент электронной продукции, в том числе военного назначения: системы управления и контроля, радиотехнические средства, системы электронной разведки, средства ведения электронной войны, системы связи, системы антитеррористической борьбы и обеспечения общественной безопасности; системы наблюдения, электронные системы проектирования. Корпорация China Electronics Corporation, также входящая в состав СЕТС и выпускающая военную и гражданскую продукцию, производит электронные компоненты систем противовоздушной обороны, систем береговой обороны и сухопутных войск НОАК⁴⁹. Сфера деятельности корпорации включает решение проблем интеграции электронных информационных систем, выпуск электронной продукции военного и гражданского назначения.

Помимо создания собственных процессоров и вычислительных средств, на их базе в Китае активно ведутся работы по созданию собственной операционной системы (ОС), не подверженной внешним кибератакам. Завершена разработка и начато развертывание собственной ОС «Килинь», в которой предусмотрена защита ключевых государственных серверов и компьютеров от нападений извне⁵⁰.

Применение высокоскоростных суперкомпьютеров в сочетании с высокопроизводительными персональными машинами при наличии развитого специализированного программного обеспечения позволили Китаю в значительной степени сократить сроки проектирования, освоения производства, проведения испытаний и ввода в эксплуатацию новых образцов высокотехнологичной техники как военного, так и гражданского назначения. Возрастающие возможности в области информационных технологий дают возможность создавать информационные системы различного назначения (типов TD-SCDMA; GoTa; WAPI (WLAN Authentication and Privacy Infrastructure; AVS и другие), а также робототехнику. Часть выпускаемой Китаем продукции по своим характеристикам соответствует мировым стандартам качества⁵¹.

В последние годы Китай занял место в ряде стран, способных выпускать персональные компьютеры нового поколения и суперкомпьютеры научного и производственного назначения. С вводом в эксплуатацию в сентябре 2012 г. суперкомпьютера мощностью 1,07 петафлопс на базе суперпроцессора китайской разработки «Шэньвэй» в Национальном суперкомпьютерном центре в пров. Цзинань Китай присоединился к компьютерному клубу таких производителей суперпроцессоров, как США и Япония. В 2013 г. компьютер «Тяньхэ-2», разработанный сотрудниками Оборонного научно-технического университета НОАК и компанией Inspur, был признан наиболее мощным суперкомпьютером в мире⁵².

Недостатком отрасли следует считать ограниченные возможности по разработке собственных радиоэлектронных систем военного назначения, отвечающих современным требованиям. В связи с этим важнейшей задачей, стоящей перед отраслью на современном этапе, является модернизация научно-исследовательской и экспериментальной базы.

Анализ приведенных данных позволяет прийти к заключению о том, что в военно-технической области Китая стремится к достижению самодостаточности в обеспечении вооружениями и военной техникой и в последние годы добился на этом пути огромного прогресса. Вместе с тем, в области повышения качества выпускаемой военной продукции китайский ВПК продолжает испытывать серьезные проблемы, вызванные нехваткой высококвалифицированных специалистов, сохраняющимися издержками бюрократизированной системы управления. Из других проблем можно выделить технологическую отсталость в ряде областей, например в таких, как авионавтика, авиационные и судовые двигатели, компьютерная техника, датчики и сенсорные устройства, новые материалы, интеграция различных систем, входящих в тот или иной комплекс вооружения и др.⁵³ Так, создание современных образцов военной авиационной техники сдерживается отставанием в области разработки и производства авиационных двигателей, навигационного, связного и радиолокационного оборудования, систем управления оружием, а также новых конструкционных материалов⁵⁴. Это ведет к затягиванию сроков достижения мировых стандартов качества выпускаемой военной техники и вооружения.

Косвенным свидетельством наличия этих проблем является то, что в китайском импорте авиационных двигателей из России после спада в 2005–2011 гг., связанного с попытками (безуспешными. — *Прим. авт.*) наладить их производство своими силами, в последние годы отмечено возобновление тенденции к закупкам крупных партий российской авиатехники; в 2011–2012 гг. закуплено: 140 двигателей АЛ-31ФН для истребителя «Цзянь-10» (J-10), 100 двигателей РД-93 для истребителя FC-1, 184 двигателя Д-30КП-2 для военно-транспортных самолетов Ил-76 и модернизированных бомбардировщиков «Хун-6» (H-6) и «Хун-6К» (H-6К); в начале 2013 г. достигнуто соглашение о закупке 24 российских истребителей Су-35 с поставкой в 2015–2016 гг.⁵⁵

Согласно докладу «РЭНД-Корпорэйшн» Конгрессу США о результатах исследования китайского оборонного комплекса, ВПК КНР несмотря на достижения последних лет, все же испытывает серьезные проблемы, среди которых — монополизм и отсутствие конкуренции, задержки с исполнением заказов, завышенные стоимости и низкий контроль качества выпускаемой продукции, устаревшая система принятия новых образцов на вооружение, ограниченный доступ к внешним источникам технологий и экспертных данных⁵⁶.

К 2010 г. китайский ВПК в целом успешно завершил мероприятия организационного характера в рамках первого этапа перспективной стратегии модернизации оборонного потенциала и ныне реализует второй этап (2011–2020 гг.), содержанием которого является достижение прогресса по основным направлениям модернизации и приближение к мировым стандартам качества выпускаемой военной техники. Для получения доступа к современным технологиям двойного (военного и гражданского) назначения Китай активно и с успехом использует заинтересованность иностранных компаний в сохранении своих позиций в стране, что в условиях острой конкурентной борьбы вынуждает их проводить «политику закрепления», которая включает расширение и углубление сотрудничества с китайскими партнерами в исследовательской и производственной сферах, использование изготовленной на территории КНР продукции, организацию совместных предприятий, увеличение выпуска продукции, ориентированной на экспорт, повышение квалификации местного персонала.

Главными задачами китайского ВПК на 12-ю пятилетку (2011–2015 гг.) были определены: обеспечение роста производства военной и гражданской продукции на 15% и выше; модернизация технологической и производственной базы, удовлетворение потребностей системы научных разработок и производства вооружений и военной техники; повышение потенциала обеспечения армии вооружениями и военной техникой, конкурентоспособности в условиях рынка; всестороннее совершенствование форм интеграции военного и гражданского производства; развитие международного сотрудничества; повы-

шение квалификации научного, инженерного и технического персонала и комплексной мощи ВПК⁵⁷. Среди принятых программных документов в данной сфере — «12-й пятилетний план развития оборонной промышленности», подготовленный Управлением оборонной науки, техники и промышленности Министерства промышленности и информатизации Госсовета КНР и вступивший в силу в 2011 г.⁵⁸

Реальные достижения ВПК к концу 12-й пятилетки (2015 г.) в целом свидетельствуют о значительном прогрессе в выполнении программы модернизации национальной обороны и вооруженных сил Китая, принятой в 2006 г. В их числе:

– создание второго по счету (после «Цзянь»-20) истребителя пятого поколения «Цзянь»-31 (J-31), который был продемонстрирован на авиашоу в ноябре 2014 г. в Чжухае (пров. Гуандун, КНР);

– на вооружение ВВС и ВМС НОАК поступил ряд новых более совершенных самолетов, позволяющих существенно повысить возможности НОАК по обработке и анализу информации, а также по ведению электронной войны; в их числе — самолет дальнего радиолокационного обнаружения и управления KJ-500, морской патрульный самолет Y-8J, самолет электронной разведки Y-8GX8;

– на вооружение «второй артиллерии», де-факто являющейся стратегическими ракетными войсками НОАК, поступили новые образцы ракетного оружия: крылатые ракеты CJ-10A; ракеты малой дальности DF-16; противокорабельные баллистические ракеты «Дунфэн»-21Д (DF-21D); ракеты «Дунфэн»-26 (DF-26);

– на вооружение сухопутных войск НОАК поступили основные боевые танки Туре-99А, боевые машины пехоты ZBD-04А, противотанковые ракеты HJ-10, самоходные гаубицы PLZ-05А, вертолеты огневой поддержки WZ-10⁵⁹.

Достигнутые успехи в соединении с реализацией государственных программ, направленных на превращение Китая к 2020 г. в мировую инновационную державу — «Основные положения государственной реформы системы образования (2010–2020 гг.)», «Основные положения государственного плана средне- и долгосрочного развития в области науки и техники на 2006–2020 гг.» и «Основные положения государственной средне- и долгосрочной программы развития талантов (2010–2020 гг.)⁶⁰ дают основание полагать, что в обозримой перспективе научно-технический и технологический потенциал страны в целом и ВПК в первую очередь, существенно возрастет.

Важным фактором, способствующим прогрессу китайского ВПК, является опережающее (по сравнению с темпами экономического роста, составляющими в последние годы 7–8%), увеличение финансирования расходов на оборону и на НИОКР. Так, в 2014 г. бюджетные военные ассигнования Китая были увеличены по сравнению с 2013 г. на 10,2% и определены в 132 млрд долл.⁶¹ (при этом реальные военные расходы Китая составили 216 млрд долл., что означает выход Китая по данному показателю на второе место в мире после США (610 млрд долл.)⁶². Расходы Китая на НИОКР за тот же период достигли 211 млрд долл., при этом большая их часть — 76% была профинансирована частным сектором экономики⁶³. Вместе с тем, с учетом ряда нерешенных проблем, отмеченных выше, достижение Китаем мировых стандартов качества выпускаемой военной техники, по нашей оценке, будет сопряжено с сохраняющейся зависимостью от импорта наиболее важных технологий и комплектующих высокотехнологичных компонентов.

1. Жэньминь жибао. 2002.18 нояб.

2. URL: http://china.caixin.com/2012-11-08/100458021_all.html#page6.

3. China Daily. 2015. 27 May.

4. Белая книга «Национальная оборона Китая. 2006». URL: <http://www.china.org.cn/english/features/book/194485.htm>.

5. URL: <http://www.nti.org/db/china/cnnc.htm> 2009–10–30.
6. URL: <http://www.cnecc.com/g630.aspx>.
7. URL: <http://acronyms.thefreedictionary.com/China+Aerospace+Science+and+Technology+Corporation>.
8. URL: <http://english.casic.cn/n189298/n189314/c190583/content.html>.
9. URL: <http://www.defensenews.com/article/20130721/DEFFEAT07/307210012/>.
10. URL: <http://www.cssc.net.cn/>.
11. URL: <http://www.csic.com.cn/en/>.
12. URL: <http://en.norincogroup.com.cn/>.
13. URL: [http://www.acronymfinder.com/China-South-Industries-Group-Corporation-\(Beijing,-China\)-\(CSIGC\).html](http://www.acronymfinder.com/China-South-Industries-Group-Corporation-(Beijing,-China)-(CSIGC).html).
14. URL: <http://www.china-defense-mashup.com/defense-manufacturers-data/china-electronics-technology-group-cetc>.
15. Известия Госсовета КНР. 2000. № 6.
16. *Барабанов М.С., Кащин В.Б., Макиенко К.В.* Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР / Центр анализа стратегий и технологий; Рос. ин-т стратегических исслед. М., 2013. С. 12–14, 26–27.
17. Annual Report to Congress on the Military Power of the People's Republic of China 2005 / Department of Defense, USA. P.18. URL: [http://defenselink.mil/news/Jul 2005/d20050719china](http://defenselink.mil/news/Jul%202005/d20050719china).
18. «Жэньминь жибао» он-лайн. 2008. 30 июля.
19. *Кащин В.* Авиационная промышленность КНР переживает период радикального реформирования // Экспорт вооружений. 2010. № 3 (83).
20. URL: http://www.uschina.org/public/china/govstructure/govstructure_part5/12.html.
21. *Барабанов М.С., Кащин В.Б., Макиенко К.В.* Указ. соч. С. 16–17.
22. Жэньминь жибао. 1997. 19 марта.
23. China's National Defense 2010; URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-03/31.content_22263774.htm.
24. Ibid.
25. China's National Defense 2008; URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/node_7060059.htm.
26. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2015. URL: <http://www.defense.gov/>.
27. Жэньминь жибао. 2010. 24 июля.
28. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2015. URL: <http://www.defense.gov/>.
29. Ibid.
30. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2014. URL: <http://www.defense.gov/>.
31. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2012. P. 6–10; 21–25. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2012/2012-prc-military-security-01.htm>.
32. Синьхуа. .2013. 28 янв.
33. Гуанмин жибао. 2000. 23 нояб.
34. Утро Востока. 2011. 5 марта.
35. East Asian Strategic Review. 2008. P. 24.
36. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. 2012. P. 6–10; 21–25. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2012/2012-prc-military-security-01.htm>.
37. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=PZ2DjSOW0D4>.
38. URL: <http://ru.gbtimes.com/fokus/11-nauchnyh-dostizheniy-kitaya-v-2013-godu>.
39. URL: <http://www3.vz.ru/news/2014/3/1/674998.html>.
40. Гоцзи сяньшуй даобао. 2009. 9 июня.
41. URL: http://www.strategycenter.net/printVersion/print_pub.asp?pubID=219.
42. China Unveils Plan for Developing Defense Technologies // Синьхуа. 25.05.2006.
43. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2014. URL: <http://www.defense.gov/>.
44. URL: <http://m.lenta.ru/news/2013/02/22/nuclear>.

45. Асахи Симбун. 2010. 17 дек.
46. Чжунго гунъехуа баогао 2009: [Доклад об индустриализации Китая 2009]. Пекин: Шэхуэй кэ-сюэ вэньчжай чубаньшэ, 2009. С. 279, 298–300.
47. Синьхуа. 2014. 3 февр.
48. URL: http://ukr.china.com/...Kitay stanovitsya sudostroitelnoy derzhavoy nomer odin_v_mire.html.
49. Ibid.
50. Китай создал закрытую военную операционную систему. URL: <http://www.CyberSecurity.ru>. (дата обращения 12 мая 2009 г.)
51. Гао цзишу фажань баогао 2009: [Доклад о развитии отраслей высоких технологий 2009]. Пекин: Чжунго кэсюэюань, 2009. С. 3.
52. URL: <http://ru.gbtimes.com/fokus/11-nauchnyh-dostizheniy-kitaya-v-2013-godu>.
53. China Brief. 2005. V.5, № 6.
54. Catalogue of Encouraged Foreign Investment Industries. Decree of the State Development and Reform Commission, Ministry of Commerce. 2010. № 57. URL: [http://english.mofcom.gov.cn/aarticle/policy release/announcement/200711/20071105241195.html](http://english.mofcom.gov.cn/aarticle/policy%20release/announcement/200711/20071105241195.html).
55. *Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В.* Указ. соч. С. 141, 147.
56. South China Morning Post. 2015. 13 Feb.
57. URL: http://www.kitaichina.com/se/txt/2010-12/31/content_322237.htm.
58. China Unveils Plan for Developing Defense Technologies // Синьхуа. 2006. 25 мая.
59. China Daily. 2015. 28 Oct.
60. Экспресс-информация: Перспективы развития КНР к 2030 году (научные прогнозы китайских ученых) / ИДВ РАН. М., 2012. № 2. С. 44.
61. Материалы 3-й сессии ВСНП 12 созыва (март 2015 г.) URL: russian.china.org.cn.
62. Доклад Стокгольмского института исследования проблем мира о военных расходах стран в 2014 г. URL: <http://topwar.ru/73588-doklad-sipri-o-voennyh-rashodah-stran-v-2014-godu.html>.
63. China Daily. 2015. 28 Oct.

История

Инь Хайгуан и трансформация китайского либерализма в середине XX века

© 2016

А.В. Ломанов

В статье рассматриваются становление и развитие взглядов Инь Хайгуана, оказавшего значительное влияние на формирование идеологии демократического движения на Тайване в 1950–1960-е гг. Прослеживается эволюция научных и политических воззрений мыслителя от приверженности идеалам «Движения 4 мая» к их переосмыслению и поиску путей использования моральных учений древнего Китая в современном демократическом обществе.

Ключевые слова: «Движение 4 мая», Ху Ши, Тайвань, демократия, китайская культура.

Для Китая XX век стал периодом заимствования многих зарубежных идейных течений и соперничества различных политических сил внутри страны. Историческим поворотом стало образование КНР и начало движения страны по пути строительства социализма. После этого важные идеологические трансформации происходили на Тайване, куда вместе с гоминьдановской администрацией прибыли многие представители интеллигенции.

Заметное место среди них занимает Инь Хайгуан (1919–1969) — публицист, политолог, культуролог, бескомпромиссный критик авторитаризма, непосредственный участник становления демократического движения на Тайване. В 1950–1960-е гг. он глубоко размышлял о политике и перспективах китайской культуры. Его идейное наследие стало неотъемлемой частью процесса эволюции китайского либерализма. Чтобы понять идеи Инь Хайгуана в период жизни на Тайване, нужно обратиться к истории формирования его взглядов в 1930–1940-е гг.

Инь Хайгуан (Инь Фушэн) родился 5 декабря 1919 г. в провинции Хубэй (город Хуанган, поселок Хуйлуншань). Большим влиянием в семье пользовался старший брат отца Инь Цзыхэн — участник Синьхайской революции, который после свержения монархии принял крещение и стал активистом протестантской церкви. Под его влиянием Инь Цзыпин, отец Инь Хайгуана, поступил учиться в духовную семинарию и стал протес-

Ломанов Александр Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: a_lomanov@hotmail.com.

* Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14–01–00295 «Китайский либерализм XX века: западное влияние и традиционная культура».

тантским миссионером. Революционный бунтарский дух будущий мыслитель мог воспринять от дяди. Инь Хайгуан вырос в образованной семье, где читали современные книги, но связь с изучением классических текстов там уже была утрачена. Хорошего знания китайской традиции в домашних стенах он не получил.

От логики к публицистике

Интерес к изучению общественных наук у Инь Хайгуана сформировался на школьной скамье. В возрасте 15 лет он продемонстрировал способность в ясной и доступной форме излагать впечатления и оценки сложного материала. В конце 1934 г. на основании изучения публикаций, посвященных западной мысли, он написал статью «Исследование проблемы воли», увидевшую свет в журнале «Дунфан цзачжи»¹. Инь Хайгуан подробно обсудил подходы к проблеме свободы воли современных западных философов и ученых и обобщил приводимые ими аргументы. Он пришел к выводам, что полной свободы воли нет, деятельность человека зависит от окружающих условий, и к проблемам морали свобода воли никакого отношения не имеет.

В этой публикации можно заметить внимание молодого автора к изучению логических законов и правил мышления. Инь Хайгуан заинтересовался западной логикой и философией. Летом 1935 г. ему привезли из Пекина новый учебник логики, который составил Цзинь Юэлинь — профессор философского факультета Университета Цинхуа. Инь Хайгуан обратился к ученому с письмом, в котором сообщил о своем желании изучать логику. Цзинь Юэлинь откликнулся на это послание, завязалась переписка; впоследствии Инь Хайгуан стал его учеником.

В том же 1935 г., еще будучи школьником, Инь Хайгуан начал переводить с английского на китайский учебник «Основы логики» Ф. Чепмена и П. Хенле. К концу года перевод был завершен, Инь Хайгуан добавил к нему собственное предисловие с изложением понимания логики и ее функций. В 1937 г. при поддержке Цзинь Юэлиня перевод вместе с предисловием был опубликован².

В 1936 г. Инь Хайгуан переехал в Пекин и начал готовиться к поступлению в Университет Цинхуа. Цзинь Юэлинь поддерживал его планы, однако их нарушила война. В 1937 г. после начала полномасштабной японской агрессии Инь Хайгуан уехал домой. Ведущие университеты были эвакуированы из Пекина сперва в Чанша, потом в Куньмин. Через некоторое время Инь Хайгуан восстановил связь с научным наставником. В 1938 г. он поступил на философский факультет Юго-западного объединенного университета, где в то время преподавал Цзинь Юэлинь.

В этот период Инь Хайгуан был сторонником Гоминьдана и выразителем националистических взглядов. Его раздражал интернационализм, он постоянно спорил со студентами, поддерживавшими идеи левых сил. Юго-западный объединенный университет в годы войны стал оплотом передового знания и свободной мысли, однако либералом Инь Хайгуан в молодости не был. Определяющее влияние на формирование его взглядов оказал Цзинь Юэлинь.

В юности Цзинь Юэлинь занимался изучением политических взглядов британского неогегельянца Томаса Хилла Грина. Однако в период общения с Инь Хайгуаном, который длился десять лет (с середины 1930-х до середины 1940-х), в центре внимания профессора находились проблемы логики, теории знания и систематической философии. Наставник привил ученику навыки критической рациональности. Он личным примером демонстрировал любовь к свободе и независимость действий; его суждения надолго остались в памяти Инь Хайгуана.

В годы войны в Китае было много пропагандистских кампаний. По этому поводу Цзинь Юэлинь сказал ученику: явления «духа времени» непрочны и недолги. На вопрос о том, что же тогда является основательным и долговременным, учитель ответил:

«То, что получено в результате собственных длительных усилий и размышлений... например, идеи Юма, Канта, Рассела»³. Учитель также усомнился в научной состоятельности левой профессуры, преподававшей на факультете марксистскую философию. На вопрос ученика о том, что такое диалектический материализм, последовал ответ: «Это политическая вещь, на деле отношения к науке не имеет»⁴.

Осенью 1942 г. Инь Хайгуан поступил в философскую аспирантуру Университета Цинхуа в Куньмине и начал заниматься западной теорией познания: это была в то время тема исследований его наставника Цзинь Юэлиня. Остаться на факультете преподавателем ему не удалось. В начале 1945 г. Инь Хайгуан записался в армию, его отправили в Индию учиться на военного шофера. Вскоре война закончилась, на фронт он так и не попал.

Инь Хайгуан попытался продолжить изучение философии и логики. Его заинтересовал логический эмпиризм Венского кружка, после войны он перевел и издал сборник Карнапа «Философия и логический метод» (Чунцин: Шаньу инштуань, 1946). После 1949 г. судьбы учителя и ученика в науке и политике разошлись. Цзинь Юэлинь остался на материке, встал на сторону КПК, он изучал марксизм и занимался самокритикой. В одной из критических публикаций с разбором собственных взглядов тот вспомнил про ученика: «Я вырастил занимающихся игрой понятий, не интересующихся политикой, даже реакционных людей. Например, я вырастил реакционера Инь Фушэна, он сейчас на Тайване служит банде Чан Кайши»⁵. Эта характеристика не была точной, поскольку в начале 1950-х годов Инь Хайгуан глубоко переосмыслил свое отношение к политике Гоминьдана и превратился в принципиального противника авторитарного правления «банды Чан Кайши».

Интересы Инь Хайгуана во второй половине 1940-х годов переместились в сферу политики. Он критиковал позицию КПК, обвиняя коммунистов в том, что их деятельность ведет страну к расколу и хаосу. Инь Хайгуан не поддерживал идеи «согласательства» и «мирного сотрудничества» противостоящих политических сил, он осуждал попытки либералов занять «нейтральную позицию» и превратиться в стоящую над схваткой «третью силу». В то время он всячески пропагандировал официальную идеологию «трех народных принципов» как единственный путь стабильности и процветания Китая. Власти оценили и поддержали эти усилия, и в апреле 1947 г. Инь Хайгуан стал главным обозревателем гоминьдановской газеты «Чжунъян жибао».

Газетные публикации Инь Хайгуана конца 1940-х годов раскрывают его идейные воззрения. Поначалу, помимо «трех народных принципов», он выделял либерализм и социализм как два наиболее заметных течения в китайской политической идеологии. Он подчеркивал, что либерализм является «символом западноевропейской цивилизации». Эта идеология построена на индивидуализме и невмешательстве властей в экономику, либерализм пришел в Китай вместе с «европейским ветром и американским дождем», то есть с широким вторжением иностранной культуры. Западный либерализм способствовал китайскому прогрессу, ускорив разрушение старой культуры и старого общества. Вместе с тем китайским либералам присущи те же недостатки, что и их единомышленникам в других странах — они «априорно не могут создать организацию, не могут действовать по плану». Либералы разрознены и поэтому их использует группа, у которой есть организация и четкий план — это социалисты.

Примечательно, что Инь Хайгуан в то время дал позитивную оценку взглядов Маркса и Ленина, а также деятельности Чэнь Дусю по созданию КПК. Он исходил из того, что социализм и коммунизм являются идеальными концепциями и стремятся принести счастье человечеству, тогда как советский большевизм является «диктаторским». Поначалу китайские социалисты были идеалистами, у них был дух исследовательского поиска, но под «внешним влиянием» все это было утрачено. По мнению Инь Хайгуана, после смерти Ленина внутри ВКП(б) началась борьба, вслед за Троцким потерпел поражение и Чэнь Дусю, а потом «под влиянием практических потребностей другой страны»

китайский социализм превратился в большевизм. «В Китае уже нет социализма, есть только большевизм»⁶.

Положение гоминьдановских властей на фронтах китайской гражданской войны становилось все более тревожным. Инь Хайгуан сохранял верность «трем народным принципам», но при этом все активнее призывал к раскрытию привлекательных для народа аспектов учения Сунь Ятсена. Он возлагал надежды на осуществление «демократической политики» на основе «народовластия» и «экономического равенства» на базе «народного благосостояния». Поскольку Гоминьдан с этой задачей справиться уже не мог, Инь Хайгуан призывал китайских либералов взяться за ее решение.

В конце 1948 г. Инь Хайгуан опубликовал комментарий, в котором похвалил Ху Ши, прибывшего из Пекина на юг в Нанкин, чтобы поддержать правительство в период тяжелых испытаний. Он хотел, чтобы этот пример вдохновил китайских либералов обратить внимание на складывающуюся ситуацию.

Примечательной особенностью этой публикации стало расширение спектра упоминаемых Инь Хайгуаном китайских идейных течений. На первое место он поставил «ортодоксию»: со времен Дун Чжуншу, жившего при династии Хань, она стала идеологией, которую трудно отделить от политической власти. Утверждение идейного единства в «почитании Конфуция и Мэн-цзы» способствовало укреплению политического единства, и правящая группировка поддерживала эту идеологию в своих интересах. Однако таким образом «был нанесен серьезный вред свободе мысли, за две с лишним тысячи лет китайская научная мысль не смогла добиться важного качественного прогресса»⁷. Инь Хайгуан заметил, что эта практика не прекратилась и во времена республики, когда в ходе «Движения за новую жизнь» людей призывали читать классические каноны.

Инь Хайгуан обратился к наследию «Движения 4 мая», двумя составными частями которого были либерализм Ху Ши и социализм Чэнь Дусю. Китайский социализм переродился в лишенный идеалов большевизм и потому не может способствовать развитию Китая. Остается либерализм, представители которого после 1928 г. столкнулись с непониманием со стороны властей. Часть либералов примкнула к левым силам, часть обратилась к схоластическим научным занятиям. Инь Хайгуан призывал либералов стать участниками движения «спасения Китая». Для этого им не нужно непосредственно участвовать в политике, миссия либералов состоит в том, чтобы открыть новые перспективы развития страны и возродить дух «Движения 4 мая». В качестве неотложных задач в статье названы осуществление политической демократии и экономическое равенство — «это темы Китая последних 50 лет», настало время дать ответы на эти вопросы, иначе бедствия не прекратятся, общество не обретет мира, гражданская война не закончится»⁸.

Несмотря на рост разочарования в политике Гоминьдана, Инь Хайгуан не изменил негативного подхода к КПК, полагая, что она пренебрегает национальными интересами и с помощью насилия прокладывает путь к созданию тоталитарного государства. Современный китайский исследователь Хэ Чжоэнь полагает, что во второй половине 1940-х годов взгляды Инь Хайгуана на идеологию «трех народных принципов» эволюционировали⁹.

Непосредственно после завершения Второй мировой войны Инь Хайгуан сосредоточил внимание на «национализме», который был для него практически полностью лишен культурной глубины. Это был социальный и политический акцент на целостности государства и защите его интересов. С этих позиций он критиковал политику СССР и деятельность КПК. В период гражданской войны Инь Хайгуан задумался об укреплении легитимности власти Гоминьдана, он увидел страдания людей и пришел к выводу, что интересы правящей группировки вступают в конфликт с интересами народа. Чтобы власть смогла завоевать людские симпатии, он призывал заняться осуществлением принципа «народного благосостояния». Подчеркивая важность соединения «экономического равенства» и «политической демократии», он обращал все больше внимания на лозунг

«народовластия», исходя из того, что КПК также борется за «экономическое равенство», но не в состоянии построить демократию. В итоге «народовластие» стало центральной темой в идейных поисках Инь Хайгуана.

Поворот к либерализму

Инь Хайгуан уехал на Тайвань в начале 1949 г. вместе с газетой «Чжунъян жи-бао». Он продолжал работать обозревателем. В своих публикациях он призывал избавить систему образования от требований пропаганды идеологии партии Гоминьдан, рекомендовал добиваться сплочения народа и власти путем предоставления людям настоящей свободы и демократии.

В августе 1949 г. он оставил работу в газете и устроился в Тайваньский университет преподавателем логики на философском факультете. В конце года Инь Хайгуан стал членом редколлегии и постоянным автором демократического журнала «Цзюю Чжунго» («Свободный Китай»), в создании которого участвовали многие преподаватели университета. Поначалу журнал действовал в рамках официальной парадигмы «борьбы с коммунизмом и сопротивления России», однако вскоре «Цзюю Чжунго» превратился в главную площадку пропаганды либеральных просветительских взглядов.

В начале 1950-х годов Гоминьдан пошел по пути ужесточения репрессий против инакомыслящих¹⁰. Отказ от демократических реформ и поворот властей к авторитаризму вызвали у Инь Хайгуана глубокое разочарование. Более не связывая надежды на будущее с идеями «трех народных принципов», он обратился к поиску новых идейных ресурсов за пределами страны. Он переводил работы философа Б. Рассела, труды западных советологов, публикации либеральных мыслителей; наиболее интенсивными эти усилия были в 1951–1953 гг. В первой половине 1955 г. по приглашению Гарвард-Яньцзинского института он занимался исследованиями в США.

Инь Хайгуан обратился к просветительскому духу «Движения 4 мая», с помощью переводов современных иностранных работ он стремился привлечь молодежь к идеям науки и демократии. Самым заметным достижением стал перевод на китайский язык книги Ф. Хайека «Путь к рабству». Инь Хайгуан поддержал тезис о том, что экономическая свобода является необходимым условием политической свободы, отказавшись от прежнего стремления совместить «политическую демократию» и «экономическое равенство». Не будучи специалистом в области экономической науки, он воспринял тезис американского либерализма начала 1950-х годов о несовместимости этатизма и социализма со свободой и демократией. Признание экономической свободы в качестве базовой предпосылки политической свободы требовало признания необходимости защиты частной собственности. Согласившись с этим тезисом, Инь Хайгуан подвел черту под поисками китайских либералов 1940-х годов, стремившихся соединить политическую демократию с «государственным социализмом» в экономике¹¹.

В 1960-е годы в переписке с уехавшими на учебу в США учениками Инь Хайгуан назвал себя «человеком периода после Движения 4 мая (a post May-fourthian)» — индивидуалистичным, не принадлежащим ни к одной группировке и не нужным ни одной группировке. Он подчеркивал, что впитал много идей «Движения 4 мая», однако эпоха меняется очень быстро: «Дети 4 мая не могут быть полностью такими же, как отцы 4 мая»¹².

На Тайване Инь Хайгуан имел возможность личного общения с Ху Ши — либеральным «отцом Движения 4 мая». Точкой наибольшего сближения их взглядов можно назвать 1954 г., когда Ху Ши заявил о том, что после прочтения «Дороги к рабству» в переводе Инь Хайгуана он жалеет, что в прошлом поддерживал социализм.

Выступление на чаепитии в журнале «Цзюю Чжунго» в марте 1954 г. Ху Ши начал с рассказа о том, что в США его часто спрашивают о свободе на Тайване. Он сооб-

шил американским СМИ, что свободы слова на Тайване много, поскольку журнал «Цзю Чжунго» печатает с продолжением «Путь к рабству» Хайека в переводе Инь Хайгуана. Эта книга утверждает индивидуальную свободу и выступает против плановой экономики и социализма в любой форме. Ху Ши отметил что, по мнению Хайека, социализм является врагом свободы. Поскольку на Тайване экономика в основном государственная, эти рассуждения затрагивают существующую систему. Тем временем другой журнал опубликовал статью Гао Шукана о книге «Перспективы капитализма» Л. Мизеса, утверждающую, что капитализм не развалился и перспективы у него светлые. Ху Ши не только похвалил критику государственной экономики как отрадное явление, но и выразил сожаление по поводу собственной публикации 1926 г. с заявлением о том, что «символом веры новой религии стал социализм». Он заметил: «Если сейчас подумать, то нужно публично раскаяться»¹³.

Ху Ши подчеркнул, что сходную ошибку допустили в то время многие интеллектуалы. Он также сказал, что уже давно шел к осознанию несостоятельности социализма. Он объявил, что опыт Советской России потерпел поражение, а успех социализма возможен только при диктатуре, это и есть тот самый «путь к рабству». На этом фоне последователи социализма все чаще обращаются к индивидуалистическому либеральному экономическому строю. В заключение Ху Ши дал хвалебную оценку капитализма, назвав источниками его успеха трудолюбие и бережливость.

Отказ от социалистических мотивов в либерализме свидетельствовал о том, что наследие социал-демократизма 1940-х было изжито. По этому вопросу Инь Хайгуан и Ху Ши достигли единства. Этот интеллектуальный поворот имел большое значение для будущего экономического развития Тайваня. Идеи Хайека и Мизеса органично вписались в контекст либерального прочтения китайской мысли, во второй половине XX в. тайваньские ученые обращали внимание «на глубокую разработку австрийской школой проблем человека, взаимодействия между людьми, правил поведения, институтов, традиций, морали, а также на особый подход представителей этого научного направления к проблеме знания»¹⁴.

В период идейного единения Инь Хайгуан оценивал идеи Ху Ши как квинтэссенцию духа «Движения 4 мая». В 1957 г. он заявил о том, что Китай становится мирным, стабильным и прогрессивным, когда китайцы впитывают идеи Ху Ши. Эти идеи нацелены на градуальные изменения, отказ от догматизма и признание в качестве исходной точки отдельного человека. И наоборот, все становится плохо, когда эти идеи отвергают. Левые и правые силы одинаково не воспринимают идеи Ху Ши, потому что абсолютизируют собственные взгляды. «Идеи Ху Ши нужно обязательно распространять в Китае, только тогда у китайцев будет выход»¹⁵.

Через несколько лет во взглядах двух мыслителей проявились различия. В 1959 г. Ху Ши опубликовал важную для понимания позднего периода его творчества статью в защиту толерантности. Он начал с того, что вспомнил состоявшуюся много лет назад беседу с американским историком Джорджем Линкольном Буром, сказавшим — «чем больше мне лет, тем больше я ощущаю, что толерантность важнее свободы». Ху Ши солидаризовался с этой мыслью, подчеркнув, что со временем у него возникло такое же мнение: «Иногда я чувствую, что толерантность есть корень любой свободы: без толерантности свободы нет»¹⁶.

Ху Ши признал, что в юности не был толерантным, будучи атеистом, он резко выступал против любых «суеверий». Он остался неверующим, но его атеизм отличается от позиции компартии, поскольку сам он толерантен к религиям и верующим людям. Ху Ши заявил, что общество было к нему толерантно, и он обязан ответить взаимностью. Без толерантности невозможно распространение новых идей и верований, поскольку все религиозные и политические группы считают свои воззрения правильными, а чужие — ошибочными, еретическими, враждебными. Те, кто глубоко верит в собственную непо-

грешимость, пытаются запрещать другие религии и ограничивать свободу слова. Однако история религиозной свободы учит тому, что толерантность есть корень всякой свободы. В заключение Ху Ши вспомнил о своей переписке с Чэнь Дусю и его крайне «нетолерантных» взглядах.

Инь Хайгуан признал важность поставленной проблемы, заметив, что присутствие толерантности в политике и идеологии Китая позволило бы избежать многочисленных жертв и сохранить мир. Вместе с тем, он высказал встречные замечания — легко требовать толерантности от других в отношении себя и трудно самому толерантно относиться к другим людям; людям без власти и силы быть толерантными легко, а если есть власть и сила — это становится трудным¹⁷.

По мнению Инь Хайгуана, Ху Ши как историк прекрасно знает о том, что в Китае с древности до наших дней простой народ это те, кто терпит, а правители — это те, кого терпят. Он призвал Ху Ши не довольствоваться тем, что общество толерантно к его «атеистическим идеям», а подумать о тех, кто оказался в тюрьме или погиб из-за «идейных проблем». Инь Хайгуан был разочарован отсутствием политической смелости у «отца Движения 4 мая». Ху Ши был задет этой критикой. Он выступил с разъяснением своих взглядов, адресовав Инь Хайгуану замечание о том, что пишущие люди обладают властью, и потому человеку с пером в руке тоже нужна толерантность.

В этот период Инь Хайгуан призывал интеллигенцию «говорить то, что есть», отказавшись от идеологических и революционных мифов. Он предлагал честно заявить о том, что главный политический миф Тайваня о «контрударе на материке» помогает нагнетать военный психоз и тем самым создает возможность подавления свободы слова и укрепления диктатуры. Мыслитель призывал развивать дух научной рациональности во имя борьбы с невежеством. Вслед за деятелями «Движения 4 мая» он видел в «научном духе» незаменимое орудие борьбы за свободу и демократию.

Борьба за научную рациональность способствовала негативной оценке китайской традиционной культуры. Инь Хайгуан видел в китайской культуре препятствие для науки и демократии. Он критически оценивал стремление гоминьдановских властей опереться на традицию в интересах укрепления авторитарной системы, приравнивая выступления в защиту старой культуры к поддержке недемократического правления. Дискуссии о культуре обрели на Тайване в тот период большое политическое значение, поскольку «Гоминьдан всегда придавал огромное значение пропаганде культурного наследия и китайским традициям как основам китайской государственности. Здесь была актуальна противоположность тайваньской политики антикультурному курсу правительства КНР»¹⁸.

Для Инь Хайгуана на первом месте находилось внутривнутриполитическое значение проблемы. Он спорил не только с официальной позицией Гоминьдана, но и с представителями интеллектуального течения нового конфуцианства, стремившимися найти путь соединения китайской традиции с требованиями общественного развития. Сплотившиеся вокруг журнала «Миньчжу пинлунь» («Демократическое обозрение») новые конфуцианцы в основном критиковали политику материкового Китая, в то время как либералы из «Цзюю Чжунго» выступали с критикой тайваньских властей. Инь Хайгуан считал, что традиционалисты из «Миньчжу пинлунь» слишком благосклонны к гоминьдановским властям и даже выступают с ними заодно¹⁹.

Инь Хайгуан не признавал различия между традиционным конфуцианством и взглядами новых конфуцианцев, впитавших западный либерализм и стремившихся к совмещению классического морального учения с ценностями науки и демократии. Он утверждал, что «векторный анализ» показывает — стремящиеся «повернуть телегу вспять» сторонники «восстановления древности» и власть предрержащие действуют заодно, они целенаправленно и умышленно разрушают память об идеалах «Движения 4 мая», их действия ведут в тупик²⁰.

Он был уверен, что лозунги защиты «исторической культуры» служат прикрытием для реставрации древности. Инь Хайгуан считал, что ее сторонники боятся новых идей, власти также не хотят новых выступлений против авторитетов, и потому они вместе препятствуют зарождению сил общественного прогресса. Он настаивал, что нельзя запрещать критику «исторической культуры», как нельзя запрещать критику идеологии, политической партии и ее вождя.

В 1955 г. в статье «Ценность традиции» Инь Хайгуан выделил три подхода к культурному наследию. Это превозносящий прошлое традиционализм, полностью осуждающий его антитрадиционализм, а также «не-традиционализм» (*фэйчунаньтунчжун*), который допускает возможность формирования традиции. Инь Хайгуан считал себя сторонником эмпирического «не-традиционализма», для которого традиция выступает как инструмент жизни общества. Это течение оценивает перспективы сохранения либо изменения традиции, исходя из потребностей людей. Этот подход позволяет избежать выбора между «обязательным сохранением» традиции или ее «обязательным уничтожением», поскольку оставляет возможность попытаться исправить традицию.

Позитивная трактовка китайской культуры

Признаки смягчения бескомпромиссного подхода можно обнаружить в книге «Перспективы китайской культуры», которая была издана в 1966 г. и вскоре запрещена тайваньскими властями. В этой работе Инь Хайгуан поставил вопрос о «воссоздании морали» (*даодэ дэ чунцзянь*) как необходимом требовании развития современного китайского общества.

В качестве одной из причин кризиса ценностей он указал на «ошибки деятелей начального периода республики», то есть на крайности воззрений «Движения 4 мая». Он пояснил, что в 1910-е годы вслед за спором о культуре разгорелся спор о старой и новой морали. Тогда звучали разные призывы — восстановить старую мораль, создать новую мораль, полностью искоренить старую мораль ради того, чтобы создать условия для возрождения китайской культуры. Большую популярность обрели воззрения Чэнь Дусю, полагавшего, что каркасом старой морали является «конфуцианская система», и потому отрыв от старой морали означает ниспровержение Конфуция.

В начале 1919 г. Чэнь Дусю заявил: «Выступая в защиту госпожи Демократии, нельзя не выступать против конфуцианства, целомудрия, старой этики, старой политики. Выступая в защиту госпожи Науки, нельзя не выступать против старого искусства, старой религии. Выступая в защиту госпожи Демократии и госпожи Науки, нельзя не выступать против национального духа (*гоцуй*) и старой литературы»²¹.

Инь Хайгуан заявил, что эти слова Чэнь Дусю были ошибкой. Их широко восприняли потому, что они соответствовали «духу эпохи», но это не делает их правильными. «Я сейчас хочу спросить: если обязательно стремиться низвергнуть Конфуция, чтобы осуществить демократию, то западные страны должны были уничтожить христианство, чтобы осуществить демократию. Но почему в западных странах нет взаимного конфликта между осуществлением демократии и верой в христианство? Я сейчас еще хочу спросить: говорят, что обязательно нужно выступать против старой литературы и искусства ради пропаганды науки. Но в современных западных странах наука развита на высоком уровне, разве они одновременно прекратили изучать классическую литературу и искусство? Очевидно, что эти слова Чэнь Дусю в корне неправильны... Возможно, некоторые люди скажут, что учение христианства и конфуцианство отличаются. Учение христианства содержит свободу, равенство и братство, поэтому легко может создать демократическую политику. В конфуцианской системе нет этих вещей, поэтому она не может породить демократическую политику. По этой причине Китаю, чтобы создать демократическую политику, обязательно нужно отбросить конфуцианскую систему, другого пути нет.

Я сейчас спрашиваю: если к учению Конфуция о гуманности и учению Мэн-цзы о долге добавить всеобщую любовь Мо-цзы, почему они обязательно не смогут привести к демократии? Можно видеть, что проблема не здесь, а в другом месте»²².

Инь Хайгуан предложил пойти по пути разделения конкретных моральных предписаний и универсальных моральных норм. «Обсуждать восстановление морали возможно лишь после того, как в мысли будет уничтожена граница между древним и современным. Моральные предписания (*цзему*) делятся на древние и современные, в моральных принципах (*юаньцзэ*) деления на древние и современные нет»²³. Мыслитель призвал исходить из анализа современной жизни индивидов и социальных групп, а не из поучений древних мудрецов, напомнив, что «не люди существуют для морали, а мораль устанавливается для людей».

По мнению Инь Хайгуана, возможность заимствования из конфуцианства существует. Но для этого следует отказаться от акцента на неделимости явлений в сфере духовной культуры, когда «заимствовать можно только целиком, отвергать также только целиком». Нужна аналитическая критика традиционной культуры и ее адаптация к существующим условиям. Нет необходимости слепо защищать традицию, также нет смысла выступать против традиции ради выступления против традиции. Необходимо проводить отбор, исходя из потребностей современной жизни людей; прежде всего, следует отделить традиционную мораль от авторитаризма и союза с властью, превращающего мораль в пустую скорлупу.

Инь Хайгуан проявил особый интерес к этике раннего конфуцианства и рассуждениям Мэн-цзы о способности человека жертвовать выгодой и самой жизнью во имя долга. Он заметил, что современному человечеству нужны люди, не страшщиеся смерти и способные отдать жизнь ради осуществления морального идеала, каким в эпоху поздней династии Цин был, например, Тянь Сытун. Однако в нынешних условиях, когда мораль превратилась в инструмент пропаганды, окажется в проигрыше тот, кто будет следовать этим поучениям всерьез. Наступила эпоха расплывчатых принципов, когда нет ясной границы между истинной и ложью, добром и злом, почетным и позорным. После двух мировых войн мораль изменилась, злодеи могут прикинуться святошами, мало кто готов к самопожертвованию за мораль, никто не заботится об этических принципах. Если следовать морали и идеалам, человеку будет трудно выжить. Если ему нужно выжить, то придется отказаться от морали и идеалов. Возникновение подобной дилеммы является всеобщим явлением в эпохи войн и кризисов. Сложность в том, что человечество может позабыть о морали, но оно не сможет забыть уже достигнутые высокие технические навыки, и тогда люди окажутся перед перспективой самоуничтожения.

Ответом на этот вызов призвано стать соединение морали Востока и Запада. Инь Хайгуан пояснил, что «приведение морали в порядок» является главной фундаментальной проблемой человечества и также отдельно взятой китайской культуры. Это не восстановление древности и не поспешное движение к новому, а моральная адаптация (*тяочжэнь*, accommodation and adjustment) с ясно заданной целью. Мыслитель предложил, «исходя из собственной культуры и морали, двигаться к интеграции с мировой всеобщей культурой и моралью»²⁴.

По мнению Инь Хайгуана, после появления строя свободной демократии мораль перестает служить инструментом тоталитарного контроля над людьми, она превращается во внутреннее убеждение человека и норму общественной культуры. Хотя часть традиционных моральных установлений уже не соответствует реалиям современного общества, моральные принципы сохраняют свою актуальность. Гуманность Конфуция и долг Мэн-цзы, христианская всеобщая любовь, буддистское сострадание — это моральные принципы, объединение которых способно задать направление для развития появившихся на Западе в результате промышленной революции огромных экономических и технических сил. Таков единственный путь, позволяющий сделать мир стабильным. Упадок

морали свободного мира ограничивает его преимущества в экономике и технике, не позволяет ему служить моральным примером, что превращается в фундаментальную слабость. «Свободному миру нужно пробудить моральный дух, помимо буддистского сострадания и гуманности Конфуция, самым необходимым является учение Мэн Кэ о долге. Если нынешние деятели свободного мира смогут ради свободы “жертвовать жизнью и выбирать долг”, предпринимать длительные и настойчивые усилия, тогда у меня есть основания полагать, что скопившиеся над миром тучи рассеются и появится свет, общая ситуация изменится к лучшему, в итоге человечество освободится от угрозы тоталитарного строя»²⁵.

Инь Хайгуан подчеркивал взаимосвязь всех частей современного мира и соединение всех культур в «мировую культуру». Китайская культура становится важной частью «мировой культуры», поэтому требуется прилагать усилия для выявления и развития ее достоинств. Мыслитель отметил, что после Второй мировой войны внутренние перемены в направлении «секуляризации», «экуменизации» и «демифологизации» начались в христианской церкви, христианство из «закрытой системы» постепенно превращается в «открытую систему».

На этом фоне «осуществление мира Великого единения (*датун*) вовсе не является лишенной корней иллюзией, у него есть реальные научные основания». В мире происходит «экуменизация» (*пубяньхуа*) культурных особенностей. Под влиянием западного импульса мир меняется, и даже тем странам, которые настроены против Запада, приходится ради обеспечения своего выживания создавать промышленность и развивать экономику. Чтобы показать стремление разных частей мира к взаимному общению, выходящему за пределы политического противостояния в условиях «холодной войны», Инь Хайгуан заметил: «Американцам нравится есть русскую икру. В русской икре нет марксизма-ленинизма. Русским нравится пить американскую кока-колу. В кока-коле также нет “преступлений капитализма”... Наш мир во взаимном противостоянии ищет единение. Надежда человечества в этом»²⁶.

Интеллектуальные усилия Инь Хайгуана были нацелены на создание концепции современного «научного гуманизма», построенного на всеобщих ценностях прав человека, морали и свободы, указывающего человечеству путь к «открытому духу» и «открытому обществу». В книге «Перспективы китайской культуры» он признал возможность использования элементов китайской традиции в интересах продвижения либерализма. Вместе с тем, подход Инь Хайгуана к традиции был основан на «инструментальной рациональности», он не стремился выявить внутреннюю ценность китайской культуры²⁷.

* * *

В 1960-е годы после закрытия журнала «Цзыю Чжунго» Инь Хайгуан потерял трибуну для политических выступлений и вновь сосредоточил усилия на изучении зарубежной мысли. Он вступил в спор с Б. Расселом и осудил его за призывы к примирению демократических и тоталитарных государств ради сохранения мира во всем мире. Инь Хайгуан полагал, что либерализм и пацифизм в данном случае вступают во взаимное противоречие. Он настаивал, что свободу человека ограничивать нельзя, даже если оправданием для этих ограничений служит угроза ядерной войны. И если для Рассела «мир выше свободы», Инь Хайгуан утверждал, что для него «свобода выше мира».

Значительный интерес Инь Хайгуан проявил в этот период к книге Хайека «Конституция свободы» и работе К. Поппера «Открытое общество и его враги». Он искал у западных либералов аргументы для критики власти Гоминьдана. В 1965 г. Инь Хайгуан встретился с Хайеком во время его визита на Тайвань.

В 1964–1965 гг. в тайваньском журнале «Чжунхуа цзачжи» появились статьи, упрекавшие Инь Хайгуана в научной некомпетентности и неточности переводов. После публикации и запрета в 1966 г. «Перспектив китайской культуры» последовали организа-

ционные выводы: мыслителя лишили государственной субсидии на проведение научных исследований и выгнали из университета, оставив без средств к существованию. В 1967 г. он получил приглашение приехать в Гарвардский университет для исследования новейшей истории Китая, но не смог оформить выездные документы. Эмоциональные потрясения привели к тяжелой болезни, Инь Хайгуан ушел из жизни в сентябре 1969 г. в возрасте 50 лет. Весной он успел отпраздновать 50-летие «Движения 4 мая».

Инь Хайгуан был наиболее заметным либеральным мыслителем Тайваня 1950–1960-х годов, его поведение следовало традиционному для китайской культуры требованию личной ответственности образованного человека за судьбу государства. Значение его либеральной трактовки наследия «Движения 4 мая» выходит далеко за пределы истории борьбы за демократию на Тайване. Идеи Инь Хайгуана могут служить ключом к пониманию китайского просветительского движения 1980-х и последующего интеллектуального развития либерализма в Китае.

Обращение Инь Хайгуана в последние годы жизни к проблемам китайской культуры подтверждает тезис о невозможности механической пересадки западного либерализма на китайскую почву. Мыслитель пришел к выводу, что неприятие тоталитаризма не должно вести к отрицанию культурной традиции, даже если недемократическая власть использует ее в собственных интересах. Эволюция идей Инь Хайгуана открыла путь для примирения либерализма и нового конфуцианства как основных течений китайской немарксистской мысли конца XX в.

Современные китайские исследователи охарактеризовали Инь Хайгуана как выразителя «культурно-рефлексивного типа либерализма»⁸. Он сумел осуществить культурное осмысление наследия «Движения 4 мая», итогом его размышлений стали призывы к углублению понимания западного либерализма во взаимосвязи с наукой и научной методологией. Возобновление просветительской работы было обусловлено тем, что в первой половине XX в. предшественникам Инь Хайгуана не удалось создать в обществе устойчивое представление о демократических идеях, в течение десятилетий понимание западного либерализма опиралось на переводы Янь Фу.

С опорой на идеи Хайека Инь Хайгуан пришел к осознанию важности экономического измерения западного либерализма и попытался очистить либерализм от социалистических «наслоений». Благодаря его усилиям китайский либерализм вышел за пределы прежней схемы соединения «политической демократии» и «экономического равенства», допускающей государственное вмешательство и ограничение свободы в сфере экономики. При этом мыслитель уделял большое внимание этнической базе либерализма, подчеркивая значение «внутренней силы» человека и его морального выбора перед лицом внешнего давления.

1. *Инь Хайгуан*. Ичжи вэньги до цзяньтао: [Исследование проблемы воли] // Инь Хайгуан вэньцзи: [Сочинения Инь Хайгуана]. Испр. изд. / ред. Чжан Биньфэн, Хэ Чжэнь Т. 4. Сысян таньшо до юэцзи: [Путь идейного поиска]. Ухань: Хэбэй жэньминь чубаньшэ, 2009. С. 3–12. Статья опубликована в январе 1935 г. в «Дунфан цзачжи» (цзюань 32, № 1).
2. *Chapman F.M., Henle P.* The Fundamentals of Logic. New York: C. Scribner's Sons. 1933. Пер. на кит. яз. Лоцзи цзибэнь. Нанкин: Чжунчжэн шуцзюй, 1937.
3. Письмо Инь Хайгуана к Лу Хунцяо 5 июля 1968 г. // Инь Хайгуан вэньцзи. Т. 2. Чжиши фэньцзы до шимин: [Призвание интеллигенции]. Ухань: Хэбэй жэньминь чубаньшэ, 2009. С. 251.
4. *Инь Хайгуан*. Хуай Цзинь Юэлинь сяньшэн: [Вспоминаю Цзинь Юэлиня] // Инь Хайгуан вэньцзи. Т. 2. Ухань: Хэбэй жэньминь чубаньшэ, 2009. С. 17. Статья опубликована 16 мая 1950 г. в журнале «Цзыно шицзи» (№ 18).
5. *Цзинь Юэлинь*. Пинань во до вэйшиньлуань до цычаньцзецзи цзяоюй сысян: [Критика моих идеалистических буржуазных педагогических идей] // Цзинь Юэлинь вэньцзи: [Сочинения

- Цзинь Юэлиня]. Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь чубаньшэ. 1995. Т. 4. С. 31. Статья опубликована в «Гуанмин жибао» 17 апреля 1952 г.
6. *Инь Хайгуан*. Чжунго сяньдай чжэнчжи сычао: [Китайские современные политические идейные течения] // *Инь Хайгуан вэньцзи*. Т. 4. Сысян таньсо дэ юэчэн: [Путь идейного поиска] Ухань: Хэбэй жэньминь чубаньшэ, 2009. С. 29. Статья опубликована в «Чжунъян жибао» 10 октября 1947 г.
 7. *Инь Хайгуан*. Лунь Ху Ши нань лай: [О приезде Ху Ши на юг] // *Инь Хайгуан вэньцзи*. Ухань: Хэбэй жэньминь чубаньшэ, 2009. Т. 2. С. 3. Статья опубликована в «Чжунъян жибао» 19 декабря 1948 г.
 8. Там же. С. 4. Статья опубликована в «Чжунъян жибао» 19 декабря 1948 г.
 9. *Хэ Чжэоэнь*. *Инь Хайгуан юй цзиньдай Чжунго цзыючжун*: [Инь Хайгуан и китайский либерализм нового времени]. Шанхай: Шанхай саньянь шудянь, 2004. С. 78–83.
 10. Подробнее об этих событиях см.: *Кузьминова А.* «Белый террор» на Тайване (реконструкция событий 50-х гг. XX в.) // *Пробл. Дальнего Востока*. 2009. № 4. С. 121–135.
 11. История этих поисков рассмотрена в монографии: *Белогусов С.Р.* Китайская версия «государственного социализма» (20–40-е годы XX в.). М.: ГРВЛ изд-ва «Наука», 1989.
 12. Письмо Инь Хайгуана к Чжан Хао 8 марта 1967 г. // *Инь Хайгуан вэньцзи*. Ухань: Хэбэй жэньминь чубаньшэ, 2009. Т. 2. С. 214.
 13. *Ху Ши*. Цун «Дао нун чжи лу» шо ци: [Начнем разговор с «Пути к рабству»] // *Ху Ши вэньцзи*: [Сочинения Ху Ши] / Ред. Оуян Чжэшэн. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1998. Т. 12. С. 834.
 14. *Борох О.Н.* Экономическая мысль современного Тайваня: взгляд из России // *Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона*. М.: ИСАА при МГУ, 1997. С. 121.
 15. *Инь Хайгуан*. Ху Ши сысян юй Чжунго цянью: [Идеи Ху Ши и перспективы Китая] // *Инь Хайгуан вэньцзи*. Ухань: Хэбэй жэньминь чубаньшэ, 2009. Т. 2. С. 61–62. Статья опубликована в мае 1957 г. в журнале «Лиши юйянь яньцзюсо цзикань» (№ 128).
 16. *Ху Ши*. Жунжэнь юй цзыю: [Толерантность и свобода] // *Ху Ши вэньцзи*: [Сочинения Ху Ши] / Ред. Оуян Чжэшэн. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ. 1998. Т. 11. С. 823. Статья опубликована 16 марта 1959 г. в «Цзыю Чжунго» (цзюань 20, № 6).
 17. *Инь Хайгуан*. Ху Ши лунь «Жунжэнь юй цзыю» ду хоу: [После прочтения Ху Ши «Толерантность и свобода»] // *Инь Хайгуан вэньцзи* Т. 1. Чжэнчжи юй куаньжун [Политика и терпимость]. Ухань: Хэбэй жэньминь чубаньшэ, 2009. С. 145. Статья опубликована 1 апреля 1959 г. в «Цзыю Чжунго» (цзюань 20, № 7).
 18. *Иванов П.М.* Очерк истории Тайваня // *Соврем. Тайвань*. Иркутск: Улисс, 1994. С. 63–64.
 19. *Хэ Чжэоэнь*. Указ. соч. С. 157.
 20. *Инь Хайгуан*. Чун чжэн у сы цзиншэнь: [Заново упорядочить дух 4 мая] // *Инь Хайгуан вэньцзи* Ухань: Хэбэй жэньминь чубаньшэ, 2009. Т. 2. С. 66. Статья опубликована 5 мая 1957 г. в журнале «Цзыю Чжунго» (цзюань 16, № 9).
 21. *Чэнь Дусю*. Бэнь чжи цзуй ань чжи дабянь шу: [Ответ в защиту этого журнала от обвинений в преступлениях] // *Синь циннянь*. 1919. Цзюань 6. № 1. С. 10.
 22. *Инь Хайгуан*. Чжунго вэньхуа чжаньван: [Перспективы китайской культуры]. Шанхай: Шанхай саньянь шудянь, 2002. С. 505.
 23. Там же. С. 507.
 24. Там же. С. 531.
 25. Там же. С. 533.
 26. Там же. С. 535.
 27. *Хэ Чжэоэнь*. Указ. соч. С. 227.
 28. *Ху Вэйси, Тянь Вэй*. 20 шицзи Чжунго цзыючжун дэ цзибэнь лэйсин: [Основные типы китайского либерализма 20-го века] // *Чжунго жэньминь дасюэ сюэбао*. 2003. № 5. С. 137–139.

Концепция «нового ревизионизма» и борьба с советским влиянием в КНДР в первой половине 1960-х годов

© 2016

М.С. Феденева

На основе архивных материалов и других данных, раскрывается понятие «нового ревизионизма» относительно северокорейских реалий начала 1960-х годов, место и роль этого явления в советско-северокорейских отношениях. Описываются формы борьбы с «новым ревизионизмом» в КНДР и ее последствия для обеих сторон.

Ключевые слова: новый ревизионизм, современный ревизионизм, КНДР, СССР, советско-северокорейские отношения.

После распада Советского Союза начали постепенно рассекретиваться все новые архивные данные, и стало возможным изучение не только позитивных тенденций и явлений в советско-северокорейских отношениях, но и разногласий, существовавших между СССР и КНДР. Как позитивный опыт, так и ошибки, допущенные странами по отношению друг к другу, могут быть учтены при построении добрососедских отношений между двумя государствами. В связи с этим изучение конструкта «нового ревизионизма», появившегося в начале 1960-х годов в идеологическом пространстве КНДР и влияния этого явления на поведение Северной Кореи в отношении СССР представляется полезным и актуальным.

Первая половина 1960-х годов была весьма сложным периодом в советско-северокорейских отношениях. Между СССР и КНДР возникали противоречия по вопросам внешней и внутренней политики, экономики¹. Охлаждение отношений намечалось уже с середины 1950-х годов, однако в начале 1960-х оно вступило в новую фазу резкого отхода КНДР от СССР. Разумеется, для того, чтобы порвать с СССР, необходим был достаточно весомый повод и им мог стать так называемый «новый» или «современный ревизионизм». Категория уже использовавшаяся в Китае, однако приспособленная к корейским реалиям.

Обвинения в ревизионизме со стороны КНДР в адрес СССР отмечали в своих работах зарубежные исследователи. Ли Чон Сик показал, что отдельные упоминания о ревизионизме и его косвенная критика в КНДР имели место с конца 1950-х годов². Ли Чон Сик отмечает влияние китайского фактора на развитие идеологической категории «нового ревизионизма» в КНДР. С ним солидарен и Чин О Чанг. Исследователи доказательно утверждают, что носителями ревизионистских идей, по мнению северокорейских

Феденева Марина Сергеевна, аспирант кафедры всеобщей истории, археологии и антропологии Школы гуманитарных наук ДВФУ (г. Владивосток). E-mail: kolesilka@mail.ru.

Исследование выполнено при поддержке Государственного задания «Процессы межкультурной коммуникации в АТР: междисциплинарный подход».

лидеров, были Советский Союз и солидарные с ним страны социалистического лагеря, а критиковался так называемый «ревизионизм» главным образом по вопросам внешнеполитических позиций³. Балаз Шалонтай видел основную болезненную для КНДР позицию ревизионистов в приверженности мирному сосуществованию⁴. Все авторы упоминают о критике в КНДР «нового ревизионизма» в контексте отхода КНДР от просоветских позиций и сближения с Китаем в период конфронтации СССР и КНР.

Термин «новый ревизионизм», или «современный ревизионизм», используется в контексте данной работы как условное название взглядов и стратегий в идеологии, внешней и внутренней политике СССР и ряда других социалистических стран, которые, по мнению руководства КНДР, не соответствовали основным положениям марксистско-ленинского учения. Поскольку КНДР позиционировала себя как истинное социалистическое государство, подобные идеи рассматривались в КНДР как враждебные и подлежащие искоренению. Таким образом, в КНДР была начата борьба с тем, что подпадало (или подводилось) под категорию «ревизионизма» и с теми, кого считали носителями ревизионистских идей.

Хотя «новый ревизионизм» и борьба с ним была лишь поводом ограничить советское влияние на КНДР, само это явление представляет интерес как с точки зрения внутренней политики и идеологической пропаганды КНДР, так и с точки зрения советско-северокорейских отношений.

Прежде чем перейти к рассмотрению содержания «ревизионизма», для лучшего понимания этого явления необходимо отметить несколько важных деталей.

Во-первых, «новый ревизионизм» не был четко выверенной идеологической концепцией, а являлся неким конструктом «врага», которому в зависимости от ситуации могли приписываться различные характеристики. В начале 1960-х годов в самом корейском истеблишменте не существовало четкого понимания того, что такое «ревизионизм», в чем его сущность. Сам Ким Ир Сен говорил, что необходимо разобраться с пониманием его (ревизионизма) сущности⁵, что борьбу с ревизионизмом должны вести не только отдел пропаганды и агитации ЦК ТПК, но и другие его отделы⁶ и, наконец, что опасность ревизионизма необходимо довести до осознания всеми трудящимися, чтобы «мобилизовать народ на борьбу с ним»⁷. Таким образом, основные идеологические выкладки и аргументы против «современного ревизионизма» разрабатывались в отделе агитации и пропаганды ЦК ТПК, затем разъяснялись партийным работникам всех уровней, которые внедряли свои знания в массы.

Во-вторых, в северокорейской пропаганде носители ревизионистских идей, как правило, обезличивались. Часто употреблялись выражения: «современный ревизионизм», «новый ревизионизм», «ревизионисты», «некоторые», «эти люди» и т.д. Однако не остается сомнений в том, что носителем ревизионистских идей считались СССР и европейские страны социалистического лагеря, что отмечали сотрудники посольств в Пхеньяне⁸. Это вытекает и из самих характеристик, и атрибутов «нового ревизионизма», которыми он наделялся. Кроме того, нередко в адрес Советского Союза звучала критика по тем же пунктам, по которым критиковался «ревизионизм», тем самым «ревизионизм» и Советский Союз ставились в один ряд.

В-третьих, на внедрение идей о «современном ревизионизме» в КНДР неоспоримым можно считать влияние Китая. Дипломаты Советского Союза и европейских социалистических стран не раз отмечали значительное усиление влияния Китая на Северную Корею⁹. КНДР и КНР демонстрировали единство своих взглядов в области идеологии, внешней политики, а также выражали единство в вопросе борьбы с «современным ревизионизмом»¹⁰.

Итак, каким содержанием правящие круги КНДР наполняли «новый ревизионизм»?

Во-первых, «новый ревизионизм» распознавался по приверженности идеям мирного сосуществования и, как следствие, отказу от дальнейшей революционной борь-

бы¹¹. В одной из партийных брошюр, изданной в апреле 1962 г. в Пхеньяне, говорится: «Ревизионисты изображают нашу эпоху мирной эпохой, эпохой мирного сотрудничества двух систем... становятся на колени перед врагом и вымаливают мир»¹². Позже подобное разоблачение «ревизионизма» проводилось не только среди партийных работников, но и в общедоступной периодической печати. Например, в статье Цой Гон Хена «Эпоха великой борьбы, эпоха революционных бурь», опубликованной в первом номере журнала «Чхоллима» за 1964 г., автор пишет: «Они дрожат перед революционными бурями, отказываются от революции. Они сходят с позиции защиты марксизма-ленинизма, с позиции борьбы против империализма, с позиции доведения до конца революции, порывают с марксизмом-ленинизмом, подчиняются империализму и считают революцию завершённой»¹³.

Заместитель министра иностранных дел КНДР Ким Ен Нам в разговоре с послом ГДР в ноябре 1964 г. говорил: «По-настоящему, острее против острия, борются с империализмом только Азия и Африка. Европейские социалистические страны как СССР, ЧССР, ГДР и другие более болтают о борьбе с империализмом, занимаются уговорами глав империалистических государств»¹⁴.

Ревизионисты обвинялись в отказе активно поддерживать страны, в которых существует национально-освободительное движение. Поскольку южная часть полуострова считалась оккупированной, то отказ от поддержки национально-освободительного движения применительно к корейским реалиям означал бы отказ от попыток освободить юг, а значит и объединить Корею. Северокорейская позиция открыто противопоставлялась «ревизионистской». «Корейские коммунисты не прекратят ни на минуту борьбу и будут продолжать сражаться до того дня, пока не завершится революция в масштабе всей страны, до того дня, пока не будут освобождены угнетенные народы всего мира», — указывалось, например, в третьем номере журнала «Кыллочжа» за 1962 г.¹⁵

Во-вторых, руководство КНДР расценивало как «ревизионистские» все инициативы по разоружению¹⁶. «Всеобщее и полное разоружение — это неправильная точка зрения, вытекающая из иллюзий относительно империализма... Нет учения о том, что империализм добровольно складывает оружие», — говорилось в закрытой лекции для партработников ТПК в мае 1962 г.¹⁷

В-третьих, «ревизионизм» обвинялся в отказе от классового принципа и в пересмотре тезиса о диктатуре пролетариата, которые считались важнейшими доктринами марксистско-ленинского учения. «Пытаясь парализовать классовое сознание масс, современные ревизионисты отрицают классовую борьбу и диктатуру пролетариата, проповедуют классовое сотрудничество и буржуазный либерализм...», — говорил Ким Ир Сен¹⁸. Поводом к таким обвинениям, по мнению автора, послужили положения, изложенные в программе КПСС 1961 г. А именно о том, что «диктатура пролетариата выполнила свою историческую роль» и о том, что государство стало общенародным¹⁹.

В-четвертых, «ревизионистам» приписывалось стремление установить принцип централизма внутри социалистического лагеря. «Ревизионисты» обвинялись в пересмотре принципа равенства, вмешательстве во внутренние дела братских партий. Ким Ир Сен заявлял: «Мы должны быть готовы к тому, что ревизионисты с разных сторон будут оказывать на нас давление»²⁰. В газете «Нодон Синмун» от 27 июля 1964 г. отмечалось: «Некоторые пытаются оказать давление и наносят вред партиям, которые им не подчиняются. Мы уже имеем печальный опыт горьких испытаний из-за подобных действий этих людей», имея в виду политический кризис в КНДР 1956 г.²¹ В газете «Нодон Синмун» от 28 октября 1963 г. писали: «Нельзя допустить попытку навязать другим партиям так называемую компанию "против культа личности" и под ее вывеской вмешиваться во внутренние дела братских партий и братских стран, и совершать действия, направленные на свержение партийного руководства этих стран»²². Из уст высокопоставленных чиновников звучали и прямые обвинения в адрес Советского Союза. Так, в ноябре 1964 г. состоя-

лась беседа посла ГДР в КНДР Бри с министром иностранных дел КНДР Пак Сен Чер, о которой Бри информировал посла В.П. Московского: «Пак Сен Чер все время подчеркивал, что советские руководители вмешивались во внутренние дела КНДР. Затем министр иностранных дел поучал, что Советского Союза надо опасаться, так как у советских руководителей есть привычка вмешиваться в дела других государств и партий»²³.

«Ревизионизму» также приписывалось стремление установить контроль над другими странами с помощью экономических механизмов. Это положение комментируется в ежемесячной брошюре для политических занятий «Чхончхи чисик» № 1 за 1964 г. под заголовком «Что говорит марксизм-ленинизм о принципе возрождения на основе собственных сил и самостоятельной национальной экономики»: «Современные ревизионисты клеветуют на страны, строящие самостийную национальную экономику, приклеивая им ярлык “национализма” и “изолированной экономики”. Это направлено на то, чтобы попортить принцип равноправия и самостоятельности между социалистическими странами, экономически закабалить эти страны, уничтожить их политическую самостоятельность»²⁴. Одним из инструментов закабаления экономически менее развитых стран социалистического лагеря в КНДР считали Союз экономической взаимопомощи (СЭВ)²⁵. «Заявив, что Албания должна выращивать яблоки и виноград, а остальное ей дадут, задушили национальную экономику Албании», — говорилось в одной из закрытых лекций ЦК ТПК г. для преподавателей в декабре 1962 г.²⁶

В Северной Корее полагали, что страны социалистического лагеря попросту «разграбляют КНДР», вывозят драгоценные металлы и полезные ископаемые, устанавливая спекулятивные цены на товары²⁷.

Наконец, в тесной связи с «ревизионизмом» было представлено положение о «западном веянии». «Ревизионизм и западное веяние — двоюродные братья», — говорил Ким Ир Сен²⁸. Под ярлык «западного веяния» подпадали кино, музыка, произведения искусства и стиль жизни граждан СССР и других стран соцлагеря в целом. По мнению северокорейского руководства, «западное веяние» разлагающим образом действовало на население (особенно молодежь), убивая в нем революционный дух. Именно эта причина привела к отъезду корейских студентов из всех социалистических стран, кроме Китая и Албании. Сам министр высшего образования КНДР Ким Чон Хи в августе 1962 г., касаясь отъезда студентов из СССР и стран Восточной Европы, говорил, что они там «ухаживают за девушками, увлекаются американской джазовой музыкой, отрицают свое национальное искусство, попадают под влияние буржуазной идеологии, неправильно воспринимают марксизм-ленинизм, не хотят ехать на Родину, так как у нас еще много трудностей и жизнь тяжелее, чем в европейских странах»²⁹.

Борьба с «ревизионизмом» берет свое начало с мартовского Пленума ЦК ТПК 1962 г., на котором Ким Ир Сен дал установку «настойчиво проводить во всех звеньях партии идеологическую работу против ревизионизма»³⁰ (эта заключительная речь Ким Ира Сена не была опубликована). Почему же почти открытое противостояние СССР в виде борьбы с «ревизионизмом» стало возможно после 1961 г., несмотря на то, что многие из противоречий сложились между СССР и КНДР еще раньше?

Во-первых, дистанцированию КНДР от СССР способствовал нараставший кризис советско-китайских отношений. В лице Китая в Северной Корее видели альтернативу Советскому Союзу. Вся компания по борьбе с «новым ревизионизмом» во многом ориентировалась на китайский пример. Во-вторых, к началу 1960-х годов в целом завершилась борьба с политическими противниками внутри КНДР, ознаменовавшаяся фактической победой Ким Ира Сена и его соратников. В-третьих, уверенность правящим кругам КНДР придавали как значительные успехи в восстановлении народного хозяйства, так и позитивные на тот момент тенденции в экономике³¹. Наконец, в 1961 г. КНДР подписала договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с СССР и КНР, что обеспечивало ей гарантии безопасности в случае конфликтов с Югом.

Как уже было упомянуто, компания по борьбе с «ревизионизмом» развернулась в первую очередь среди партийных работников. С целью разоблачения «ревизионизма» для партработников и служащих проводились специальные лекции, издавались брошюры и справочники по теоретическим вопросам и отдельным проблемам мировой политики. Примерами таких изданий могут служить закрытая брошюра Центрального телеграфного агентства Кореи для внутривнутрипартийного пользования «Изучение международного положения» (№ 17, 1964 г.), Справочник материалов для лекторов учебных групп кадровых работников (Пхеньян: Изд-во ЦК ТПК, 1962 г.)³².

Партийные работники КНДР были лишены возможности получать иную информацию кроме той, что предоставлялась им руководством, поскольку контакты с СССР по партийной линии были прекращены³³. В ответном письме на предложение советской стороны о встрече партийных лидеров в 1962 г. было сказано следующее: «Мы не считаем, что в настоящее время имеются такие насущные вопросы, которые требовали бы нового обсуждения на встречах представителей наших партий»³⁴.

Разоблачение «ревизионизма» и отдельных его положений развернулось и в общедоступной прессе, в основном в газете «Нодон синмун», в журналах «Кыллочжа» и «Чхолима». Кроме того, в свободной продаже были китайские журналы, содержавшие критику «современного ревизионизма». Тираж одного только журнала «Хунци» увеличился с 1961 г. по 1963 г. более чем в два раза. Напротив, советские газеты и журналы изымались из свободного обращения. Заказ советских газет уменьшился с 20 048 годовых комплектов в 1959 г. до 2615 — в 1963 г.³⁵ Этих комплектов хватало только на партийные и государственные учреждения и крупные библиотеки, в которых, кстати, не всегда свободно можно было получить экземпляры советских газет. Еще в 1962 г. преподаватель Хамхынского химического института Ким Бен Сен рассказал сотрудникам посольства, что в библиотеке института студентам не выдают «Правду». Чтение советских газет разрешено только преподавательскому составу с разрешения парткома³⁶.

Кроме того, любые попытки представителей СССР каким-либо образом повлиять на мнение населения, донести свой взгляд на некоторые идеологические и внешнеполитические положения пресекались корейской стороной. Советских представителей стали ограничивать в поездках по стране, выступлениях на мероприятиях и общении с корейскими гражданами. Из докладных записок сотрудников советского посольства известно, что каждый раз при организации бесед с корейскими гражданами МИД КНДР требовал от сотрудников посольства предоставлять развернутый план беседы. Только за первый квартал 1963 г. по разным причинам отклонено 9 запросов сотрудников посольства СССР в КНДР об организации бесед в корейских ведомствах и учреждениях. Организация командировок затягивалась обычно на 3–4 недели, а иногда и на 2–3 месяца. Немногочисленные речи советских дипломатов если и публиковались, то в сокращении и со значительной правкой текста³⁷.

В рамках борьбы с «ревизионизмом» и «западным веянием» были ограничены культурные и образовательные связи. Из СССР были отозваны студенты и аспиранты, радио прекратило вещание советских программ, советское кино закупалось в минимальном количестве (в 1962 г. по сравнению с 1959 г. объем закупок сократился в 10 раз — с 60 лент до 6), практически не осуществлялся обмен делегациями и творческими коллективами³⁸.

Еще одним методом борьбы стала работа КНДР с советскими гражданами и их семьями, проживающими в КНДР. Подобная «разъяснительная» работа велась как на территории КНДР, так и на территории СССР. Например, сотрудники Генконсульства КНДР в г. Находке «нарушали существующие закрытые районы и распространяли среди советских граждан материалы недружественного характера»³⁹. На территории КНДР за советскими гражданами нередко устанавливались слежки, велся контроль за посещениями ими Посольства СССР. После посещения СССР во время отпуска, советским гражда-

нам, проживавшим и работавшим в КНДР, отказывали в прежней работе. По имевшимся у посольства сведениям, власти КНДР начали кампанию против русских женщин, состоявших в браке с корейцами. «Партийные органы систематически оказывают нажим на мужей этих женщин, давая недвусмысленно понять, что их браки являются «грубой политической ошибкой», ведут дело к расторжению брака»⁴⁰. В случае отказа от разрыва семейных отношений и перехода супруги в корейское гражданство, такие семьи переселяли в отдаленные районы; по сведению посольства в 1963 г. около 70% мужей советских женщин из Пхеньяна были направлены в провинцию⁴¹. Кроме становившихся частыми случаев избиения жен — гражданок СССР мужьями, состоящими в корейском гражданстве, изгнания их из дома, трагических разрывов семейных отношений, известен случай избиения советской гражданки представителем власти КНДР. Также предпринимались попытки уговорить советских граждан не возвращаться в СССР, используя такие аргументы, что в Советском Союзе голод, рецидив капитализма, и что ситуация будет только ухудшаться⁴².

Борьба с современным «ревизионизмом» велась и на международной арене. Выражалось это главным образом в поддержке политических оппонентов СССР — Албании и Китая. Например, в разгар советско-албанского конфликта в ноябре 1961 г. КНДР направила Албании достаточно теплое послание, приуроченное к семнадцатой годовщине независимости, преисполненное заверениями в дружбе и дальнейшем развитии отношений⁴³.

Во время индо-китайского конфликта КНДР открыто в печати критиковала Индию, а на закрытых лекциях для партийных работников высокопоставленные лица даже позволяли критику в адрес СССР. Так, на одной из закрытых лекций в ноябре 1962 г. председатель ЦК ТПК Ким Чан Ман говорил: «СССР должен был поддержать КНР, а получилось наоборот — СССР отозвал из Китая специалистов, прекратил поставки оборудования для строящихся заводов, а в Индии строит 36 предприятий; предоставил ей помощь на 970 миллиардов долларов»⁴⁴. В целом, в КНДР считали, что «дуэт клики Хрущева и индийских реакционеров» ведет неприкрытую «антикитайскую» деятельность⁴⁵. Вслед за Китаем КНДР заняла достаточно жесткую позицию в оценке Карибского кризиса, считая действия СССР капитулянтством и предательством⁴⁶.

Кроме того, определенную пропагандистскую работу КНДР вела в рамках так называемой идеи афро-азиатской солидарности, активно продвигаемой Китаем. В аналитической справке Первого дальневосточного отдела МИД СССР сообщалось, что корейские товарищи использовали Организацию солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки и ее журнал «Трикониненталь» «для пропаганды своих особых взглядов по тем вопросам, по которым у них имеются разногласия с другими социалистическими странами и с международным коммунистическим движением»⁴⁷.

Кампания по борьбе с «ревизионизмом» была попыткой дискредитировать Советский Союз в глазах собственной партии, государственного аппарата и граждан для того, чтобы найти повод и обоснование того, что Корея строит и проводит независимый от СССР курс.

Формирование концепта «нового ревизионизма», а также кампания по борьбе с ним, имели ряд крайне негативных последствий. Что касается КНДР, то в первую очередь пострадала ее экономика. По инициативе корейской стороны были ограничены экономические связи, остановлено несколько экономических проектов. Без кадровой, научно-технической и экономической помощи СССР не могли нормально функционировать ряд предприятий КНДР, не удавалось собственными силами восполнить потребности в сырье для некоторых сфер производства⁴⁸. Не принесли пользы дискуссии о «ревизионизме» и остальному социалистическому лагерю, поскольку демонстрировали наличие внутренних противоречий между социалистическими странами. Разговоры о «ревизионистах» ставили под сомнение единство и сплоченность социалистического лагеря. Кро-

ме того, в этот период между СССР и КНДР был нарушен механизм взаимных консульских по партийной и государственной линии (за исключением, пожалуй, консульских по обсуждению корейского вопроса в ООН).

Особенно серьезным последствием стала утрата доверия КНДР к СССР. «Хоть мы и заключили военный союз с СССР, но сейчас мы не можем верить в него... Поэтому самое надежное — это возрождение на основе собственных сил», — учили партработников на закрытых лекциях⁴⁹.

Также в процессе устранения советского влияния на КНДР в первой половине 1960-х годов начался новый этап формирования северокорейской идентичности. Теперь эта идентичность строилась на противопоставлении себя не только капиталистическому миру, но и европейским членам социалистического лагеря, включая СССР. Эта идентичность основывалась на солидарности со странами, преимущественно азиатскими и африканскими — небольшими, слабыми экономически и политически, среди которых КНДР могла ощутить себя полноценным, полноправным, независимым государством. Даже после относительной нормализации отношений с СССР подобная позиция проявилась в достаточно активном участии КНДР в Движении неприсоединения.

Можно заключить, что конструкт «нового ревизионизма» был попыткой обвинить Советский Союз в пересмотре некоторых положений марксизма-ленинизма. Различные идеологические, политические, экономические и культурные разногласия получали теоретическое обоснование, наполнялись пропагандистским содержанием. Образ врага в виде «современного ревизионизма» стал политическим инструментом, а борьба за идеологическую чистоту — консолидирующим фактором внутри партии. «Угроза нового ревизионизма» послужила поводом для того, чтобы устранить влияние СССР и некоторых других социалистических стран на внешнюю, внутреннюю и экономическую политику КНДР, а также попытаться найти свое, относительно независимое место в мире.

1. *Ткаченко В.П.* Корейский полуостров и интересы России. М.: Восточная литература, 2000. С. 8; *Сен Се Па.* Политическая борьба в КНДР в 1953–1956 гг.: причины и динамика // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 3. С. 121.
2. *Scalapino R., Lee Chong-sik.* Communism in Korea. Berkley: University of California Press, 1972. P. 142.
3. *Chin O. Chong.* Pyongyang between Peking and Moscow: North Korea's involvement in the Sino-Soviet dispute, 1958–1975. Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 1978. P. 51, 53, 72–75; *Scalapino R., Lee Chong-sik.* Communism in Korea. P. 143–144.
4. *Szalontai Balazs.* Kim Il Sung in the Khrushchev era: Soviet-DPRK relations and the roots of North Korean despotism, 1953–1964. Washington DC: Woodrow Wilson Center Press, 2005. P. 184–185.
5. *Ким Ир Сен.* О некоторых задачах партийной и хозяйственной работы // Сочинения. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1984. С. 13.
6. Там же. С. 23.
7. *Ким Ир Сен.* Об укреплении методов и стиля работы партийных кадров // Сочинения. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1984. С. 422.
8. Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВПРФ). Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 18.
9. Embassy of Hungary in North Korea to the Hungarian Foreign Ministry. Report. MOL, XIX-J-1-j Korea, 8. doboz, 5/f, 0029/RT/1960. URL: http://legacy.wilsoncenter.org/va2/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=home.document&identifier=16E036D0-D6AA-4D40-C92613EBD41AAA6&sort=Subject&item=Korea, DPRK, Relations with the Soviet Union (дата обращения 17.07.2013); A record of the conversation between the Czech Ambassador in the DPRK with the Soviet ambassador, C. Puzanov. URL: http://legacy.wilsoncenter.org/va2/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=home.document&identifier=D8516BF9-E70D-857A-36E53C6E7EEEEBA25&sort=Subject&item=Korea, DPRK, Relations with the Soviet Union (дата обращения 17.07.2013); АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 25.

10. *Chin O. Chong*. P. 81–83.
11. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 37, 38.
12. Там же. Л. 35.
13. *Цой Гон Хен*. Эпоха великой борьбы, эпоха революционных бурь // Чхоллима. 1964. № 1. (Цит. по: АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 16. Л. 106.)
14. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 16. Л. 171.
15. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 42–43.
16. *Ким Ир Сен*. Об укреплении организационной и идеологической работы партии // Избранные сочинения. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1977. Т. 3. С. 348.
17. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 45.
18. *Ким Ир Сен*. Наша народная армия — армия рабочего класса, армия революции. Непрерывно усиливать классовую политико-воспитательную работу // Сочинения. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1984. Т. 17. С. 77; Кылlochжа. 1963. № 2. (Цит. по: АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 12. Л. 68).
19. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1961. С. 100–102.
20. *Ким Ир Сен*. Об укреплении организационной и идеологической работы партии. С. 350.
21. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 12. Л. 27.
22. Там же.
23. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 12. Л. 170.
24. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 16. Л. 105.
25. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 18. П. 94. Д. 11. Л. 34.
26. Там же. Л. 55.
27. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 16. Л. 115–116; АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 18. П. 94. Д. 11. Л. 34; АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 12. Л. 70; Embassy of Hungary in North Korea to the Hungarian Foreign Ministry. Report. MOL, XIX-J-1-j Korea, 5.doboz,5/bc,004558/RT/1964. URL: http://legacy.wilsoncenter.org/va2/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=home.document&identifier=3A616E1FF724FC1FB218FB1DBA0747DC&sort=Subject&item=Korea, DPRK, Relations with the Soviet Union (дата обращения 17.07.2013).
28. *Ким Ир Сен*. Об укреплении организационной и идеологической работы партии. С. 352.
29. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 18. П. 94. Д. 11. Л. 30.
30. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 77.
31. *Ланьков А.Н.* Август, 1956 год: кризис в Северной Корее. М.: РОСПЭН, 2009. С. 269.
32. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 12. Л. 170; АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 16. Л. 122.
33. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 12. Л. 65.
34. Там же.
35. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 23, 24.
36. Там же. Л. 35.
37. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 18. П. 94. Д. 11, Л. 36, 37; АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 11–12.
38. *Szalontai Balazs*. Op. cit. P. 181, 185.
39. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 12. Л. 62.
40. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 82–84.
41. Там же.
42. Embassy of Hungary in North Korea to the Hungarian Foreign Ministry. Report. MOL, XIX-J-1-j Korea, 5.doboz,5/bc,004558/RT/1964. URL: http://legacy.wilsoncenter.org/va2/index.cfm?topic_id=1409&fuseaction=home.document&identifier=3A616E1FF724FC1FB218FB1DBA0747DC&sort=Subject&item=Korea, DPRK, Relations with the Soviet Union (дата обращения 17.07.2013).
43. *Chin O. Chong*. Op. cit. P. 66.
44. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 47.
45. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 20. П. 102. Д. 16. Л. 122.
46. *Chin O. Chong*. Op. cit. P. 75–76.
47. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 26. П. 119. Д. 2. Л. 15, 16.
48. АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 19. П. 98. Д. 11. Л. 84, 85.
49. Там же. Л. 42.

Особенности освещения русско-японской войны 1904–1905 гг. на страницах дальневосточной прессы

© 2016

М.А. Бордаков

В статье раскрываются особенности освещения русско-японской войны 1904–1905 гг. на страницах газет и журналов, выходивших в тылу международного конфликта, в котором Россия играла ключевую роль. Указывается на то, что население восточных регионов империи не относилось к японской агрессии как «к желтой опасности», а зачастую о восточном соседе журналисты и общественность отзывались с уважением и в более сдержанных тонах, чем в остальной России. В этом принципиальное отличие в подаче информации о русско-японском конфликте дальневосточных газет от печатных изданий остальных российских губерний.

Ключевые слова: цензура, русско-японская война, образ японцев, пропаганда, дальневосточная печать

В начале XX в. российский Дальний Восток превращается в центр международной политики. Апогеем противостояния двух морских держав — России и Японии становится полномасштабный конфликт, причем не только вооруженный, но и информационный. Печатное слово становится мощным орудием пропаганды в руках высшей власти, политиков, военных, губернаторов и т. д. Непопулярную войну пытались сделать «народной», прибегая при этом к самым различным способам влияния на общественное сознание.

Основу информационного обеспечения жителей Приамурского края сведениями о русско-японской войне составляли столичные и местные газеты. Информацию о конфликте население российского региона, находящегося ближе всего к боевым действиям, получало также непосредственно от участников военных событий. Письма, телеграммы, открытки, общение во время побывок и отпусков солдат и офицеров — все это содержало сведения о войне. Однако массовым источником информации для жителей Дальнего Востока оставались, конечно, газеты. Учитывая, что местные издательства не имели на фронте собственных корреспондентов, редакциям самостоятельно приходилось заниматься сбором и обработкой огромного потока информации, который стекался из районов боевых действий.

Интерес местного населения к событиям войны, без преувеличения, был огромен, но анализ содержания дальневосточных газет показывает, что информации, касающейся главного на тот момент мирового события, происходящего в непосредственной близости, жители дальневосточных городов получали крайне мало.

Тематику публикаций, так или иначе посвященных военному конфликту, можно разделить на две группы. Первая касается информации, где авторы рассказывают о напряженной обстановке на политической арене России и всего мира, о дипломатической стороне вопроса. В таких статьях, с одной стороны, анализируются причины начала войны, осуждается агрессия малоизвестного противника, с другой — объясняется необходимость защиты интересов России.

Вторая группа статей рассказывает о финансово-организационных изменениях двух армий: о состоянии флота, об отдельных и принципиально важных боях, о ранениях солдат, о жизни в плену и т.п.

В отдельную группу следует выделить статьи о влиянии войны на жизнь в тылу. Именно эта категория публикаций служит источником материала для изучения общественного сознания и так называемой локальной истории. Из таких заметок мы узнаем об отношении людей к врагу, об изменении привычной жизни в провинции в связи с началом военных действий, здесь находим и истории из повседневной жизни россиян.

Автор ставит перед собой задачу определить частоту появления на страницах изучаемой прессы информации, прямо или косвенно связанной с русско-японской войной (основываясь на группах публикаций, указанных ниже); понять особенности восприятия жителями Дальнего Востока образа японцев и Японии как врагов Отечества.

Источниками для анализа стали статьи из трех региональных газет, выходивших в начале XX в. в самых крупных городах Дальнего Востока: «Дальний Восток» (Владивосток), «Амурский край» (Благовещенск) и «Никольск-уссурийский листок» (Никольск-Уссурийский). Выбор этих изданий обусловлен тем, что газеты выходили в трех крупнейших городах региона и считались наиболее влиятельными изданиями. Их редакции придерживались разного направления, от монархического до прогрессивно-либерального¹, и выражали мнение разных социальных слоев. Эти газеты выходили в 1904–1905 гг., то есть в их публикациях отражен весь период военных действий на Дальнем Востоке. К сожалению, большой проблемой является отсутствие в архивах и библиотеках полного комплекта изучаемых газет за 1904 и 1905 гг.

Минимальное число публикаций, позволяющее получить достоверные статистические результаты, определено исследователем в количестве 500, обработано 10 номеров дальневосточных газет за 1904 г.

Контент-анализ периодики Приамурского края позволяет убедиться, что поток информации, который ежедневно поступал к читателям, не давал ясного представления о русско-японском конфликте.

Тематика публикаций в трех газетах (1904 г.) распределяется следующим образом:

- сообщения из жизни европейских стран и народов, мировая хроника — 221;
- новости из жизни российских губерний — 127;
- сообщения о ходе военных действий на Дальнем Востоке — 62;
- сообщения о мирной жизни и быте городов Дальнего Востока — 15;
- остальное — 75.

Несмотря на высокий интерес к военным действиям среди местного населения, материалов на эту тему на страницах дальневосточной прессы мало. Сообщения, освещающие ход военных действий, составляют всего 12% от всего потока информационных заметок, опубликованных в местных изданиях. Так, из 500 новостных публикаций лишь 62 сообщения так или иначе касаются военной темы. При этом в данном подсчете не учтены авторские статьи, в том числе перепечатки из центральных и военных изданий.

Большинство заметок в разделе «Хроника» и «Новости» информировали читателя о событиях из жизни европейских стран. Таких сообщений в подборке оказалось 221. Примечательно, что читатели Владивостока и Хабаровска, к примеру, о ситуации за рубежом были осведомлены куда лучше, чем о внутренней жизни страны. Ведь лишь 25% сообщений в дальневосточных СМИ касались новостей из российских губерний. Здесь чаще всего появлялись названия таких городов, как Чернигов, Новороссийск, Симбирск, Нижний Новгород, Казань, Санкт-Петербург и другие.

Необходимо обратить внимание и на лексику публицистических текстов в дальневосточной печати. Очевидно, что почти во всех газетных материалах того времени авторы широко используют выражающие неопределенность слова и словосочетания: «будто», «по слухам», «возможно», «вероятно», «по недостаточно ясному сообщению» и т.п.

«По слухам, всем служащим Уссурийской железной дороги, по случаю подорожания продуктов увеличивается содержание»².

«В городе циркулирует слух будто все державы сделали представление Японии о сохранении статус кво...»³.

«По обрывистому сообщению, японский флот после бомбардировки Порт-Артура куда-то ушел»⁴.

«Вероятно, в Токио были уверены, что после поражения у Мукдена русские не состояни будут продолжать войну»⁵.

В газете «Никольск-уссурийский листок» даже появилась рубрика «по газетным домыслам».

Частое употребление слов такого типа свидетельствует о том, что публиковавшаяся информация была вторичной, неточной, неполной и зачастую не соответствующей действительности.

Это отмечали даже редакции газет. Так, редактор газеты «Амурский край», которая во время войны «стала влиятельным органом печати региона»⁶, Г.И. Клитчоглу пишет: «Ужасно обидно, что в столь тяжелый момент нет органа, который давал сколь-нибудь верные сведения о положении дел. Российское телеграфное агентство или перепечатывает с “Рейтера” или “Гаваса” и др. иностранных агентств или печатает пустословие своих собственных корреспондентов. Благодаря такому ненормальному положению вещей приходится довольствоваться сведениями иностранных агентств. Но к ним приходится относиться осторожно. На редакциях лежит нравственная обязанность разбираться в противоречивых известиях и помогать читателю выбирать наиболее достоверные из них»⁷.

Одним из ключевых направлений периодической печати Дальнего Востока с февраля 1904 г. стало формирование образа врага. Местное население довольно часто контактировало с японцами: в открытые порты заходили японские суда, города посещали азиатские предприниматели, торговые агенты. В исследовании А.А. Панова указано на то, что азиаты в начале XX в. составляли 30% населения дальневосточных городов и были привычными обитателями региона⁸. Зажиточное население часто принимало на работу жителей азиатских стран.

Уже перед началом войны столичные газеты начали целенаправленно формировать образ врага. Японская цивилизация изображалась как языческая и варварская, а потому чуждая и даже враждебная христианской, европейской культуре. По замечанию исследователя вопроса, историка Э.А. Воробьевой, «к началу конфликта в русском обществе создалось совершенно превратное представление о своем противнике, особенно о японской армии и флоте, которые изображены в духе лубочных картин»⁹. Автор отмечает, что в первые месяцы конфликта японцев называли «япошками», «желтолицыми обезьянами», «макаками», «узкоглазыми карликами» и т.п.¹⁰

Е.В. Степочкина, преподаватель Самарского государственного университета, делает вывод, что восприятие японцев русским обществом по понятным причинам за время конфликта значительно изменилось. Сразу после внезапного нападения на Порт-Артур жители островного государства на страницах газет и из уст общественных деятелей именовались не иначе как «желтолицыми», «япошками», «дикарями» и так далее. Е.В. Степочкина отмечает, что негативные штампы, во время войны многократно усиленные, находили отражение и в публично выражаемых, и в частных оценках в пренебрежительной и даже оскорбительной форме¹¹. Иногда стремление унижить врага принимало фантастические и абсурдные формы. Так, Е.В. Степочкина нашла в солидной литературно-политической газете XX в. «Русская мысль» заметку, в которой говорилось, что «японцы вообще служат дьяволу, агрессивны и бессмысленно жестоки, а в бой японцы могут ходить абсолютно голыми, поскольку преданность их принадлежит не отечеству, а микадо...»¹².

Аналогичные выводы о характере оценок японцев в публичных высказываниях делает Е.А. Гладкая: «Уничижительная оценка реального противника распространялась практически во всех газетах и социальных уровнях российского общества»¹³.

По утверждению канадского ученого Дэвида Схиммельпеннинка ван дер Ойе, блестящего специалиста по истории международных отношений начала XX в., во время русско-японской войны оскорбительные высказывания в адрес Японии могли звучать даже не в статьях далекой от театра войны провинциальной печати, а из уст высших государственных деятелей. В одном из своих исследований он пишет о том, как часто военный министр России А.Н. Куропаткин использовал уклончивые метафоры типа «желтый поток», «желтые волны», а уже в 1905 г. открыто говорит о «желтой опасности»¹⁴.

Именно под влиянием указанных обстоятельств у жителей России возникло сформированное периодической печатью устойчивое представление о «желтой угрозе» и воинственно настроенной «азиатской орде».

Подобное восприятие врага существовало во всех провинциях российской империи за исключением восточных окраин, то есть регионов, ближе всего находившихся к далекому островному государству. Анализ выступлений в дальневосточной печати показывает связь местного населения с жителями Восточной Азии, при этом тон редакционных статей вовсе не проникнут ненавистью. О восточных соседях газеты говорят в сдержанных интонациях, без ярко выраженной агрессии, хотя и осуждают внезапную военную активность японцев.

Показательным в этой связи является материал, опубликованный в первые дни войны в газете «Амурский край». «Среди нас осталось несколько японцев, которых многие будут считать нашими врагами. Но встретив их на улицах нашего города, не надо забывать, что здесь мы сильнее их, потому следует считать их неприкосновенными, помня, что нас много, их мало»¹⁵.

Быть толерантными к японским резидентам призывают многие авторы местной прессы. Например, военный губернатор Амурской области Д.В. Путята обращается через газету «Амурский край» к местному населению с просьбой быть лояльными к японцам, не допускать беспорядка и насильственных действий в отношении японских подданных. «Виновные в проявлении малейшего насилия над упомянутым иностранным населением будут привлекаться к ответственности по всей строгости закона»¹⁶.

Более 250 японцев, проживавших к тому времени в Благовещенске, были обеспечены охраной и «переселены ради их блага в особые дома» на месте бывшего китайского квартала.

Дальневосточные газеты с некоторым сочувствием пишут о японцах, оказавшихся на территории враждебной страны. «Никольск-уссурийский листок» сообщает, что «никольцы поражены неожиданным и одновременным бегством из города азнатов: лавочники побросали товар, мастеровые прихватили с собой лишь верхнее платье. Исчезли прачки-японки, и отдавшие им белье в большом горе, не зная, где и как его искать»¹⁷.

О скоропалительном отъезде японских подданных сообщают и газеты Владивостока. «Дальний Восток» от 31 января 1904 г. пишет: «*Мирная, трудолюбивая японская колония сделалась неузнаваемой. За бесценнок продавались домашний скарб, имущество, накопленное долгими трудовыми годами. Рассудительные, спокойные японцы превратились в бессмысленную стихию, стадо. Многие стремятся на пароход, который унесет их в Японские воды. Владивосток лишился в уехавших японцах полезных ремесленников, столяров, плотников, слесарей, парикмахеров, домашней прислуги...*».

Одновременно на страницах газет появляются статьи, рассказывающие о повседневной жизни японцев. При этом, если и говорится об инаковости этих людей, то без агрессии, характерной для печати западных провинций. Ярким примером может служить статья в «Амурском крае» за 24 февраля 1904 г. Автор П. Надин сообщает читателям о том, что японцы любят открытую жизнь: «Как только японец просыпается, он открывает стены своего жилища и, не стесняясь, ведет обычную жизнь. Улицы в Японии — самое безопасное место для детей. Японец *жизнерадостен* и любит бывать в обществе, охотно посещает парки. Японец любит читать. Газеты в этой стране очень распространены и замечательны своей дешевизной».

В газете «Дальний Восток» 27 января 1904 г. опубликована статья «Японские дети», в которой в позитивном ключе автор рассказывает о *безупречном* воспитании малышей из этой страны. «Они родились на свет уже обученные всем правилам вежливости. При разговоре со взрослыми они опускают глаза и не задают неприличных вопросов. Девочки обращаются с куклами не как наши, они почитают их за святыни».

Журналисты «Дальнего Востока» к концу 1904 г. делают вывод, что до трагичных событий начала XX в. русские ничего не знали о Японии, «не интересовались нашей желтолицей соседкой». В России тех, кто знает японский язык, всего несколько десятков человек. Всего в двух учебных заведениях империи преподают японский язык: Лазаревский институт восточных языков в Москве и факультет восточных языков в Санкт-Петербурге. Но, по словам авторов статьи, «уровень знаний студентов очень низкий, и никто из них не может служить переводчиком на театре войны»¹⁸.

Также газета отмечает, что российское общество не может сформировать объективного представления о восточном враге, поскольку в нашей стране нет даже специальных книг о Японии. А из дешевой литературы, доступной для народа, можно назвать лишь книгу Е.И. Булгакова «Япония и Японцы», выпущенную в 1899 г.

Несмотря на то, что дальневосточная публицистика в начале войны с Японией почти не содержала оскорбительных высказываний в адрес противника, в целом печать негативно отзывалась о начале военных действий. При этом местная пресса для многих жителей региона была единственным источником информации, а потому популярность газет в этот период возрастает.

Доброволец русской армии Н.В. Воронович, который в 1920-х годах эмигрировал в США, вспоминает: «На каждой большой станции мы бросались к книжному киоску и покупали свежие газеты, впиваясь глазами в телеграммы главнокомандующего. Но из этих телеграмм трудно было выяснить тяжелое положение на фронте. В них говорилось об отдельных маловажных эпизодах: о геройском подвиге какой-нибудь охотничьей команды, о лихом отражении японской атаки на какую-то сопку или о пленении одного японского офицера»¹⁹.

С затягиванием военного конфликта, уже к середине 1904 г. дальневосточные журналисты включаются в свойственную для всех периодических изданий того времени идеологическую и пропагандистскую войну, а приметой времени, пишет исследователь сатирической печати Т.А. Филиппова, стало «характерное для русско-японской войны идейное, медийное, информационное соперничество противоборствующих сторон»²⁰. По ее словам, «журналисты с готовностью подхватывали любые известия с театров военных действий, внушавшие хоть какой-то оптимизм, и сразу же отражали их на страницах изданий, помещая в сугубо позитивный контекст»²¹.

Постепенно в печати и обществе образ врага меняется: Россия воюет не с «полудикими япошками», а с хорошо обученной, организованной армией. Такой же тон поддерживает и дальневосточная пресса. Газеты региона чаще выбирают для публикаций материалы, рассказывающие о первоначальной недооценке восточного соседа.

«Никольск-уссурийский листок», копируя статью немецкого журнала «Ost-Asien», указывает, что успешной Япония стала после введения конституционного строя. В Японии царит полная свобода вероисповедания. Имеются громадные успехи в области ухода за больными. Японская армия по числу равна английской, в будущем она может быть значительно увеличена. Военное образование поставлено очень хорошо.

Если в начальный период войны в газетных статьях можно встретить свидетельства о том, что обращение с российскими военнопленными было чрезмерно жестоким, то позже газеты писали о большей лояльности врага к противнику, попавшему в плен. В частности, «Амурский край» (1905. № 51) цитирует письмо солдата из крестьян, попавшего в плен. Он сообщает, что в Японии с пленными обращаются хорошо и что заморская страна ему нравится: «не уехал бы, говорит, оттуда».

Интересное замечание по поводу японского оружия находим в газете «Дальний Восток». Профессор медицины в поезде по пути на Дальний Восток рассказывал корреспонденту:

понденту, что сейчас военные врачи делают меньше ампутаций. «Громадное значение имеет современное оружие. Самая гуманная пуля — японская. Она насквозь пробивает желудок, кишки, легкое и через две недели человек на ногах. Смертность же от наших ружий больше на 30 процентов».

Дальневосточные журналисты стремились поднять патриотический дух читателей и выбирали для публикаций материалы, восхваляющие силу русского оружия.

Исследовательница дальневосточной журналистики Л.М. Сквирская отмечает, что «демократические линии газет начали явно проявлять себя во время русско-японской войны»²². Особенно это высказывание применимо к местным газетам второй половины войны, когда в стране началось революционное движение.

Для многих жителей Дальнего Востока пресса была главным источником получения сведений о мировых и региональных событиях. При этом местное население, несмотря на то, что находилось в ближайшем тылу и больше других нуждалось в достоверной информации, таковой не имело. И в этом смысле приамурская периодика не отличалась от периодики других регионов. Сведения о военных действиях были скудными, официальными, зачастую неточными.

Иначе выглядела оценка врага на страницах местной печати. В начале конфликта газеты сдержанно высказывались о «противнике-соседе», называя при этом японцев «рассудительной, образованной и мирной нацией». Но после долгих неудач русского оружия на море и на суше дальневосточная печать включается в общероссийскую кампанию осуждения японской агрессии.

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 24. Оп. 1. Д. 4. Л. 4–5.
2. Дальний Восток. 1904. № 112.
3. Там же. 1904. № 2.
4. Амурский край. 1904. № 150.
5. Там же. 1904. № 60.
6. Ремизовский В.И. История печати на Дальнем Востоке: материалы для биограф. справ. // Редакторы газет Дальнего Востока. Хабаровск: Обществ. ин-т Дальнего Востока, 2012. С. 14.
7. Амурский край. 1904. № 22.
8. Панов А.А. Желтый вопрос в Приамурье: Истор.-статист. очерк. СПб., 1910. С. 66.
9. Воробьева Э.А. Русско-японская война 1904–1905 годов и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока (по материалам ведущих местных периодических изданий): Автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. С. 14.
10. Там же.
11. Степочкина Е.В. Эволюция образа врага в провинции во время русско-японской войны 1904–1905 гг. // Вести. СамГу. 2008. № 1. С. 64.
12. Там же. С. 65.
13. Гладкая Е.А. Русско-японская война в массовом сознании и общественной мысли русского общества в начале XX века. Автореф. дис... канд. истор. наук. Ставрополь, 2008. С. 17–18.
14. Схиммельпенинк ван лер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое лит. обозрение. 2009. С. 144.
15. Амурский край. 1904. № 11.
16. Там же. 1904. № 12.
17. Никольск-уссурйский листок. 1904. № 14.
18. Дальний Восток. 1904. № 197.
19. Воронович Н.В. Русско-японская война: Воспоминания. Нью-Йорк: Изд. авт., 1952. С. 17.
20. Филиппова Т.А. «Враг с востока»: Образы и риторики вражды в русской сатирич. журналистике в начале XX в. / Предисл. В.И. Шеремета. М.: АИРО-XXI, 2012. С. 50.
21. Там же.
22. Сквирская Л.М. Первая политическая и литературная газета на Дальнем Востоке // Вопр. журналистики. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1970. Вып. 1. С. 25.

Культура

Сахалин и Курильские острова в европейской литературе: краткий обзор

© 2016

Е.А. Иконникова

В статье описываются сочинения мореплавателей, путешественников, публицистов и писателей Европы о Сахалине и Курильских островах за период XVII — XX веков, в которых уделяется особое внимание геополитическому положению региона, жизнедеятельности его коренных народов и восприятию Сахалина А.П. Чеховым.

Ключевые слова: Сахалин, Курильские острова, каторга, айны, А.П. Чехов, публицистика, художественная литература.

От Корнелиса Куна до Жюль Верна

Географическое положение Сахалина и Курильских островов привлекало внимание многих мореплавателей и путешественников из Западной Европы. Активное освоение восточных побережий Азии началось в XVII — XVIII веках. Результаты каждого знакомства с расположенными на Дальнем Востоке островами реализовывались в создании разного по характеру материала — карт, инструкций, бортовых хроник, отчетов, воспоминаний, писем и др. При этом значительная часть подобных работ не имела широкой читательской аудитории, а была ориентирована исключительно на узкий круг специалистов, чаще всего интересовавшихся именно морской проблематикой. Некоторые из создаваемых путевых произведений обладали публицистической ценностью, но основное назначение такой литературы сводилось к научному и научно-популярному информированию о том, что представляют собой острова у восточного побережья Азии.

Одним из первых источников, наиболее полным, с упоминанием о Курильских островах, в Западной Европе считается бортовой журнал старшего штурмана «Кастрикума» Корнелиса Янсона Куна — члена голландской экспедиции, возглавляемой мореплавателем и картографом Маартеном Герритсеном Фрисом (1589–1646). «Дальневосточная» часть журнала Куна охватывает около полутора месяцев с ежедневными записями и обязательными погодными наблюдениями от 13 июня до 31 июля 1643 года.

Хроники о Курильских островах можно найти и в четырехтомном сочинении французского мореплавателя «Путешествие вокруг света Лаперуза» (1797) Ж.-Ф. де Га-

Иконникова Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета.

E-mail: e.ikonnikova@hotmail.com.

ло де Лаперуза (1741–1788). Дневник, инструкции, письма и отчеты участников экспедиции, составленные писателем и членом экспедиции Лаперуза Бартеlemi де Лессепсом (1766–1834), были переведены на разные европейские языки, в том числе фрагментарно и на русский язык, в 1880 г.

Об этой книге мореплавателя М.С. Высоков пишет следующее: «Обо всех открытиях, сделанных французской экспедицией, мы знаем в значительной степени благодаря дневнику, который Лаперуз вел буквально с первого до последнего дня. Сам дневник, вероятнее всего, погиб вместе с его автором. Однако в ходе экспедиции Лаперуз трижды имел возможность вместе с письмами, картами и рисунками переправить во Францию собственноручно переписанные копии своих дневниковых записей. После исчезновения Лаперуза именно они стали основным свидетелем тех многочисленных открытий, которые были сделаны французскими моряками в Тихом океане»¹.

Интересные наблюдения о Сахалине и Курильских островах обнаруживаются в работе британского мореплавателя Уильяма Роберта Броутона (1762–1821). Свои впечатления об экспедиции 1796–1797 гг. на шлюпе «Провиденс» он отразил в книге «Путешествие в Северный Тихий океан, в ходе которого берега Азии от 35 до 52 параллели, берег Инсу (более известный как земля Иезо), северный, южный и восточный берег Японии, Ляочао и прилегающие к ним острова, равно как и берега Кореи, были исследованы и описаны в “Путешествие в Северный Тихий океан на шлюпе его величества «Провиденс» и его тендере в 1795, 1796, 1797, 1798 годах”» (1804). Книга У.Р. Броутона, равно как и произведения других европейских путешественников, были известны А.П. Чехову в период подготовки к поездке на Сахалин в 1890 г.

Физико-географическая картина Курильских островов, а вместе с ней этнографическое описание коренных народов региона (в данном случае — айнов) имеется в работах английского зверопромышленника Генри Джеймса Сноу (1848–1915), бороздившего просторы Тихого океана в 1870–1890-х годах. Дальний Восток изображен Г. Дж. Сноу в «Заметках о Курильских островах» (1897) и «В запретных морях» (1910). Обе эти книги, работа над которыми была начата путешественником по просьбе его друзей, были изданы в Лондоне.

Одновременно с записками и отчетами западноевропейских мореплавателей увлекательные рассказы (от эпизодических упоминаний до развернутых описаний) обнаруживаются и в популярной художественной литературе. Так, например, французский географ и писатель Жюль Верн (1828–1905) увлекательно рассказывал об экспедиции Лаперуза к Курильским островам в книге «История великих путешествий и великих путешественников» (1880). Примечательно, что действие многих произведений этого популярного в XIX веке писателя разворачивается в России, например, в романе «Михаил Строгов: курьер царя» (1876), в которой Жюль Верн так никогда и не побывал.

Однако в западноевропейской литературе XVII—XIX веков образы Сахалина и Курильских островов описываются чаще всего эпизодически и значительно уступают тому объему художественной и публицистической литературы, которая была создана главным образом на русском языке. При этом есть и небольшие исключения, представленные различными по своему литературному характеру произведениями Б.Д. Ховарда, Ч.Г. Хоуза, П. Лаббе, А. Кейзерлинга и других авторов.

Американский доктор о Сахалине и айнах

Американский хирург Бенджамин Дуглас Ховард (1836–1900) интересовался пенитенциарной системой как у себя на родине, в США, так и за ее пределами. Для изучения мирового тюремно-каторжного опыта Ховард совершил несколько путешествий: побывал в Великобритании, Германии и Италии, познакомился с Индией, Цейлоном, Монголией, Китаем, Кореей и Японией. В июле 1890 г. Ховард, встретившись со зрителем

Корсаковской тюрьмы Виктором Васильевичем Шелькингом (1847— ?) во Владивостоке, отправился на Сахалин. Однако все ценные фотографии и письменные свидетельства пребывания Ховарда на Сахалине были утеряны. По признанию Ховарда, его багаж остался на утонувшем японском корабле, на котором путешественник отплыл с Сахалина на Хоккайдо. Самому Ховарду и нескольким его спутникам чудом удалось спастись во время шторма около мыса Крильон.

Знакомство путешественника с Сахалином воплотилось в двух его книгах — лондонском издании «Жизнь среди сибирских дикарей» (1893, русский пер. 2007) и нью-йоркской публикации «Узники России. Частное изучение жизни каторжников Сахалина и Сибири» (1902, русский пер. 2007). Основанные на передаче наблюдений и впечатлений книги Ховарда написаны ярким, увлекательным языком. И это не случайно. Автор ориентировался, по его собственным словам, на «массового читателя», а не только на «ученых-специалистов»².

Ховард пытался охватить многие сферы жизнедеятельности острова, но в первую очередь обращал внимание на то, чем питаются и занимаются каторжане, как решаются на острове брачные вопросы (не только среди каторжан, но и у айнов — достаточно вспомнить, например, описанный в книге случай попытки айнов женить Ховарда на одной из местных красавиц). Размышлял автор о религиозной жизни сахалинцев, о возможности перевоспитания преступников, о сахалинских животных, помогающих людям или задействованных в культовых ритуалах, и, конечно же, сравнивал англо-американскую каторгу с российской.

Описывая «репутацию острова Сахалин», Ховард замечал: «После моего возвращения в Европу я не смог найти ни одной книги на любом языке, в которой рассказывалось бы о повседневной жизни чиновников, ссыльных и заключенных острова Сахалин, увиденной глазами автора»³. Ховард убежден в том, что он был одним из первых людей, перед которым раскрылся каторжный остров. Доктор писал, что по его сведениям, на Сахалин «не удалось до сих пор ступить ногой не только иностранцу, но и любому другому путешественнику»⁴.

Несмотря на повествовательную яркость жизнь произведений Ховарда оказалась недолговечной. Сегодня работы Ховарда интересны, прежде всего, специалистам в области истории и этнографии.

Европейцы о каторге на Сахалине

Английский журналист и писатель Чарльз Генри Хоуз (1867–1943) называл себя «первым британским подданным, исследовавшим северные районы острова Сахалин»⁵. В молодости Хоуз занимался торговым бизнесом, а в 1890-е годы увлекся антропологическими изысканиями, совершив с этой целью несколько поездок за границу. В частности, Хоуз участвовал в археологических раскопках, осуществляемых его супругой Хэрриэт Бойд на острове Крит. В сентябре 1901 г. журналист прибыл на север Сахалина, в пост Александровский. В связи с прекращением навигации Хоуз изменил первоначальный план путешествия, отказавшись от поездки к айнам, и сосредоточился на знакомстве с сахалинскими нивхами и каторжным бытом поселенцев. Четыре месяца журналист провел на острове: собирал материал, делал рисунки, составлял карты, много фотографировал.

Вернувшись на родину, он опубликовал статью о сахалинской каторге «Остров убийц» (март, 1903), а затем — книгу «На восточной окраине. Отчет о научных исследованиях среди коренных народностей и каторжников Сахалина и заметки о путешествиях в Корею, Сибирь и Маньчжурью» (1904, русский пер. 2003). Иллюстрированная картами и фотографиями книга «На восточной окраине...» состоит из 23 объемных

частей с добавлением к ним небольшого глоссария из нивхских (в тексте — гиляцких) и айнских слов.

Собственно «сахалинский» материал книги уместился между 6-й («Остров Сахалин») и 20-й («От Сахалина до Владивостока») частями. Подзаголовки к 14 частям книги позволяют проследить и маршрут передвижения писателя, и топонимику Сахалина в самом начале XX столетия: Александровск, село Славы (в тексте — Славо), село Адо-Тымово (в тексте — Адо-Тыми), залив Чайво, лагуна Ныйво и др. В своей книге Хоуз дает предельно развернутые описания сахалинской природы и людей, живущих на острове. В поле зрения автора книги попадают и каторжники, и местная администрация, и «кинородцы» и немногочисленные иностранцы.

Много путешествовавший по России член Французского географического общества Поль Лаббе (1867–1943) летом 1899 г. на пароходе «Байкал» прибыл на Сахалин. Лаббе не был лишен литературного таланта: до поездки на каторжный остров он писал статьи в сибирскую газету «Восточное обозрение». Активно интересуясь отдаленными российскими провинциями, мог увлекательно рассказать об этом. Поездка на Сахалин увенчалась изданием в Париже книги Лаббе «Русская каторга: остров Сахалин» (1903). Новая европейская книга сразу же привлекла внимание русского писателя и переводчика Николая Акимовича Васина (? — 1933). И в этом же, 1903 году в Санкт-Петербурге была опубликована книга Лаббе с несколько измененным названием — «Остров Сахалин: Путевые впечатления» (переиздание 2011). Перевод Н.А. Васина был дополнен фрагментами из «сахалинских» книг А.П. Чехова, В.М. Дорошевича, И.П. Миролубова и мнениями других писавших о каторжном острове людей.

Но используемое переводчиком название книги отсылало читателей прежде всего к уже известным авторам и их произведениям, а именно: чеховскому «Остров Сахалин» (1895), к серии сахалинских очерков В.М. Дорошевича и их книжной версии под одной обложкой «Сахалин» (1903) и книге «Восемь лет на Сахалине» (1901) И.П. Миролубова. Эти отсылки, видимо, потребовались переводчику для подтверждения впечатлений французского путешественника. При этом во второй половине книги, когда Лаббе описывал жизнь уйльта, нивхов (в тексте — ороков и гиляков соответственно), тунгусов или айнов, вставки из произведений русской литературы о каторге переводчиком уже не использовались.

Книга Лаббе подробна и обстоятельна, писатель старался показать тот образ острова, который был не знаком обывателям. «Русские о Сахалине, — писал Лаббе в первой главе, — иначе не говорят, как с каким-то неопределенным ужасом, и все мои московские и петербургские друзья отсоветовали мне отправляться в дорогу. Однако я поехал»⁶.

Знакомство с Сахалином началось для французского путешественника с Александровского поста: «Берег состоит из больших черных, а иногда красноватых утесов, рассеченных по всем направлениям; обвалы образовали многочисленные рифы, и весь берег казался величественным, печальным и диким; город выстроен амфитеатром у подножия высоких гор с голыми вершинами, и солнечные лучи, разлившись по нем во время моего приезда, придавали ему обманчивую красоту; над городом, в стороне, горел еловый лес»⁷.

Русское издание книги Лаббе содержало около 50 иллюстраций, часть из которых была сделана Алексеем Александровичем фон Фрикеном, и любопытные для российских читателей факты. Путешественник постарался детально представить островные тюрьмы, рассказать о социальном положении женщин на каторжном острове, описать айнские и нивхские обычаи (фольклор, верования, вступление в брак, праздник медведя, чествование охотников) и др. В отдельных частях книги Лаббе ощущается легкая ирония над существующими нравами и общей административной системой на острове: «...на Сахалине есть телефон! — писал французский ученый, — во всем чувствуется недостаток, а телефон есть!»⁸.

В отличие от Хоуза, Лаббе не пользовался услугами переводчика во время путешествия по острову, поскольку неплохо говорил по-русски: об этом свидетельствуют не только современники путешественника, но и страницы о доверительных беседах с русскими каторжанами. Так, например, разговаривая с одним каторжником о его прошлом и заставив мужчину вспомнить о родных местах «Уфимской губернии», Лаббе отмечал, что каторжник, «произнося последние слова, <...> смутился, голос его сделался глухим и дрожащим, и вместо слова мать он употребил более нежное — мамаша!»⁹.

Кроме собственно сахалинской книги, Лаббе принадлежат и другие издания, посвященные России имперского периода: «Русские на Дальнем Востоке» (1904), «По великим дорогам России: между Уралом и Волгой» (1905). Но судьба самой ранней книги Лаббе — «Русская каторга: остров Сахалин» оказалась непростой. В феврале 1904 г. русское издание книги французского ученого было запрещено царской цензурой, так же как ранее Московский цензурный комитет ограничил распространение «Сахалина» В.М. Дорошевича.

Однако почти неизвестная в России книга Лаббе «Русская каторга: остров Сахалин» не прошла незамеченной для читателей других стран. В 1905 г. она была переведена на английский язык.

«Воспоминания...» Альфреда Кейзерлинга

Интересные наблюдения на немецком языке о российских каторгах оставил Альфред Кейзерлинг (1861–1939) в «Воспоминаниях о русской службе» (1937, русский пер. 2001). Будучи чиновником особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе Андрее Николаевиче Корфе (1831–1893) в 1886–1891 гг., Кейзерлинг инспектировал амурскую каторгу, путешествовал не только по России, но и по странам Дальнего Востока. Так, в мемуарах Кейзерлинга обнаруживаются рассказы о российских каторгах и их знаменитых арестантах, о поездках в Монголию, Китай, Японию, этнографические сведения о разных дальневосточных народах и многое другое. По делам службы чиновник дважды (непродолжительное время) побывал на Сахалине. В «сахалинских» частях «Воспоминаний...» Кейзерлинг рассказал о своей дороге из Хабаровска до «Александровского поста»; оставил подробное описание встречи с Карлом Христофоровичем Ландсбергом (1853–1909) — знаменитым сахалинским преступником, отбывавшим наказание; поделился мнением о своем непосредственном начальнике Корфе, которого сопровождал в поездке на Сахалин, Камчатку и Командорские острова. «Мое первое посещение острова оказалось очень непродолжительным, так как, выполнив поручение, я должен был возвращаться в Хабаровск»¹⁰, — так завершает Кейзерлинг свои впечатления от первого знакомства с Сахалином в небольшой главе «Каторжник Л.». Непродолжительным по времени был и второй визит Кейзерлинга на Сахалин. В главе «Сахалин и Камчатка» автор «Воспоминаний...» писал о том, что остров «производил вполне окультуренное впечатление — и постройками, и дорогами, и сельским хозяйством»¹¹.

Правнук Кейзерлинга — адвокат Карл Экштайн (род. 1949), издавший русский перевод книги «Воспоминания о русской службе», в 2002 г. побывал на Сахалине.

Чеховский Сахалин в интерпретациях европейских авторов

Поездка А.П. Чехова на Сахалин имела широкий резонанс не только в царской России, но и за рубежом. Переведенные на разные языки мира путевые записки А.П. Чехова «Остров Сахалин» (1895) продолжали давать знать о себе и в XX столетии. Среди большого количества литературы, написанной по «следам» Чехова, можно назвать многие произведения.

Так, знаменитый ирландский писатель, поэт, переводчик лауреат Нобелевской премии (1995) Шеймас Джастин Хини (1939–2013) включил в свой сборник лирики «Остров

покаянья» (1984) стихотворение «Чехов на Сахалине». Первая публикация этого стихотворения состоялась в 1981 г. на страницах буклета театра «Филд дэй тиэтр» по случаю постановки «Трех сестер» А.П. Чехова¹². Пьеса была переведена писателем и драматургом, знатоком творчества Чехова и Тургенева Брайеном Фрилом (род. 1929). Именно беседы между поэтом и переводчиком дали толчок для возникновения стихотворения «Чехов на Сахалине». Маршрут лирического героя Хини — это маршрут движения Чехова из Москвы на Сахалин: «Москва», «Сибирские пейзажи», «Байкал», «кандалный звон каторги». В центре стихотворной истории ирландского поэта — распитая бутылка коньяка, символизирующая начало новых открытий, первое знакомство с сахалинской каторгой.

Прозанк, поэт, публицист и переводчик Далош Дьердь (род. 1943), пишущий на венгерском и немецком языках, хорошо известен во всем мире. Его книги читают в Англии, Франции, Дании, Швеции, Японии, Австралии и других странах. Вдохновленный «Островом Сахалин» Чехова, Далош Дьердь побывал на Сахалине в июле—августе 2000 г., посетив Южно-Сахалинск, Корсаков, Ноглики, Александровск-Сахалинский, Арково и другие населенные пункты современной Сахалинской области. Главная задача путешествия состояла в поиске материалов для новой книги писателя, известного в России прежде всего такими романами, как «1985» (1982, русский пер. 1992) и «Обрезание» (1990, русский пер. 2006).

Итогом творческой поездки Дьердя стала опубликованная в Гамбурге на немецком языке книга «Путешествие на Сахалин. По следам Антона Чехова» (2001). В нее вошли главы, включающие исторический обзор Сахалина, описание трехмесячного пребывания на острове Чехова, рассказ о Сахалине 1990-х годов, очерк о путешествии писателя по острову в самом начале XXI столетия, рассказы о встречах с семьями современных нивхов. Книга Дьердя снабжена многочисленными фотографиями современных реалий Сахалина. Остров описывается автором как «микрокосм XIX и XX веков» и как «миниатюра России». Писатель стремился воссоздать такую картину, в которой Сахалин проявляет черты всей России, потому что «остров — это модель внешнего мира»¹³.

Дьердь в своей книге рассказывает о парадоксах внешнего вида современного Южно-Сахалинска, в котором вывески советского времени сочетаются с ультрамодными названиями постсоветской России, а цветочные павильоны сахалинских корейцев в Южно-Сахалинске размещаются на Коммунистическом проспекте.

Таким образом, первый интерес европейских путешественников и мореплавателей к Сахалину и Курильским островам был связан с собственно географическими вопросами. В дальнейшем, начиная со второй половины XIX века внимание писателей было приковано к Сахалину, прежде всего, как к месту каторги. Вместе с этим на Сахалин устремились европейские миссионеры. В книгах англичанина Генри Лэндсделла (1841–1919) «Через Сибирь» (1883), немца Фридриха Вильгельма Бедекера (ок. 1823–1906) «Между краев земли среди братьев в цепях...» (1928), поляка Агнелия Коваржа (Агнелиуса Коварца) «Сахалин: остров одиночества» (1929) акцентируется внимание на жестокость сахалинских чиновников, на бесправие арестантов и на царящие в их среде каторжные нравы. Одновременно с этим писатели-миссионеры пытаются ответить на вопрос: насколько участливы жители острова (по преимуществу арестанты и ссыльные) к восприятию христианского учения. В литературе XX столетия Сахалин рассматривается через призму чеховского восприятия острова. Именно Сахалину в публицистических и художественных произведениях писатели отдают предпочтение, так как, главным образом, с Сахалином связываются ближайшие ассоциации, вызывающие повышенное внимание европейцев: каторга, коренные народы Дальнего Востока и путешествие Чехова.

1. *Высоков М.С.* Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин». Владивосток; Южно-Сахалинск, 2010. С. 41.
2. *Ховард Б.* Узники России. Жизнь среди сибирских дикарей / вступ. статья И.А. Самарина; пер. с англ. В.В. Переславцева. Южно-Сахалинск, 2007. С. 342.
3. Там же. С. 82.
4. Там же. С. 342.
5. *Хоуз Ч. Г.* На восточной окраине. Отчет о научных исследованиях среди коренных народностей и каторжников Сахалина и заметки о путешествиях в Корею, Сибирь и Маньчжурию. С ил. и карт. / пер. с англ. В.В. Переславцева. Южно-Сахалинск, 2003. С. 15.
6. *Лаббе П.* Остров Сахалин: Путевые впечатления. Перевод с французского с дополнением отзывов русских исследователей: А.П. Чехова, В.М. Дорошевича, И.П. Миролубова и др. / пер. Н. Васина. М., 1903. С. 18.
7. Там же. С. 18–19.
8. Там же. С. 178.
9. Там же. С. 181.
10. *Кейзерлинг А.* Воспоминания о русской службе: пер. с нем. М., 2001. С. 249.
11. Там же. С. 265.
12. *Heany, S.* Chekhov on Sakhalin. A poem // Field Day Company presents Chekhov's «Three sisters». Derry, 1981.
13. *Аксёненко Н.* Далос Дьердь: Сахалин — маленькая модель российского государства // Южно-Сахалинск. 2000. № 67, 15 авг. С. 5.

Научная жизнь

Трехстороннее взаимодействие «Россия — Монголия — Китай»: старт научного диалога

17–20 сентября 2015 г. в Монголии побывала делегация ученых Института Дальнего Востока РАН, принимавшая участие в научно-организационных мероприятиях, посвященных созданию и началу работы трехсторонней академической переговорной «дорожки» в рамках формата межгосударственного взаимодействия «Россия — Монголия — Китай». Встреча, включившая учредительное заседание и двухдневную научную конференцию, прошла по инициативе монгольской и китайской сторон, совместно обеспечивших ее организацию и проведение.

Мероприятиям предшествовал состоявшийся в конце августа визит в ИДВ РАН делегации Центра изучения проблем развития при правительстве Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ, КНР), который де-факто является региональным подразделением соответствующей всекитайской структуры — Центра изучения проблем развития при Госсовете КНР.

Делегация познакомила руководство ИДВ с планами создания ассоциации экспертных центров России, Монголии и Китая (АЭЦ РКМ), поделилась намерением, «согласованным с монгольскими партнерами», в ближайшее время провести для этого организационную встречу и первую конференцию АЭЦ РКМ в Улан-Баторе. Общим фоном и основой данной инициативы стало решение, принятое в марте 2015 г. на встрече заместителей министров иностранных дел России, Монголии и Китая, на которой была поставлена задача создать трехсторонний «мозговой центр».

Гости представили проект устава будущей Ассоциации, а также огласили предложение в адрес Института Дальнего Востока РАН выступить в качестве соучредителя данного научного форума с российской стороны. Руководству ИДВ было вручено официальное письмо за подписью президента Академии наук Монголии академика Б. Энхтувшина с приглашением прибыть в этих целях в сентябре 2015 г. в столицу Монголии.

17 сентября в Улан-Баторе на совместном заседании объединенной монгольской делегации (Академия наук Монголии, Институт международных отношений, Национальный университет), делегаций Центра изучения проблем развития при правительстве АРВМ КНР (присутствовали и представители «головного» Центра из Пекина) и ИДВ РАН был принят Устав АЭЦ РКМ. Документ был одобрен после тщательных консультаций, внесения ряда поправок и согласований и составлен на четырех языках (языки стран-участниц плюс английский).

Согласно Уставу Ассоциация является «платформой научного обмена» между научными центрами и экспертами трех стран «с целью выработки рекомендаций правительственным органам». Такие рекомендации призваны способствовать «оптимизации трехстороннего сотрудничества в экономической, гуманитарной, внешнеполитической» и других областях в «интересах развития и процветания» каждой из стран-участниц.

Устав предусматривает, что руководство Ассоциацией, осуществляет Правление во главе с тремя сопредседателями — представителями подписавших документ научных организаций, которые в свою очередь играют роль трех координаторов. Состав Правления формируется на паритетных началах. Оно «несет ответственность за выбор направления развития Ассоциации и принятие других важных решений», включая «проведение ежегодных научных форумов (конференций) поочередно в каждой из трех стран». На эти форумы собираются представители профильных научных центров России, Китая и Монголии, которые, как зафиксировано в документе, «являются основными исполнительными исследовательскими структурами Ассоциации» и должны «решать ее конкретные задачи».

Число научных центров — членов Ассоциации не ограничивается, определяется сторонами самостоятельно, формируется по мере развития практической работы, когда к принявшим Устав структурам будут официально присоединяться новые учреждения.

Таким образом, речь идет о создании в рамках общего формата российско-китайско-монгольского сотрудничества самостоятельной, академической диалоговой площадки, об образовании его научной «второй дорожки», призванной оказывать всему трехстороннему процессу исследовательское содействие и сопровождение.

На начавшейся вслед за принятием Устава 1-й конференции АЭЦ РКМ, прошедшей на базе Института международных отношений АН Монголии, о создании Ассоциации было объявлено официально. На церемонии открытия прозвучали приветствия в адрес многочисленных участников, с которыми, в частности, выступили представитель профильного департамента МИД Монголии, старшие дипломаты посольств КНР и РФ.

Организаторам удалось собрать в общей сложности порядка 110 экспертов, представлявших более полусотни научных Центров трех стран. Около 50 специалистов из различных подразделений Академии наук и Национального университета Монголии, в том числе Института международных отношений, приняли участие со стороны хозяев. Приблизительно 40 ученых прибыли из почти трех десятков научных центров АРВМ, других северо-восточных провинций Китая, а также из Пекина и Шанхая. 25 экспертов представляли Россию: помимо делегации ИДВ организаторы пригласили представителей ИВ РАН, ИМЭМО, Байкальского госуниверситета экономики и права (г. Иркутск), нескольких центров Сибирского и Дальневосточного отделений РАН, включая Бурятский научный центр, Институт природных ресурсов, экологии и криологии (г. Чита), Институт экономических исследований (г. Хабаровск).

В течение двух дней в рамках пленарного заседания и трех профильных секций (экономика, инфраструктура и торговля, туризм и гуманитарные связи, экология и сельское хозяйство) участники провели обсуждения, сделав в общей сложности 15 основных докладов и заслушав около 20 сообщений в форматах комментариев и дискуссий.

В итоге была признана «большая актуальность» трехстороннего сотрудничества, содержащего «значительный потенциал содействия» развитию экономики, инфраструктуры, решению социальных и других вопросов в каждой из трех стран. Одновременно была дана высокая оценка принятому решению об организации «научной платформы» сотрудничества, призванной «подкрепить весь процесс трехстороннего взаимодействия за счет академических рекомендаций и предложений».

Участники поддержали уже наметившийся на официальном уровне спектр направлений взаимодействия, особо указав на сотрудничество в сфере транспорта и коммуникаций, на задачу развития в зоне «Экономического коридора Россия — Китай — Мон-

голия» производственных кластеров как промышленного, так и сельскохозяйственного характера, на актуальность продвижения культурно-гуманитарных связей, кооперации в области охраны окружающей среды.

Особо была отмечена значимость договоренностей, достигнутых высшими руководителями трех стран на Втором трехстороннем саммите «Россия — Китай — Монголия», который прошел в июле 2015 г. в Уфе в ходе мероприятий очередных форумов БРИКС и ШОС и стал продолжением первой аналогичной встречи годом ранее в Душанбе, когда были заложены основы сотрудничества в трехстороннем формате. Участники конференции выделили среди них «Среднесрочную дорожную карту трехстороннего сотрудничества», а также «Меморандум о взаимопонимании по разработке Программы создания экономического коридора Россия — Китай — Монголия», который включает 10 направлений сотрудничества — от транспорта до экологии. Как подчеркивалось в докладах, эти документы по сути отражают намерение сторон найти оптимальное сочетание и сопряжение евразийских стратегий каждой из трех стран. Речь идет о продвигаемом Россией строительстве Евразийского экономического союза, китайской инициативе Экономического пояса Шелкового пути, а также об инициативе Монголии «Степной путь», предлагающей проложить по территории страны пять транзитных линий — автомобильную и железную дороги, линию электропередач, ветки газо- и нефтепроводов.

В ходе конференции эксперты трех стран по существу уже приступили к анализу перспектив целого ряда намеченных на официальном уровне проектов. Так, прошел деятельный и конструктивный диалог по вопросам логистики в рамках предполагаемого транспортного коридора на базе Улан-Баторской железной дороги, по электроэнергетическому транзиту, по теме туристического маршрута «Пекин — Улан-Батор — Чита — Иркутск».

Ученые намерены продолжить совместную работу. В заключение конференции партнеры из КНР заявили о готовности принять 2-й трехсторонний научный форум через год в Хух-Хото.

© 2016

*С.В. Уянаев,
кандидат исторических наук,
заместитель директора ИДВ РАН*

Шестой всемирный форум изучения Китая

20–21 ноября 2015 г. в Шанхае состоялся Шестой всемирный форум изучения Китая (*шэцзе чжунгосюэ луньтань*), посвященный теме «Китайские реформы – шансы для мира». В мероприятии приняли участие около 230 китайских и зарубежных ученых, общее количество гостей превысило 700 человек. Инициаторами Форума выступили Отдел информации Госсовета КНР и городское правительство Шанхая. функции организаторов взяли на себя Шанхайская академия общественных наук (ШАОН) и Отдел информации правительства Шанхая.

В конце октября 2015 г. в Пекине собрался 5-й пленум ЦК КПК 18-го созыва, на котором были сформулированы официальные рекомендации по 13-му пятилетнему плану экономического и социального развития. Решения пленума и связанные с ними «пять великих идей развития» (инновация, координация, экология, открытость, общий доступ к результатам развития) часто упоминались в докладах участников Форума. Они исходили из того, что планы новой пятилетки окажут существенное влияние на развитие китайских реформ и, как следствие, на перспективы взаимодействия Китая с внешним миром.

На церемонии открытия Форума мэр Шанхая заместитель секретаря городской парторганизации и сопредседатель оргкомитета Форума Ян Сюн подчеркнул, что 13-й пятилетний план станет новым двигателем реформ и открытости, способным создать новые шансы для мирового развития. Он отметил, что город находится на передовом рубеже китайской политики реформ и открытости – Шанхай строит опытную зону свободной торговли, быстрыми темпами движется к созданию мирового центра научно-технической инновации, превращается в международный экономический, финансовый, торговый и транспортный центр. Для иностранцев опыт Шанхая служит важным подспорьем при изучении Китая в целом. Мэр выразил надежду, что гости Форума будут продолжать «обращать внимание на Китай и заботиться о Шанхае».

Член ПБ ЦК КПК секретарь партийной организации Шанхая Хань Чжэн на встрече с частью гостей Форума сказал, что путь китайского социализма доказал свою эффективность благодаря успешной практике реформ. Шанхай в соответствии с требованиями центральной власти идет по пути всестороннего углубления реформ и расширения открытости. Хань Чжэн заметил, что Форум является не только площадкой для научных контактов, но и сценой для рассказывания «китайских историй» (*чжунго гуши*), то есть приобщения иностранцев к пониманию китайских реформ и пути развития. По его словам, «шанхайская история» является частью богатых и многокрасочных «китайских историй».

На локальную перспективу изучения Китая с точки зрения шанхайского опыта указал президент ШАОН Ван Чжань. По его словам, «шанхаеведение» уже превратилось в сформировавшуюся научную дисциплину, в контексте изучения реформ важной задачей является исследование истории формирования местной культуры предпринимательства. Он напомнил о цели превратить Шанхай к 2050 г. в «город глобальной цивилизации» и об особой важности для развития мегаполиса взаимодействия и слияния различных цивилизаций.

Нормативный подход к трактовке места Китая в мировом развитии изложил заместитель главы Отдела пропаганды ЦК КПК начальник Отдела информации Госсовета

КНР Цзян Цзяньго. Он пояснил, что в период реформ «китаизация» (*чжунгохуа*) Китая сопровождалась трансформацией страны в направлении внешнего мира (*шицзехуа*). Ныне быстрое развитие Китая приносит богатство китайскому народу и предоставляет всему миру огромный рынок. «Китайский двигатель» толкает вперед мировой экономический рост, «китайское созидание» способствует процветанию жителей всех стран мира, «китайский выбор» сделан в пользу международного сотрудничества и стратегии общего выигрыша, «китайская мудрость» предоставляет интеллектуальный ресурс для изменения системы глобального управления, «китайские ценности» вносят вклад в прогресс человеческой цивилизации.

Чжан Цзяньго обрисовал три задачи в изучении Китая. Прежде всего, нужно больше исследовать «исторический Китай». Без понимания истории Китая, прежде всего нового и новейшего времени, а также истории КПК, не удастся понять объективные законы развития китайского общества, осознать исторические истины – «без КПК нет Нового Китая», «только социализм может спасти Китай и развивать Китай». Во-вторых, следует всесторонне, объективно и взвешенно исследовать «реальный Китай». Это поможет понять, что, несмотря на успехи в социально-экономическом развитии, Китай остается крупнейшей развивающейся страной мира, в его экономике есть дисбалансы, сохраняется значительное отставание от развитых стран. В-третьих, нужно больше исследовать «мировой Китай». За границей часто спрашивают, как будет дальше развиваться Китай и какое влияние он окажет на другие страны. Ответ на эти вопросы известен – Китай продолжит движение по пути мира и развития, развивающийся Китай будет стремиться стать лучшим партнером в глобальном развитии. В этих исследованиях необходима глобальная перспектива, показывающая, что развитие Китая неотделимо от мира, а мировое развитие неотделимо от Китая.

На Форуме состоялось награждение четырех известных зарубежных ученых премиями за вклад в изучение Китая. Эта церемония проводится в третий раз. В 2015 г. лауреатом премии стал российский китаевед академик РАН М.Л. Титаренко (ИДВ РАН). Участники Форума увидели видеозапись его приветственного обращения на китайском языке, в котором ученый указал на связь роста интереса к изучению Китая с успехами политики реформ. «В конце 1950-х – начале 1960-х годов я жил в Шанхае, учился в Фуданьском университете, потом работал в генеральном консульстве СССР в Шанхае. Шанхай навсегда остался в моем сердце, я его не забуду. Я считаю, что я – шанхаец». Эти слова российского китаевода, в особенности произнесенная на шанхайском диалекте заключительная фраза, вызвали в аудитории эмоциональный отклик.

Лауреатами премии стали двое американских ученых. На церемонии присутствовал известный специалист по американо-китайским отношениям и внутренней политике КНР Дэвид Лэмптон, директор программы изучения Китая в Школе международных исследований Университета Джона Гопкинса. В ранний период реформ он внес вклад в налаживание отношений городского руководства Шанхая с политическими и деловыми кругами США. Директор Гарвард-Яньцзинского института Элизабет Перри поблагодарила за награду в видеообращении. Она родилась в Шанхае в 1948 г., ее родители преподавали в миссионерском Университете Святого Иоанна. Ее исследования общества, политики и рабочего движения в Китае нового времени получили научное признание, книга «Шанхай бастует» (1993) была удостоена в США премии имени Джона Фербенка.

Премии был также удостоен профессор Тань Чжун (1929 г.р.) – он родился в Малайзии, вырос в Китае и состоялся как ученый-китаевед в Индии. Он преподавал в Университете Дели и Университете Неру, основными сферами его исследований стали китайская философия, буддизм, новейшая история Китая.

Участники Форума уделили больше внимание осмыслению роли Китая в современном мире. Ху Аньган (Институт общественного управления Университета Цинхуа) отметил, что никогда прежде Китай не оказывал столь значительного влияния на разви-

тие мировой экономики. По мнению ученого, к 2020 г. доля Китая в мировой экономике составит 20%. Он отметил, что основанные на принципе «игры с нулевой суммой» колониализм, империализм и гегемонизм устарели, в мире на первое место выходит провозглашаемая Китаем идеология общего выигрыша (*зуньинчжун*).

Британский публицист Мартин Жак нарисовал тревожную картину упадка западной модели управления после кризиса 2008 г. Западная демократия более не является окончательным критерием цивилизованности, относительный упадок Запада порождает во всем мире сомнения в западной гегемонии, вместе со снижением статуса Запада и его элиты идет снижение влияния западных ценностей и западного строя. Другие страны все менее склонны заимствовать западные нормы, методы, институты. На этом фоне растет интерес к китайскому способу управления, поскольку влияние Китая в мире постоянно усиливается, в том числе из-за успеха политической реформы.

На Форуме были организованы девять круглых столов – «Китайский путь», «“Новая нормальность” китайской экономики», «Новый план системы государственного управления», «Унаследование культуры, синтез и новация», «Социальная структура и общественное развитие», «Прекрасный Китай и экологическое строительство», «Настоящее и будущее китаеведения», «“Один пояс – один путь” и “сообщество интересов”», «Международный порядок и глобальное управление».

В ходе обсуждения «китайского пути» были затронуты общие характеристики китайской модели, поставлены вопросы об истоках ее формирования. связи с национальной историей и культурой, возможном вкладе в обновление зарубежных подходов к проблеме развития. Возникшая после окончания холодной войны убежденность Запада в превосходстве «западной модели» не соответствует реальной ситуации. Начинается новый этап мирового развития, и ни у кого нет достаточных оснований для того, чтобы провозгласить собственную модель универсальной.

Китайские участники круглого стола сделали акцент на достоинствах «китайского пути». В Китае хорошо отлажена система отбора и подготовки кадров вкупе с жестким ограничением на период пребывания у власти, разумное государственное вмешательство в китайскую экономику помогло преодолеть влияние глобального кризиса, построенная по принципу «низкий уровень – широкий охват» система социального обеспечения дала людям базовые гарантии и не ослабила эффективность экономики. Докладчики предлагали обратиться к прошлому, чтобы понять истоки нынешнего симбиоза социалистической системы и рыночной экономики, политической централизации и экономической децентрализации. В древнем Китае со времен создания единой империи рынок функционировал в условиях высокой степени контроля со стороны властей. Не менее важно обратить внимание на эволюцию концепции экономического планирования в Китае в XX веке в направлении постепенного отказа от ее жесткого советского варианта.

Директор Института изучения Китая ШАОН Чжан Вэйвэй заявил, что успех китайской модели обусловлен «инновационным соединением». В политике западную выборность соединили с китайским традиционным выдвижением «мудрых и способных», в смешанной экономике Китая сочетаются «видимая рука» государства и «невидимая рука» рынка, государственные и негосударственные предприятия. Китай отказался от противопоставления государства и общества, продвигая модель «соединенного управления» обществом и позитивное взаимодействие общества и государства. В результате сплоченность общества в Китае выше, чем на Западе.

Чжэн Юнньюнь (Национальный университет Сингапура) указал, что ключевой особенностью китайской цивилизации является способность учиться, благодаря чему современный Китай превратился в инновационное государство. КПК продвигает инновации, чтобы приспособиться к меняющейся среде. Запад навязывает свою систему другим странам, это ведет к крайностям, ожидаемого расцвета демократии не происходит. Закрытость, насаждение чужого и механическое копирование ведут к поражению,

успеха добивается тот, кто учится в своих интересах. Китай способен показать миру пример самостоятельной учебы, поначалу он относился к другим цивилизациям с подозрением и опаской, но потом научился укреплять себя через впитывание чужого.

Участники обсуждения отмечали, что Китай демонстрирует человечеству возможность иного пути модернизации, отличающегося от западного. Это обусловлено тем, что китайская модернизация начиналась в иных политических, экономических и культурных условиях. Чжан Шухуа (директор Института информации АОН Китая) отметил, что Китай сумел избежать судьбы СССР и обогатил «экосистему» мировой политики. В отличие от западного противопоставления демократии и диктатуры, Китай создал более инклюзивный, скоординированный, сбалансированный и устойчивый подход, построенный на соединении порядка, эффективности и демократии. Эта политическая система конкурентоспособна, у нее есть потенциал развития.

Большое внимание было уделено роли культурного самосознания в формировании «китайского пути». Исходя из трактовки китайской культурной традиции как основы официально провозглашенных «сердцевинных ценностных воззрений», было предложено развивать изучение «китайского пути» в направлении углубления понимания его связи с основами китайской философии, соединения традиционной и современной культуры, выявления всеобщего значения китайской традиции. Попытки определения «китайского пути» через сопоставление с другими вариантами развития вели к постановке акцента на специфике китайских ценностных идеалов. Выступающие задавали вопросы о том, можно ли использовать для описания китайских ценностей западные категории. А.В. Ломанов (ИДВ РАН) заметил, что углубленное изучение традиционных истоков «китайского пути» наталкивается на методологические ограничения, поскольку ныне исследователи Китая зачастую не готовы использовать традиционный «синологический подход» с привлечением знаний о китайской истории, философии и литературе для анализа проблем современной политики и экономики КНР. Однако все более заметное присутствие в китайском дискурсе традиционных компонентов ведет к «синологизации изучения Китая» и совмещению классического акцента на китайской культуре с инструментарием современных общественных наук.

На круглом столе «Международный порядок и глобальное управление» было заслушано более двадцати докладов ученых-международников из Шанхая и Пекина, китайцев, работающих ныне за рубежом (Гу Сюэу из Боннского университета, Чжао Суйшэн из Дэнверского университета), иностранных ученых, в том числе из Франции, Великобритании, Люксембурга. Россия была представлена выступившим с докладом о формировании механизма безопасности в Северной Пацифике В.Л. Лариным (ИИЭАЭ ДВО РАН, Владивосток) и В.Я. Портяковым (ИДВ РАН), рассказавшим о российских исследованиях внешней политики Китая.

Доминантой обсуждения стало определение позиции Китая по отношению к существующему международному порядку. Именно в данном контексте рассматривались современные китайско-американские отношения. Выявились две основные точки зрения. Большинство китайских экспертов склонны считать, что Китай получил значительные выгоды от действующего мирового порядка, в том числе место политической державы после Второй мировой войны (в виде статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН) и место экономической державы – в результате успешного проведения политики модернизации, реформ и открытости, благоприятная среда для создания которой как раз и была обеспечена сложившейся системой международных отношений. Поэтому Пекин в последнее время неизменно констатирует, что он не выступает за слом существующего миропорядка. Такая постановка вопроса, по сути дела, сигнализирует Вашингтону, что Китай не бросает вызов Америке. Поскольку здесь есть некоторое недопонимание, китайцам важно, во-первых, самим разобраться, хочет ли КНР заменить США в роли мирового лидера – простая смена лидера вряд ли возможна, поскольку здесь есть и другие

претенденты, в первую очередь Индия. Во-вторых, следует точнее и четче сказать миру о том, чего хочет Китай и какое улучшение мирового порядка для него желательно.

Другая часть экспертов исходит из того, что подъем Китая превратился в фактор, меняющий структуру безопасности в Азии. В этом смысле Пекин бросает вызов существующему мировому порядку, пусть даже непреднамеренно. В соответствии с выросшим экономическим весом Китай должен нести более значительную международную ответственность, особенно в Азии, стать «хорошим лидером региона». Вместе с тем, по признанию ряда участников, другие государства и прежде всего США не склонны принимать «мировой порядок по-китайски». Китайские идеи всеобщей ориентации на сотрудничество, понятие «сообщества общей судьбы» и т.п. пока не находят должного отклика за рубежом.

Представляет интерес ранжирование современных угроз Китаю, оглашенное одним из экспертов. На первое место поставлены внутренние вызовы, на второе – проблема Тайваня (которая, как утверждалось, далеко не снята с повестки дня и еще может обостриться), на третье – факторы, связанные с Корейским полуостровом, и на четвертое – ситуация в Южно-Китайском море. В данном контексте был дан прогноз, что в ближайшее десятилетие проблемы в китайско-американских отношениях будут нарастать. В связи с этим прозвучал тезис, что позиция Китая в вопросе о мировом порядке достаточно ясна – напротив, неясной остается позиция Соединенных Штатов.

Что касается России, то в одном из выступлений китайских участников было отмечено, что если российский Дальний Восток не выявит своего потенциала, то Россия сможет играть в Восточной Азии лишь весьма ограниченную роль.

Выступление доктора У. Джонса, сподвижника известного поборника развития «физической экономики» Линдона Ларуша, было посвящено строительству трансконтинентального моста в виде китайского проекта «Шелкового пути». Теме сухопутного и морского шелковых путей была посвящена специальная сессия, в которой приняли участие известные политологи Лу Наньцюань, Син Гуанчэн, Ван Ивэй, Фэн Шаолэй, а также С.А. Луконин из ИМЭМО РАН и Д. Мержеевский из Лодзинского университета (Польша).

Большой резонанс среди участников Форума вызвала мысль, которую высказал лауреат китаеведческой премии Тань Чжун. По его словам, за рубежом для изучения Америки используют книги американских авторов, для изучения России – книги русских авторов, для изучения Индии – индийских, и только при изучении Китая очень мало читают книги китайских авторов, вместо этого обращаются к иностранным работам. Профессор Тань заявил, что лишь китайские ученые могут должным образом рассказать внешнему миру «китайские истории» и выразил надежду на то, что в недалеком будущем китайские исследователи создадут научные труды с мировым влиянием, среди них появятся авторитеты сравнимые с американским ученым Джоном Фербенком. После этого многие участники Форума размышляли о том, что способствует и что мешает появлению «китайского Фербенка».

Председатель Комитета по международным делам ПК ВСНП Фу Ин указала, что создать китайское описание развития Китая непросто, поскольку использование для этих нужд западного дискурса накладывает на изложение материала созданные в иной цивилизации исторические и культурные ограничители, тогда как опора на китайский традиционный язык и стиль повествования не позволит добиться понимания в иностранной аудитории. Для того, чтобы успешно рассказывать иностранцам «китайские истории», нужно создать новую форму изложения.

Фу Ин отметила большой интерес иностранцев к плану 13-й пятилетки, предупредив, что в США помехой для понимания перспектив развития Китая может стать ошибочная трактовка политической позиции Китая и настроений китайцев. По ее словам, американцы зачастую исходят из собственной точки зрения и интересов, что может

породить расхождения и эмоциональные оценки по конкретным вопросам, оказать влияние на политику США в отношении Китая. Сложившаяся ситуация, по мнению Фу Ин, связана с тем, что на Западе многие до сих пор не отказались от надменности и предвзятости в отношении Китая, там сказывается влияние идеологии. С другой стороны, Китаю нужно повысить способность рассказывать о себе, научиться с опорой на исторический материал показывать специфику пути развития страны. Также следует вести исследование потенциального вклада Китая в дело мира и развития в Азии и во всем мире, в создании глобальных общественных благ, изучать перспективы повышения глобальной ответственности Китая.

Свидетельством системного интереса политических кругов страны к налаживанию в Китае собственных «китаеведческих исследований» (*чжунгосюэ*) явилось создание в Шанхае сразу двух институтов китайских исследований. Первый из них сформирован в ШАОН в 2012 г., коллектив из десяти исследователей возглавляет Чжан Вэйвэй. Главные задачи этого института – организация международных китаеведческих форумов и изучение современных зарубежных китайских исследований. Второй институт с аналогичным названием создан в Шанхайском университете иностранных языков, в 2014 г. там произведен первый набор магистрантов. К чтению лекций привлечены ведущие шанхайские ученые-политологи, в т.ч. Ян Цземьянь и Хуан Жэньвэй.

Глава секретариата Форума, вице-президент ШАОН Хуан Жэньвэй подчеркнул, что в Китае «изучение Китая» (*чжунгосюэ*) уже обрело отчетливый облик как отдельная научная сфера. Происходит непрерывное обогащение методов исследования, в работе участвуют экономисты, политологи, социологи, представители гуманитарных наук, историки. Работа Форума показала, что международное измерение взаимодействия в изучении Китая выходит за прежние рамки общения китайских и западных ученых, оно все больше расширяется в направлении развивающихся стран, для которых изучение «китайского пути» и «китайского строя» обретает весомую ценность. И если прежде исследователи из развитых западных стран предпочитали критиковать Китай, то теперь они стремятся адаптировать свои подходы к динамике китайского развития, найти в китайском опыте достойные изучения аспекты.

Организаторы Форума изучения Китая гордятся тем, что им удалось «выйти за ворота государства» и провести в мае 2015 г. научное обсуждение в Атланте (США). Сохраняя прежний формат основного мероприятия в Шанхае, которое проходит раз в два года, они намерены устроить в 2016 г. выездной Форум в Европе.

Рецензии

**Смит Х. Северная Корея: рынки и военная диктатура.
Smith H. North Korea. Markets and Military Rule. Cambridge:
Cambridge University Press, 2015. 416 p.**

Сохраняющаяся напряженность вокруг КНДР и периодические обострения ситуации на Корейском полуострове требуют новых подходов к осмыслению внутренней и внешней политики Северной Кореи. В связи с этим вызывает интерес выход в свет книги профессора Университета Центрального Ланкашира Хэйзел Смит «Северная Корея: рынки и военная диктатура».

Автор книги анализирует, как и почему возник резкий диссонанс между повседневной жизнью северокорейцев и официальной идеологией, а также последствия этого разрыва для будущего страны. Х. Смит раскрывает причины социально-экономических перемен в КНДР после окончания «холодной войны» и голода в стране в 1990-е годы. Именно эти внешние и внутренние потрясения привели к появлению в северокорейской экономике и обществе рыночных отношений «маркетизации», которая носит, по мнению Х. Смита, необратимый характер. Под маркетизацией автор понимает «институционализацию рыночной динамики в обществе», то есть формирование набора норм, практик и процедур (неформализованных и некодифицированных в своем большинстве), которые определяют социальное взаимодействие.

Анализируя указанные процессы, автор опровергает такие многочисленные стереотипы о КНДР, как неизменность ситуации в стране, ее непроницаемость для внешнего влияния, однородность и полная подконтрольность властям северокорейского общества, невозможность изучения Северной Кореи по аналогии с другими государствами. По мнению Х. Смита, происходящие в КНДР процессы можно наблюдать и в других азиатских странах, бедных и находящихся на этапе перехода от социализма к капитализму. Вместе с тем, при анализе происходящего в КНДР учитывается политический и исторический контекст. В частно-

сти, в главе второй автор рассказывает о формировании особой идентичности в северной части Корейского полуострова задолго до образования КНДР в 1948 г. А в главе третьей объясняется, как колониальный период во многом определил будущее северокорейского государства, учитывая, что при принятии политических и экономических решений Ким Ир Сен зачастую ориентировался на свой опыт анти-японской борьбы.

Х. Смит отказывается от широко распространенного подхода к гражданам КНДР как к беспомощным жертвам режима. Именно им, «активным создателям своей судьбы», принадлежит главная роль в дальнейших изменениях в стране.

Следует обратить внимание на проводимое автором строгое различие между правительством и обществом, нацией и государством. Это является важным условием для понимания изменений, происходящих в КНДР, а также общих и отличных черт Севера и Юга.

Хронологически книга охватывает два периода: эпоху Ким Ир Сена (1953 — начало 1990-х гг.) и эпоху политики приоритета армии «сонгун» (конец 1990-х годов), сравнительный анализ которых автор дает во второй и третьей частях соответственно.

Не осталась без внимания и ядерная проблема Корейского полуострова (ЯПКП), возникновение и развитие которой описывается в главе 13. Глава 14 посвящена борьбе мирового сообщества против превращения КНДР в ядерное государство. К сожалению, Х. Смит подробно рассматривает лишь политику США в отношении КНДР, уделяя небольшое внимание деятельности других государств — участников шестисторонних переговоров по решению ЯПКП. Автор приходит к справедливому выводу о необходимости создания глобальной стратегии для достижения всеобъемлющего урегулирования на Корейском полуострове на

основе предоставления КНДР гарантий безопасности. При этом Х. Смит выражает мнение, что выработка «новых инициатив» маловероятна в формате «шестисторонки», и предлагает привлечь другие государства, например, Великобританию и Германию, которые имеют диппредставительства в КНДР. Вместе с тем, Х. Смит не предлагает альтернативного механизма решения ЯПКП. Интересно отметить, что важнейшим условием урегулирования автор считает возврат США к активному участию

в данном процессе и обеспечение своего дипломатического лидерства в Восточной Азии.

Следует, однако, отметить, что в некоторых случаях автор использует сведения, полученные от анонимных источников и перебежчиков, что ставит под сомнение их достоверность. Но они не стали основой книги и были подвергнуты критическому осмыслению.

Книга получила одобрительные отзывы многих исследователей. Она будет интересна широкому кругу читателей.

© 2016

Г.Д. Толорая, доктор экономических наук

Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А.А. Забияко [и др.]; под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. 462 с., ил.

Исследовательская литература о Русском Харбине насчитывает ныне не одну сотню названий. Первоначальный вал публикаций, отражавший вспыхнувшую моду на прежде запретный плод темы российского зарубежья, истаял. Однако научный интерес к проблеме сохранился, свидетельством чему — постоянно появляющиеся публикации как по данной теме, так и по более широкой проблематике истории русской диаспоры в АТР. При этом накопленный обширный фактологический и аналитический материал дает возможность современным исследователям ставить более широкие познавательные задачи, вести более углубленное изучение разнообразных аспектов проблемы. Примером этому служит рассматриваемая монография, авторы которой являются признанными знатоками истории и культуры русского рассеяния на зарубежном Дальнем Востоке (А.А. Забияко, А.П. Забияко, С.С. Левашко, А.А. Хисамутдинов).

Как явствует из заглавия, исторический опыт Русского Харбина авторами рассматривается в контексте *жизнестроительства*. К сожалению, данный концепт остается для читателя не проясненным. Правда, в предисловии А.П. Забияко, актуализируя и анализируя проблему «жизнеспособности» народа в условиях «диаспоризации», отмечает, что «главенствующей стратегией существования харбинской культуры в условиях дальневосточного фронта были консервация нормативных качеств рус-

ской культуры и их интенсификация», что не исключало «усвоения некоторых сторон китайской культуры и движения в сторону русско-китайского синкретизма» (С. 13). Надо полагать, это и было «стратегией» *жизнестроительства*, в рамках которой харбинцы вырабатывали групповые и индивидуальные практики своего социокультурного бытия. Некоторым из этих практик посвящены три основных раздела монографии, в которых анализируется архитектурная история Харбина, изучение Китая русскими исследователями из Харбина, дальневосточный фронт в художественном сознании русских эмигрантов. Понятно, что данные сюжеты далеко не исчерпывают проблему жизнестроительства Русского Харбина, но сами разделы написаны великолепно.

С.С. Левашко последовательно реконструирует этапы строительства Харбина, проследив за превращением маленького невзрачного поселка на берегу Сунгари в блестящий, шумный, многотысячный город, заслуживший наименование «Париж Востока». Автор обращает внимание на то, что при планировании и застройке Харбина «были реализованы прогрессивные идеи градостроительства» (С. 15). Особенно ярко это проявилось при возведении ставшего фешенебельным районом столицы КВЖД Нового города. В то же время Харбин не отличался архитектурным единообразием. Анализируя «взрывной, полустихийный характер становления Пристани» (С. 19) — другого, ком-

мерческого района города, С.С. Левашко отмечает своеобразие китайского района Фудзядянь и других, что, по словам автора, создавало «множественность образов Харбина» (С. 21).

Помимо общей характеристики городской застройки, С.С. Левашко дает чрезвычайно интересный историко-архитектурный анализ знаменитых харбинских сооружений: здания Управления КВЖД, Политехнического института, агентства Южно-Маньчжурской железной дороги, Железнодорожного собрания, комплекса Московских торговых рядов, железнодорожного вокзала и других зданий, составивших славу русского архитектурного наследия. Закономерно, что С.С. Левашко обратила внимание и на культовое зодчество Харбина. Где бы ни оседали русские люди, одним из первых шагов их жизнестроительства было возведение церквушки или храма для творения молитвы. Харбин не был исключением. Его многочисленные церкви, храмы, часовни, монастыри были важными архитектурными доминантами городского пространства, при этом многие из них, как свидетельствует С.С. Левашко, могут быть отнесены к достижениям архитектурного искусства.

Отмечая своеобразие и неповторимое очарование Харбина, С.С. Левашко анализирует основные стилевые направления городской архитектуры: модерн и его многочисленные версии, «кирпичный стиль», ретроспективизм, неорусский стиль. Между тем наибольшее предпочтение харбинские архитекторы отдавали модерну. Автор считает это закономерным, так как «при разработке архитектурных проектов для КВЖД всякого рода новации подразумевались как условие существования всего грандиозного мероприятия, предпринятого Россией», при этом «жизнестроительная концепция модерна была весьма актуальной для территории нового освоения» (С. 21). Это верно, но мне думается, что не меньшее значение имели и другие умонастроения, характерные для строителей Харбина. Эти мысли выразил, в частности, архитектор Н.В. Никифоров, назвавший построенное им здание железнодорожного вокзала «прекрасным и долговечным памятником эпохи русского владычества на Дальнем Востоке» (С. 53). Задумывая и воплощая самые передовые архитектурные проекты, харбинские архитекторы сознавали, что им выпала историческая миссия возвести «у стен недвижного Китая» русскую столицу КВЖД, великий европейский город, манифестирующий закосневшей поднебесной цивилизации ее неизбежное будущее. Увы, Н.В. Никифорову было не суждено предугадать судьбу своего детища — по-

строенное в неорусском стиле здание вокзала ныне утрачено, как и многие другие русские постройки Харбина. Тем важнее исследования, проводимые С.С. Левашко, одно из которых представлено в рассматриваемой монографии.

А.А. Хисамутдинов исследует интереснейшую страницу интеллектуальной истории Харбина, связанную с изучением Китая местными востоковедными силами. Автор рассмотрел организационные формы, в рамках которых сложились и развивались китайско-русские исследования, уделив особое внимание деятельности Общества русских ориенталистов (ОИР), Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК), Института ориентальных и коммерческих наук, а также развитию китайско-маньчжуроведения в стенах русских учебных заведений. Автор собрал уникальные сведения о выходившей в Харбине научной периодике и научном репертуаре харбинских книгоиздательств. Чрезвычайно ценна информация об исследователях, подвижническим трудом которых развивалось харбинское востоковедение: это Э.Э. Анерт, Н.А. Байков, И.Г. Баранов, В.Н. Жернаков, В.В. Поносов, А.П. Хинион, П.В. Шкуркин, Е.Е. Яшинов и многие другие. Большую познавательную ценность представляют два составленных А.А. Хисамутдиновым приложения — биографический словарь харбинских востоковедов (почти две сотни персоналий) и библиографический список их работ.

Материалы А.А. Хисамутдинова дают четкое представление об историческом развитии данной региональной ветви русской ориенталистики. Автор считает, что с самого начала Харбин стал «одним из ведущих центров практического востоковедения» (С. 99), поэтому неудивительно, что территориальным полем исследований были Маньчжурия и Северо-Восточный Китай (хотя не только), а наиболее значительные достижения связаны с изучением экономики, сельского хозяйства, производительных сил, природы и ресурсов региона. В то же время немалые успехи были достигнуты в области гуманитарных наук, что связано с исследованиями региональной истории, археологии, этнографии, краеведения, трудами в области языкознания, лексикографии, работами по составлению словарей и др. Существование харбинского востоковедения было недолгим по времени, но ярким по оставленному научному наследию. А.А. Хисамутдинов прав, отмечая, что «научные исследования востоковедов-эмигрантов органично вошли в общую систему российской и мирового востоковедения» (С. 140).

Важной частью исследования

А.А. Хисамутдинова является анализ общественного статуса харбинского востоковедения. Он был весьма высок. Местное общество проявляло значительный интерес к ориентальным студиям, равно как и харбинские ориенталисты считали важной составляющей своей деятельности не только печатную публикацию итогов научной работы, но и их публичную презентацию. Последняя проводилась в виде лекций и чтений в многочисленных городских научных обществах и объединениях, таких как ОИР, ОИМК, Клуб естествознания и географии Христианского союза молодых людей и др., привлекавших значительную массу заинтересованных слушателей. Вообще следует отметить, что интерес к научной информации, к знаниям, стремление приобщиться к современным исследовательским достижениям был характерной чертой интеллектуально-духовного жизнестроительства харбинцев. Поражает воображение огромное количество работавших в городе различных кружков, клубов, обществ и т.д., на заседания которых выносились «научные» доклады и их обсуждение. Помимо упомянутых в книге, можно назвать литературно-художественный кружок им. Н.А. Байкова, где часто выступал сам Николай Аполлонович, Национальную организацию пржевальцев и др.

Важно также отметить, что русские ориенталисты Харбина представляли результаты своих исследований не только слушателям родного города. Харбинские востоковеды были неоднократными участниками съездов научных работников, проводившихся в столице Маньжоу-Го Синьцзине. Так, участником III съезда (22–23 марта 1942 г.) был В.Н. Жернаков, который выступил с докладом «Ковровое производство в Маньжоу-Го», а в работе IV съезда (13–14 марта 1943 г.) приняли участие В.Н. Жернаков и В.В. Поносов, выступившие с докладами «Ганьяо как центр гончарного производства Маньжоу-Го» и «Доисторическая культура у среднего течения р. Сунгари».

Еще одной форме интеллектуальной деятельности Русского Харбина посвятила свое исследование А.А. Забияко, сосредоточившись на литературном творчестве дальневосточной эмиграции. Долгое время считалось, что эта ветвь литературы русского зарубежья сильно уступает европейскому древу эмигрантской словесности, нося вторичный, провинциальный, маргинальный характер. Однако углубленные исследования последних лет, в том числе и автора данного раздела монографии, заставили изменить это малообоснованное представление, и рассматриваемый текст еще раз подтвер-

дил объективность нового подхода к творчеству харбинских писателей.

Впрочем, А.А. Забияко в данном случае интересуют не столько собственно художественные аспекты эмигрантской литературы Харбина, сколько «художественное сознание» ее творцов — писателей, поэтов, литераторов, отразивших в своем творчестве реалии (если воспользоваться концептуальной дефиницией авторов) жизнестроительства на дальневосточном фронтире. Проблема анализируется автором в нескольких взаимосвязанных очерках, и уже в первом — «Русский город в сердце Маньчжурии: художественный образ Харбина» А.А. Забияко демонстрирует доскональное знание литературного материала, понимание исторического контекста эпохи, тонкое проникновение в личностно-психологический универсум художников слова. Этот исследовательский инструментарий позволил А.А. Забияко поставить и другие важные проблемы. Так, автор анализирует отраженную в эмигрантских текстах «фронтирную ментальность», слагаемые которой, по мнению А.А. Забияко, включают актуализированную в условиях иноэтничного и инокультурного окружения проблему «русскости» (А. Паркау, М. Колосова, А. Несмелов, Л. Ешин), а также китайские рецепты русского литературного сознания и его попытки «художественного проникновения в этнокультурные традиции этой восточной страны» (С. 188), в ряде случаев весьма успешные (В. Перелешин, А. Ачаир).

Особенно интересными мне показались разрабатываемые А.А. Забияко модели художественного восприятия дальневосточного фронта. Обусловленные конкретными историческими и этнографическими реалиями региона, последствиями русско-китайского взаимопроникновения и в немалой степени личным опытом художника, эти модели эволюционировали по-разному. В одних случаях литературные тексты прошли путь от научных изысканий к художественной этнографии (В.К. Арсеньев, П.В. Шкуркин, Н.А. Байков); в других — от этнографических повествований к беллетристике (М.В. Щербаков, Б.М. Юльский, А.И. Несмелов). А.А. Забияко не ограничивает этим пределы художественного восприятия фронтирного мира: он дал творческий импульс «мистическому реализму» Альфреда Хейдока, народническим традициям «художественной этнографии» Венедикта Марта.

К сожалению, автор не обратилась к еще одному жанру харбинской литературы — драматургии. Между тем произведений этого

рода было создано немало: таковы, например, пьесы М.А. Талызина «Плотина», Н.П. Веселовского «Поединок», А.Ф. Ларина «К победе», Д.И. Устинова «Заря новой жизни», Н.Н. Петлина «Андантэ кантабилэ», «Эпоха» и др. Все они основаны на местном, харбинском материале, их героями были русские эмигранты, перипетии сюжета отражали как типические коллизии и обстоятельства, так и идеальные схемы эмигрантской жизни, но в любом случае драматургические произведения могут стать важным источником для понимания ментальности и жизненно-строительных стратегий Русского Харбина.

Обосновывая во введении теоретические посылы монографии, А.П. Забияко остановился на «русском опыте диаспоризации» в контексте им же очерченной проблемы «жизнеспособности, витальности, устойчивости этносов» (С. 6). Харбинский опыт убеждает автора в том, что русские могут «при определенных условиях создавать за пределами исторической родины жизнеспособные сообще-

ства» (С. 10). Это утверждение в равной мере сложно как подтвердить, так и опровергнуть — слишком короткое историческое время был отпущено Русскому Харбину. А.П. Забияко очень точно выделил детерминантные черты, придававшие русской общине в Маньчжурии целостность и устойчивость. Это — численность, относительно компактная территория проживания, общность языка и культурных традиций, историческая память, что сохраняло благоприятные перспективы для жизнедеятельности русских в Китае в качестве самостоятельного этнического меньшинства. Однако после завершения Второй мировой войны существование этой части национальной диаспоры было искусственно и жестоко прервано. К счастью, ее материальное и духовное наследие не канули в Лету. Отраднее, что исследовательская книга продолжается, примером чему служит работа, посвященная уникальному историческому феномену Русского Харбина.

© 2016

Ю.Д. Анчабадзе, доктор исторических наук

Сиобара Тосихико. Украина гэ:то. «Нэокон»-но дзёхо соса то ябо: [Украинагейт. Злые умыслы «неоконсерваторов» и их манипуляции с информацией]. Токио: Сякай хёронся, 2014. 246 с. На яп. яз.

События на Украине освещаются в Японии с позиций, четко определенных положением этой страны как одного из ключевых военно-политических союзников США. Официальный Токио осуждает воссоединение Крыма с Россией и расценивает борьбу военных формирований самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик против Киева как действия «пророссийских сепаратистов». Японские СМИ умалчивают о сотнях тысяч беженцев из северо-восточных регионов Украины, большинство из которых нашли приют и помощь в России. Телевидение и пресса Японии не сообщают о варварских обстрелах украинскими войсками жилья, школ, больниц, объектов социальной инфраструктуры Донбасса, жертвами которых стали около семи тысяч мирных жителей. Книга экономиста и политолога, доктора философии Т. Сиобара идет вразрез с распространенными в японской публицистике подходами.

Во «Введении» автор отмечает, что кризис на Украине стал темой публикаций

японских СМИ начиная с февраля 2014 г. Освещались обострение вооруженной борьбы в Киеве, тайное исчезновение из столицы президента В. Януковича и образование временного правительства Украины. Наконец, поступила информация о присоединении к территории России полуострова Крым. Именно последнее оказалось в фокусе японской прессы. Россию подвергали критике за нарушение сложившегося после Второй мировой войны порядка в Европе. В то же время японские журналисты почти ничего не сообщали о причинах и обстоятельствах произошедшего на Украине вооруженного мятежа. «Но такой половинчатый подход к освещению событий приводит к неверному пониманию сути украинского кризиса, — подчеркивает Т. Сиобара. — В результате выпускаются из виду прирожденный империалистический характер США, подстрекавших к вооруженным выступлениям правых сил Украины против законного правительства, и империализм государств Евросоюза, смотревших сквозь пальцы на эти спровоцированные Вашингтоном и его

европейскими союзниками беспорядки» (С. i). Ученый дает определение нового империализма: «В данном случае под империализмом подразумевается такое явление, когда экономика, основанная на товарообмене, занимает господствующее положение в каком-то суверенном государстве, и это государство с целью усилить преимущества рыночной экономики и тем самым получить дополнительную прибыль, стремится поставить в подчиненное положение другие суверенные государства» (С. i). Т. Сиобара подчеркивает: «В отличие от прежнего образа действий империалистов, в основе которого были завоевание и грабеж, в последние годы они стремятся расширить свое господство под лозунгом "мировой демократизации", и в силу этого бывает трудно правильно понять ситуацию» (С. i).

Автор констатирует, что на Украине произошел вооруженный переворот. С целью оправдать это беззаконие, «Вашингтон пост», «Нью-Йорк таймс» и другие гиганты западных СМИ подняли проблему коррупции режима Януковича. Но это не могло служить оправданием для действий вооруженных антиправительственных группировок. Так и не найдя убедительных аргументов в их защиту, магнаты прессы поддержали антиправительственных боевиков. «Опасаясь нападений на российских жителей со стороны украинских вооруженных формирований, правительство России присоединило к РФ Крым, где проживает много русских. Под предлогом того, что действия России нарушают сложившийся после Второй мировой войны порядок в Европе, западные медиамагнаты поддержали сформированный с участием вооруженных группировок временный режим в Киеве и усилили критику России. Тем самым США стремились затушевать свою империалистическую уловку и скрыть империализм послушно следовавшего за ними Евросоюза», — считает Т. Сиобара (С. ii).

Ученый указывает, что вынесенное в название книги слово «украинагейт» отражает суть кризиса на Украине как политического скандала, вызванного действиями президента Б. Обамы. «В связи с уотергейтским инцидентом 1972 г., который привел к импичменту и отставке президента Р. Никсона, газета «Вашингтон пост» играла самую активную роль в разоблачении махинаций республиканской партии, но на этот раз та же газета замалчивала неблагоприятные действия американской администрации по организации и поддержке переворота в Киеве», — констатирует ученый (С. ii).

В первой главе Т. Сиобара показывает,

что кризис на Украине был вызван действиями «неоконсерваторов» в администрации США. По мнению автора, ключевую роль в событиях на Украине весной 2014 г. (в частности, поддержка мятежников, прямое вмешательство в формирование правительства, пришедшего к власти в результате государственного переворота) сыграли такие типичные представители неоконсерваторов, как помощник заместителя госсекретаря США Виктория Нуланд и посол США на Украине Джеффри Пайетт. Они добивались отдаления Украины от России. Объявив В. Януковича «марионеткой» В. Путина, В. Нуланд и Дж. Пайетт полагали, что устранение В. Януковича с политической арены Украины будет болезненным ударом для президента России. Неоконсерваторы с особым рвением напали на В. Путина после того, как Россия осенью 2013 г. нарушила их планы развернуть прямую агрессию против Сирии. Их ненависть к российскому лидеру усилилась из-за того, что РФ в августе 2013 г. предоставила политическое убежище разоблачителю правонарушений американских спецслужб Эдварду Сноудену.

Автор шаг за шагом анализирует трагедию государственного переворота в Киеве. Он отмечает, что «проведенное Россией с поразительной быстротой присоединение Крыма означало самый серьезный провал неоконсерваторов... Можно предположить, что ввиду опасений возможных насилий националистов в отношении российских жителей и учитывая наличие в Крыму российских военных баз, Москва заранее подготовила план возвращения себе полуострова с применением силы» (С. 27).

Касаясь проблем, которые возникли для России в связи с хозяйничаньем США на Украине, ученый приводит такую параллель: «Чтобы понять степень беспокойства Путина, достаточно мысленно поставить себя на место Америки и вообразить ситуацию, что Китай пришел в Мексику и ведет работу по превращению этого государства в собственного сателлита» (С. 35).

Во второй главе автор освещает подстрекательство Вашингтоном националистических элементов на Украине и использование их в качестве ударной силы в ходе государственного переворота в феврале 2014 г. Т. Сиобара дает подробные исторические справки об организациях ультрарадикальных («Правый сектор»), радикальных (партия «Свобода») и умеренных («Батькивщина») националистов Украины. Подробно проанализированы лозунги и программные установки националистов всех оттенков, показана их деструктивная роль в

драматических событиях на Украине с ноября 2013 до мая 2014 г.

В третьей главе показаны развернутые неоконсерваторами враждебные действия против России в военной сфере и в области энергетики. Автор отслеживает расширение НАТО на Восток за счет присоединения к блоку государств Центральной Европы и Прибалтики. Т. Сиобара выдвигает предположение, что «администрация США, сформировав на Украине проамериканский режим, стремилась обеспечить свою выгоду за счет сплочения всех стран Европы на защиту американских интересов... Вероятно, США стремились привязать к себе европейские страны, сделав их импортерами американского сланцевого газа, добывались согласия по поводу формирования Трансатлантического партнерства и настаивали на масштабном увеличении государствами Евросоюза оборонных бюджетов» (С. 103).

Четвертая глава посвящена анализу «электронной дипломатии» Запада, показу того, как пресса США и их союзников манипулировали информацией о событиях на Украине. Автор подчеркивает, что в результате масштабного препариования сведений об украинском кризисе в мире сложилось представление о России как о «плохом парне». Между тем, мало кто обращал внимание на беспардонные действия США. Так, американские, европейские и японские СМИ активно освещали участие добровольцев из России в боевых действиях ополченцев самопровозглашенных республик Донбасса в ходе противостояния с Киевом. В то же время полностью замалчивалось активное участие в боях на стороне Киева наемников из США, Польши и стран Прибалтики (С. 156–157). В качестве примеров тенденциозного освещения событий на Украине японской прессой Т. Сиобара приводит заголовки редакционных статей ведущих японских газет: «Асахи». 18.03.2014. «Голосование в Крыму — извращенное национальное самоопределение»; 19.03.2014. «Присоединение Крыма — наилучший выбор России»; «Майнити». 20.02.2014. «Включение Крыма в состав России — поправка международного порядка»; «Йомнурри». 07.03.2014. «Положение в

Крыму. Давление со стороны международного сообщества должно вынудить Россию вывести свои войска» (С. 158–159).

В пятой главе Т. Сиобара рассматривает перспективы дальнейшего развития событий на Украине. Исследователь подчеркивает, что украинскую экономику невозможно спасти без помощи России. В 2013 г. Украина экспортировала в Россию машины, сталь, железнодорожные вагоны на сумму 15,7 млрд долл., что составляло 23,8% общего объема украинского экспорта. Ссылаясь на данные западных исследователей, автор пишет, что «Россия, продавая Украине по сравнительно низким ценам нефть и природный газ и покупая у нее по относительно высоким ценам железнодорожные вагоны и продукцию военного назначения, ежегодно оказывала Киеву финансовую поддержку объемом в 5, а то и в 10 млрд долл. Понятно, что потеря этой помощи сильно осложнит положение в украинской экономике» (С. 177).

Касательно помощи Украине со стороны Международного валютного фонда автор отмечает, что в результате проводимой по согласию с МВФ программы с 1 мая 2014 г. цены на газ для украинских потребителей выросли на 56%. При этом он обращает внимание на то, что директором украинской нефтегазовой компании Burisma Holdings назначен сын вице-президента США Дж. Байдена. «Это значит, что финансовая поддержка Украине со стороны МВФ тесно связана с личной выгодой сына вице-президента США», — констатирует Т. Сиобара (С. 181).

Ученый, считая США главным виновником хаоса на Украине, полагает, что Америка должна прежде всего прекратить вмешательство в дела этой страны. «После того, как на Украине будет преодолен хаос, необходимо для восстановления ее экономики привлечь помощь со стороны европейских государств, включая Россию. И эта поддержка не должна быть увязана с последующим вступлением Украины в Европейский союз и в НАТО. Таковую помощь следовало бы оказывать в среднесрочной и долгосрочной перспективе в согласии с волей украинского народа», — подчеркивает автор (С. 199).

Contents

Note by the Editor

POLITICS

A. Davydov. China, USA and Russia between Cooperation and Competition

A. Vinogradov. PRC — European Countries: the Structure of Multilateral Cooperation

Xie Zhengzhen. Russian—Chinese Relations at Current Stage and Prospects of Their Development

N. Mossaki. Evolution of Chinese Policy toward Iraqi Kurdistan

P. Varyushin, I. Tikhotskaya. A Comparative Study of Political Patterns and Electoral Landscape in Japan and USA

ECONOMY

Li Jingyu, Zhang Chenyao. Strategy of Cooperation between China and Russia on the Northern Route of the Maritime Silk Road

M. Zharikov. Yuan's Contract Exchange Rate in Mutual Trade between Far Eastern Border District of Russia and China

K. Efremova. Regional Cooperation in the Greater Mekong Sub-Region: Patterns of Interaction among Extra-Regional Powers

Z. Dondokov, G. Borisov, V. Namzhilova. Russia — Mongolia — China: Trilateral Cooperation Prospects

STATE AND SOCIETY

A. Tarasov. Russian National Parish Enhe in Barga: Problems of Russian National Identity in Border China

MILITARY BUILD-UP

P. Kamennov. PRC's Military-Industrial Complex at the Present Stage

HISTORY

A. Lomanov. Yin Haiguang and Transformation of Chinese Liberalism in the Middle of the 20th Century

M. Fedeneva. The Concept of "New Revisionism" and the Fight against Soviet Influence in North Korea in the First Half of the 1960s

M. Bordakov. Features of Publicizing Russian-Japanese War of 1904–1905 on Pages in the Far Eastern Press

CULTURE

E. Ikonnikova. Sakhalin and the Kuril Islands in European Literature: an Overview

SCIENTIFIC EVENTS

S. Uyanaev. Trilateral Cooperation of Russia, Mongolia and China: the Start of Scientific Dialogue

A. Lomanov, V. Portyakov. The Sixth Global Forum for Chinese Studies

BOOK REVIEW

G. Toloraya. Smith H. North Korea: Markets and Military Rule.

Yu. Anchabadze. Russian Harbin: the Life-Making Experience in the Far Eastern Frontiers

V. Grinyuk. Shiobara Toshihiko. Malicious Intentions of "Neoconservatives" and their Manipulation of Information

Contents

Summary

Summary

A. Davydov. China, USA and Russia between Cooperation and Competition

The article contains an analysis of the “divergent angles” — the problem points in the relationship between China, Russia and the United States. The prospects for the development of Sino-US-Russian interconnection in transformed global architectonics have been assessed.

Keywords: PRC, US, Russia, cooperation, competition, world order, global architectonics.

A. Vinogradov. PRC — European Countries: the Structure of Multilateral Cooperation

After short period of “cooling down” in the first decade of the XXI century European direction in foreign policy of China is again becoming of paramount importance for Beijing. And “comprehensive” strategic partnership between China and the European Union is only one direction of foreign policy activities of China in Europe. The article attempts to summarize the various forms of cooperation between Beijing and European countries.

Keywords: China, European Union, foreign policy, geo-economics, the Silk road.

Xie Zhengzhen. Russian—Chinese Relations at Current Stage and Prospects of Their Development

The author examines the development of Russian-Chinese relations at present stage in political, economic and humanitarian spheres and in the international arena. Because of the convergence of Russian and Chinese positions on the main international issues and the deterioration of Sino-US relations the question of establishing Sino-Russian alliance is attracting greater attention. However, the author believes that the possibility of forming such an alliance is extremely little.

Keywords: Russia, China, the Russian-Chinese relations, Russian-Chinese alliance.

N. Mossaki. Evolution of Chinese Policy toward Iraqi Kurdistan

The article analyzes the dynamics of China’s relations with the Kurdistan Region of Iraq, the increased political role of which makes it an influential regional factor. Reduced dependence of China’s policy in Iraqi (South) Kurdistan on Sino-Iraqi relations, as well as the impact of “energy and economic context” on it are noted.

Keywords: China, Middle East, Iraq, Iraqi (South) Kurdistan, Consulate General of the PRC in Erbil.

P. Varyushin, I. Tikhotskaya. A Comparative Study of Political Patterns and Electoral Landscape in Japan and USA

The article presents a comparative study of the political and electoral landscape model of Japan and the United States. Currently, Japan’s political system is undergoing a process of modernization. Comparing Japan with the United States, the authors conclude about the similarities in the development of the electoral landscape of both countries and the feasibility of borrowing American experience in Japan.

Keywords: electoral geography, political model, the electoral landscape, spatial organization of electoral support, USA, Japan

Li Jingyu, Zhang Chenyao. Strategy of Cooperation between China and Russia on the Northern Route of the Maritime Silk Road

In February 2014 Chinese President Xi Jinping during the talks with V. Putin in Sochi supported the cooperation between China and Russia in formation of the New Silk Road. The world media focused on the land and the sea (through the South China Sea, the Indian Ocean, the Suez Canal) versions. A lot of interest in China attracts also "short" sea route along the Arctic Ocean. The article contains ideas of Chinese scientists in this regard.

Keywords: New Silk Road, strategic partnership between China and Russia, the NSR (Northern Sea Route), the Arctic countries, global coastal urbanization.

M. Zharikov. Yuan's Contract Exchange Rate in Mutual Trade between Far Eastern Border District of Russia and China

The author starts from the hypothesis that the mutual trade in national currencies at the contractual exchange rate can play a positive role in the economic development of the Far Eastern regions of Russia. The article contains estimates of contract rates of renminbi used by Russian importers of Chinese products.

Keywords: contract rate of Chinese yuan against Russian ruble, the effectiveness of direct barter, swap, spot.

K. Efremova. Regional Cooperation in the Greater Mekong Sub-Region: Patterns of Interaction among Extra-Regional Powers

The article considered the main stages and results of the evolution of international cooperation in the Mekong river basin, marked priority areas for further development and the associated risks (environmental, socio-economic, humanitarian, political and military), analyzed the communication strategies of extra-regional powers (conflicting and cooperative) and offered recommendations for enhancing the Russian participation in regional integration processes in the Greater Mekong area, taking into account national interests of the States in the region.

Keywords: Greater Mekong ASEAN, ESCAP, "growth triangles".

Z. Dondokov, G. Borisov, V. Namzhilova. Russia — Mongolia — China: Trilateral Cooperation Prospects

The article analyzes the results of the meetings between the leaders of three countries held in Dushanbe in September 2014 and in Ufa in July 2015. The common challenges in the light of development of new international routes in line with China initiative of "economic belt of the Silk Road" are considered. The possibility of mating strategies of three countries through the establishment of an economic corridor Russia — Mongolia — China is revealed. The basic directions of joint cooperation are marked.

Keywords: Russia, Mongolia, China, trilateral cooperation, the economic belt of the Silk Road, the economic corridor, transport infrastructure, energy projects, cross-border tourism.

A. Tarasov. Russian National Parish Enhe in Barga: Problems of Russian National Identity in Border China

The emergence in China of Russian national Enhe parish raised the question of factors determining the identity of Russians in Chinese border area. The author attempts to highlight the history of the formation of this national group, to identify the key characteristics of group identification and self-identification of Russians in China, to show how in a group localization the Russian roots manifest themselves in daily life, language, culture, religion. The article analyzes in detail the impact of the national and cultural policy of the PRC on the situation with Chinese citizens of Russian nationality in the places of their residence. The study is based on the original materials of the township government of Enhe and the Society for Research of Russian nationality in the Inner Mongolia Autonomous Region.

Keywords: Russian national parish Enhe, identity, ethnicity, socio-historical mechanism, Russian-Chinese mestizo, the cultural revolution, the national policy of China.

P. Kamennov. PRC's Military-Industrial Complex at the Present Stage

The article analyzes the problems of military-industrial complex (MIC) of the PRC. It considers the activities of innovation in this area and the integration of military and civilian resources with the aim to achieve world standards of quality in PRC's military equipment.

Keywords: military-industrial corporations, modernization, licensing, information technologies, defense industry issues.

A. Lomanov. Yin Haiguang and Transformation of Chinese Liberalism in the Middle of the 20th Century

The article deals with forming-up and developing of the views of Yin Haiguan, who had a significant influence on the formation of ideology of the democratic movement in Taiwan in 1950–1960s. It describes the evolution of scientific and political views of the thinker from his commitment to the ideals of the “May 4th Movement” to rethinking them and finding the ways for using the moral teachings of ancient China in modern democratic society.

Keywords: “May 4th Movement”, Hu Shi, Taiwan, democracy, the Chinese culture.

M. Fedeneva. The Concept of “New Revisionism” and the Fight against Soviet Influence in North Korea in the First Half of the 1960s

On the basis of archival materials and other data the author disclosed the concept of “new revisionism” regarding the North Korean reality in the early 1960s, the place and role of this phenomenon in the Soviet–North Korean relations. The article describes the forms of struggle against the “new revisionism” in the DPRK and its implications for both sides.

Keywords: new revisionism, modern revisionism, the DPRK, the Soviet Union, Soviet–North Korean relations.

M. Bordakov. Features of Publicizing Russian-Japanese War of 1904–1905 in the Far Eastern Press

The author reveals the peculiarities of publicizing the Russian-Japanese war of 1904–1905 in newspapers and magazines that appeared in the rear of an international conflict in which Russia played a key role. He points out that the population of the eastern regions of the empire did not treat the Japanese aggression as “yellow peril”, and often journalists and the public responded respectfully about the eastern neighbors and in a more restrained tones than the rest of Russia. This is, according to the author, the fundamental difference in the supply of information on Russian-Japanese conflict by Far Eastern newspapers to compare with publications in other Russian provinces.

Keywords: censorship, Russian-Japanese War, the image of Japanese, propaganda, the Far Eastern press.

E. Ikonnikova. Sakhalin and the Kuril Islands in European Literature: an Overview

This article describes the works of sailors, travelers, journalists and writers from Europe about Sakhalin and the Kuril Islands for the period of XVII — XX centuries, which focused on geopolitical situation in the region, the life of indigenous peoples and the perception of Sakhalin by A. Chekhov.

Keywords: Sakhalin, the Kuril Islands, penal servitude, Ainu, A. Chekhov, journalism, fiction.

Железняк Оксана Николаевна
20.02.1971 — 07.01.2016

7 января 2016 года после тяжелой и продолжительной болезни скончалась востоковед-японист, специалист по проблемам культуры и образования Японии, ведущий научный сотрудник Центра японских исследований ИДВ РАН, кандидат философских наук Оксана Николаевна Железняк.

В 1993 г. Оксана Николаевна успешно окончила философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, поступила в аспирантуру того же факультета и в 1998 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Эстетическое воспитание в Японии». «Страна восходящего солнца» так увлекла Оксану Николаевну, что она в 1999 г. окончила спецфакультет Института стран Азии и Африки при МГУ по профилю «японский язык».

На работу в Центр японских исследований ИДВ РАН Оксана Николаевна пришла в 1999 г. и сразу проявила себя как пылкий, ищущий, инициативный ученый. Эти качества базировались на высокой самоорганизации, требовательности к себе, добрых и дружеских взаимоотношениях с коллегами.

Основными направлениями научных исследований О.Н. Железняк стали сложные проблемы развития современного японского общества: национальная самоидентификация японской нации в условиях глобализации, культура Японии, система ценностей японского общества, образовательная система этой страны. В 2001–2005 гг. молодой ученый неоднократно выезжала в краткосрочные командировки в научные центры и университеты Японии. Особенно плодотворной в творческом плане стала долгосрочная стажировка Оксаны Николаевны в одном из известных японских университетов «Аояма гакуин» (Токио), после которой она порадовала коллег и широкий круг читателей серией статей по культуре и образованию в современной Японии.

О.Н. Железняк была постоянным и активным автором серии японоведческих изданий («Актуальные проблемы современной Японии», «Япония наших дней», «Япония сегодня», «Япония. Ежегодник»), одного из ведущих отечественных востоковедческих журналов «Проблемы Дальнего Востока», а также известного специализированного издания «Педагогический вестник». Оксана Николаевна уделяла много внимания популяризации работ японских авторов по культуре, переводя их на русский язык и публикуя в России. Ее монография «Япония. Праздники и будни день за днем» получила позитивные отклики в научной и читательской среде за простоту изложения, новизну фактологического материала, свежесть и неординарность оценок. Оксана Николаевна готовила второе, обновленное и дополненное издание своей книги, которое обещало быть серьезным вкладом в отечественное японоведение. Болезнь помешала это сделать.

Оксана Николаевна была добрым, чутким человеком, замечательным товарищем, ценным сотрудником, хорошей дочерью.

Выражаем искренние соболезнования родным и близким покойной в связи с тяжелой утратой.

Японская пословица гласит: «Человек умирает, но имя его остается».

Память об Оксане Николаевне Железняк будет храниться в наших сердцах.

*Руководство и сотрудники Института Дальнего Востока РАН,
редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
<http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с требованиями Министерства образования и науки РФ все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

В соответствии с требованиями ФГУП «Академиздатцентр «Наука» авторы должны вместе с текстом статьи присылать в редакцию заполненный бланк «Договора о передаче исключительных прав на научную статью». Бланк договора можно найти на сайте ФГУП «Академиздатцентр «Наука»: <http://www.naukaran.ru>.

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124-02-15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935-01-01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

Подписано к печати 27.01.2016 г. Дата выхода в свет 20 четв. Формат 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 6,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 415 экз. Зак. 922. Цена свободная.

Издатель: ФГУП «Академиздатцентр «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2016 г. Дмитрий Сляпинский
Отпечатано в ФГУП «Академиздатцентр «Наука» (Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Общие требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция принимает к рассмотрению только не опубликованные ранее рукописи: статьи, переводы, документальные источники, обзоры, рецензии и др.

Материалы должны соответствовать тематике журнала (вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики Китая, Японии, государств Корейского полуострова, других стран АТР, а также российского Дальнего Востока); отражать собственный вклад автора в разработку научной проблемы; обладать актуальностью и научной новизной; соответствовать принятым в журнале техническим требованиям по оформлению рукописей.

Требования к оформлению материалов

1. Рукописи принимаются в электронном виде в формате doc (Word 1997–2003).
2. Объем статьи – не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов).
3. Статья должна сопровождаться аннотацией на русском и английском языках с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).
4. Статья должна иметь список ключевых слов (не более восьми) на русском и английском языках.
5. К статье должны быть приложены сведения об авторе с указанием ФИО, ученой степени, месте работы, должности и контактных данных, включая номер телефона и/или адрес электронной почты.
6. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.
7. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.
8. Японские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Поливанова.
9. Сноски даются в конце статьи.

Оформление сносок

Книги:

- а) На русск. яз.
Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...
- б) На кит. яз.
Автор. Транслитерация китайского названия книги : [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: издательство, год издания. С. ...
- в) На англ. яз.
Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи:

- а) Из печатных изданий
Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...
- б) Из Интернета
Автор статьи. Название статьи. URL: Полный электронный адрес.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.